ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Н.М.КУЛАКОВ

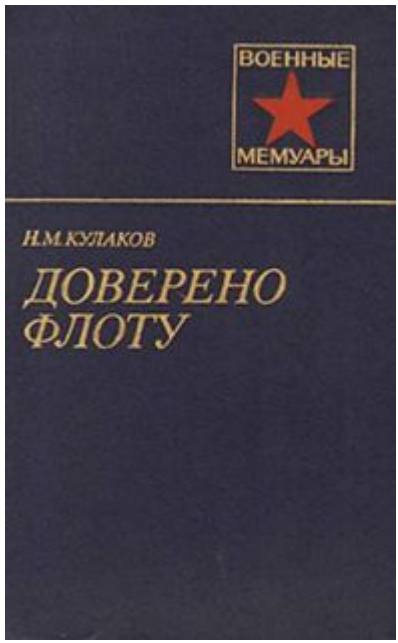
ДОВЕРЕНО ФЛОТУ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор в годы Великой Отечественной войны был членом Военного совета Черноморского флота. Незадолго до кончины он передал воспоминания Военному издательству. В центре повествования — героическая оборона Одессы и Севастополя, поддержка флотом приморского фланга Сухопутных войск. В книге обобщается опыт партийно-политической работы. Тепло рассказывается о людях — моряках, пехотинцах, авиаторах, о встречах с видными военачальниками.

•



ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Кулаков, Николай Михайлович
Доверено флоту

Воениздат
Москва. 1985

Глава первая.

Накануне войны

Курьерский поезд Мурманск - Ленинград («Полярная стрела») подошел к перрону Московского вокзала. Встретивший меня капитан 2 ранга передал, что старший морской начальник в Ленинграде, флагман 2 ранга К. И. Самойлов просит прибыть к нему для срочного телефонного разговора с Москвой.

Кому и зачем я понадобился? Что могло случиться?…

Истекал апрель 1940 года. Полтора месяца назад закончилась непродолжительная советско-финляндская война. Военный совет Северного флота, членом которого я был, подведя итоги боевых действий в Заполярье, в целом успешных для нас, поднял перед Наркоматом ВМФ вопрос о том, чтобы ускорить пополнение нашего молодого флота новыми боевыми кораблями.

Соответствующее решение было принято, и группа кораблей готовилась в Ленинграде к переходу на Север по Беломорско-

Балтийскому каналу. Начальник политуправления РККФ армейский комиссар 2 ранга И. В. Рогов поручил мне принять участие в комплектовании экипажей этих кораблей и организации их перехода, намечавшегося на вторую половину лета. Поскольку работать в Ленинграде предполагалось месяца три, я приехал с семьей.

С К. И. Самойловым встретились как старые знакомые: мы вместе служили на балтийской бригаде линкоров.

- Вот аппарат ВЧ, - сказал он. - В политуправлении ждут вашего звонка. Насколько я понял, вам предстоит сегодня же выехать в Москву. Билеты заказаны и на «Красную стрелу», и на самолет - выбирайте любой вариант.

Телефонный разговор с начальником оргинструкторского отдела политуправления дивизионным комиссаром В. А. Лебедевым подтвердил, что ехать в Москву надо немедленно. Лебедев, тоже мой сослуживец по Балтике, предупредил, что из Москвы я должен буду отправиться в Севастополь.

- И кажется, надолго, - многозначительно добавил он. А семью посоветовал оставить пока в Ленинграде. [4]

На следующее утро, 29 апреля, я был в Наркомате Военно-Морского Флота. Мне сообщили, что в Политбюро ЦК ВКП(б) рассматривалось положение дел на Черноморском флоте. (Это, как стало особенно ясно впоследствии, относилось к широкой системе мер по проверке и укреплению всех звеньев нашей обороны, осуществлявшихся партией в условиях нараставшей угрозы большой войны.) Не так давно на этот флот был назначен новый командующий - флагман 1 ранга Ф. С. Октябрьский, и теперь для обеспечения должной поддержки ему принимались дальнейшие меры по укреплению руководства флотом. Как выяснилось, ЦК ВКП(б) утвердил меня членом Военного совета Черноморского флота.

Начальник Политуправления РККФ И. В. Рогов, которого Центральный Комитет партии обязал лично контролировать выполнение принятых решений, находился в Севастополе. В тот же день выехал туда и я.

Говорят, что, когда едешь служить на новое место, первую половину пути думается о том, с чем расстался, а вторую - о том, что ждет впереди. Возможно, так оно у кого-то и бывает, но мне трудно было сосредоточиться на чем-то одном. В голове теснилось много разных мыслей, охватывали противоречивые чувства. Служба на Черноморском флоте, на теплом южном море всегда считалась заманчивой. Но расставаться с Севером, к которому начал привыкать, было все-таки грустно. Тем более - так внезапно, даже не попрощавшись с товарищами.

На Северный флот меня назначили летом 1939 года одним из членов Военного совета. Этот флот, лишь недавно созданный, быстро развивался. Оборудовались базы для кораблей, аэродромы для морской авиации, устанавливались береговые батареи. В условиях необжитого еще Заполярья, в суровом климате и при нехватке рабочих рук все это было сопряжено с немалыми трудностями. Но за строительством флота пристально следил Центральный Комитет партии, и нам помогали всем, чем только было можно. Не раз бывало, что, например, секретарь Архангельского обкома Г. П. Огородников получал телеграмму за подписью И. В. Сталина, требовавшую направить к нам в Полярный столько-то рабочих-специалистов, необходимых для строительства того или иного флотского объекта. Очень много внимания уделял североморцам член Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов, являвшийся членом образованного в 1938 году Главного Военного совета ВМФ. [5]

Командовал Северным флотом флагман 1 ранга Валентин Петрович Дрозд. Познакомились мы с ним еще на Балтике, а в Заполярье крепко подружились. Человек волевой и решительный, истинный моряк, он самозабвенно отдавал службе все свои силы. И если требовалось, смело, не боясь отступить в чем-то от ведомственной субординации, ставил насущные для нашего флота вопросы перед Центральным Комитетом партии и правительством.

С теплым чувством вспоминал я и своего старшего товарища - другого члена Военного совета флота дивизионного комиссара Николая Константиновича Смирнова - очень энергичною, высокоэрудированного политработника, и начальника штаба флота капитана 1 ранга Ивана Федоровича Голубева-Монаткина - обаятельного старого моряка, великого труженика.

Службе в Заполярье я был обязан знакомством с командармом 2 ранга Кириллом Афанасьевичем Мерецковым, впоследствии Маршалом Советского Союза. Он командовал войсками Ленинградского военного округа, на территории которого были районы базирования Северного флота, что обусловливало тесный контакт в работе командования и штабов округа и флота.

Первый раз встретиться с К. А. Мерецковым мне довелось, когда он в сопровождении группы военных инженеров производил рекогносцировку побережья, высказав при этом ряд предложений об усилении нашей береговой обороны. Для перехода на полуостров Рыбачий командующему войсками округа был предоставлен сторожевой корабль, на котором пошли туда и мы с командующим флотом. В Мотовском заливе сторожевик

встал на якорь, и армейские товарищи приготовились высаживаться на дикий, пустынный берег.

- А как моряки? - спросил Мерецков, обращаясь к командующему флотом и ко мне. - Останутся на корабле или пойдут с пехотой?

Мы с Валентином Петровичем с сомнением посмотрели на свои начищенные флотские ботинки, однако отставать от армейцев не захотели. На берегу с интересом и пользой наблюдали, как Мерецков и сопровождавшие его инженеры (их группу возглавлял известный впоследствии фортификатор А. Ф. Хренов, который тогда был еще в звании полковника) определяли места будущих укреплений, как намечались в полярной тундре и среди скал, с учетом особенностей местности, оборонительные рубежи. Но тундра есть тундра, и для хождения по ней наше морское обмундирование явно не годилось. Часа через четыре мы настолько промокли и продрогли, [6] что перестали сопротивляться настойчивым советам Мерецкова возвратиться на корабль.

Армейцы вернулись на борт сторожевика лишь к ночи и теперь не меньше, чем мы, радовались корабельному теплу, возможности принять душ, переодеться. А после ужина в кают-компании еще долго шел оживленный разговор о нашей общей работе по укреплению обороны заполярных границ страны.

В дальнейшем нам неоднократно приходилось прибегать к содействию командующего войсками округа в решении важных для флота вопросов, и К. А. Мерецков всегда относился доброжелательно, подходил к делу по-государственному, с большой дальновидностью.

Когда началась война с Финляндией, основными задачами Северного флота стали поддержка и обеспечение боевых действий 14-й армии на приморском фланге фронта, командовал армией комдив В. А. Фролов, ставший впоследствии генерал-полковником. После того как наши армейцы заняли Петсамо (теперь, как и в старое время, - Печенга), отряд моряков был послан для овладения портом Лиинахамари в Петсамском заливе, организации его обороны и приема там транспортов. С этим отрядом в качестве представителя командования флота отправился туда и я.

Через сутки, хотя в порту еще горели подожженные отошедшим противником угольные склады, мы приняли у разминированных причалов первые транспорты с маршевым пополнением, боеприпасами и продовольствием. Круглосуточная полярная ночь усугубляла трудности, связанные с освоением поврежденных сооружений незнакомого порта, но снабжение

войск морским путем было налажено. Очень много сделал для этого прекрасный организатор и большой знаток портового хозяйства интендант 1 ранга Ю. С. Сидерброк.

Грузы для фронта подавались из тыла через все большее число наших портов. Объем перевозок, за которые отвечал флот, возрастал, и Военный совет поручил мне ведать их организацией на Белом море. Потребовалось централизовать работу, к которой привлекались и пароходство, и рыболовецкие суда, и Севморпуть. Сперва не все шло гладко - давали себя знать ведомственные барьеры, кое-кто не сумел быстро перестроиться на военный лад. Дело пошло лучше, когда действия ледоколов стал лично координировать известный полярник, начальник Главсевморпути И. Д. Папанин. Он смело принимал решения, умел воодушевлять людей. А каким душевным человеком оказался Иван Дмитриевич, каким интересным собеседником! [7]

С задачами, возлагавшимися на наш флот, североморцы справились. Но допускалось и немало ошибок, из которых следовало делать выводы на будущее. Мы не имели тогда опыта конвоирования транспортов, организации их прикрытия с моря и с воздуха. И стала еще более очевидной безотлагательная необходимость усиления весьма малочисленного тогда Северного флота.

Я настроился принять участие в этой работе, окунуться в нее с головой. Уезжал из Заполярья, надеясь скоро вернуться туда с новыми боевыми кораблями. Получилось, однако, иначе. И надо было думать уже о другом флоте, настраиваться на другие задачи.

* * *

Впервые я увидел Севастополь летом 1928 года, когда довелось провести отпуск в Балаклаве. Восхищался историческими памятниками, нарядным Приморским бульваром, огромными, врезавшимися далеко в берег бухтами, где стояли корабли Черноморского флота и шла незнакомая мне, в чем-то даже таинственная жизнь военных моряков.

Весь город, какой-то особенный, не похожий на другие, оставил неизгладимое впечатление. В ту пору я, двадцатилетний рабочий Киевского паровозоремонтного завода, не смел и мечтать, что когда-нибудь буду служить на флоте, да еще в Севастополе, знаменитом городе, о героях которого столько читал еще в детстве.

А весной 1932 года - в то время я работал уже в Ленинграде,

в Октябрьском райкоме партии - меня мобилизовали в кадры Красной Армии и направили в Военно-политическую академию. На мандатной комиссии, когда спросили, в каком роде войск хотел бы служить после учебы, ответил: «На флоте!»

Киевская комсомольская организация шефствовала над одним из подразделений Черноморского флота - дивизионом сторожевых и торпедных катеров. Приезжая к нам, черноморцы увлекательно рассказывали о кораблях, походах, учениях, и, наверное, с этого и началась у меня любовь к флоту. А партийная работа в Ленинграде, в Октябрьском райкоме, помогла близко познакомиться с моряками-балтийцами.

Уже будучи слушателем морского факультета Военно-политической академии, я снова попал в Севастополь - мы проходили стажировку на крейсере «Коминтерн». Учебные плавания позволили увидеть также Одессу, Феодосию, Батуми и другие черноморские порты. Однако на то, что назначат [8] на Черное море, слушатели нашего курса не рассчитывали. Нас предупредили, что большинство выпускников пойдет на подводные лодки недавно созданного Тихоокеанского флота.

В те годы Военно-политическая академия находилась в Ленинграде. Мы часто выступали на заводах и фабриках, а руководящие партийные и советские работники города - у нас. На всю жизнь запомнилось, как слушали мы Сергея Мироновича Кирова, когда он 1 ноября 1934 года - ровно за месяц до своей гибели - пришел вместе с заместителем наркома обороны СССР М. Н. Тухачевским на торжественное заседание, посвященное 15-летию академии и награждению ее орденом Ленина.

Наш набор заканчивал учебу в 1936 году. Как и ожидалось, почти всех выпускников морского факультета направляли на Тихий океан. Причем было предложено сразу же брать с собой на Дальний Восток семьи. Когда я доложил, что моя семья сможет приехать только через год - по окончании женой медицинского института, представитель управления кадров ответил:

- Ну раз так, назначим пока военкомом подлодки на Балтику, а через год поедете на Тихоокеанский флот вместе с женой-врачом.

Но судьба сложилась по-иному. Я действительно прослужил около года комиссаром на балтийских подводных лодках: сперва - на «Щ-318», затем - на «С-1», лодке нового типа, только что вступившей в строй. А потом был назначен военкомом линкора «Марат» - флагманского корабля Краснознаменного Балтийского флота. Практическая школа, пройденная на нем в течение двух лет, очень много дала для всей моей дальнейшей службы.

С Балтики, как уже было сказано, меня перевели на Северный

флот. И вот теперь - на Черноморский…

Поезд пришел в Севастополь утром 1 мая. Несколько дней назад, в Полярном, я шел к причалу на катер по дорожке, представлявшей собой коридор между снежных стен выше человеческого роста. А здесь, в Крыму, все было в цвету, люди выходили на первомайскую демонстрацию, одетые по-летнему нарядно.

Увидел приготовившиеся к параду флотские части - и охватило глубокое волнение. Ведь завтра мне с этими бойцами и командирами работать. Как-то встретят?… Сумею ли оправдать оказанное доверие, приспособиться к незнакомым еще масштабам - флот на Черном море большой… Растревоженный такими мыслями, я сказал встретившему меня [9] военкому штаба флота А. С. Шохину, однокашнику по академии, что должен отдохнуть с дороги и присутствовать на параде не буду: захотелось побыть еще немного одному.

Со смешанным чувством нетерпения и некоторой настороженности ждал встречи с И. В. Роговым.

Это был руководитель умный, требовательный, в меру строгий, уже хорошо известный военным морякам, хотя служил на флоте еще недолго.

Участник гражданской войны, коммунист с 1918 года, старый армейский политработник, Иван Васильевич Рогов не так давно находился на посту военкома Генерального штаба РККА, а затем - члена Военного совета Белорусского военного округа. На XVIII партийном съезде он был избран членом Центрального Комитета ВКП(б) и тогда же, в марте 1939 года, назначен начальником политуправления РККФ и заместителем наркома. И. В. Рогов пришел на флот в очень ответственное время, когда у страны появились возможности существенно укрепить свою морскую мощь и надо было мобилизовать всю массу военных моряков - а ряды их стали быстро расти - на достижение высокой боевой готовности. Думается, он был - и по личным качествам, и по жизненному и партийному опыту - именно таким человеком, какой требовался, чтобы руководить в этих условиях политической работой.

Пробыв тогда в Москве не больше, чем требовалось, чтобы принять дела, Рогов начал работу на новом посту со знакомства с флотами. Прежде всего он выехал на Балтику и, посетив ряд кораблей и частей, провел целый день у нас на «Марате». Там мы и познакомились.

На линкоре Иван Васильевич пытливо вникал в организацию боевой учебы и политической работы, осмотрел одну из орудийных башен и погреба главного калибра, машинное и

котельное отделения, центральный пост и главный командный пункт, краснофлотские кубрики, долго беседовал с личным составом. Запомнилось, в какой категорической форме потребовал начальник политуправления от командиров и политработников большего внимания к быту моряков, в частности к их питанию.

Обстоятельно беседовал И. В. Рогов с секретарями парторганизаций корабельных подразделений. А закончил день, проведенный на линкоре, длительным разговором со мной - комиссаром корабля. В своих указаниях Рогов делал упор на значение дружной, слаженной работы командного и политического состава, подчеркивал необходимость всемерно поддерживать волевых, требовательных командиров. [10]

За год, прошедший с тех пор, я встречался с начальником ПУ РККФ еще не раз, но первая встреча на «Марате» осталась самой памятной. Наверное, потому, что тогда передо мной в какой-то степени раскрылся стиль работы Рогова, содержавший немало поучительного. Да также и потому, что та встреча, как я понял впоследствии, сыграла определенную роль в моей дальнейшей флотской судьбе.

В Севастополе после парада и демонстрации И. В. Рогов приехал в гостиницу, где я его встретил и доложил о своем прибытии. Прежде чем говорить о моих практических задачах, Иван Васильевич упомянул об обстоятельствах, вызвавших столь спешное мое назначение. Как я и предполагал, именно Рогов назвал мою фамилию, когда в ЦК решался вопрос о том, кого из старших политработников послать на Черное море.

Поскольку разговор шел откровенный, я спросил Ивана Васильевича, как он решился на такое выдвижение, зная меня всего год. Рогов ответил, что в данном случае он опирался на мнение обо мне ленинградской партийной организации, и в частности секретаря горкома А. А. Кузнецова, по инициативе которого я в свое время был послан с большим повышением на Север.

Сразу встал перед глазами Алексей Александрович Кузнецов… Мы познакомились в конце 1938 года, когда «Марат» встал на ремонт и частичную модернизацию. Были установлены весьма жесткие сроки выполнения запланированных работ, зависевших от нескольких заводов. Нам часто приходилось обращаться за помощью в городской комитет партии, и А. А. Кузнецов вникал в корабельные дела и нужды с глубокой заинтересованностью. Все, что требовалось сделать на линкоре, было сделано в срок.

Вспомнилась и встреча на партийном активе моряков

Ленинградского гарнизона - вскоре после XVIII партсъезда. В перерыве кто-то из представителей военно-морских учебных заведений стал просить секретаря горкома сделать доклад об итогах съезда на партийном собрании в училище.

- Вы и сами справитесь, - ответил на это Алексей Александрович. - Вот от выступления на корабле отказаться бы не смог…

Я стоял рядом и не упустил случая попросить Кузнецова выступить перед коммунистами «Марата». Собрание с его докладом - ярким, надолго запомнившимся - состоялось на линкоре через несколько дней. А после собрания - товарищеская беседа в кают-компании, затянувшаяся далеко за полночь. Много интересного услышали мы тогда о делах и [11] планах Ленинградской партийной организации, о перспективах развития города.

Хочется, выйдя тут за рамки описываемого времени, сказать, что А. А. Кузнецов был тесно связан с флотом до конца своих дней. В течение всей Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы он входил в состав Военного совета Краснознаменного Балтийского флота. Постоянно интересовался Алексей Александрович делами военных моряков, горячо откликался на их нужды и будучи секретарем Центрального Комитета партии.

* * *

Командующий флотом флагман 1 ранга Филипп Сергеевич Октябрьский встретил приветливо. Но в пронзительном взгляде его острых, очень живых глаз угадывался вопрос! «Кого-то ко мне прислали? Как-то будем работать?»

До того мы знали друг друга мало. Начав знакомиться по-настоящему, проговорили почти целую ночь. При этом не раз вспоминали заседания Главного Военного совета Военно-Морского Флота в декабре 1938 года, на которых впервые увиделись.

Полагаю, что на работе в те дни Главного Военного совета ВМФ уместно остановиться: созыв его имел громадное значение для вставшего тогда в порядок дня строительства большого морского и океанского флота нашей страны.

Заседания Совета и образованных им комиссий проходили в Москве с 9 по 20 декабря. В работе участвовали командующие флотами и флотилиями, члены военных советов, командиры и комиссары ряда соединений. Приглашены были также командиры

и военкомы некоторых крупных кораблей (в числе таковых оказался и я как комиссар «Марата»). Работой Совета руководил секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов.

19 декабря нам сообщили, что в три часа дня состоится встреча с руководителями партии и правительства. Все отправились в Кремль. В Свердловском зале мы увидели за столом президиума И. В. Сталина и других членов Политбюро. На встрече руководители партии и правительства заслушали выступления представителей наркомата, командующих флотами и флотилиями, членов военных советов.

Встреча продолжалась до глубокой ночи. И. В. Сталин часто прерывал выступавших репликами и вопросами, требовал уточнения различных деталей. Особенно интересовался он подводными лодками. Узнав, что среди присутствующих находится командир бригады подлодок Черноморского флота [12] Герой Советского Союза И. А. Бурмистров, недавно сражавшийся с фашистами в Испании, Сталин задал ему множество вопросов о достоинствах и недостатках наших лодок, о том, за счет чего можно увеличить их надводную и подводную скорость, о других необходимых усовершенствованиях. Выслушав ответы Бурмистрова, Сталин попросил его изложить в докладной записке предложения подводников об улучшении тактико-технических элементов кораблей. Очень внимательное отношение к тому, что предлагали моряки, было характерно для всей этой встречи.

Утром 20 декабря состоялось последнее пленарное заседание Главного Военного совета. С заключительной речью выступил Андрей Александрович Жданов.

Он сказал, что 1938 год явился годом, когда создание большого флота Страны Советов начало переходить из перспективы, из наметки в реальную плоскость, первым годом, когда моряки получили новые крейсеры, лидеры эсминцев, эсминцы, и в этом смысле вопрос создания большого флота силами отечественной промышленности находится накануне своего разрешения. А затем А. А. Жданов привел слова И. В. Сталина о том, что девять десятых задачи строительства большого флота составляет подготовка кадров для новых кораблей. Мы должны, подчеркнул Андрей Александрович, работать в этом отношении не только на сегодняшний день, исходить не только из текущих задач боевой подготовки и нынешнего состояния флота, но и думать о завтрашнем дне, о будущем флоте…

Перед нами развернулись захватывающие перспективы строительства морского и океанского флота{1}.

Вечером мы услышали теплые, сердечные слова о военных моряках, здравицы в честь каждого из наших флотов и каждой флотилии на правительственном приеме под сводами старинной Грановитой палаты.

Уже после окончания приема, когда мы осматривали великолепный Георгиевский зал (я видел его впервые), к нашей [13] группе подошел заместитель наркома ВМФ П. И. Смирнов-Светловский и негромко сказал:

- Идемте, товарищ Сталин приглашает…

Через какие-то коридоры и переходы мы попали в небольшой зал с киноэкраном. Раздавались звуки рояля - играл Андрей Александрович Жданов. В креслах - их было несколько рядов - сидели руководители партии, в том числе И. В. Сталин. Видимо, они ждали приглашенных моряков: как только мы расселись, свет погас и начался кинофильм.

Демонстрировалась новая тогда картина «Если завтра война». Смущенный непривычной обстановкой, я, как, наверное, и многие другие гости, сидел, боясь шелохнуться. Было хорошо слышно, как И. В. Сталин негромко комментирует развертывающиеся на экране события. В фильме будущая война изображалась довольно наивно - все шло гладко, и наши войска очень быстро, малой кровью добивались победы. Явно желая поддеть сидевшего рядом Ворошилова, Сталин говорил ему: «Не так будет на войне, не так просто…»

Досмотрев фильм, мы попросили разрешения отбыть: пора было на ночной поезд, которым все балтийцы уезжали в Ленинград. В нашем купе долго никто не спал - всех переполняли впечатления проведенных в Москве дней. Запомнилось, с каким воодушевлением сказал комендант балтийской береговой обороны С. И. Кабанов: «Теперь будем работать по-новому!»

В дни, когда на Главном Военном совете ВМФ и в ходе встреч представителей флота с руководителями партии и Советского государства решались важнейшие вопросы военно-морского строительства, была предопределена и личная судьба многих товарищей из высшего и старшего флотского комполитсостава. Вскоре последовало назначение Н. Г. Кузнецова первым заместителем наркома, а затем и наркомом ВМФ. Прежний командующий Черноморским флотом И. С. Юмашев получил назначение на такую же должность на Тихом океане. А на Черное море перевели Ф. С. Октябрьского, командовавшего Амурской флотилией. ЦК утвердил членов военных советов, начальников политуправлений.

Усиленное внимание к флоту ощущалось не только в том, как быстро стали решаться всякого рода организационные вопросы. В

советский календарь вошел День Военно-Морского Флота, установленный, как говорилось в постановлении Совнаркома и ЦК ВКП(б), «в целях мобилизации широких масс трудящихся вокруг вопросов строительства Рабоче-Крестьянского Военно-Морского Флота Союза ССР и стоящих [14] перед ним задач». И уже первое празднование этого Дня - 24 июля 1939 года - было подлинно всенародным.

Флот развивался, рос количественно и качественно также и на Черном море. Дела было - хоть отбавляй! Строились новые корабли, в том числе крупные. Усиливались береговая оборона, морская авиация. Создавались военно-морские базы в Одессе, Новороссийске, Батуми. Требовалось быть в курсе всего этого, детально знать положение на местах, оперативно принимать меры для выполнения утвержденных правительственных планов.

Мы с Ф. С. Октябрьским вместе знакомились с боевой и политической подготовкой в соединениях, объезжали базы, части, посты и иные флотские объекты, разбросанные от румынской границы на западе до турецкой на юге. Вникали в дела в штабах и политорганах, добирались до небольших подразделений и малых кораблей. Как много значило иметь живое, а не только по отчетам представление о всех звеньях обширного флотского «хозяйства», особенно почувствовалось, когда грянула война.

Филипп Сергеевич Октябрьский был старше меня почти на десять лет. Он участвовал в гражданской войне, в партии состоял с 1919 года, находился в свое время на политической работе, а потом был переведен на командную. Очень принципиальный человек и требовательный командир, он мог казаться со стороны более суровым, чем был на самом деле.

Что же касается наших с ним отношений, то уже первая большая совместная поездка (Севастополь - Феодосия - Керчь - Новороссийск - Туапсе, туда - на машине, обратно - морем) очень нас сблизила, и мы, кажется, начали неплохо понимать друг друга. Ф. С. Октябрьский вернулся в Севастополь контр-адмиралом - находясь в Керчи, мы услышали по радио постановление Совнаркома о присвоении только что введенных генеральских и адмиральских званий первой группе лиц высшего комсостава, в которую вошел и он.

Основным критерием оценки деятельности всех командиров и политработников, главным, на что направлялись усилия Военного совета флота, было повышение боевой готовности кораблей и частей. Вторая мировая война уже шла, и никто не мог сказать, долго ли еще ее пламя будет оставаться за пределами советской земли.

С учетом обострившейся международной обстановки

строилась и партийно-политическая работа. На партийных и комсомольских собраниях резкой критике подвергались факты беспечности и благодушия, самоуспокоенности и недисциплинированности [15] отдельных коммунистов и комсомольцев. Акцент в агитационно-пропагандистской работе делался на воспитании личного состава в духе политической бдительности, советского патриотизма, в духе постоянной готовности к защите социализма. Из доклада начальника политуправления флота П. Т. Бондаренко (сделанного еще в первых числах мая, сразу после моего прибытия в Севастополь) было видно, что политорганы флота укомплектованы квалифицированными кадрами. Во главе политотделов соединений стояли самые авторитетные, в нравственном отношении кристальные политработники, окончившие Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Отрадно и то, что Бондаренко хорошо знал положение дел в соединениях, на кораблях я в частях, называл комиссаров, глубоко вникающих в жизнь и деятельность воинских коллективов, а также тех, которые, как он выразился, не все охватывают, нуждаются в помощи и поддержке. Оправдал себя институт заместителей политруков - эта мера способствовала выдвижению на политработу молодых партийных активистов.

* * *

Летом 1940 года Бессарабия воссоединилась с Советской Молдавией, а Северная Буковина вошла в состав УССР. Встал вопрос о защите этих районов, о создании там оборонительных укреплений и баз.

В составе Черноморского флота была сформирована - из кораблей, прибывавших с Днепра, - Дунайская военная флотилия, главную базу которой предстояло развернуть в Измаиле. Прибывший в Севастополь нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов дал указание (да это и само собой разумелось), чтобы кто-то из руководства флота на месте занялся организацией базирования новой флотилии. Выпало это мне.

Отправился сперва в Одессу - там сосредоточились предназначенные для Дуная корабли. А на правый, бессарабский, берег Днестра, только что переставшего быть пограничной рекой, въехал на эмке по шпалам железнодорожного моста выше Тирасполя («Ничего, доедете. Только трохи трясе», - напутствовал красноармеец-часовой на левом берегу). И вот уже первый за Днестром город - Бендеры…

Местное население встречает исключительно приветливо. Стоит остановиться, и люди обступают машину со всех сторон. Многие говорят по-русски и задают массу вопросов. Почти все сельские жители - босые. Даже бывшие румынские солдаты, встречающиеся на дороге (их части сложили оружие, и солдаты, уроженцы Бессарабии, распущены по домам), [16] в большинстве идут разутыми, повесив связанные тесемками сапоги на плечо…

Измаил - знаменитая некогда турецкая крепость, у стен которой не раз была пролита русская кровь, - выглядит как уездный городок дореволюционного времени. Бросаются в глаза допотопные, обшарпанные пролетки извозчиков. Улицы заполнены народом.

В Репи, другом дунайском порту, расположенном выше Измаила, куда вскоре приехал, застал волнующую картину - здесь принимали молдаван-бессарабов, спешивших из разных концов Румынии в свой родной край, воссоединившийся с нашей страной.

Буксиры медленно тянули наперерез течению огромные баржи, переполненные людьми. Чем ближе они к нашему берегу, тем громче доносился многоголосый радостный гул. С барж махали платками, шапками, поднимали над головами детей. А самые нетерпеливые, не дожидаясь, пока буксир подтянет баржу к причалу, бросались в воду. И, еще не выйдя на берег, становились у его кромки на колени и целовали родную, освобожденную от боярско-фашистского ига землю. Такого не забыть вовек!…

Наши бойцы протягивали людям руки, помогая выбраться на берег. Многих прибывших встречали их родственники. А в полевых кухнях, стоявших недалеко от причала, уже сварили для них обед. Готовы были и машины для развозки репатриантов по родным городам и селениям. Тем, кто ехал дальше самостоятельно, выдавались у регистрационных столов деньги на дорогу. Тронутые всей этой заботой о них, новые советские граждане еще более бурно радовались возвращению на родину, откуда увели их поиски заработка, погоня за куском хлеба. У многих были на глазах слезы.

Несколько дней прошли в хлопотах, связанных с подготовкой к приходу флотилии. Надо было обследовать измаильский порт, подыскать в городе помещения для штаба и других служб, позаботиться об охране стоянки кораблей.

6 июля жители Измаила вышли вместе с представителями частей Красной Армии встречать флотилию. Множество людей собралось на набережной задолго до того, как на изгибе реки показался флагманский монитор «Ударный», а за ним другие - «Ростовцев», «Жемчужин», «Мартынов», «Железняков»…

Приближение колонны кораблей, а затем сход на берег моряков вызвали у измаильцев настоящий восторг. С подъемом прошел многолюдный митинг.

Познакомив командующего флотилией контр-адмирала Н. О. Абрамова и военкома бригадного комиссара Л. В. Серебрянникова [17] с местными условиями и дав им необходимые указания, я возвращался на катере-охотнике в Одессу.

По пути зашли в рыбацкий городок Вилково, «дунайскую Венецию», где вместо улиц - протоки-каналы. Здесь неожиданно столкнулись с волновавшей местных жителей хозяйственной проблемой: прежние скупщики их улова остались по другую сторону границы, а наши торговые организации приемку рыбы еще не наладили. К кому им обратиться, рыбаки не знали. Вопрос был быстро решен в Одесском обкоме партии.

Дунайская флотилия, созданная за год до войны, в ближайшие месяцы существенно пополнилась. Мы уделяли ей, стоящей на пограничном рубеже, много внимания, считая передовым отрядом Черноморского флота. Кроме мониторов с сильным артиллерийским вооружением в состав флотилии вошли подразделения малых кораблей, а также несколько береговых батарей, эскадрилья истребителей, другие средства ПВО. Словом, это была реальная боевая сила.

* * *

Когда вспоминаешь, как проходило на Черноморском флоте остававшееся до войны время - вторая половина 1940 года и первая половина 1941-го, отчетливо видишь самое характерное: напряженную борьбу за повышение боевой готовности, за совершенствование воинского мастерства моряков. Оно настойчиво шлифовалось в ходе следовавших одно за другим учений. На них проверялись новые корабли, вооружение. Причем нередко возникали (и незамедлительно передавались по назначению) дополнительные требования к конструкторам, строителям.

Осенью флот провел совместно с Закавказским военным округом маневры в районе Поти - Батуми. В частности, там производилась высадка морского десанта. Подводя итоги учений, мы пришли к выводу, что для крупных десантных операций флоту недостает высадочных плавсредств. Не хватало и истребительной авиации для прикрытия десанта с воздуха. В совместном докладе наркому обороны и наркому ВМФ от имени командования округа и флота был поставлен вопрос о строительстве специальных

десантных судов и об усилении флота авиацией. Встречаясь во время войны с генералом армии И. В. Тюленевым, командовавшим в 1938-1940 годах Закавказским военным округом, мы очень пожалели, что о десантных судах забеспокоились все же поздновато: нехватка их давала себя знать.

Подавляющее большинство командиров правильно понимали линию на всемерное повышение боевой готовности, [18] серьезность причин, обусловивших ее, и это говорило о политической зрелости наших флотских кадров, воспитанных партией. Люди сознавали: мирное время подходит к концу. И мало кого приходилось подталкивать. Помню, один командир, отрабатывая в походе частные задачи, не выполнил прямого требования о приведении корабля в повышенную боеготовность. Командир соединения сразу же после похода обратился в Военный совет с просьбой отстранить виновного от занимаемой должности. Разобравшись, Военный совет, однако, нашел, что и этой меры недостаточно. Было принято решение о более строгом наказании.

Так остро в те дни ставился вопрос о дисциплине командных кадров, о повышении готовности кораблей флота. Понятно, что Военный совет, командиры и политработники, партийные организации прежде всего пропагандировали ленинские указания о необходимости сознательной дисциплины как составной части боеготовности армии и флота, разъясняли личному составу, что все наши уставы и наставления написаны кровью, пролитой сынами народа в боях и сражениях за Советскую Родину.

В пример другим соединениям по результатам боевой и политической подготовки, по уровню воинской дисциплины мы ставили эскадру. Такого соединения, состоявшего из надводных кораблей различных классов, Черноморский флот до 1940 года не имел. Само образование эскадры, которая представляла вместе с подводными лодками основное ядро флота, в огромной мере определявшее общие его боевые возможности, свидетельствовало о том, как эти возможности возросли. Тем весомее были успехи эскадры, достигнутые усилиями командиров и политработников, партийных и комсомольских организаций, всего личного состава. Командовал черноморской эскадрой контр-адмирал Л. А. Владимирский, политотдел (с августа 1940 года - отдел политической пропаганды) возглавлял полковой комиссар Ф. В. Шилов.

Флагманским кораблем эскадры, а также и всего Черноморского флота являлся линкор «Парижская коммуна» (переименованный позже в «Севастополь»), переведенный в свое время с Балтики, - такая же громадина с четырьмя

трехорудийными башнями главного калибра (305 миллиметров), как близко знакомый мне «Марат». В состав эскадры входили отряд легких сил, бригада крейсеров, дивизионы эскадренных миноносцев. Накануне войны в строю находилось два совсем новых крейсера - «Ворошилов» и «Молотов» и три более старых - «Червона Украина», «Красный Кавказ [19] «, «Красный Крым» (самый старый крейсер - «Коминтерн» - считался учебным), лидеры эскадренных миноносцев «Москва» и «Харьков» (на третьем лидере «Ташкент», уже испытанном на ходу, заканчивался монтаж артиллерийского вооружения), пять старых эсминцев и шесть - постройки последних лет. Еще ряд кораблей был, как говорится, на подходе, в близкой к завершению стадии строительства.

Итоги боевой и политической подготовки в 1940 году подводились на состоявшемся в Москве в начале декабря сборе командующих флотами и флотилиями и членов военных советов при участии руководящих работников наркомата и члена Политбюро, секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова. По существу, это было расширенное заседание Главного Военного совета ВМФ.

Впервые руководящие работники всех флотов собрались в обстановке уже начавшейся новой мировой войны. Характеру современной войны, анализу операций на море, выводам из них был посвящен специальный доклад, с которым выступил первый заместитель наркома адмирал И. С. Исаков. К выводам относилась необходимость настойчиво совершенствовать оперативно-тактическую подготовку командных кадров. Подчеркивалась важность вдумчивого, не формального изучения вероятного противника. Остро ставился вопрос о том, что нужны бдительность, постоянная боевая готовность.

Сделанное за год черноморцами получило высокую оценку. Это вызывало прилив энергии, хотелось быстрее добиться большего. Преодолевая обычную прежде сезонность в боевой подготовке на море, наш флот интенсивно продолжал ее и зимой. Начинать боевую учебу в новом году не с азов, не с отработки поста, подразделения, одиночного корабля, как было раньше заведено, а идти дальше от уровня, достигнутого в закончившемся году, - такова была одна из данных на сборе принципиальных установок. И мы ощущали усиленное, я бы сказал, скрупулезно-пристальное внимание к тому, как решаются запланированные учебно-боевые задачи, со стороны наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова, Главного морского штаба и Главного управления политической пропаганды ВМФ.

В порядок дня встало глубокое овладение командирами тактикой высадки десантов, поддержки приморского фланга

армии, нанесения ударов по базам противника, ведения боевых действий на морских коммуникациях. Учебе помогало [20] утвержденное в 1940 году «Временное наставление по ведению морских операций».

Новые задачи требовали большей заботы и об идейно-политической закалке военных моряков. Политико-моральное состояние флота было высоким - в этом сомневаться не приходилось. Однако имела место некоторая оторванность политической работы от конкретной практики боевой подготовки. Кое-кто был склонен свести воспитательную работу к голому просветительству. Этим, в частности, объяснялось то, что на период учений не всегда составлялись планы партийно-политического обеспечения. Мы сознавали, сколь важно сделать политработу более содержательной и более оперативной, целиком и полностью подчинить ее делу повышения боеготовности флота.

По указанию руководства ВМФ в марте 1941 года было проведено учение по отражению воздушного десанта (опыт войны на Западе подтверждал его возможность) в районе Севастополя с фактической выброской дальней авиацией воздушно-десантных частей из Киевского Особого военного округа, наступавших на нашу главную базу. Это учение помогло увидеть слабые места в ее обороне.

Следует сказать, что подготовкой к обороне Севастополя с суши командование флота стало заниматься еще в конце 1940 года (имея в виду, конечно, не осаду города противником, дошедшим до Крыма от границы, - такое представить было тогда трудно, а отражение атак десантов - как воздушных, так и морских). Для рекогносцировки и выбора главного рубежа сухопутной обороны - на этот счет имелся специальный приказ наркома, касавшийся и других военно-морских баз, - была образована комиссия во главе с комендантом береговой обороны флота и главной базы генерал-майором береговой службы П. А. Моргуновым. Ближайшими помощниками его, как всегда, были начальник отдела политической пропаганды полковой комиссар К. С. Вершинин и начальник штаба береговой обороны Главной базы полковник И. Ф. Кабалюк. И конечно, большую роль в этом деле играл начальник инженерного отдела фронта военинженер 1 ранга В. Г. Парамонов.

К весне 1941 года оборонительный рубеж был намечен. Планировался он в 10-16 километрах от Севастополя, то есть на расстоянии, не позволяющем противнику обстреливать город такой артиллерией, какая могла быть на вооружении у десантных частей. Комиссия Моргунова выбрала места для заграждений,

дотов и дзотов, командных пунктов, убежищ. [21]

Тогда же, весной сорок первого - и уже с учетом мартовского учения по отражению воздушного десанта, - была приведена в определенную систему организационная сторона сухопутной обороны Севастополя: определен состав привлекаемых к ней сил, фронт обороны разделен на три сектора и два самостоятельных боевых участка - городской и балаклавский. Военный совет утвердил комендантов секторов и боевых участков (ими назначались по совместительству командиры флотских береговых частей). Началась практическая отработка этой организации, прежде всего - в штабах.

Ответственность за защиту Севастополя с суши, естественно, возлагалась на командование береговой обороны - на генерала Моргунова, который являлся также начальником Севастопольского гарнизона. Петр Алексеевич Моргунов - сын потомственного московского пролетария и сам в юности слесарь, участник Октябрьских боев за власть Советов в Москве, член партии с 1920 года - служил в Крыму с тех пор, как пришел сюда бойцом курсантской бригады, сражавшейся против врангелевцев. В черноморской береговой обороне, которую он теперь возглавлял, Моргунов последовательно прошел все командные ступени, начиная с командира огневого взвода на одной из батарей. Это был человек всем известный на флоте и всеми уважаемый, по характеру - спокойный и немногословный, очень собранный. А уж местность под Севастополем со всеми ее высотами, оврагами и балками он знал, пожалуй, как никто другой.

На Моргунова как на начальника гарнизона было возложено и руководство местной противовоздушной обороной. К ней в Севастополе относились очень серьезно. Команды МПВО, регулярно тренировавшиеся, имелись во всех районах города, на всех предприятиях. Любое учение на флоте, любой выход кораблей по сигналу тревоги означали тревогу и учение для всей системы МПВО в масштабе города. Секретарь горкома партии Б. А. Борисов, являвшийся ее комиссаром, придавал большое значение тому, чтобы эти учения были для подразделений МПВО неожиданными и их выучка проверялась в обстановке, максимально приближенной к боевой.

В мае на Черноморский флот прибыл с группой работников Главного морского штаба адмирал И. С. Исаков о целью проверки фактической боевой готовности кораблей, частей и соединений. Проверки производились внезапно. Без каких-либо предупреждений и в самое различное время суток [22]представители Главморштаба вручали командирам пакеты с

определенными заданиями. Ф. С. Октябрьский и я наблюдали вместе с И. С. Исаковым проводившиеся в таком порядке боевые стрельбы кораблей и береговых батарей, действия морской авиации.

Эта проверка нам очень помогла. Хотя в целом флот экзамен выдержал, недостатков, недоработок обнаружилось немало, особенно в различных звеньях флотского тыла. По этому поводу был издан строгий приказ, выявленные упущения и меры их устранения обсуждались на заседании Военного совета. Сохранившийся протокол напоминает, как остро ставился вопрос о нетерпимости к мирным настроениям, о необходимости быстро завершить перестройку всех звеньев флотского организма, в том числе и тыловых служб. Позволю себе привести несколько строк из своего выступления.

«Член Военного совета ЧФ: - Сейчас такое время, когда международная обстановка очень напряжена… Основная причина того, что мы имеем позорные промахи и недочеты, это то, что тыл не может по-настоящему перестроиться на военный лад. В тылу очень много мирных настроений… Людей, которые хотят отдыхать, которые так безобразно мирно настроены, мы переведем в «ратники третьего разряда», чтобы они не тормозили и не мешали вести нашу работу. Нам могут навязать войну каждую минуту, и мы к ней должны быть постоянно готовы…»

Еще в конце апреля мы получили приказ наркома о строительстве бомбоубежищ. Военный совет флота немедленно принял решение, которым определялись места и сроки сооружения убежищ, назначались ответственные за это люди.

Осматриваясь вокруг, приходилось по-иному взглянуть на многое, к чему привыкли за долгие годы мирной жизни. На флотских арсенальных складах, например, как и положено, имелось значительное количество снарядов, мин, причем за последние месяцы их у нас существенно прибавилось. Но часть боезапаса, особенно морских мин, хранилась на открытых площадках (с которых удобно было подавать снаряженные мины на подходившие к специальному причалу корабли). Так было заведено еще в те времена, когда опасности воздушных налетов просто не существовало. А теперь собственные наши мины таили в себе угрозу и для кораблей, стоявших в бухте, и для города. Военный совет принял решение о строительстве новых складов, были выбраны [23] надежные места для них, и дело двинулось (но заканчивать его пришлось уже в первые дни войны).

На середину июня было назначено учение Черноморского флота совместно с частями Одесского военного округа в северо-западном районе моря и на прилегающих участках побережья. О

многом говорило уже само время его проведения. Обычно учения такого масштаба устраивались гораздо позже, осенью, - ими как бы подводился итог летней учебной кампании.

Учение предусматривало высадку оперативного десанта в составе стрелковой дивизии на необорудованное побережье и нанесение удара по военно-морской базе (а для другой стороны - отражение его). Подготовка велась очень тщательно. Огромный труд вложили в это контр-адмирал Иван Дмитриевич Елисеев, за месяц до того назначенный начальником штаба флота (но вообще - старый черноморец, отлично знавший этот морской театр), начальник оперативного отдела капитан 2 ранга О. С. Жуковский и весь штабной коллектив. Много и плодотворно поработало управление политической пропаганды, возглавляемое дивизионным комиссаром П. Т. Бондаренко, и отделы политпропаганды в соединениях. Сам командующий побывал чуть ли не в каждом корабельном и авиационном подразделениях.

Помню, накануне учения Филипп Сергеевич Октябрьский - он был уже в звании вице-адмирала - очень уставший, но удовлетворенный, говорил:

- Ну, Николай Михайлович, кажется, все предусмотрено. Надеюсь, не оплошаем!…

Адмирал И. С. Исаков, вновь прибывший на наш флот, осведомил Военный совет об осложнении отношений с Германией. С этим вполне согласовывались известные нам факты нарушения границы немецкими военными самолетами и другие наглые разведывательные действия зарубежных соседей.

В то же время мы не могли не учитывать известное сообщение ТАСС от 14 июня. Оно ставило нас в несколько затруднительное положение, но мы полагали, что оно имеет целью создать у заправил гитлеровской Германии впечатление, будто наша страна не замечает их внешних приготовлений. И мы продолжали призывать личный состав к повышению бдительности и боевой готовности. Об этом, в частности, свидетельствует директива командования Черноморского флота. Она требовала от командиров соединений, кораблей и частей: в пятидневный срок проверить по-настоящему боевое управление, план обороны, развертывание, режим [24] полетов авиации, выход и вход кораблей на предмет - «Готовы ли вы к войне?»{2}.

Бригадный комиссар Д. И. Корниенко из Главного управления политической пропаганды ВМФ, приехавший вместе с адмиралом Исаковым, передал устное указание: активно разъяснять личному составу агрессивный курс гитлеровской Германии, разоблачать идеологию фашизма.

Замечу, кстати, что в отдельных художественных

произведениях послевоенного периода можно встретить, на мой взгляд, совершенно неверные суждения, будто сообщение ТАСС от 14 июня дезориентировало Вооруженные Силы, что в частях после этого сообщения начались массовые выезды в отпуска и т. д. и т. п. Не знаю, где могли столь недальновидно оценить сложившуюся обстановку, но на Черноморском флоте и в соседних военных округах мы не наблюдали ничего похожего. Полагаю, что все это надумано людьми, не имеющими представления о состоянии дел в войсках армии и на флоте.

О том, как оценивалась общая обстановка, в которой началось 14 июня наше учение, может дать представление такая деталь: был установлен особый сигнал, означавший, что учение прерывается и флот немедленно переходит на ту степень повышенной боевой готовности, какая будет назначена.

Повторяю: мы призвали моряков проявлять везде и во всем неослабную бдительность. Флагманам соединений и их заместителям по политчасти говорилось прямо: не исключено, что развитие событий заставит перейти от учения к боевым действиям.

Штаб руководства учением находился на плавбазе «Эльбрус». Когда мы пришли на «Эльбрусе» в Одессу, командир военно-морской базы контр-адмирал Г. В. Жуков, поднявшись на борт, доложил, что командующий войсками Одесского военного округа генерал-полковник Я. Т. Черевиченко не может встретить начальника Главного морского штаба ввиду тревожного положения на границе, не позволяющего ему удалиться от средств связи.

- Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе, - пошутил Иван Степанович Исаков и предложил Ф. С. Октябрьскому и мне отправиться вместе с ним в штаб округа.

Командующий войсками округа познакомил нас с последними фактами вторжения иностранных самолетов в советское [25] воздушное пространство, с донесениями о наблюдаемом передвижении войск за Дунаем и Прутом. Ссылаясь на неспокойную обстановку у границы, Черевиченко попросил начальника Главморштаба освободить его от личного участия в учении.

Учение продолжалось по своему плану. На западном побережье Крымского полуострова был высажен десант. Адмирал Исаков дал высокую оценку действиям кораблей и высадившейся дивизии. Хорошо показали себя морские летчики, подводники.

18 июня учение закончилось, и корабли стали возвращаться в Севастополь. Однако на флоте была сохранена оперативная готовность номер два. Разбор маневров планировался на 23 июня.

Адмирал Исаков объявил, что задерживаться не может, и, поручив проведение разбора Военному совету флота, отбыл в Москву.

Напряженность обстановки между тем нарастала. Это чувствовалось по ряду признаков, но у нас недоставало данных, чтобы во всем разобраться. 21 июня начальник разведотдела полковник Д. Б. Намгаладзе принес мне запись открытой передачи английского радио, где говорилось, что нападение Германии на Советский Союз ожидается в ночь на 22 июня.

Я немедленно позвонил по ВЧ И. В. Рогову, спросил, как это понимать. Он одобрил наши действия по поддержанию боеготовности и сказал, что о сообщении английского радио в Москве известно, необходимые меры принимаются.

В тот субботний вечер личному составу кораблей был предоставлен отдых. И хотя корабли оставались затемненными, город сиял яркими огнями. Улицы и бульвары заполнили празднично настроенные севастопольцы и уволенные на берег моряки. В Доме флота давали концерт артисты московской эстрады.

Выходов кораблей на боевую подготовку на следующий день не планировалось. В середине дня намечались учебные полеты в отдельных авиационных подразделениях, а ночью не должно было происходить ничего. Приняв все это к сведению, я поздно вечером уехал к семье, жившей летом в пригородном поселке Максимова дача. Оперативному дежурному по штабу флота капитану 2 ранга Н. Т. Рыбалко наказал, чтобы в случае каких-либо неожиданностей он сразу же высылал за мной машину, а уже затем звонил по телефону.

Несмотря на поздний час, жена с дочерью ждали меня, спал только наш шестимесячный сынишка. На воскресенье, [26] когда мог быть дома и я, перенесли уже прошедший день рождения дочери, и маленькая Жанна стала рассказывать, кто из подружек придет на ее праздник и чем она будет угощать гостей - куплено два решета только что созревшей черешни…

Домашняя обстановка, атмосфера наступавшего семейного праздника несколько успокоили меня. Дала себя знать и усталость, и я быстро уснул. [27]

Глава вторая.

Черноморцы дают отпор

Разбудил звонок служебного телефона.

- Товарищ дивизионный комиссар, - докладывал оперативный

дежурный, - получена важная телеграмма наркома. Машина за вами выслана.

Торопливо оделся, сказал жене, чтобы не беспокоилась - мало ли зачем мог понадобиться в штабе! Но тревожное предчувствие, вчера еще смутное, сразу усилилось. Всю дорогу неотвязно держалось в голове: «Война?»

Над городом и бухтами перекрещивались, выхватывая из темноты куски малооблачного неба, лучи прожекторов. Это означало, что зенитчики начеку.

В штабе флота уже почти все были в сборе. Здесь царила деловая сосредоточенность, все выглядело так, будто продолжалось флотское учение.

Вице- адмирал Ф. С. Октябрьский находился в своем кабинете на втором этаже. Он протянул мне бланк с телеграммой наркома. Это был краткий, состоявший из нескольких слов, приказ всем флотам, кроме Тихоокеанского, о немедленном переходе на оперативную готовность номер один. Телеграмма, принятая в начале второго часа ночи, шла из Москвы считанные минуты, но за это время нарком Н. Г. Кузнецов лично передал этот же приказ по телефону (к аппарату подошел контр-адмирал И. Д. Елисеев, остававшийся в штабе с вечера).

- Дав мне прочесть телеграмму, командующий спросил:

- Как думаешь, Николай Михайлович, это война?

- Похоже, что так, - ответил я. - Кажется, англичане не наврали. Не думали все-таки мы с тобой, Филипп Сергеевич, что она начнется так скоро…

Перевод флота на высшую боевую готовность был у нас хорошо отработан, и все шло по плану. Корабли и части приступили к приемке добавочного боезапаса, топлива, продовольствия. По гарнизону был дан сигнал «Большой сбор», а база и город затемнены. Светили только Херсонесский маяк и Инкерманские створные знаки, и вдруг обнаружилось, [28] что связь с ними нарушена. Туда были посланы мотоциклисты, и скоро маяк и створные знаки потухли. Продолжал светить лишь самый дальний створный знак - Верхний Инкерманский, но один он не мог служить достаточным ориентиром для неприятельской авиации. Как потом выяснилось, нарушение связи явилось результатом диверсии - кто-то вырезал на линиях десятки метров провода.

В штабе то и дело раздавались телефонные звонки - из соединений и частей просили информировать об обстановке. Но мы могли лишь подтвердить уже переданный всем и выполнявшийся приказ, еще раз напоминали о бдительности. Никакой дополнительной информации не имели пока сами.

К командующему являлись за указаниями генерал-майор береговой службы П. А. Моргунов, начальник тыла флота контр-адмирал Н. Ф. Заяц, руководители других служб, комендант города. Приходил обсудить положение и необходимые действия секретарь горкома партии Б. А. Борисов. И каждый спешил обратно на свой пост, свой КП, чтобы быть на месте, когда что-то может произойти.

Дивизионный комиссар Петр Тихонович Бондаренко доложил, что работники управления политической пропаганды собраны и готовы отправиться на корабли и в части. Он спросил, что они должны говорить об обстановке личному составу. Я ответил: надо разъяснять возможность любых неожиданностей и обеспечивать, чтобы они никого не застали врасплох.

К половине третьего закончили переход на оперативную готовность номер один все корабельные соединения, береговая оборона, морская авиация. Поступил доклад о том же с Дунайской военной флотилии… На всем Черноморском флоте тысячи людей заняли свои боевые посты, корабли были готовы выйти в море, самолеты - взлететь, к орудиям подан боезапас.

Около трех часов ночи с постов наблюдения и связи в районе Евпатории и на мысе Сарыч донесли: слышен шум моторов неизвестных самолетов. Они летели над морем в направлении Севастополя. В 3.07 шум моторов услышали уже с поста на Константиновском равелине. В городе еще до этого проревели сирены воздушной тревоги. Вот-вот зенитчики должны были открыть огонь - приказ об этом начальнику ПВО флота полковнику И. С. Жилину был отдан начальником штаба флота контр-адмиралом И. Д. Елисеевым, как только стало ясно, что неизвестные самолеты приближаются к главной базе. [29]

В эти минуты командир одного из дивизионов зенитно-артиллерийского полка, прикрывавшего Севастополь, соединился по телефону с командующим флотом. Очень волнуясь, он сказал, что не сможет решиться открыть огонь: а вдруг самолеты наши и тогда ему придется отвечать за последствия.

Ф. С. Октябрьский потребовал прекратить неуместные рассуждения и выполнять приказ.

- В противном случае, - закончил командующий, - вы будете расстреляны за невыполнение боевого приказа.

Этот эпизод показывает, насколько трудно было некоторым нашим товарищам быстро «переключить себя» на войну, осознать до конца, что она уже стала реальностью; Но я упоминаю об этом случае также и потому, что в отдельных военно-исторических произведениях появлялись утверждения, будто какие-то колебания насчет того, следует ли открывать огонь, возникали у

командующего Черноморским флотом. Как человек, находившийся рядом с ним, могу засвидетельствовать, что никаких колебаний и сомнений на этот счет у Ф. С. Октябрьского не было.

Вскоре вибрирующий гул авиационных моторов донесся и до окон штаба. И сразу же - в 3 часа 15 минут - ударили наземные и корабельные зенитки. По всему небу шарили прожекторы.

Выйдя на балкон кабинета командующего, я отчетливо увидел крупный самолет, вероятно бомбардировщик, попавший в лучи прожекторов. Он летел на небольшой высоте. Трассы пуль (огонь велся и из крупнокалиберных пулеметов), казалось, пересекают его курс. Вокруг все гремело и грохотало. Затем на фоне общей пальбы выделились два сильных взрыва, раздавшиеся где-то невдалеке.

В это время Ф. С. Октябрьский говорил по телефону с оперативным дежурным по Главному морскому штабу. Несколько минут спустя состоялся разговор с наркомом Н. Г. Кузнецовым. Выслушав Октябрьского, нарком сказал, что немедленно доложит обо всем правительству и флот получит необходимые указания. О нападении на Севастополь было доложено также начальнику Генерального штаба РККА генералу армии Г. К. Жукову.

Из переговоров с Москвой мы поняли, что, по-видимому, первыми сообщили о нападении врага, о начавшейся войне. Это подтвердили потом в своих воспоминаниях Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов, главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов. [30]

Налет длился (с перерывами, так как временами самолеты удалялись) около получаса. С различных постов, из многих частей докладывали о замеченных в воздухе парашютах. В районы, где они могли опуститься, высылались на машинах команды бойцов, были перекрыты все ведущие в город дороги, взяты под охрану важнейшие гражданские объекты (военные охранялись и так), организовано усиленное патрулирование улиц. Однако парашютисты нигде не обнаруживались. Их не могло быть много - парашюты замечались лишь единичные. Но искали все же живых людей - диверсантов или разведчиков. О взаимосвязи докладов о парашютах с происшедшими взрывами догадались не сразу.

А вот донесение о сбитом зенитным огнем самолете подтвердилось быстро. Потом выяснилось, что сбит и второй.

Ни один наш корабль, ни один военный объект на берегу при внезапном воздушном налете не пострадали. Но в городе разрушения и жертвы были.

Как только рассвело, я объехал вместе с капитаном 1 ранга А. П. Александровым - командиром Новороссийской военно-морской

базы, прибывшим в Севастополь на разбор учения, места, где взорвалось то, что мы пока еще считали крупными авиабомбами. На улице Щербака был полиостью разрушен большой жилой дом. Команды МПВО и моряки разбирали завалы. Вокруг собрались люди.

Над городом и бухтами барражировали теперь наши «ястребки», и, глядя на них, наверное, кто-нибудь думал: разве не могли истребители перехватить врага за пределами города, встретить его где-то над морем? Конечно, могли, если бы мы знали хоть немного раньше, что произойдет этой ночью…

Не дожидаясь вопросов, я заверил горожан, что черноморцы постараются не подпускать налетчиков к Севастополю и сумеют отомстить за сегодняшние жертвы. И с горечью сознавал: это еще только самое начало тяжких испытаний, выпавших советским людям.

Сильный взрыв был зафиксирован во время налета в районе Приморского бульвара, вблизи поднимающегося из воды Памятника кораблям, затопленным в Севастопольскую оборону прошлого века, чтобы закрыть бухты для неприятельского флота. Здесь пострадало выходящее на бульвар здание санатория, были раненые. Поврежден был и памятник, но не особенно заметно. Беломраморная его колонна, увенчанная бронзовым орлом с лавровым венком в клюве, как и прежде, возвышалась над волнами. [31]

При осмотре спуска к морю штабные специалисты, приехавшие сюда со мной, нашли крупный осколок металла закругленной формы. Он напоминал кусок крышки от торпеды. Это наводило на мысль, что с самолетов, быть может, сбрасывались торпеды - оттого и такая сила взрывов - и враг замышлял устроить нам «Таранто» (так называется порт на Средиземном море, у которого английские самолеты-торпедоносцы за один налет в ноябре 1940 года вывело из строя три итальянских линкора).

Предположение это, однако, не подтвердилось. Вскоре было установлено, что самолеты, появившиеся над Севастополем, сбрасывали не торпеды и не бомбы, а морские мины. Это они спускались на замеченных многими парашютах. Цель врага стала ясной: заминировав выходы из севастопольских бухт, запереть в них наши корабли, сковать таким образом Черноморский флот, а последующими налетами потопить и уничтожить все, что находится в главной базе. Но противнику не удалось застать нас врасплох, и его замысел сорвался. Самолетам, встреченным интенсивным огнем, пришлось прибегать к противозенитному маневру, уклоняться от курса, да и затемнение города, надо

полагать, затрудняло ориентировку. И часть мин попала на берег или на мелководье (в том и другом случае они автоматически самовзрывались).

И все же сколько-то мин таилось под водой, и где именно - мы не знали. С пяти часов утра севастопольский ОВР - бригада охраны водного района главной базы, которой командовал опытнейший моряк контр-адмирал В. Г. Фадеев, получив соответствующий приказ, приступила к тралению в Северной и Южной бухтах и на подходных фарватерах. И тут мы встретились с новыми неприятными неожиданностями. Но об этом - немного дальше.

* * *

Как ни потрясены были севастопольцы внезапностью коварного вражеского удара, жертвами которого стали мирные люди, уснувшие вечером с мыслями о наступавшем летнем воскресном дне, жители города не проявили растерянности. Возмущение, гнев и готовность сделать все, что потребуется для отпора агрессору, - вот чем определялось настроение всех, с кем мне довелось встретиться тем утром.

Запомнился разговор с группой граждан на окраине, у развилки дорог, ведущих к Карантинной бухте и Херсонесу. Пожилой мужчина, вооруженный берданкой, - это он знаками руки остановил нашу машину, желая сообщить военным [32] о том, что здесь видел, - с жаром рассказывал, как, находясь на охране складов, заметил спускающийся парашют (ему казалось, что он различает в темноте и болтающуюся под куполом человеческую фигуру) и как бросился туда, где парашютист мог приземлиться, решив лично захватить врага. Но парашют отнесло к бухте, и старик был очень раздосадован тем, что ему не удалось настичь парашютиста.

По тому, как реагировали на рассказ ночного сторожа собравшиеся вокруг люди, нетрудно было понять: и они действовали бы на его месте столь же смело и активно, но страшась вступить в схватку с вооруженным врагом.

Добавлю, что в одну из последующих ночей над тем районом снова была сброшена на парашюте мина, опустившаяся на этот раз на берегу. Как доложили из штаба МПВО, при взрыве мины погиб охранявший склады сторож - он бежал к месту ее приземления, должно быть, все еще надеясь захватить парашютиста. Имя этого советского патриота мне, к сожалению, неизвестно.

Но севастопольцы, готовые самоотверженно защищать свой город вместе с военными моряками, хотели, конечно, побыстрее быть информированными о том, что, собственно, происходит. Необходимо было разъяснить обстановку и личному составу флота, который отражением налета на свою главную базу уже начал боевые действия. Не зная, когда сообщит о событиях этой ночи Центральное радио (как известно, правительственное заявление о нападении гитлеровской Германии было передано в 12 часов дня), Военный совет флота счел необходимым безотлагательно сказать свое слово и морякам, и жителям Севастополя.

Наскоро составленное обращение было передано по городской трансляционной сети и через внутренние радиоузлы кораблей еще на исходе ночи. В нем говорилось, что враг внезапно совершил воздушный налет, что есть человеческие жертвы; личный состав флота и все севастопольцы призывались быть готовыми к отражению возможных новых нападений. Горком партии и горисполком в свою очередь призвали население Севастополя соблюдать спокойствие и порядок, а всех работающих - встать в воскресенье 22 июня на трудовую вахту.

Кто он - напавший на нас враг, в этих первых обращениях Военного совета флота и городского руководства прямо не говорилось. Хотя было уже абсолютно ясно, что налет совершен гитлеровской военной авиацией, сказать об этом [33] во всеуслышание до правительственного сообщения, как и объявить, что началась война, мы не имели права.

Около пяти часов утра состоялся еще один телефонный разговор командующего флотом с начальником Генерального штаба РККА. Генерал армии Г. К. Жуков сообщил, что фашистская авиация произвела налеты также и на другие советские города и что у западных границ страны развернулись боевые действия на суше. Ф. С. Октябрьский доложил об отражении налета на Севастополь. Действия флота была одобрены.

После войны Маршал Советского Союза Г. К. Жуков напишет:

«Я хотел бы отметить, что Черноморский флот во главе с адмиралом Ф. С. Октябрьским был одним из первых наших объединений, организованно встретивших вражеское нападение»{3}.

Почти одновременно с отражением налета на Севастополь начала боевые действия развернутая на границе Дунайская военная флотилия - после того как с румынской стороны подверглись обстрелу наш берег, города Измаил, Репи, Вилково и стоянки кораблей. Командованию флотилии пришлось, не имея времени на запросы, самостоятельно принять ответственное

решение об открытии огня по румынскому берегу (очень ответственное уже потому, что считались возможными пограничные провокации, на которые нельзя было поддаваться, о чем всех нас не раз предупреждали).

Флотилия, оперативно подчиненная армейскому командованию, имела задачу не допускать форсирования Дуная противником и прорыва в низовья, к Измаилу, его речных кораблей. Корабли и береговые батареи нашей флотилии совместно с армейскими частями отбили попытки врага переправиться через Дунай, предпринятые уже в первые часы войны. А при налете на Измаил гитлеровцы потеряли пять самолетов. Так показала себя в первые же часы войны приданная Дунайской флотилии 96-я Отдельная истребительная авиационная эскадрилья Черноморских ВВС. По одному самолету сбили командир эскадрильи капитан А. И. Коробицын, старший лейтенант Л. П. Борисов и лейтенант Н. В. Черкасов, а лейтенант М. С. Максимов - два. Мы поздравили дунайцев с этим боевым успехом.

Во второй половине дня боевое управление силами Черноморского флота было перенесено на флагманский командный [34] пункт - ФКП, развернутый в защищенных помещениях местной телефонной станции, врезанных в высокий берег Южной бухты. Из этой же штольни, защищенной многометровой толщей скалы, стало осуществляться несколько месяцев спустя управление обороной Севастополя (чего тогда, в июне, мы представить еще не могли).

Штольня была довольно длинная, но не слишком просторная. Кроме командующего и члена Военного совета, начальника штаба и начальника управления политической пропаганды, связистов, дежурной службы в ней смогли разместиться оперативный отдел и небольшая группа других работников. Мы с Филиппом Сергеевичем Октябрьским заняли вдвоем отсек, достаточный, чтобы поставить два стола, телефоны, походные койки.

Для остальных отделов штаба и управления политической пропаганды подыскали помещения в старинных подвалах. Но сидеть всем под землей, особенно в дневное время, пока не было необходимости, и за сотрудниками сохранялись также прежние рабочие места. Ближайшие день-два показали, что и тем, кто непосредственно связан с боевым управлением флотом, тоже не обязательно постоянно находиться в душной штольне (вентиляция оставляла желать лучшего). К ФКП было присоединено стоявшее неподалеку двухэтажное служебное здание, и мы смогли еще довольно долго работать большей частью там.

В ночь на 23-е вопреки ожиданиям налет на Севастополь не повторился - возможно, гитлеровцы делали какие-то выводы из своих просчетов прошлой ночью.

Под утро, когда уже истекли первые сутки войны, я прилег наконец на свою койку на ФКП. Но заснуть было трудно - никак не оставляло напряжение бесконечно длинного, переполненного событиями дня. Где только не понадобилось за этот день побывать, скольким людям объяснять обстановку и их новые задачи, сколько пережить и осмыслить самому…

Флот перестраивался на военный лад. Еще утром 22 июня вышла в море группа подводных лодок. Готовилась постановка минных заграждений, предназначенных для прикрытия нашего побережья и портов. Морские бомбардировщики, вылетевшие к Констанце, вот-вот должны были нанести по ней первый удар… Все приказы выполнялись с исключительным рвением. Всюду чувствовалось, как еще крепче сплотила наших людей общая ненависть к врагу, общая готовность сделать все, что потребуется, для защиты Родины. О том же говорили, делясь своими наблюдениями, начальник [35] управления политпропаганды Петр Тихонович Бондаренко, секретарь городского комитета партии Борис Алексеевич Борисов. В городе соблюдался образцовый порядок, севастопольцы с первого часа войны показали свою организованность, выдержку, мужество.

На улицах был расклеен быстро отпечатанный экстренный выпуск флотской газеты «Красный черноморец», которая обычно доставлялась только на корабли и в части. У каждой витрины толпились люди, перечитывая текст правительственного сообщения о нападении гитлеровской Германии.

Определенные участки, звенья как городского, так и флотского «хозяйства» сразу же испытали особую нагрузку. Естественно, что за всем этим важно было доглядеть, принять меры, обеспечивающие безопасность того или иного объекта.

Ночью, при первом вражеском налете, мы с Октябрьским больше всего опасались, как бы бомбы не упали на территорию минных и артиллерийских складов в Сухарной балке. Запасы снарядов, правда, уже удалось - с немалым трудом - разместить в подземных хранилищах, но на открытых складских площадках оставалось много морских мин. Утром начальнику тыла флота было приказано, мобилизуя любой транспорт, срочно вывезти оттуда эти мины. Тем временем вступил в действие заранее разработанный план постановки минных заграждений, и нарком потребовал форсировать его выполнение. Таким образом, персоналу складов нужно было, обеспечивая вывоз одних мин в надежные хранилища, одновременно снаряжать и грузить на

корабли другие.

Сознавая, какая там создается запарка, я, как только представилась возможность, во второй половине дня поехал в Сухарную балку. На спуске к складам дорога была запружена машинами и, как ни каменист тут грунт, пыль стояла столбом. Пропуская загруженные машины, регулировщики задерживали встречный порожняк на обочине. А складские площадки напоминали сверху развороченный муравейник - на них копошились, делая каждый свое дело, сотни краснофлотцев. Мины снаряжали, грузили на машины, подкатывали к причалам, подавали на корабли. Одновременно корабли принимали и артиллерийский боезапас. Видно было, что все здесь работают с предельным напряжением сил.

Заметив меня, замполит начальника арсенала (тот распоряжался в другом месте) старший политрук В. К. Карандин, запыхавшийся и взмокший от пота, пытался отрапортовать по всей форме. Остановив его, я спросил, какие есть [36] трудности, чем нужно помочь. Карандин ответил, что с главным лабораторная рота арсенала справляется, но нужно бы добавить рабочих рук на погрузку и дать еще больше машин. А на тех, которые работают с рассвета, пора сменить шоферов: некоторые уже засыпают на жаре за баранкой, а груз-то - мины.

Я распорядился выделить в помощь арсеналу краснофлотцев из школ учебного отряда, а машины - из других организаций.

В политической работе - и среди личного состава флота, и в городе - был сделан большой упор на повышение бдительности. Людям разъяснялось, что враг коварен и может прикрываться любой личиной, что он обязательно будет забрасывать лазутчиков, диверсантов. Думается, это помогло сорвать немало вражеских козней. Надо было видеть, с каким усердием несли службу на дорогах и в городе общественные патрули, созданные для содействия патрулям военным!

И не такая уж беда, если случались в этом важном деле кое-какие казусы. Задержанными в первую же ночь войны оказались артисты московской эстрады: очарованные крымской ночью, они гуляли после концерта где-то за Историческим бульваром, нарядно одетые, без паспортов, оставленных в гостинице, - а тут налет, тревога, поиски парашютистов… Мне самому пришлось удостоверить личность батальонного комиссара А. А. Герасимова, с которым вместе учился в академии. Он вызвал подозрение тем, что шел с береговой батареи, сокращая путь, через кладбище и вдобавок где-то перепачкал свой белый китель. Умудрились задержать и ответственного редактора «Красного черноморца» Павла Ильича Мусьякова, человека очень известного на флоте и в

городе.

Пусть было и что-то наивное в действиях тех лиц, которые могли счесть приметой диверсанта заграничные часы на руке или редкие тогда у нас солнцезащитные очки. И конечно, причиняли они хорошим людям неприятности, волнения, а других, кому приходилось в каждом таком происшествии разбираться, отрывали от дела. Но за всем этим стояло стремление не проглядеть врага. А диверсанты, как известно, существовали и настоящие. Достаточно вспомнить, как перед налетом на Севастополь оказался перерезанным телефонный кабель, ведущий к маякам…

Поздно вечером 22-го я проводил на поезд жену и детей. Отправить их в Москву посоветовал И. В. Рогов, после того как мы переговорили по телефону о севастопольских делах. Увиделся с семьей только на вокзале, перед отходом поезда [37] - заехать домой днем не было никакой возможности. Осунувшаяся Варвара Осиповна торопливо рассказала, как ночью, услышав стрельбу и взрывы, выхватила из кроваток сонных детей и укрывала их среди каких-то камней.

Уходил с вокзала, охваченный противоречивыми чувствами. С одной стороны, испытывал облегчение: семья теперь в большей безопасности, и, зная это, легче будет воевать. И в то же время тревожило, что жена и дети далеко и мне трудно чем-нибудь им помочь. А расстались, как видно, надолго.

На ФКП, у Ф. С. Октябрьского, застал авиаторов - командующего военно-воздушными силами флота генерал-майора авиации В. А. Русакова, его заместителя по политчасти бригадного комиссара М. Г. Степаненко, начальника штаба ВВС полковника В. Н. Колмыкова. Уточнялся окончательный вариант бомбового удара по Констанце. Экипажи были уже готовы к вылету.

Авиация Черноморского флота представляла собой одну из его главных ударных сил. В ее состав входили бомбардировочная и истребительная авиабригады, отдельный разведывательный авиаполк, десять отдельных эскадрилий. Всего к началу войны насчитывалось 625 самолетов. Значительная часть экипажей была подготовлена к действиям в любое время суток (теперь этим никого не удивишь, но тогда летчикам-ночникам велся особый учет). Правда, по своим тактико-техническим данным имевшиеся у нас самолеты, особенно истребители, существенно уступали тем, какими располагала фашистская Германия. Наш флот успел получить - буквально за несколько дней до войны - лишь 16 новых истребителей МиГ-3, которые находились в стадии освоения.

С первых часов войны флотская авиация вела дальнюю и ближнюю разведку, прикрывала наши базы и другие объекты, корабли и суда в портах и в море. Мы сразу же начали думать и об ответных ударах по территории противника, по аэродромам и базам, которыми он пользовался, развязывая против нас войну. И прежде всего - по Констанце, крупнейшей военно-морской базе фашистских агрессоров на Черноморском театре.

* * *

Наши самолеты появились над Констанцей еще до рассвета 23 июня. Шесть бомбардировщиков СБ и ДБ-3ф из состава 63-й бомбардировочной авиабригады флота, ведомые капитаном Н. А. Переверзевым, сбросили бомбы на нефтебаки в районе порта, зафиксировав вспыхнувшие вслед за взрывами пожары. Но это было только начало, своего рода [38] разведка боем. Через несколько часов военные объекты в Констанце бомбили уже десятки самолетов 63-й авиабригады подполковника Г. И. Хотиашвили. Одновременно другая группа наносила удар по Сулине - военному порту в устье Дуная. Были отмечены потопление транспорта, попадания бомб в нефтехранилища и казармы, большие пожары. Мы потеряли одну боевую машину - не вернулся экипаж старшего лейтенанта П. Г. Чернышева, участвовавший и в первом, утреннем, налете.

О том большом боевом дне черноморских летчиков напоминает ныне обелиск, воздвигнутый после войны на одном из крымских аэродромов. Надпись на нем гласит, что отсюда поднялись самолеты, нанесшие первый удар по фашистским захватчикам.

Налеты на Констанцу продолжались и в последующие дни. Черноморская авиация бомбила также Галац, Тулчу, Исакчу, откуда вражеская тяжелая артиллерия обстреливала советскую территорию через Дунай. Морские летчики помогали Дунайской военной флотилии и сухопутным войскам, стойко удерживавшим южный участок государственной границы.

О том, что наши удары с воздуха сразу забеспокоили гитлеровскую ставку, свидетельствует запись в служебном дневнике начальника генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера, сделанная уже 25 июня: «Налеты авиации противника на Констанцу усиливаются. Германские истребительные эскадрильи стянуты на защиту нефтепромыслов»{4}.

Верховное командование предписало Черноморскому флоту нанести удар по Констанце также и кораблями. Целями

запланированного набега являлось уничтожение артогнем вражеских нефтехранилищ, разрушение портового оборудования. Попутно надлежало выявить систему обороны этой базы с моря. Группа взаимодействующих с кораблями самолетов, которые наносили отвлекающий бомбовый удар, должна была произвести фотосъемку огневых средств противника и результатов нашего набега.

Вечером 25 июня мы проводили назначенные в боевой поход корабли из отряда легких сил эскадры. Сперва вышла в море ударная группа под командованием капитана 2 ранга М. Ф. Романова - лидеры «Харьков» и «Москва», а через два с половиной часа, уже в полной темноте, - группа поддержки в составе крейсера «Ворошилов», эскадренных миноносцев [39] «Сообразительный» и «Смышленый». В качестве старшего начальника, которому подчинялись все участвующие в набеге корабли, на крейсере находился командир отряда легких сил контр-адмирал Т. А. Новиков.

Перед выходом командиры кораблей побывали на ФКП - инструктаж проводил лично командующий флотом. Когда, пожелав товарищам боевой удачи, стали прощаться, я невольно задержал чуть дольше обычного руку командира лидера «Москва» капитан-лейтенанта Александра Борисовича Тухова - загляделся на его крепко сколоченную фигуру, на выразительное лицо, одновременно и суровое, и одухотворенное. Улыбнувшись, он сказал:

- Не беспокойтесь, товарищ дивизионный комиссар. Все будет хорошо. Завтра встретимся.

Если бы так!…

Корабли ударной группы без помех со стороны противника приблизились к Констанце. В пять утра с минутами оба лидера открыли огонь по нефтехранилищам и порту с дистанции 130 кабельтовых (около 24 километров). За десять минут было выпущено по целям на берегу триста пятьдесят 130-миллиметровых снарядов. Район нефтехранилищ охватило пожаром. Но по кораблям уже вела огонь тяжелая береговая батарея (как потом выяснилось - немецкая 280-миллиметровая батарея «Тирпиц», об установке которой мы не знали), и ей удалось накрыть залпами лидер «Москва», шедший головным. Однако существенных повреждений он, повидимому, еще не имел.

Корабли начали отходить противоартиллерийским зигзагом, прикрываясь дымовой завесой. Пока они могли давать полный ход, для выхода из зоны обстрела требовались считанные минуты. Но в воздухе появились вражеские самолеты. Подстерегала

корабли и еще одна опасность - поставленное противником в этом районе минное заграждение.

Очевидно, лидер «Москва» при стремительном маневрировании на 30-узловом ходу потерял предохранявшие его от мин параваны. И корабль капитан-лейтенанта Тухова подорвался на мине. Его разломило надвое, и носовая половина, перевернувшись, почти сразу скрылась под водой. Кормовая еще продержалась какие-то мгновения на плаву. С «Харькова» видели, как расчет стоявшего на корме зенитного орудия, не покидая своего боевого поста, продолжал вести огонь по фашистским самолетам.

Командир «Харькова» пытался прийти на помощь морякам «Москвы» - тем, кто при гибели корабля мог уцелеть и оказаться на воде. Но и второй лидер получил повреждения. [40] От сотрясения корпуса при близком разрыве тяжелого снаряда в котлах сел пар, скорость хода упала до шести узлов. А с воздуха, делая заход за заходом, атаковали бомбардировщики. Было принято трудное, но правильное в данных условиях решение - отходить не задерживаясь.

И необходимо было во что бы то ни стало увеличить ход. От этого зависела судьба корабля. Отложить ремонтные работы, до того пока остынут котлы, в которых лопнули водогрейные трубки, означало бы оставаться еще долго под вражеским огнем при крайне ограниченных возможностях маневрирования. Два котельных машиниста, два комсомольца - Петр Гребенников и Петр Каиров вызвались влезть в раскаленные котлы немедленно. Они надели асбестовые костюмы, лица и кисти рук были обмотаны пропитанными вазелином бинтами, но никто не мог поручиться, что такая защита достаточна и что люди не задохнутся при температуре, превышавшей 80 градусов.

Пробыв в котлах по семь-восемь минут, мужественные моряки заглушили лопнувшие трубки, и корабль смог увеличить ход с шести узлов до двадцати восьми. А отбиться от самолетов помог подоспевший эсминец «Сообразительный» из группы поддержки.

Краснофлотцы Гребенников и Каиров Указом Президиума Верховного Совета СССР были награждены орденом Красного Знамени. Они стали первыми на черноморской эскадре, кто получил такую награду в Великую Отечественную войну.

Многое о последних минутах лидера «Москва», экипаж которого до конца доблестно выполнял воинский долг, стало известно уже после войны. Люди вели себя геройски, никто не оставлял своего поста без команды. Большинство личного состава погибло вместе с кораблем. По свидетельствам очевидцев,

сознательно пренебрег возможностью спастись заместитель командира по политчасти батальонный комиссар Г. Т. Плющенко. Часть моряков была подобрана румынскими катерами и попала в плен. В их числе был контуженый капитан-лейтенант Тухов, которого поддерживали на воде матросы.

Тухов, как и другие оставшиеся в живых члены экипажа, не смирился со своей участью. Он совершил из разных лагерей несколько побегов и в конце концов, на третьем году войны, добрался до партизанского отряда, действовавшего на Одесщине, стал в нем командиром разведки. Славный черноморец пал в бою во вражеском тылу под Головановском в марте 1944 года. [41]

А отдельным морякам с «Москвы» все же удалось довольно быстро вернуться на флот. В самом начале 1942 года, в дни обороны Севастополя, ко мне явился командир лидера «Ташкент» капитан 3 ранга В. Н. Ерошенко и доложил, что во флотском экипаже среди пополнения, из которого комплектовались части морской пехоты, оказалось двое краснофлотцев с погибшего лидера, лично ему известных (до «Ташкента» Ерошенко командовал «Москвой»), - комендор Василий Медведков и артэлектрик Михаил Филатов. На корабле у Ерошенко был некомплект артиллерийских специалистов, он искал их где только мог и пришел просить меня распорядиться, чтобы этих краснофлотцев послали к нему на лидер.

- За обоих ручаюсь, - сказал командир. - Три года вместе плавали. Не подведут.

Моряки, как выяснилось, бежали из плена, когда работали на уборке кукурузы у румынского помещика. Прячась от жандармов и полицаев, они прошли сотни километров, преодолели вплавь Прут, Днестр и другие реки и где-то на Украине перешли фронт. После соответствующей проверки им дали отпуск, а затем, по настоятельным просьбам краснофлотцев, военкомат направил их на Черноморский флот.

Разобравшись во всем этом, я разрешил назначить обоих моряков на лидер «Ташкент». В книге своих воспоминаний контр-адмирал В. Н. Ерошенко отметил, что воевали они отлично, стали старшинами, были награждены орденами.

Военный совет флота уделил много внимания итогам и урокам нашего удара по Констанце с моря. Если сказать кратко, общие выводы были таковы: цель набега достигнута, но слишком дорогой ценой. Мы увидели упущения разведки, просчеты штабистов, недочеты в подготовке командиров, пробелы в их опыте.

Что касается непосредственных результатов, то вот небезыинтересное свидетельство противника - запись в захваченном впоследствии служебном дневнике начальника немецкого военно-морского учебного центра в Румынии капитана 1 ранга К. Гадова:

«Следует признать, что обстрел побережья русскими эскадренными миноносцами был очень смелым. Тот факт, что в

результате этого обстрела возник пожар нефтехранилища и был подожжен состав с боеприпасами, является бесспорным доказательством успешности обстрела. Кроме того, в результате повреждения железнодорожного пути было прервано сообщение Бухарест - Констанца; в связи с большими [42] повреждениями вокзала, причиненными обстрелом, возникли затруднения с поставкой горючего»{5}.

* * *

Налеты фашистской авиации на Севастополь возобновились и происходили почти каждую ночь. Не было уже никаких сомнений в том, что главная цель этих налетов - минирование выходов из бухт, корабельных фарватеров. Мины сбрасывались также у других наших портов (пока - в западной половине моря), в Днепро-Бугском лимане, ведущем к Николаеву.

Причем применяемые противником морские мины оказались совсем непохожими на те, с какими мы готовились бороться и на какие были рассчитаны имевшиеся на флоте тральные средства. Уже утром 22 июня моряки, приступившие к тралению севастопольских бухт и фарватеров после первого вражеского налета, столкнулись с такой странностью: обычные тралы, предназначенные для подсечки якорных мин, нигде ничего не обнаруживали. А в конце дня там, где было очень тщательно проведено контрольное траление, внезапно подорвался и затонул портовый буксир, посланный с плавучим краном поднимать немецкий самолет, сбитый ночью зенитчиками и упавший в море за Константиновским мысом.

Тогда и возникла у наших специалистов догадка, быстро подтвердившаяся: сбрасываемые фашистскими самолетами мины - не якорные, а донные, с неконтактными взрывателями. И если так, то для борьбы с ними нужны принципиально иные средства и способы.

И прежде всего понадобилось принять меры для фиксирования - как можно более точного! - места приводнения каждой сброшенной самолетами мины. Командующий флотом приказал срочно развернуть сеть специальных постов противоминного наблюдения (ПМН) - на береговых батареях, при постах СНиС и в других пунктах побережья, а также и на воде. Плавучими постами служили катера или шлюпки, поставленные на якорь в определенных точках у фарватеров и снабженные, как и береговые посты, компасами и пеленгаторами.

Помню, когда у командующего обсуждалось при участии

контр-адмирала В. Г. Фадеева, какой должна быть система ПМН, учитывалось и то, что вахта на создаваемых [43] постах потребует помимо зоркости, сноровки, бдительности еще и большого самообладания. Ведь мина могла опуститься на берег или на мелководье совсем рядом, а что такое ее взрыв, знали уже все. Было предложено посылать на посты ПМН, особенно на плавучие, наиболее смелых, решительных краснофлотцев во главе со старшиной, как правило, коммунистом.

В районе Севастополя посты ПМН вступили в действие уже 23 июня, а через три-четыре дня их создали во всех базах флота, которым угрожали вражеские налеты. Пеленги, взятые с нескольких постов на парашют мины (обычно различимый и ночью) в момент ее приводнения, довольно точно указывали опасные места, которые кораблям следовало обходить.

Такие места отмечались на картах, обозначались плавучими вехами, и число их все увеличивалось. С 22 июня по 7 июля - это был период наиболее настойчивых попыток противника «закупорить» нашу главную базу - фашистская авиация сбросила на подходах к Севастополю 44 неконтактные мины, и 24 из них приводнились у выхода из Северной бухты. А эффективными средствами обезвреживания таких мин флот еще не располагал. Да и не могло быть полной уверенности, что все до единой мины запеленгованы.

Минное оружие врага загадывало нам трудные загадки, преподносило каверзные сюрпризы. 1 июля, несмотря на соблюдение всех мер предосторожности, подорвался, еще не выйдя за боновые заграждения, эскадренный миноносец «Быстрый». И притом на таком участке фарватера, который считался безопасным: перед эсминцем там благополучно прошли буксир, два транспорта, подводные лодки.

Подорвавшийся эсминец не затонул - командир корабля капитан 2 ранга С. М. Сергеев сумел посадить его на отмель. Ф. С. Октябрьский и я немедленно отправились туда на катере. Командующий эскадрой контр-адмирал Л. А. Владимирский, успевший прибыть на борт эсминца раньше нас, доложил, что командир и экипаж действовали правильно, убитых нет, есть раненые и контуженые, повреждения корпуса и механизмов - серьезные… Только через несколько дней, после предварительной заделки пробоин на месте, оказалось возможным отбуксировать «Быстрый» к заводскому причалу.

Почему подорвался именно эсминец, а не подводные лодки, не транспорты, имевшие уж никак не меньшую осадку и массу металла? Специалисты приходили к выводу, что мина, вероятно магнитная, была снабжена чем-то [44] вроде «прибора

кратности»: механизм срабатывал на взрыв при прохождении над нею не первого корабля, а, допустим, пятого или десятого.

Предположение это потом подтвердилось. Но неконтактные мины могли быть (и были!) не одного вида и типа - не только магнитные, но и акустические, реагирующие на шум корабельных машин и винтов, а также комбинированные магнитно-акустические и с установкой на различную кратность. Разгадке их секретов положило начало извлечение минерами донной мины из плавней Днепро-Бугского лимана вблизи Очакова. 6 июля эту мину, оказавшуюся «чисто магнитной», успешно разоружил, рискуя жизнью, инженер-капитан 3 ранга М. И. Иванов из минно-торпедного отдела флота, за что был награжден орденом Красного Знамени.

Тем временем в севастопольской бригаде ОВР попробовали уничтожать неконтактные мины глубинными бомбами, сбрасываемыми на полном ходу с катеров-охотников. И 5 июля достигли первого успеха - две мины, лежавшие на фарватерах, были взорваны этим способом.

Борьба с минной опасностью велась и по иным направлениям. На кораблях, в первую очередь на линкоре и крейсерах, монтировались защитные размагничивающие устройства. Сперва они были довольно примитивными. В дальнейшем командированная на наш флот из Ленинграда группа ученых во главе с И. В. Курчатовым и А. П. Александровым, будущими известными академиками, разработала и применила на кораблях более совершенную технику размагничивания.

А наши минные специалисты под руководством флагманского минера Черноморского флота капитана 2 ранга М. М. Семенова и при помощи коллег из Наркомата ВМФ сконструировали к концу июля баржевый электромагнитный трал (БЭМТ), располагая которым стало уже легче очищать от мин фарватеры и бухты.

Разгадывать тайны немецких неконтактных мин пришлось еще долго, и не сразу были найдены самые надежные средства и способы их обезвреживания. И это один из уроков на будущее - никакое оружие врага не должно застать нас врасплох! Но важно подчеркнуть и другое: как ни старался враг парализовать действия нашего флота, запереть его в портах и бухтах, боевые выходы надводных и подводных кораблей, рейсы транспортов, несение в море дозоров и все остальное, что надлежало делать флоту, не прерывалось ни на один день. [45]

В последние дни июня противник, продолжая сбрасывать с самолетов мины, начал бомбардировки различных береговых

объектов в районе Севастополя. Одним из них был большой железнодорожный мост через Камышловскую долину (она представляет собой глубокую впадину и потому именуется часто оврагом). За Камышловский мост мы тревожились с первого часа войны. По нему проходила дорога, связывавшая Севастополь со всей страной, и враг не мог не учитывать его значения, а также того, как трудно было бы его восстановить.

Мост хорошо охранялся. Здесь было добавлено зенитных орудий, и воздушные налеты на этот объект (с 28 июня - регулярные) оставались безрезультатными. А чтобы перевозки грузов, необходимых флоту и городу, не прерывались ни при каких обстоятельствах, Военный совет обязал инженерный отдел флота оборудовать на станции Бельбек (находящейся перед мостом со стороны Бахчисарая) перевалочный пункт и подвести туда асфальтированную дорогу от Симферопольского шоссе.

Однажды мы с дивизионным комиссаром Петром Тихоновичем Бондаренко поехали посмотреть, как обстоят дела у строителей и Камышловских зенитчиков. У поворота с шоссе нас остановил краснофлотский патруль. Проверив документы, разрешил следовать дальше. Я сделал моряку замечание: взяв мой пропуск, он отставил винтовку в сторону, и оказавшийся на моем месте враг сразу бы ею завладел - я протянул к винтовке руку, чтобы показать, как это могло произойти. Краснофлотец вдруг отшатнулся и испуганно вскрикнул:

- Осторожно, товарищ дивизионный комиссар! Вас могут убить!

В кустах у дороги сидел, замаскировавшись, другой моряк и уже держал нас на прицеле. Такую систему подстраховки краснофлотцы, как выяснилось, придумали сами.

- Что ты об этом скажешь, Петр Тихонович? - спросил я своего спутника.

- Скажу, что разумны и находчивы наши люди. Таких не проведешь! - ответил Бондаренко.

Большое удовлетворение доставила нам и встреча с подразделением, охранявшим Камышловский мост. Поставленные на эту огневую позицию всего несколько дней назад, зенитчики успели ее обжить, неплохо окопались в неподатливой крымской земле, толково организовали свой быт. О боевой работе, заключавшейся в отражении еженощных воздушных налетов, они рассказывали спокойно, деловито, [46] но не без гордости, для которой были основания. Мост не имел никаких повреждений и нормально пропускал поезда. Не понесли пока потерь и его защитники.

Тому, как настроен личный состав любого подразделения или

корабля, мы придавали большое значение и в мирное время. А в боевой обстановке от этого могло зависеть буквально все. Война стала буднями, и надо было заботиться, чтобы мужества, стойкости, выдержки и упорства в тяжелом, смертельно опасном ратном труде хватило нашим людям надолго, добиваться, чтобы эти драгоценные качества развивала у бойцов и командиров вся обстановка на флоте и конечно же - партийно-политическая работа. Вести ее непрерывно, вести политработникам и командирам, коммунистам и комсомольцам, знать положение и настроение людей на каждом участке, держать тесную связь с личным составом, удовлетворять его бытовые и духовные запросы - этого требовала и директива о партполитработе в военное время, направленная на флоты начальником Главного управления политической пропаганды ВМФ И. В. Роговым еще в первый день войны.

…Нас предупредили, что ожидается передача по радио важного правительственного сообщения. 3 июля, с сигналом побудки, весь личный состав флота собрался в кубриках, кают-компаниях, на палубах кораблей. С нетерпением ждали начала передачи и мы у себя на ФКП. Когда диктор объявил о том, что с речью выступит Председатель Государственного Комитета Обороны И. В. Сталин, краснофлотцы, командиры и политработники замерли у репродукторов, стараясь не упустить ни одного слова.

И вот в репродукторе прозвучал знакомый, тихий, но несколько взволнованный голос И. В. Сталина с необычным обращением к народам страны:

- Товарищи! Граждане!

Братья и сестры!

Бойцы нашей армии и флота!

К вам обращаюсь я, друзья мои!…

Слушали это необычное обращение и как-то по-особенному волновались. Да и как могло быть иначе? Шел тринадцатый день войны, положение на фронтах ухудшалось, и, естественно, все мы напряженно ждали, что скажет глава правительства. Потом нам станет известно, что содержание его речи соответствовало директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 года, в которой была изложена развернутая программа мобилизации всех сил и средств страны [47] для организации борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Советские люди услышали тяжелую правду, глубоко поняли, какая суровая опасность нависла над нашей Родиной. Вместе с тем перед народом, воинами армии и флота были поставлены конкретные задачи,

определяющие роль каждого в этой смертельной схватке с гитлеровским фашизмом.

В тот же день по телетайпу поступил текст речи И. В. Сталина, и мы снова и снова вчитывались в каждое ее положение. Редактору газеты «Красный черноморец» полковому комиссару П. И. Мусьякову было предложено выпустить номер газеты с выступлением Председателя Государственного Комитета Обороны увеличенным тиражом, принять меры к быстрейшей доставке газеты на корабли и в части.

Повсеместно прошли митинги и собрания, выразившие искренние чувства воинов-патриотов, их готовность отдать все силы, а если потребуется, то и жизнь во имя защиты социалистического Отечества. Пламенные призывы ленинской партии - «Все для фронта, все для победы!», «Все силы на разгром врага!» - стали законом жизни советских людей, воинов армии и флота.

Хочется - в чем-то, быть может, забегая немного вперед - рассказать, как работал в то время коллектив нашего флагманского командного пункта. Все, кто в этот коллектив вошел, и раньше знали друг друга. Но теперь многим пришлось соприкоснуться в работе гораздо ближе, да и вообще постоянно находиться рядом. И на каждого в отдельности, как и на всех вместе, легла не просто неизмеримо большая нагрузка, но и не сравнимая с прежней ответственность. Очень важно было, чтобы такой коллектив - опора командующего в боевом управлении действующим флотом - делал свое дело слаженно, дружно, при взаимном уважении и понимании с полуслова.

Думается, достигнуть этого положения, создать такую обстановку нам удалось.

Работал ФКП, естественно, круглые сутки. И все же старались придерживаться в чем можно, начиная с времени приема пищи, привычного для большинства корабельного распорядка. В восемь утра - «сразу после подъема флага», как говорят на кораблях, - начальник оперативного отдела капитан 2 ранга О. С. Жуковский, всегда энергичный и подтянутый, докладывал обстановку и утреннюю оперсводку для Главного морского штаба. Вслед за начопером часто [48] слушали командиров соединений, кораблей или частей, выполнявших определенные боевые задачи. Либо рассматривались и утверждались планы дальнейших боевых действий. Иногда это длилось до полудня, до традиционного на флоте часа обеда, и тогда вызванные на ФКП командиры садились вместе с нами за стол. В кают-компании разговор переходил на непринужденный товарищеский тон, что тоже было полезно для дела - помогало лучше почувствовать настроение

людей, да и услышать немало интересного сверх официальных докладов.

После обеда, если не было особо срочных дел на ФКП, мы обычно отправлялись в соединения. Лично про себя должен сказать: помимо сознаваемой необходимости как можно больше видеть собственными глазами, не полагаясь только на донесения, подталкивала меня и внутренняя потребность побывать, например, на подводной лодке, готовящейся к выходу на позицию, поговорить с авиаторами, которые через час-два поднимутся в воздух или только что вернулись с задания. Такие встречи, а особенно встречи с людьми, только что вышедшими из боя, подсказывали ценные выводы на будущее, вместе с тем обогащали духовно, вызывали гордость за наших краснофлотцев и командиров. И тем прибавляли сил, уверенности тебе самому.

В первые две недели войны приходилось много заниматься мобилизованными гражданскими судами - грузовыми, пассажирскими, рыболовецкими, которым предстояло стать военными транспортами, тральщиками, сторожевиками и вспомогательными кораблями различного назначения. Еще большего внимания требовали мобилизованные люди - краснофлотцы, старшины, командиры и политработники запаса, прибывавшие со всех концов страны. В боевые ряды флота вливалось многочисленное пополнение, и необходимо было проследить, чтобы эти люди направлялись туда, где они по своей подготовке могли принести наибольшую пользу.

Вечером, после ужина, мы с командующим вновь заслушивали доклады, в том числе обязательно - начальника тыла, решали с кадровиками вопросы о новых назначениях. На первых порах большинство назначений было связано с вводом в строй мобилизованных торговых и рыболовецких судов. На одних утверждали командирами прежних капитанов, надевших военную форму, на другие назначали кадровых военных моряков. Команды бывших гражданских судов пополнялись артиллеристами, пулеметчиками, сигнальщиками. [49]

С командующим у меня установился еще более тесный рабочий контакт, чем когда-либо раньше. И то, что жили мы на ФКП в одном отсеке (или в «каюте», как мы иногда говорили), помогало еще ближе узнать друг друга.

Филипп Сергеевич Октябрьский был человеком самобытным. Он имел на все собственную, подчас неожиданную точку зрения и высказывал свое мнение всегда откровенно, прямо, а иной раз - резко, вспыльчиво. Случалось, мы расходились во взглядах по довольно существенным вопросам и докладывали о своих разногласиях «наверх», в наркомат. Бывало, что там

поддерживали мнение Октябрьского, бывало - мое. Принятому решению он подчинялся безоговорочно и никогда не упрекал ни меня, ни кого-то другого, если его отвергнутое предложение оказывалось в конечном счете более правильным.

При всей своей твердости и решительности, при волевом складе характера Октябрьский умел уважать чужое мнение, и это было очень привлекательной стороной его натуры. Можно согласиться, что Филиппу Сергеевичу недоставало гибкости в отношениях с людьми, он был вообще не очень общительным, но никогда не проявлял мелочности, старался не замечать у других слабостей, не слишком метавших делу.

Командующий имел превосходного помощника и заместителя в лице начальника штаба флота Ивана Дмитриевича Елисеева, молодого контр-адмирала, успевшего приобрести некоторый боевой опыт в Испании. Спокойный и вдумчивый, немногословный, предельно организованный, Елисеев был отличным исполнителем решений командования и вносил большой вклад в их подготовку. Ивана Дмитриевича глубоко уважали на кораблях, особенно на эскадре, где он прослужил много лет. Известны были его доступность, готовность помочь любому командиру добрым советом.

Все мы очень любили и Петра Тихоновича Бондаренко (с 22 июля, когда был восстановлен институт военных комиссаров и реорганизованы политорганы, - начальника политуправления Черноморского флота). Служил он на флоте давно, участвовал в гражданской войне, много плавал и прошел на кораблях путь от краснофлотца до комиссара линкора. Общительный, очень отзывчивый, Петр Тихонович был просто неоценим в коллективе.

Как это свойственно прямодушным, непосредственным людям, Бондаренко не всегда умел сдерживать свои чувства. В товарищеском кругу у него подчас бурно прорывались наружу душевная боль и горечь, вызываемые тяжелым положением [50] на фронте в первые месяцы войны. Он яростно обрушивался на некоторые произведения литературы, фильмы и особенно песни, настраивавшие, как ему казалось, наших людей на слишком мирный лад. Помню, раз в кают-компании кто-то завел перед ужином патефон и поставил пластинку с одной из возмущавших тогда Петра Тихоновича довоенных песен, и он, вспылив, хватил пластинкой об пол… Но сердиться на него за это было невозможно.

Не могу представить себе наш ФКП также без капитана 1 ранга Александра Григорьевича Васильева, который возглавлял отдел боевой подготовки, а затем стал ведать в штабе морскими коммуникациями и организацией движения транспортов. В свое

время он учился вместе с Ф. С. Октябрьским в параллельных классах Военно-морского училища имени М. В. Фрунзе. Октябрьский уважал и ценил Васильева, но то, что они - старые товарищи, никак не сказывалось на служебных отношениях. И за всякое упущение Васильеву доставалось, пожалуй, даже больше, чем кому-нибудь другому. Смелый командир и способный организатор, Александр Григорьевич был в то же время очень добрым, мягким человеком, чутким товарищем.

Такие люди, как Бондаренко и Васильев, посвятившие флоту всю сознательную жизнь с самой юности и глубочайше его знавшие, истинные военные моряки по призванию, благотворно влияли на сплочение коллектива флагманского командного пункта. Сплачивала флотских штабистов и возраставшая напряженность общей работы. Замечено давно, что в сложных условиях сильнее проявляются самые лучшие стороны каждого честного советского человека, а недостатки, слабости сглаживаются, как бы отходят на второй план.

* * *

Еще 2 июля нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов, выполняя указание Ставки, поставил нашему флоту новую боевую задачу - ударами черноморских ВВС уничтожить объекты нефтяной промышленности в районе Плоешти. Одновременно предписывалось не давать противнику восстанавливать разбитые и поврежденные нефтехранилища и транспортные сооружения в Констанце. А затем флотской авиации планировалось разрушение железнодорожного моста и нефтепровода через Дунай у станции Чернавода - в 60 километрах к западу от Констанцы.

Как нам было известно, к нанесению ударов по нефтедобывающим и нефтеперерабатывающим центрам на территории Румынии привлекалась также авиация Южного фронта. [51] Но я буду говорить только о действиях флотских ВВС, поскольку об остальном знаю недостаточно.

Полтора десятка нефтеперегонных заводов, расположенных в городе Плоешти и вблизи него, производили более трех миллионов нефтепродуктов в год. Это был основной источник снабжения естественным жидким горючим всей гитлеровской военной машины. Тем и определялась ответственность задачи, возложенной на нашу 63-ю авиабригаду, - удары по Плоешти поручались ей.

За месяц с небольшим подразделения нашей 63-й бомбардировочной авиабригады произвели двадцать два налета

на плоештинские нефтеперегонные предприятия. Не все налеты были одинаково успешными - этот район имел сильную противовоздушную оборону. Наибольшие результаты дал дневной налет 13 июля. Его совершили экипажи эскадрильи капитана Александра Цурцумия, только что освоившей новые боевые машины - пикирующие бомбардировщики Пе-2, которые стали поступать на флот в первые дни войны.

В налете участвовали всего два звена, их вели капитан А. П. Цурцумия и старший лейтенант И. Е. Корзунов. И шести экипажам удалось поджечь два крупных нефтеперегонных завода - «Орион» и «Астра-Романиа», причем пожары, как установила наша воздушная разведка, продолжались трое суток, и заводы смогли возобновить работу лишь в ноябре. Потом стало известно, что в хранилищах, разбомбленных в тот день, выгорело более двухсот тысяч тонн нефтепродуктов.

Об этом ударе по Плоешти писали газеты многих стран. Некоторые иностранные отклики приводились в нашей печати. Любопытно, что в ряде сообщений говорилось, будто в налете участвовало не менее ста советских бомбардировщиков.

Приведу несколько строк из опубликованных в 1945 году воспоминаний Героя Советского Союза Ивана Егоровича Корзунова - он рассказывает, как наши летчики, обманув противника, прорвались тогда к цели:

«Тут и осуществил Цурцумия самый блестящий маневр этого полета. Он прошел в стороне от Плоешти довольно далеко на запад, затем мы развернулись и пошли к городу от Карпат, иначе говоря, из глубокого немецкого тыла, откуда враги, конечно, никак не могли ждать появления советских самолетов… У самого Плоешти мы прошли мимо аэродрома и Цурцумия даже крыльями покачал - идем, мол, на посадку. Нигде не обнаруживалось никаких признаков тревоги… Видны были пробегающие по улицам автомобили, в городе [52] шла нормальная жизнь. Штурманы неторопливо прицеливались…»{6}

Зенитки открыли огонь, когда самолеты уже сбрасывали 250-килограммовые фугаски. И только на обратном пути группу Цурцумия нагнали и атаковали фашистские истребители. Два «мессершмитта» удалось сбить, но погиб со своим экипажем и один из шестерки наших Пе-2 - машина лейтенанта Алексея Александрова. Был поврежден и дважды загорался бомбардировщик Корзунова, однако летчик сбивал пламя и довел самолет до ближайшего советского аэродрома.

На следующий же день отличившиеся участники воздушного рейда в неприятельские тылы были удостоены боевых наград. Мне довелось вручить орден Красного Знамени Александру

Пехувичу Цурцумия. Поразила тогда скромность этого отважного человека. Капитан Цурцумия охотно и интересно рассказывал о своих товарищах, о техническом составе, обслуживавшем эскадрилью, но смущался, когда я пытался расспросить о том, что делал он сам.

За пять месяцев войны, которые он находился в строю, коммунист Цурцумия совершил восемьдесят семь боевых вылетов. Он погиб в конце декабря, будучи уже майором, летчиком, известным не только всему Черноморскому флоту, но и за его пределами.

«Имя Цурцумия произносится в 40-м авиационном полку как символ доблести и славы», - писал командир полка, представляя доблестного летчика посмертно к званию Героя Советского Союза. Представление, поддержанное Военным советом флота, было удовлетворено.

Хочется добавить - и это не умалит славы Александра Цурцумия, - что за годы войны в частях черноморской авиации выросла целая плеяда летчиков такого класса, имена и подвиги которых также стали широко известны в стране.

Первый налет на Чернаводский мост был предпринят 10 августа. К поражению этой цели велась тщательная подготовка.

Мост, по которому шло все железнодорожное сообщение между морским побережьем Румынии и ее центром, относился к крупнейшим сооружениям такого рода в Европе. Имея длину более чем полтора километра, он поддерживался тремя каменными опорами на 35-метровой высоте над Дунаем. Ниже настила железнодорожного полотна были проложены [53] трубы нефтепровода Плоешти - Констанца. Все это внушительно выглядело даже на снимках, которые представил начальник разведотдела полковник Д. Б. Намгаладзе, когда планы ударов по мосту рассматривались на Военном совете с участием непосредственных исполнителей.

Сложность задачи заключалась в том, что бомбардировка с малых высот почти исключалась - объект имел сильную систему ПВО, а с больших высот очень трудно поразить хотя и длинную, но весьма узкую цель. Посоветовавшись, решили использовать помимо пикировщиков Пе-2 истребители И-16, способные нести 250-килограммовые бомбы. А так как «ястребки» не смогли бы долететь до цели и вернуться обратно, часть пути в одну сторону им предстояло проделать подвешенными под плоскостями тяжелых армейских бомбардировщиков ТБ-3 (для этого существовала специальная система крепления, сконструированная инженером В. С. Вахмистровым).

Два звена «Петляковых» - их вели старшие лейтенанты И. Е.

Корзунов и В. А. Лобов - сбросили бомбы с довольно большой высоты, однако цель накрыли. Мост был поврежден, но из строя не выведен. Более результативный удар нанесли в тот же день четыре «ястребка» из эскадрильи капитана А. В. Шубикова, которые были доставлены тяжелыми бомбардировщиками в район Георгиевского гирла Дуная, а там отцепились в воздухе и продолжили полет самостоятельно. Истребителям (некоторые из них снижались до 500 метров) удалось разрушить своими фугасками две мостовые фермы, перебив в этих местах и трубу нефтепровода, после чего самолеты благополучно долетели до Одессы. Кроме командира эскадрильи в этом налете участвовали летчики Б. М. Литвинчук, Б. И. Филимонов, И. Я. Каспаров.

Противник, как установила воздушная разведка, немедленно приступил к восстановлению разрушенных участков моста и нефтепровода. Чтобы довести дело до конца, понадобился еще один удар. Его поручили нанести 13 августа той же группе истребителей во главе с капитаном Шубиковым.

О результатах налета сообщило всей стране Совинформбюро: «В Чернаводский мост попали бомбы крупного калибра. Одна 140-метровая ферма моста почти целиком рухнула в воду. Мост разрушен. Советские летчики блестяще выполнили боевое задание».

Добавлю, что один из главных героев смелых прорывов к сильно охраняемому объекту в неприятельских тылах капитан А. В. Шубиков сражался с фашистами еще в небе Испании, где заслужил два боевых ордена. За вывод из строя [54] Чернаводского моста командир эскадрильи был удостоен ордена Ленина.

В то трудное время награждали еще очень немногих, только особенно отличившихся командиров и бойцов. Орденом Красного Знамени был отмечен подвиг лейтенанта Евграфа Рыжова (впоследствии ставшего Героем Советского Союза), одного из летчиков, перехвативших на новых истребителях МиГ-3 вражеские бомбардировщики, рвавшиеся к Севастополю. 25 июля он на поврежденном в воздушном бою самолете, уже израсходовав боезапас, таранил «Хейнкель-111», который развалился на части и упал в море. А Рыжову удалось, спланировав, посадить свой «ястребок» на воду. Конечно, колесная машина не могла долго продержаться на плаву. Летчика выручил спасательный жилет. Дело происходило довольно далеко от берега, и нашли его лишь через три или четыре часа, а сперва посчитали было погибшим.

Это был первый воздушный таран у нас на флоте и, вероятно, один из первых в Отечественной войне.

* * *

Президиум Верховного Совета СССР уже в июле наградил также группу моряков-дунайцев, что означало признание боевых успехов молодой флотилии, созданной в составе Черноморского флота год назад. Ордена Красного Знамени были удостоены контр-адмирал Н. О. Абрамов, бригадный комиссар В. К. Беленков, командир подразделения катеров капитан-лейтенант И. К. Кубышкин, командир пулеметной роты М. Н. Матвейчук, замполит этой роты политрук Г. Е. Хмельницкий, командир эскадрильи капитан А. И. Коробицын и другие.

Боевые действия на Дунае и в устье Прута, начавшиеся на рассвете 22 июня артиллерийским обстрелом советского берега и наших кораблей с румынской стороны, развивались затем не так, как на большинстве других участков западной границы. Здесь, на левом фланге советско-германского фронта, врагу ни в июне, ни в первой половине июля не удавалось, несмотря на многочисленные к тому попытки, вторгнуться на советскую территорию. Более того, на третьи сутки войны бои начали переноситься на территорию противника.

Утром 24 июня, после артподготовки, проведенной кораблями и береговыми батареями флотилии, дунайские бронекатера высадили на неприятельский берег в районе мыса Сату-Ноу сперва роту пограничников, а после того как она [55] закрепилась - батальон из состава 14-го стрелкового корпуса генерал-майора Д. Г. Егорова, которому флотилия была подчинена в оперативном отношении. Вслед за тем ниже по течению, у городка Килия Старая, был высажен стрелковый полк. Расширяя захваченные плацдармы, оба десанта соединились. Общими усилиями моряков, армейцев и пограничников удалось очистить от войск противника румынский берег Килийского гирла Дуная на протяжении примерно 75 километров и прилегающие к нему острова. Были взяты сотни пленных и немалые для того времени трофеи в виде разного рода вооружения.

А главное - существенно изменилась в нашу пользу обстановка на значительном участке фронта. Правобережный плацдарм облегчал оборону нашего берега, обеспечивал флотилии относительную свободу боевого маневрирования на этом отрезке пограничной реки и возможность пользоваться Измаильским портом, избавленным, как и сам город, от прицельного артобстрела через Дунай.

Следует сказать, что инициатива высадки десантов исходила от командования Дунайской флотилии, для которой захват плацдарма на правом берегу стал в сложившейся обстановке необходимым условием дальнейших успешных боевых действий. Военный совет флота, не колеблясь, дал на это «добро». Одобрило идею дунайцев и армейское командование, хотя оно и могло послать в десант, выделить для удержания плацдарма весьма ограниченные силы.

Мы в Севастополе внимательно следили за тем, как развертываются на дунайском рубеже активные, наступательные действия флотилии и сухопутных частей, очень радовались обозначившемуся там боевому успеху. Всем черноморцам стало известно, сколько мужества и отваги проявили при высадке десантов на Дунае их товарищи.

На весь флот прогремел подвиг командира отделения рулевых дунайского бронекатера старшины 2-й статьи Федора Щербахи. В рубку этого катера попал снаряд, был тяжело ранен командир, а Щербахе, стоявшему у штурвала, оторвало часть ноги. Молодой коммунист (Щербаха был кандидатом партии, а перед боем подал заявление с просьбой принять его в члены ВКП (б), заверяя парторганизацию, что не пожалеет жизни для разгрома врага) не захотел привлекать внимание к своему ранению в разгар боя. Собрав все силы, он совершил, казалось бы, невозможное - оставаясь у штурвала, продолжал выполнять команды, пока бронекатер выходил из-под вражеского огня. Только после этого Федор [56] Щербаха доложил о своем состоянии. Через некоторое время он скончался от потери крови.

Конечно, июньские десанты на Дунае выглядят весьма скромно в масштабах сражений, развертывавшихся в те дни на громадном пространстве от Баренцева до Черного моря. И дунайский участок фронта не относился к тем, где нам противостояли главные силы врага. Но, думается, эти десанты имели не только тактическое значение. Тот факт, что советские воины уже в первые дни войны форсировали водный рубеж, вступили на землю врага и на какое-то время закрепились на ней, свидетельствует о многом{7}.

Плацдарм за Дунаем прочно удерживался более трех недель и был оставлен советскими частями не под натиском врага, а по приказу в связи с тем, что осложнилось положение севернее. Все это время противник не мог пересечь границу как на ее 150-километровом дунайском участке, так и в низовьях Прута. Новые его попытки высадиться на советском берегу успешно отбивались. Наша флотилия, поддерживая оборонявшиеся здесь сухопутные войска, продолжала проявлять высокую боевую активность.

Эффективно использовалась сильная артиллерия Дунайского сектора береговой обороны, который возглавлял полковник Е. Т. Просянов. Дунайцам помогала, выполняя их заявки, бомбардировочная авиация флота.

О положении на дунайском рубеже в те недели говорит уже то, что румынская речная флотилия, мониторы которой превосходили наши по вооружению и броне, по существу оказалась блокированной и не смела появляться в пограничном Килийском гирле, у Измаила.

Но севернее дунайского участка границы, где натиск врага был сильнее, фронт сдвигался к Днестру. Над войсками, оборонявшимися на стабильном приморском фланге, нависла угроза быть отрезанными, и постепенно становилось ясно, что неизбежен отвод наших частей с границы, а следовательно, и уход с Дуная флотилии.

Командование образованной в составе Южного фронта Приморской группы войск поставило перед нами вопрос об [57] этом еще 7 июля. Однако указания наркома ВМФ ориентировали на то, чтобы с отводом флотилии не спешить. Потом ее отход откладывался на сутки уже по просьбе армейцев. Дунайцы ушли со своего водного рубежа в ночь на 19 июля, после захвата гитлеровцами Кишинева.

Предварительно были отведены тыловые службы флотилии. Ее подвижные батареи, зенитчики и стрелковые подразделения отходили в боевых порядках 14-го корпуса. А корабли (сняв перед этим - скрытно и без потерь - всех до единого бойцов и командиров с правобережного плацдарма) с боем прорвались в Черное море. При прорыве был потерян один бронекатер, а выведено, считая и вспомогательные суда, сто вымпелов. Потери флотилии на Дунае вообще были невелики.

Прикрываемые высланными им навстречу канонерскими лодками и крейсером «Коминтерн», речные корабли к утру 20 июля добрались до Одессы, где мне довелось их встретить. Накануне я пришел туда на катере-охотнике и еще до прибытия дунайцев услышал весьма лестный отзыв об их последних боевых делах от командующего Приморской группой войск (уже преобразовывавшейся в Отдельную Приморскую армию) генерал-лейтенанта Н. Е. Чибисова. Только большая вероятность воздушных налетов противника заставила отказаться от торжественной встречи флотилии в Одесском порту - дунайцы, ушедшие с передового рубежа непобежденными, ее заслужили.

На борту флагманского монитора «Ударный» контр-адмирал Н. О. Абрамов и бригадный комиссар В. К. Беленков подробно доложили о действиях флотилии, о ее состоянии. Переход от

устья Дуная в Одессу дался нелегко: мелкосидящие речные корабли для плавания по морю не предназначены, волнение в каких-нибудь четыре балла им уже опасно, а в данном случае выбирать погоду не приходилось. На относительно коротком маршруте некоторые корабли получили такие повреждения корпусов, каких не имели в боях.

На «Ударном» и других кораблях я долго беседовал с краснофлотцами. Конечно, их не мог радовать вынужденный отход с реки, именем которой называлась флотилия. Но сделанным там моряки гордились и верили, что еще вернутся на Дунай. А я заверил их, что флотилия, где бы ей ни пришлось действовать в ближайшее время, будет по-прежнему называться Дунайской.

Было решено, что основная часть ее кораблей на следующий же день отправится в Николаев, чтобы пройти срочный ремонт. Бывшие погранкатера, включенные в состав флотилии [58] с началом войны, и некоторые другие малые корабли, а также подвижные батареи передавались Одесской военно-морской базе.

Вскоре корабли Дунайской военной флотилии, вступившей в оперативное подчинение командующему Южным фронтом, понадобились на Буге и на Днепре.

* * *

Во второй половине июля 1941 года наша партия осуществила меры, оказавшие огромное влияние на укрепление боевой мощи армии и флота. Я имею в виду реорганизацию управлений и отделов политической пропаганды в политорганы и введение в частях, на кораблях и в соединениях военных комиссаров, а в ротах и им равных подразделениях - политических руководителей. Эта мера, как известно, была обусловлена в корне изменившейся обстановкой работы в войсках, связанной с войной.

К нам поступила директива Народного комиссара обороны СССР и Главного политического управления РККА, первый, пункт которой наставлял политработников: «Быть большевистскими комиссарами, боевыми носителями духа нашей партии, ее дисциплины, ее твердости, самоотверженности, мужества и непоколебимой воли к победе, хранить и умножать традиции комиссаров времен гражданской войны».

Все это потребовало вдумчивого подхода к расстановке кадров. Ведь не каждый начальник отдела политической пропаганды мог быть назначен комиссаром соединения. Решать

эти проблемы нам активно помогал армейский комиссар 2 ранга Иван Васильевич Рогов, возглавивший Главное политическое управление Военно-Морского Флота. В эти дни он находился в Севастополе, посетил многие корабли и части, собирал политработников, разъяснял им значение Указа Президиума Верховного Совета СССР о реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров.

И. В. Рогов тут же, в Севастополе, назначил руководящие кадры политработников, входивших в номенклатуру Главного политического управления ВМФ и наркома.

Должен сказать, что политработники, став комиссарами, самоотверженно выполняли порученное дело, сплачивали моряков, увлекали их на ратный подвиг. Я не помню случая, чтобы кто-нибудь из них хотя бы на какой-то момент смалодушничал. Их место всегда было впереди, и об этом еще не раз пойдет речь в моих записках. [59]

В этой главе, посвященной началу боевых действий на Черноморском театре, не очень много говорилось о крупных надводных кораблях, об эскадре и почти ничего - о подводниках. Главные боевые дела и тех и других были впереди.

К началу войны две черноморские бригады подводных лодок и отдельный учебный дивизион (который сразу же перестал быть учебным) насчитывали 47 подводных кораблей. Подлодки, как я уже сказал, стали выходить в боевые походы с 22 июня. Это были глаза и уши флота в отдаленных районах моря, где подводники несли дозор, в том числе противодесантный, вели разведку. Но основной их задачей являлось пресечение морских перевозок противника, для чего мы держали по нескольку лодок на позициях в западной части моря. Однако целей для атак они там довольно долго не встречали - сперва противник мало пользовался морскими путями, у его берегов появлялись лишь небольшие суда, державшиеся на недоступном для лодок мелководье.

Первую победу вписала в боевой счет черноморских подводников подлодка «Щ-211», которой командовал капитан-лейтенант А. Д. Девятко. 15 августа она потопила на подходах к Констанце крупный военный транспорт. Этот же экипаж успешно выполнил ответственное спецзадание, скрытно высадив вблизи Варны группу болгарских коммунистов, возвращавшихся из эмиграции на родину для подпольной борьбы против немецко-фашистских поработителей.

Корабли эскадры, оснащенные мощным артиллерийским и торпедным оружием, мы готовили в мирное время к морским боям с равноценным или даже превосходящим по силе

противником, к действиям против флота коалиции агрессоров, появление которого по нашу сторону Босфора было вполне возможным. Вместе с тем в планах боевой подготовки артиллерийских кораблей всегда отводилось место и стрельбам по сухопутным целям. И поскольку гитлеровцы сделали ставку на захват наших военно-морских баз с суши, такое использование корабельной артиллерии, как и береговой, стало в ходе войны главным. Но что так это будет, определилось не сразу.

В начале войны многие корабли, включая и крейсера, были заняты минными постановками. Все больших усилий требовала защита наших морских перевозок (сперва - от вражеских мин и ударов с воздуха, а потом - и от атак подлодок, торпедных катеров). 28 июня нарком ВМФ приказал считать обеспечение своих морских сообщений, и в первую очередь - перевозок топлива из Туапсе и Батуми, основной [60] задачей Черноморского флота. К конвоированию транспортов и танкеров стали привлекаться вслед за сторожевыми катерами и тральщиками крупные боевые корабли. В штабе флота понадобилось иметь специальный отдел, занимающийся морскими коммуникациями.

Возникла необходимость перебазировать часть кораблей из Севастополя в другие порты (рассредоточить их стало целесообразным также и ввиду систематических вражеских воздушных налетов). Базой значительной группы кораблей - двух крейсеров и трех эскадренных миноносцев - сделался Новороссийск. В Севастополе из состава эскадры остались линкор, три крейсера, лидер, семь эсминцев.

Ареной боевых действий многих кораблей, в том числе и базировавшихся на Кавказе, предстояло вскоре стать прифронтовому северо-западному району Черного моря. [61]

Глава третья.

На помощь Одессе

Проводив дунайцев в Николаев, я занялся делами Одесской военно-морской базы, при помощи специалистов штаба флота и группы политработников проверил ее боеготовность - это было главным, ради чего Военный совет направил меня в Одессу.

Армии Южного фронта отходили с боями на новые оборонительные рубежи. Выход противника к Днестру (на отдельных участках врагу уже удалось его форсировать) означал реальную угрозу для Одессы. Генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов,

когда мы были у него с командиром военно-морской базы Г. В. Жуковым и ее военкомом полковым комиссаром С. И. Дитятковским, прямо сказал, что создание Отдельной Приморской армии обусловлено именно необходимостью прикрыть Одессу - важный промышленный и культурный центр Юга, крупнейший черноморский порт. Он подчеркивал, что этой армии необходимо тесно взаимодействовать с флотом.

Будучи с недавних пор командующим войсками Одесского военного округа (штаб которого переехал в Днепропетровск), генерал Чибисов возглавлял формирующуюся армию по совместительству и должен был оставаться тут лишь до прибытия командарма. Он, чувствовалось, вкладывал всю душу, стремясь сделать как можно больше. Его тревожило, что наших войск на одесском направлении, как он считал, пока недостаточно.

Мы знали друг друга еще по совместным учениям в мирные дни. В то время Никандр Евлампиевич Чибисов был заместителем командующего войсками округа. Прежнее знакомство сделало нашу встречу непринужденной и сердечной. Чибисов рассказывал, как помогало частям Красной Армии население заднестровской Молдавии, как люди, всего один год прожившие при Советской власти, расставались с нашими бойцами со слезами на глазах, умоляя скорее возвращаться. Многие из этих людей, особенно рыбаки, уходили с войсками на левый берег Днестра, в приморские районы [62] Одесщины (о том же услышал я и от моряков-дунайцев). Все это воскрешало в памяти лето сорокового года, когда я видел торжествующую Бессарабию, воссоединявшуюся с Советской страной. Как хотелось, чтобы там, за Днестром, верили и знали: мы обязательно вернемся, не обманем пробужденных у наших братьев надежд на новую жизнь!

Разумеется, главной темой разговора с Н. Е. Чибисовым были вопросы сугубо практические - чем и как может флот помочь развертываемой под Одессой Приморской армии. Генерал Чибисов хорошо представлял возможности морского оружия, и я тогда сожалел, что командовать здесь сухопутными войсками будет не он (но преемник ему нашелся достойный).

Одесская военно-морская база располагала сильной береговой артиллерией - более мощная имелась на Черном море только под Севастополем. За предвоенные годы прошли модернизацию старые батареи и были сооружены новые. Основу огневой системы базы составляли две 180-миллиметровые (с дальностью стрельбы до 35 километров) батареи: 411-я, стоявшая на окраине города, в районе Большого Фонтана, и 412-я - у пригородного селения Чебанка. Всего же база имела шесть стационарных батарей и пять подвижных. В подчинении

командиру Одесской базы находились, кроме того, четыре батареи Очаковского сектора береговой обороны.

По докладу командования базы все батареи были в надлежащей боевой готовности, однако в этом следовало убедиться. На батареях, как и в других частях, куда я приезжал, объявлялась боевая тревога и проводились внезапные учения. Выучка личного состава оставляла хорошее впечатление. Но приходилось везде особенно тщательно проверять подготовку к обороне с суши, чему только недавно стали уделять серьезное внимание: долгое время в базе готовились отражать нападение врага главным образом с моря.

После отбоя тревоги завязывались беседы с бойцами. Почти всюду меня спрашивали: «Почему ушла с Дуная наша флотилия?», «Почему мы отдаем врагу наши города?», «Долго ли еще будет отступать Красная Армия?»… Трудные это были вопросы. И все, что я мог сказать в ответ, чувствовалось, не вполне удовлетворяло людей, привыкших к мысли, что если навяжут нам войну, то воевать будем не на своей территории.

А что фронт может еще более приблизиться к Одессе, многие краснофлотцы, по-видимому, были пока не в состоянии [63] себе представить. На 411-й береговой батарее артиллеристы стали просить, чтобы их послали на передовую, туда, где они смогут бить врага. Мои слова о том, что сухопутный противник может оказаться в пределах досягаемости для их орудий, они сперва восприняли чуть ли не как шутку. В одном сомневаться не приходилось: защищать Одессу, если это понадобится, моряки будут геройски.

Сам город войну уже ощущал. Как раз, когда я находился на этой батарее, со стороны моря появился немецкий самолет - очевидно, разведчик. На следующий день, 22 июля, на Одессу дважды налетали группы бомбардировщиков. Среди гражданского населения были убитые и раненые, военно-морская база потеряла троих краснофлотцев.

Осложнялись условия плавания на близких к Одессе участках морских коммуникаций - суда все чаще подвергались атакам с воздуха. Был поврежден теплоход «Аджария», и не затонул он лишь потому, что капитан успел посадить его на мель. А несколько дней спустя получили повреждения суда, стоявшие у причалов Одесского порта.

Неблагоприятное развитие событий на приморском фланге сухопутного фронта заставляло думать о подготовке к обороне Одессы как о неотложной практической задаче. 27 июля, сразу после моего возвращения в Севастополь и обсуждения обстановки на заседании Военного совета, командующий флотом направил

командиру Одесской военно-морской базы директиву, которая, в частности, требовала немедленно приступить к созданию сухопутной обороны базы, ведя работы круглосуточно и используя все наличные силы и средства. Личный состав всех батарей предписывалось тренировать в стрельбе по сухопутным целям.

* * *

Случалось и в довоенной практике, и во время войны, что по каким-то вопросам мнения Военного совета флота и Наркомата ВМФ или Главморштаба не совпадали. Но что касается обороны Одессы, то тут не было необходимости ни в каких согласованиях точек зрения, ни в каких запросах. Не ошибусь, если скажу: все моряки, от краснофлотца до наркома, были единодушны в том, что флот должен защищать Одессу до последней возможности, защищать при любых обстоятельствах и даже в том крайнем, маловероятном случае, если бы для обороны этого города не хватило сухопутных войск.

Одессу ни в коем случае не сдавать, организуя ее оборону с суши и с моря, - таково было требование наркома [64] ВМФ. Эта установка была подтверждена высшим военным руководством. 5 августа последовала директива Ставки главкому Юго-Западного направления, командующим войсками Южного фронта и Черноморским флотом: «Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая к делу Черноморский флот».

По приказу наркома на флоте был сформирован - с подчинением командиру Одесской базы (и базированием частично в Очакове) - отряд кораблей северо-западного района в составе крейсера «Коминтерн», эсминцев «Шаумян» и «Незаможник», бригады торпедных катеров, дивизиона канонерских лодок, дивизиона тральщиков, подразделений сторожевых катеров, в том числе пришедших с Дуная, и вспомогательных судов. Командиром отряда назначили старого черноморца контр-адмирала Д. Д. Вдовиченко, военкомом - тоже ветерана флота батальонного комиссара Я. Г. Почупайло. «Кораблям базы поддерживать войска до последнего снаряда», - говорилось в приказе наркома. Для обороны Одесской базы и поддержки сухопутных войск нам предлагалось использовать по обстановке также корабли и авиацию основного ядра флота.

Нарком санкционировал оборудование маневренной базы на Тендровской косе, которая могла пригодиться как опорный пункт для поддержки и питания Одессы с моря в случае ее окружения. А

такой оборот событий становился вполне вероятным.

* * *

На Черное море прибыл - для оперативного руководства действиями военно-морских сил и координации их усилий с сухопутными войсками - заместитель наркома ВМФ вице-адмирал Гордей Иванович Левченко. Его хорошо знали на всех флотах, особенно на Балтике, где Левченко еще до революции начинал морскую службу юнгой, а потом командовал Краснознаменным Балтфлотом. Мы с Гордеем Ивановичем были давно знакомы, неоднократно встречаясь по службе.

К тому времени положение под Одессой, особенно к северу от нее, еще более осложнилось. Фашистские войска захватили Котовск и Вознесенск, вышли к Кременчугу. Шли ожесточенные бои на кировоградском и криворожском направлениях. Силы Южного фронта оказались разобщенными и отводились к Бугу (а затем и на рубеж Днепра). Отдельная Приморская армия, удерживая левым флангом позиции у Днестра, оттянула от него свой правый фланг, чтобы прикрыть [65] Одессу с севера, и развернулась полукольцом на дальних подступах к городу.

К опасности, нависшей над Одессой, прибавилась непосредственная угроза Николаеву. А имевшаяся там военно-морская база, поскольку она находилась не на берегу моря, а на Южном Буге, то есть в тыловом районе, где исключалось появление морского противника, совсем не располагала береговой артиллерией - только средствами ПВО.

Г. И. Левченко пробыл в Севастополе недолго, решив немедленно отправиться в Одессу и Николаев. Сопровождать заместителя наркома выпало мне. Вечером 8 августа мы пришли в Одессу на эсминце «Шаумян». За несколько часов до того командир базы контр-адмирал Г. В. Жуков, ставший начальником гарнизона, по указанию Военного совета Приморской армии объявил город на осадном положении.

Жуков доложил, что отряд кораблей северо-западного района поддерживает сухопутные войска. В помощь Приморской армии база сформировала два небольших полка морской пехоты. 1-й полк, насчитывавший 1300 штыков, находился в районе Аджалыкского лимана, 2-й (750 штыков) предназначался для прикрытия порта. На местных предприятиях были размещены заказы на 20 тысяч бутылок с горючей смесью для борьбы с танками и на 10 тысяч гранат. Не хватало винтовок, пулеметов. Командир и комиссар базы просили помочь оружием и людьми.

Военный совет флота знал об этих нуждах Одесской базы, и для удовлетворения их делалось все возможное. Что касается людей, то никаких бригад морской пехоты флот еще не имел, и бойцов для действий на сухопутье собирали отовсюду понемногу без ущерба для боеспособности того или иного соединения, корабля. Но помощь Одессе не могла свестись к выделению больших или меньших подкреплений ее гарнизону. Драться за Одессу, отстаивать ее готовился весь флот.

Вице- адмирал Левченко и я встретились с командующим Приморской армией генерал-лейтенантом Георгием Павловичем Софроновым. Он только что вступил в должность, прибыв с Северо-Западного фронта, но район Одессы знал давно -выполнял здесь задания партии и воевал еще в гражданскую. Старый большевик и кадровый военный, Софронов производил впечатление очень спокойного, уравновешенного человека, привыкшего хорошо продумывать свои слова и решения.

Командарм познакомил нас с обстановкой в районе Одессы, которая была достаточно тревожной, откровенно поделился [66] тем, что беспокоило его больше всего - не хватало войск, чтобы надежно удерживать линию фронта. Армия, оборонявшаяся фактически уже в тылу противника (хотя на побережье одесский гарнизон был отрезан еще не полностью), имела две стрелковые и одну кавдивизию, все - далеко не штатного состава. А фронт обороны составлял многие десятки километров, и у врага был значительный численный перевес.

Генерал Софронов был удовлетворен действиями моряков, благодарил за полки морской пехоты, но очень просил заместителя наркома ВМФ поддержать его обращения к старшим начальникам насчет усиления Приморской армии.

10 августа, зайдя на несколько часов в старинный Очаков (там комендант сектора береговой обороны, майор по званию, держался как-то не очень уверенно, и потребовалось строго поговорить с ним, напомнив, что на то и война, чтобы были трудности), пришли на катере-охотнике в Николаев. В районе города уже четвертые сутки находился штаб Южного фронта, однако командир Николаевской военно-морской базы контр-адмирал И. Д. Кулишов, как выяснилось, не имел с общевойсковыми начальниками должного контакта, конкретных задач по подготовке к обороне города ни от кого не получал. Плохо осведомленный о положении на фронте, Кулишов не решался самостоятельно распорядиться об эвакуации запасов продовольствия и других ценностей, которым здесь было уже не место.

Гордей Иванович Левченко с присущей ему решительностью

наводил порядок. Командиру базы было приказано формировать из имевшихся в его распоряжении подразделений и служб полк морской пехоты, организовать вывоз ненужных сейчас запасов, прекратить строительство далекого еще от готовности фундаментального КП.

Затем мы отправились на судостроительные заводы. На Буге не раз встречали буксиры, уводящие в другие порты недостроенные, но способные держаться на воде корабли, - об этом командование флота своевременно позаботилось. Но на стапелях находились и корпуса кораблей, которые еще нельзя было спустить на воду. А пришло ли время их взрывать, чтобы не достались врагу, - этого не мог сразу решить даже заместитель наркома. Предстояло побывать у командующего фронтом, которому, как мы полагали, более ясны перспективы развития событий. Нельзя было решить без него и многое другое.

КП Южного фронта, разместившийся в обыкновенном [67] городском доме, судя по всему, был развернут тут ненадолго. Командующего - генерала армии Ивана Владимировича Тюленева, одного из старейших советских военачальников, мы застали в узкой, похожей на коридор, комнате со сдвинутыми к одной стене и заваленными картами столами. По тесному проходу между столами и другой стеной шагал взад и вперед армейский комиссар 2 ранга А. И. Запорожец - член Военного совета фронта.

Встретили нас тепло, радушно. Но обстановка на КП была неспокойной. Войска фронта, измотанные тяжелыми боями, отходили под натиском превосходящих вражеских сил. Как нам сказали, в полосе фронта наступало более сорока фашистских дивизий, в том числе шесть танковых. Сплошной обороны на ряде участков не было, обстановка изменялась очень быстро, а сведения о ней подчас запаздывали. Усилившиеся налеты на Николаев, очевидно, предвещали удар противника в направлении этого города.

Тюленев и Запорожец похвалили наших дунайцев. Два монитора Дунайской флотилии ушли на Днепр, в район Киева, а основное ее боевое ядро после ремонта кораблей в Николаеве использовалось на Южном Буге. Монитор «Ударный» произвел успешный, с подтвержденными разведкой результатами, огневой налет по скоплению вражеских танков у Вознесенска, уничтожил эшелон с боеприпасами. Корабли поддерживали огнем оборонительный участок у села Новая Одесса, прикрывали переправы. В масштабах операций фронта помощь флотилии армейцам была, конечно, не очень велика, но нам от души говорили за нее спасибо.

Обсуждалось у командующего фронтом и положение под

Одессой, а также в районе Очакова (туда по нашей просьбе направлялся стрелковый батальон - для взаимодействия с береговыми батареями Очаковского сектора и прикрытия их с суши). Мы узнали, что есть решение пополнить Приморскую армию горнострелковой дивизией.

Уже поздним вечером на КП приехал Леонид Романович Корниец, представлявший в Военном совете фронта правительство Украинской ССР. Он обрадовался встрече с моряками, а Гордею Ивановичу Левченко очень важно было увидеться с ним. Корниец руководил эвакуацией предприятий Николаева и испытывал затруднения при решении судьбы тех недостроенных судов, которые нельзя было вывести. Как с ними поступить в случае оставления города нашими войсками, сообща решили тут же.

На следующий день стало известно, что обстановка под Николаевом резко ухудшилась. Возникла реальная угроза [68] окружения города: противник обходил его с востока, форсировав Ингул. Затем группа немецких танков прорвалась на западный берег Буга вблизи Варваровского моста, по которому переправлялись части 9-й армии. За Бугом, прикрывая этот мост от воздушных налетов, стоял на огневой позиции зенитный артдивизион Дунайской флотилии (разрушение моста могло закрыть фарватер для ее кораблей, действовавших выше по реке). Теперь дивизион развернулся против фашистских танков.

Зенитная артиллерия нередко использовалась как противотанковая, и дунайцы были к этому готовы. Прямой наводкой они подбили три танка, заставив остальные скрыться. Потом я узнал, что один из подбитых вражеских танков моряки-зенитчики сумели немедленно ввести в бой в качестве добавочной огневой точки. Инициатором этого явился политработник батареи младший политрук Горель, бывший танкист. Из Николаева мы вновь направились в Очаков, побывали на береговых батареях и на стоявших тут торпедных катерах. Была надежда, что Очаков удастся удержать, и это представлялось важным, в частности, для того, чтобы пресекать возможные попытки противника, вышедшего к Бугу, выводить какие-то легкие корабли, например торпедные катера, в Черное море, на наши коммуникации, связывавшие Севастополь с Одессой.

При более детальном ознакомлении с обстановкой и в результате бесед с командирами возникла мысль, что, видимо, целесообразно - прежде всего для содействия обороне Одессы - иметь в районе моря, примыкающем к Днепро-Бугскому лиману, единое формирование из всех частей, которыми располагал тут

флот на берегу, на косах, на островах, под командованием одного начальника, подчиненного непосредственно командующему. Эту задачу Военный совет вскоре решил, образовав Тендровский боевой участок, о котором будет сказано дальше.

По настоянию Ф. С. Октябрьского, считавшего, что нам надо безотлагательно обсудить одесские дела, я отправился из Очакова в Севастополь. Отпуская меня, Гордей Иванович Левченко объявил, что возвращается в Николаев, а оттуда, очевидно, - опять в Одессу.

Через несколько дней Николаев, город кораблестроителей на Буге, тыловой по отношению к Одессе, расположенный много восточнее, захватили гитлеровские войска. В последних боях за него, когда на левый берег переправлялись арьергарды Южного фронта, участвовали все находившиеся на Буге корабли Дунайской флотилий и ее сухопутные [69] подразделения. Вместе со сводным полком Николаевской базы и местными ополченцами дунайцы сдерживали натиск врага, прикрывая завершавшуюся эвакуацию людей и материальных ценностей. Сделав все, что могла, флотилия по приказу Левченко прорвалась с Буга через лиман в низовья Днепра, к Херсону, чтобы поддерживать части фронта на новом рубеже. Пробились туда же по суше ее стрелковые и зенитные подразделения, перелетела сопровождавшая корабли от Измаила эскадрилья «ястребков».

Быть может, кому-то покажется странным, что заместитель наркома, прибыв в тот или иной район, распоряжался, так сказать, напрямую, вместо того чтобы потребовать принятия тех или иных мер от командования флота. Но следует при этом учитывать чрезвычайные обстоятельства. Левченко всегда был человеком решительного действия, однако в тех условиях, вероятно, и любому другому военачальнику пришлось бы многое приказывать непосредственным исполнителям - на передачу указаний обычным порядком просто не оставалось времени. Во всяком случае, заместитель наркома оказывал нам очень большую помощь тем, что, не опекая командующего и не отвлекая его от боевого управления флотом, брал на себя по праву старшего морского начальника немедленное решение острых и трудных вопросов, возникавших там, где он находился.

* * *

На подступах к Одессе - пока еще на дальних - в основном успешно отражались вражеские атаки, нацеленные на прорыв к городу. Упорство его защитников не преминул уже 30 июля

отметить в своем служебном дневнике начальник германского генштаба сухопутных войск Гальдер.

Но натиск врага на одесские рубежи, несомненно, должен был нарастать. По данным, имевшимся у нас (и оказавшимся потом неполными, преуменьшенными), противник сосредоточил под Одессой уже шесть дивизий. Между тем - к середине августа это становилось совершенно ясным - войска Южного фронта, отходившие к Днепру, практически были не в состоянии оказать помощи отрезанной от них, оставшейся на изолированном плацдарме Одессе. А наличных сил Приморской армии, даже при самой активной поддержке ее с моря, могло не хватить для удержания города.

Анализ создавшегося положения побудил Военный совет флота обратиться через наркома ВМФ и главкома Юго-Западного направления в Ставку Верховного Главнокомандования. 13 августа противник, потеснив защитников Одессы [70] на правом фланге фронта обороны, вышел к берегу моря у Талигульского лимана, завершив таким образом окружение города с суши. В тот день мы с Ф. С. Октябрьским, многое передумав, подписали телеграмму в Ставку, где излагалось положение дел под Одессой и Очаковом и вытекающие из него соображения.

«Мы можем, - говорилось в телеграмме, - удерживать Одессу, Очаков, имея Черноморский флот, господствующий на море, береговую оборону, которая препятствует прорыву противника к побережью с суши… Мы держим крепко в своих руках все морские коммуникации и можем непрерывно питать снаряжением, свежими войсками гарнизоны Одессы, Очакова и успешно оборонять их до победы»{8}.

Военный совет флота просил выделить для переброски в Одессу морем через Новороссийск две дивизии, а флотскую авиацию пополнить самолетами для действий по наземным войскам противника - штурмовиками или бомбардировщиками Пе-2.

Одновременно я послал телеграмму И. В. Рогову, главная мысль которой была выражена в первой фразе: «Одесса обороняется и может держаться при условии усиления войсками с подачей морем».

Главком Юго-Западного направления Маршал Советского Союза С. М. Буденный, соединившись с Ф. С. Октябрьским по телефону, сообщил, что он поддерживает наши предложения относительно Одессы и что по ним ожидается решение Ставки. Сделав паузу, Семен Михайлович изменившимся голосом, в котором Октябрьский сразу почувствовал глубокую горечь, поделился тяжелой новостью: отдан приказ взрывать Днепрогэс…

Бесконечно много было связано в сознании и сердце со знаменитым Днепрогэсом, славным детищем первых пятилеток, но не возникало никаких сомнений: поступить иначе нельзя.

После оставления Николаева С. М. Буденный еще раз предупредил командование Приморской армии: Одесса не может быть сдана ни при каких условиях. Затем поступило обрадовавшее нас распоряжение Главморштаба - самыми быстроходными средствами перевезти в Одессу 20 вагонов армейских боеприпасов. Для этого были выделены эсминцы «Беспощадный» и «Безупречный».

Ожидая решение Ставки, мы продолжали, мобилизуя внутрифлотские ресурсы и возможности, укреплять Одесскую [71] военно-морскую базу, усиливая и оборону Очакова (отрезанного уже от Одессы на суше и державшегося на отдельном плацдарме, гораздо меньшем, чем одесский). В те же дни был сформирован Тендровский боевой участок - ТБУ, разнородное соединение на косе Тендра и островах Первомайский и Березань. В него вошли части береговой и зенитной артиллерии, стрелковые подразделения, а также маневренная база на Тендре с ее службами и системой постов СНиС. Это соединение, впоследствии усиленное, оказалось очень нужным. ТБУ вскоре возглавил генерал-майор береговой службы И. Н. Кузьмичев, военкомом боевого участка стал батальонный комиссар А. С. Бойко.

В Севастополе, во флотском экипаже, формировались отряды моряков для отправки в Одессу, а по черноморским базам и гарнизонам, начиная с Батуми, спешно собиралось стрелковое оружие.

Никого не приходилось посылать в эти отряды в приказном порядке. На корабле или в части играли сигнал большого сбора, и построившемуся личному составу объявлялось: «Одесса в опасности - вы все об этом знаете. Кто готов добровольно ее защищать на сухопутном фронте - два шага вперед!» И неизменно шагал вперед весь строй. После этого, уже из добровольцев, командиры отбирали с немалым трудом тех, кого можно было отпустить. Но не попавшие в это число не успокаивались. Доходило подчас до того, что кое-кто пытался вплавь добраться до корабля с добровольцами, выведенного на рейд.

Во всех флотских базах командиров заваливали рапортами с одной и той же просьбой - послать на фронт под Одессу. Приведу характерный по своему тону и духу рапорт котельного машиниста Софронова, поданный командиру крейсера «Ворошилов»: «Прошу Вашего ходатайства послать меня на передовые позиции фронта. Я желаю храбро сражаться и до последней капли крови

беспощадно громить фашистскую тварь… Я обязуюсь - если мне руку отрубят, буду бить эту тварь ногами, если ноги отрубят, буду рвать зубами и бить головой». Так были настроены наши люди, так стремились они пойти в бой.

Одесские оперсводки вызывали и тревоги, и надежды. Заняв позиции, которые считалось возможным удерживать, части Приморской армии закреплялись на них, одновременно отбивая вражеские атаки. Фортификационные работы велись и на территории самого города. Командир военно-морской базы и начальник гарнизона контр-адмирал Жуков [72] доносил, что в сооружении уличных баррикад из мешков с землей и песком участвуют тысячи горожан.

Весь одесский плацдарм был разделен на три сектора обороны - южный, западный и восточный. За первые два отвечали стрелковые дивизии - 25-я Чапаевская и 95-я Молдавская. В восточном секторе оборонялась сводная группа, куда входил и 1-й черноморский полк морской пехоты под командованием флотского ветерана, бывшего матроса крейсера «Рюрик», а совсем недавно - начальника тыла базы интенданта 1 ранга Я. И. Осипова (переаттестованного вскоре на полковника).

Противник пытался прорвать оборону то в одном, то в другом секторе. Очень настойчивыми были такие попытки в восточном, особенно на приморском его участке. Держаться здесь помогал огонь 412-й береговой батареи, одной из двух самых мощных под Одессой. Части восточного сектора активно поддерживали также эсминцы «Незаможник» и «Шаумян», канонерские лодки (передний край остальных секторов проходил еще далеко от моря).

На одесском плацдарме было мало авиации - один полк истребителей. Командовал им майор Л. Л. Шестаков, известный впоследствии летчик, будущий Герой Советского Союза. Военный совет Приморской армии просил помощи бомбардировщиками у нас: флот был ближе, чем Южный фронт. Наши возможности в этом отношении были ограничены: по заданию Ставки флотская авиация продолжала наносить удары по целям в глубоком тылу противника. Но бомбардировщики посылались из Крыма и под Одессу. Не обходилось без потерь. Из 35 самолетов, бомбивших там 12 августа сосредоточенные для атак вражеские войска, пять не вернулись и еще три получили повреждения.

Дни 17- 18 августа были в Одессе такими напряженными, что требовалось следить за развитием событий непрерывно, и командующий, не дожидаясь утреннего или вечернего донесения, по нескольку раз в сутки приказывал начальнику оперативного отдела Жуковскому запрашивать у штаба Одесской базы

обстановку. Враг угрожал Беляевке, где находилась заборная станция одесского водопровода, упорно пытался прорваться на флангах обороны, усиливал воздушные налеты на город и порт. В восточном секторе полк Осипова, пополненный подразделениями 2-го Черноморского полка морской пехоты, вел при поддержке береговых батарей и кораблей бои за переходившие из рук в руки позиции у Булдинки. [73]

А утром 18-го в западном секторе, в центре оборонительного обвода, противник после сильной артиллерийской и авиационной подготовки предпринял самую крупную с начала боев на подступах к городу атаку танками и пехотой с явным расчетом на глубокий прорыв вдоль железнодорожной линии Раздельная - Одесса. Положение создалось опасное. Но оборонявшиеся здесь полки 95-й стрелковой дивизии генерал-майора В. Ф. Воробьева держались стойко. Им вовремя помогли штурмовкой вражеских войск с воздуха (штурмовиков под Одессой не было, однако их заменили истребители), выводом на линию бронепоезда, артогнем из соседних секторов. Только единичные танки, оторвавшиеся от своей пехоты, прорвались в глубину нашей обороны, и там их успешно уничтожали. Остановив врага, наши части переходили в контратаки и в конечном счете отбросили его на исходные позиции.

По оценке штаба Приморской армии, противник потерял до половины машин введенной в атаку танковой бригады, а его потери в живой силе определялись четырехзначной цифрой. Независимо от точности этих данных не подлежало сомнению - защитники Одессы выдержали серьезное боевое испытание. Но очевидным было и то, что бои за Одессу вступают в такой этап, когда враг, накопив силы, значительно превосходящие наши, намерен активнее добиваться решительных результатов.

Между тем нарком ВМФ уже сообщил, что дивизии, о выделении которых просил Военный совет флота, сейчас не могут быть направлены в Одессу: формировалась армия для защиты Крыма.

* * *

Утром 19 августа была получена директива Ставки Верховного Главнокомандования об образовании Одесского оборонительного района - ООР. Командующим оборонительным районом назначался контр-адмирал Г. В. Жуков с непосредственным подчинением командующему Черноморским флотом. Таким образом, ответственность за дальнейшую оборону

Одессы возлагалась на флот.

Ставка нашла для решения этой задачи такую форму боевой организации и управления, которая наиболее соответствовала сложившейся обстановке. Верховное Главнокомандование, как мы понимали, исходило, очевидно, из того, что удержание Одессы, оказавшейся далеко за линией сухопутного фронта, теперь зависело именно от флота, господствующего на Черноморском театре, способного обеспечить перевозки в осажденный город и иную помощь ему. [74]

Командующий ООР облекался всей полнотой власти в районе Одессы. Ему подчинялась как военно-морская база с приданными кораблями, так и сухопутные войска - Приморская армия. Он был обязан мобилизовать и использовать для обороны города и района все способное к этому население, направить в строй весь излишний состав тыловых частей и учреждений, выявить и применить всю пригодную для обороны технику, а все ненужное эвакуировать. Ставка установила рубежи района (Фонтанка, Кубанка, Ковалевка, Отрадовка, Беляевка и Маяки, станция Каролино-Бугаз), которые надлежало оборонять до последней возможности. Очаков, уже не имевший сообщения с Одессой по суше, в эту территорию не входил. Подчеркивалась необходимость особого внимания к развитию системы инженерных оборонительных сооружений, к созданию запасных рубежей и приведению в оборонительное состояние самого города.

Поздравляя контр-адмирала Жукова с высоким назначением, Военный совет флота был уверен, что этот старый большевик и волевой командир, прекрасный организатор оправдает доверие, оказанное ему Верховным Главнокомандованием.

Гавриила Васильевича Жукова знали не только на флоте. Командир Одесской военно-морской базы пользовался авторитетом и уважением в городе. Он являлся кандидатом в члены ЦК КП(б)У, членом обкома партии, депутатом областного и городского Советов. И повоевал Жуков уже немало. В гражданскую войну сражался с белыми на Волге, потом на Каспии. А с фашистами не так давно имел дело в Испании, где заслужил два ордена. Конечно, он, будучи боевым моряком, не имел достаточного опыта в действиях на суше. Но в этом отношении контр-адмирал Жуков мог положиться на генерал-лейтенанта Г. П. Софронова, который, оставаясь командармом Приморской, становился заместителем командующего ООР по сухопутным войскам.

Дальнейшее показало, что при произведенной в Одессе довольно необычной перестройке командования, когда вчерашние

начальники Жукова сделались его подчиненными, Гавриил Васильевич сумел правильно себя поставить, не ущемляя чьего-либо самолюбия и достоинства.

Был образован Военный совет ООР, и членами его утверждены: дивизионный комиссар Ф. Н. Воронин - член Военного совета Приморской армии, бригадный комиссар И. И. Азаров и секретарь Одесского обкома партии А. Г. Колыбанов, [75] имевший звание бригадного комиссара. Начальником штаба оборонительного района назначили генерал-майора Г. Д. Шишенина, возглавлявшего до того штаб Приморской армии, который он передал полковнику Н. И. Крылову.

Командиром Одесской военно-морской базы (и одновременно заместителем командующего ООР по обороне с моря) стал контр-адмирал И. Д. Кулишов, возглавлявший до недавних пор Николаевскую базу. Военкомом военно-морской базы по-прежнему оставался полковой комиссар С. И. Дитятковский. Герой Советского Союза генерал-майор инженерных войск А. Ф. Хренов, руководивший с самого начала оборудованием и укреплением одесских рубежей, был назначен помощником командующего по инженерной обороне.

Обстановка под Одессой требовала свести организационные мероприятия к необходимому минимуму и завершить их в кратчайший срок. Поэтому было решено не создавать в ООР нового старшего для района политоргана, а считать таковым политотдел Приморской армии. На него возлагалось руководство политической работой как в сухопутных, так и в морских частях. Возглавлял поарм полковой комиссар Л. П. Бочаров, который отчитывался теперь и перед Военным советом ООР, и перед политуправлением ЧФ.

В условиях, какие сложились под Одессой, боевая, действенная политработа, поднимающая в людях стойкость, мужество, самоотверженность, имела поистине неоценимое значение. И в ней необходимо было неукоснительно придерживаться правила: говорить бойцам о положении на фронте, о силе противника только правду, ни в коем случае и не преувеличивать, и не преуменьшать сложностей обстановки, трудностей предстоящей борьбы.

«Наша сила и могущество, - говорилось в первом обращении Военного совета ООР к защитникам Одессы, - состоит в том, что каждый боец и командир предан своей Родине, любит свой народ и готов идти на любые жертвы, но боевой приказ выполнить».

Политорганы и партийные организации духовно сплачивали защитников города. Коммунисты показывали пример стойкости в обороне. Многие воины в той трудной и сложной обстановке

решили связать свою судьбу с ленинской партией, обращались с просьбой принять их в ее ряды. Только в августе, главным образом в последней декаде, в партийные организации частей было подано 348 заявлений о вступлении кандидатами в члены партии. [76]

Основными формами массово-политической работы в тот период были митинги и собрания воинов, короткие выступления командиров и политработников перед личным составом, их задушевные беседы, обращения командования ЧФ и ООР, партийных и советских органов Одессы к защитникам города. Для популяризации подвигов широко использовались газеты и листовки. Мы заботились о том, чтобы на рубежи Одессы своевременно доставлялись «Правда», другие центральные газеты, а также «Красный черноморец», издававшийся в Севастополе. Популярностью у защитников Одессы пользовались также армейская газета «За Родину», базовая газета «Ворошиловский залп», дивизионные газеты «Боец РККА», «Красный воин», «Буденновец», «На боевом посту».

Само образование Одесского оборонительного района ощутимо способствовало подъему боевого духа его войск. Люди, сражавшиеся на изолированном плацдарме-пятачке, сообщавшемся со своими далекими тылами лишь по морю, почувствовали, какое значение придается их участку фронта. С воодушевлением прошли в армейских и флотских частях митинги. Настроение их участников хорошо выразила предельно краткая резолюция, принятая в одном из подразделений Чапаевской дивизии: «Стоять насмерть, но врага к Одессе не подпустить».

При новой организационной структуре многое стало решаться быстрее и проще. Все вопросы, связанные с обороной Одессы, рассматривались в Ставке по представлению командования Черноморского флота - через наркома ВМФ, а иногда и непосредственно. Но главным было - действовать, не теряя ни минуты, не упуская ни одной возможности. Требовались срочные, подчас необычные меры.

Мы продолжали надеяться, что Одесса получит, пусть немного позже, основательное армейское подкрепление. А пока части ООР пополнялись бойцами, которых могли послать флот и осажденный город. В течение второй половины августа в Одессу было отправлено шесть отрядов моряков-добровольцев общей численностью 2470 человек, в том числе 271 коммунист и 1136 комсомольцев. Мы тщательно подбирали командира и комиссара каждого отряда, искали таких людей, которые действительно были бы достойны вести в бой посланцев всех кораблей и частей

флота.

В военно- исторической литературе обычно называются лишь некоторые из этих товарищей, и командование многих отрядов выглядит как-то обезличенно. Поэтому считаю нужным привести здесь фамилии всех командиров и военкомов: [77] 1-й отряд - майор А. С. Потапов (будущий командир знаменитых морских стрелковых бригад - 79-й и 225-й), старший политрук С. М. Изус; 2-й отряд - майор И. М. Деньщиков, старший политрук Я. С. Ремезов; 3-й отряд - майор П. Е. Тимошенко, политрук А. И. Кочетов; 4-й отряд - майор А. И. Жук, политрук Ф. В. Еремеев; 5-й отряд - капитан В. В. Спильняк, политрук Г. А. Ярославцев; 6-й отряд - майор А. И. Щекин, старший политрук В. Е. Заброда.

Пополнение отправлялось в Одессу на боевых кораблях - так было и быстрее, и надежнее. И на эскадре гордились тем, что все до единого бойцы, принятые на борт ее кораблями, благополучно сошли на одесские причалы.

Отряды моряков распределялись по армейским соединениям и с ходу вводились в бои. Как правило, их особенно не дробили, стараясь вливать в стрелковые части цельными подразделениями, - опытные командиры ценили внутреннюю спайку краснофлотцев, силу их боевого товарищества. И не понадобилось много времени, чтобы о моряках, прибывших на сухопутный фронт, пошла добрая слава.

Вот свидетельство командира 95-й стрелковой дивизии генерал-майора В. Ф. Воробьева, принявшего под свое начало отряд майора А. С. Потапова: «Отряду моряков дан самый ответственный участок по полотну железной дороги, идущей на Одессу, где враг больше всего пытается действовать. Моряки сражаются с беспримерной храбростью, мужеством и самоотверженностью. Это отважные бойцы. Отряд моряков цементирует дивизию, по ним равняются остальные роты и батальоны».

В Одессе формировались подразделения ополченцев, но им не хватало вооружения. Флот, как известно, снабжается ручным стрелковым оружием в очень ограниченном количестве - большинству матросов винтовка не нужна. Однако, проверив все флотские арсеналы и склады, изъяв все, что можно, в береговых частях, мы смогли послать защитникам Одессы 6,5 тысячи винтовок и 4 миллиона патронов к ним, более 700 пистолетов, несколько десятков пулеметов и автоматов. Нашлось на флоте также 6 тысяч ручных гранат, 15 тысяч снарядов для полевых орудий.

В ООР был предусмотрен заместитель командующего по авиации, но назначенный на эту должность комбриг В. П. Катров

распоряжался тем единственным в Приморской армии истребительным авиаполком майора Шестакова, о котором я уже упоминал. Под Одессу продолжали вылетать флотские бомбардировщики с крымских аэродромов, но этого [78] было недостаточно. Обсудив положение с авиацией на одесском плацдарме, Военный совет флота решил направить туда авиагруппу в составе 35 истребителей и 6 штурмовиков и эскадрилью морских разведчиков МБР-2.

Разумеется, по мере того как этого требовала обстановка, усиливалась огневая поддержка войск ООР с моря. С двадцатых чисел августа корабли, приходившие из Севастополя и кавказских портов, уже изо дня в день вместе с базировавшимся в Одессе отрядом контр-адмирала Вдовиченко вели огонь по позициям противника, скоплениям его пехоты, батареям.

Сперва посылались эсминцы, но вскоре понадобились и корабли с более мощной артиллерией, и Военный совет решил привлечь к обороне Одессы крейсера «Червояа Украина», «Красный Крым» и «Красный Кавказ», а также лидеры - «Харьков» и только что вступивший в строй «Ташкент». Идя в Одессу, каждый корабль выполнял целый комплекс взаимосвязанных задач. Во-первых, он доставлял пополнение и боевой груз, причем на переходе обычно еще и конвоировал следующие туда же транспорты. Во-вторых, проводил боевые стрельбы, нередко открывая огонь еще до захода в порт и разгрузки, - целеуказания передавались по радио. И наконец, перед уходом принимал на борт эвакуируемых раненых.

Многое в этих задачах было для корабельных экипажей новым, раньше не осваивавшимся, начиная с перевозки большого количества боеприпасов и других грузов. Грузовых трюмов боевые корабли не имеют, а размещать все принятое на борту требовалось так, чтобы груз не мешал использованию корабельного оружия, передвижению личного состава, не ухудшал остойчивости корабля при свежей погоде. И этому тоже понадобилось учиться.

Но главной заботой было обеспечение высокой эффективности корабельного огня. Хотя в боевую подготовку мирного времени и входили стрельбы по береговым целям, надо сказать, что только часть кораблей эскадры хорошо освоила до войны ведение огня с помощью береговых корректировочных постов. Между тем в условиях, встретившихся под Одессой, метод стрельбы по площадям годился лишь при ведении огня по каким-то досягаемым целям во вражеских тылах. Для поражения с больших дистанций боевых порядков противника у переднего края, для подавления его батарей (такая задача ставилась

кораблям особенно часто) нужно было стрелять с корректировкой. И наладилось это быстро. [79] В одних случаях корабли высаживали собственные корпосты, в других - обслуживались армейскими.

Отменную точность стрельбы показывали введенные в бои под Одессой эскадренные миноносцы предвоенной постройки, имевшие превосходные 130-миллиметровые орудия и самые совершенные для того времени приборы управления огнем. 25 августа на эсминец «Беспощадный» (командир капитан-лейтенант Г. П. Негода, комиссар старший политрук Т. Т. Бут) были переданы данные о выдвижении к линии фронта тяжелого артполка противника. Вести огонь пришлось на пределе возможной дальности - с дистанции 120 кабельтовых (более 20 километров), но армейские корректировщики, обеспечивавшие стрельбу, вскоре сообщили, что цель накрыта и вражеский полк рассеян с большими потерями в технике и людях.

Старые эсминцы, действовавшие под Одессой с первых дней обороны, - их артиллерия была не такой дальнобойной - тоже достигали высокой действенности огня. Не раз отличался в те дни «Незаможник» под командованием капитан-лейтенанта В. И. Минаева - он подавил несколько батарей, помог своим огнем сорвать не одну атаку противника.

Было заметно, что врага беспокоит усиливающийся огонь с моря. Все чаще он поворачивал свои дальнобойные батареи против наших кораблей, бросал на них авиацию. Кораблям приходилось прикрываться дымовыми завесами, уклоняться от ударов сложным маневрированием.

Штаб эскадры, возглавляемый капитаном 1 ранга В. А. Андреевым (впоследствии адмирал), оперативно проводил поучительные разборы боевых стрельб под Одессой, готовя их столь же тщательно, как раньше разборы ответственных учений. Они помогали осмысливать и развивать накапливавшийся опыт поддержки наземных войск.

А результаты боевых стрельб каждого корабля, как и каждого бомбового удара прилетавших из Крыма самолетов, действенность любой другой практической помощи осажденной Одессе приобретали все большее значение. И все же положение на подступах к городу осложнялось. На ряде участков врагу удалось потеснить наши войска. Особенно серьезные последствия имела утрата прежних позиций в восточном секторе, где противник после упорных боев овладел Чебанкой. Контр-адмиралу Жукову пришлось принять тяжелое, но неизбежное в сложившейся обстановке решение - взорвать 412-ю береговую батарею. Перед этим артиллеристы выпустили по врагу наличный боевой запас

до [80] последнего снаряда, а потом влились в сражавшийся на соседнем участке краснофлотский отряд.

На этом направлении противник приблизился к Одессе настолько, что, подтянув дальнобойную артиллерию, смог с вечера 25 августа обстреливать орудийным огнем часть территории города, в том числе рабочие кварталы Пересыпи и порт.

По всему было видно, что гитлеровское командование прилагает отчаянные усилия, чтобы быстрее овладеть городом. Потом стало известно: еще на 23 августа назначался парад фашистских войск в Одессе. Гитлер требовал от своих генералов захватить до зимы Крым, а в германском генштабе существовало мнение (об этом говорится в служебном дневнике Гальдера), что к операции по овладению Крымом нельзя приступать, не овладев Одессой.

Корабли, действовавшие в районе Одессы, сперва помогали огнем также и защитникам Очакова. Потом эта задача отпала; удерживать дальше Очаков стало невозможно. Его немногочисленный гарнизон был переправлен на Тендровский боевой участок.

* * *

После того как в Севастополе мы приняли зависевшие от нас первоочередные меры по оказанию помощи Одессе, пора было снова там побывать, посмотреть, как действует и в чем еще нуждается ООР, тем более что общее развитие событий на одесском плацдарме никак не могло считаться благоприятным.

Выразил тревогу по этому поводу и начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников. В телеграмме командующему флотом он предостерегал: «Сужение пространства оборонительного района чревато опасными последствиями для обороны Одессы». Начальник Генштаба обращал внимание на необходимость добиться большей устойчивости обороны, до конца использовать людские ресурсы района для восполнения потерь и силы местного населения, местные средства и возможности для строительства оборонительных рубежей, включая территорию города.

28 августа в Одессу отправился вице-адмирал Г. И. Левченко, остававшийся на Черном море, а вместе с ним и я. Шли на крейсере «Червона Украина», которым командовал капитан 1 ранга Н. Е. Басистый (в послевоенные годы командующий Черноморским флотом, а потом заместитель главкома ВМФ). На

борту «Червоной Украины» находились также командир бригады крейсеров капитан 1 ранга [81] С. Г. Горшков и военком бригады полковой комиссар С. С. Прокофьев. С крейсером следовали для огневого содействия войскам ООР лидер «Ташкент» и три эсминца.

В кают- компании, где засиделись вечером свободные от вахты командиры, интересным собеседником был военный корреспондент «Известий» Э. Виленский, попросивший «подбросить» его на корабле в осажденную Одессу. Только что побывав в низовьях Днепра, он был свидетелем недолгой из-за неравенства сил, но героической обороны Херсона.

Виленский находился под впечатлением услышанного там рассказа о краснофлотце, который раненным попал в руки врагов и гордо умер, замученный фашистами на глазах у местных жителей. Фамилию моряка установить не удалось. Вероятно, он был с оборонявшей Херсон Дунайской флотилии или из сражавшегося там же сводного полка Николаевской военно-морской базы.

Немного позже московский журналист написал о погибшем краснофлотце небольшой очерк для нашей флотской газеты. При работе над этими записками мне захотелось вновь его прочесть, и я отыскал номер «Красного черноморца» за 16 сентября 1941 года.

Вот что писал журналист о своем герое:

«…Его допрашивали долго. Угрожали. Он молчал. Тогда его стали бить. Он молчал. Тогда ему отрезали палец на правой руке, потом все пальцы. Он потерял сознание. Он пришел в себя ночью, в сарае, на мокрой соломе. Его поил кто-то из кружки… Они разговаривали, двое, моряк и пехотинец, попавшие в лапы зверей. Разговаривали до утра. Потом моряка повели на площадь. Там стояли шеренги немецких солдат и кучка испуганных местных жителей. Моряка привязали к столбу и кололи тесаками в грудь, в бедра, в лицо. Ему вырвали оба глаза. Он умер…

И никто не узнал его имени, даже тот пехотинец, который говорил с ним, который бежал из плена, видел все и рассказал нам на этом берегу… Так погиб замученный фашистскими мерзавцами неизвестный советский моряк. Он сражался до последнего как титан, как человек могучий и благородный. Как большевик».

Тогда на крейсере Виленский рассказывал то, что знал о погибшем моряке, подробнее. Слушая его, я думал о том, как несокрушима внутренняя сила, заложенная в советских людях, и как беспредельна их вера в нашу конечную победу, поддерживавшая всех в то тяжелое для Родины время. И не

сомневался: на такое же мужество, какое проявил неизвестный черноморец в Херсоне, способен и любой из [82] добровольцев, направляемых в Одессу. Ведь как высокую честь, как награду воспринимал каждый то, что посылают его.

В тот раз на «Червоной Украине» шел сформированный для ООР отряд моряков-разведчиков, и я невольно любовался на палубе его бойцами - бравыми, хваткими, уверенными в себе… Такие не дрогнут, если придется и посмотреть смерти в глаза.

Переход протекал спокойно. Однако в Одесском порту, куда крейсер вошел ранним утром 29 августа, мы, еще не успев ошвартоваться, оказались под артиллерийским обстрелом. Снаряды ложились то ближе, то дальше, разрывались и в воде и на берегу. По всплескам сразу определили - калибр не меньше 150 миллиметров. Огонь велся явно неприцельно, по площадям. Должно быть, противник обнаружил корабли где-то на подходе к порту, а в какую гавань они вошли, видеть не мог. Но сам факт досягаемости порта для вражеской артиллерии давал наглядное представление о том, как изменилась здесь обстановка - отнюдь не в нашу пользу - за последнее время.

- Вот видите, какое у нас положение, - сказал поднявшийся на борт крейсера командующий ООР Гавриил Васильевич Жуков. - А настоящих подкреплений еще не имеем…

Жуков уже знал - об этом мы известили его накануне, - что Ставка выделила для Приморской армии десять маршевых батальонов (первое, кроме краснофлотских отрядов, пополнение после того как прервалось сообщение по суше с Южным фронтом). Батальоны должны были прибыть через Новороссийск в самые ближайшие дни, а как их тут ждали, я понял, когда встретился с командирами соединений. Но маршевое пополнение могло лишь поддержать боеспособность существующих частей, восполнить понесенные ими потери. А оборонительный район нуждался в большем.

На командном пункте ООР подробно и обстоятельно, по своей рабочей карте, отражавшей обстановку на данный час, доложил о состоянии сухопутной обороны начальник штаба Приморской армии полковник Н. И. Крылов. Присутствовавшие при этом Г. В. Жуков, командарм Г. П. Софронов, члены военных советов района и армии дополнили доклад своими мыслями и соображениями.

Положение было трудным. Враг, наседавший на всем фронте обороны, имел примерно пятикратный численный перевес над защитниками города, а по боевым средствам - [83] еще больший. В тяжелых боях последних дней наши войска понесли значительные потери, особенно ранеными. Если на 20 августа

ООР насчитывал в строю 34,5 тысячи бойцов и командиров (в том числе 8 тысяч моряков), то неделю спустя, несмотря на прибытие краснофлотских отрядов из Севастополя, на одесских рубежах оставалось всего около 25 тысяч человек. Противник же подтянул еще пять пехотных дивизий. Он мог наступать четырьмя-пятью дивизиями в каждом из трех секторов, а там оборонялось в лучшем случае по дивизии. Правда, многие соединения врага были уже основательно потрепаны под Одессой (некоторые, по имевшимся данным, даже отводились на переформирование), но они постоянно пополнялись.

Бои шли уже на ближних подступах к городу. А про восточный сектор, внушавший особенно серьезные опасения, следовало сказать - на ближайших. Накануне противник овладел там Гильдендорфом и Александровкой, вышел к морю у Фонтанки. В связи с этим пришлось вслед за 412-й береговой батареей вывести из строя еще одну - 21-ю, и части восточного сектора начала поддерживать, ведя огонь через город, береговая артиллерия, стоявшая на противоположном фланге плацдарма. Нарастала угроза Пересыпи, был подготовлен план эвакуации жителей этой рабочей окраины на случай, если бы пришлось, исчерпав другие средства, остановить врага, взорвать дамбу Куяльницкого лимана.

До этого не дошло - врага остановили (и потом стало еще яснее, что дни 28-29 августа были для Одесской обороны одними из критических). Но выход противника на берег Одесского залива означал, в частности, что он сможет обстреливать большую половину города, и в том числе порт с подходами к нему теперь уже прицельно, с корректировкой огня. И это должно было крайне осложнить доставку подкреплений и боеприпасов, продолжавшуюся планомерную эвакуацию гражданского населения, а также раненых. Весьма затруднялись и действия кораблей, выходящих для поддержки войск в Одесский залив.

Враг, естественно, понимал, что серьезное нарушение работы порта могло стать началом конца Одесской обороны. В мемуарах Н. И. Крылова приводится выдержка из письма, посланного Гитлером Антонеску, в котором последнему давались советы, как быстрее овладеть Одессой: «Главное состоит в том, чтобы приблизиться к самому побережью с северо-востока, то есть в полосе действий Вашего 5-го армейского корпуса, чтобы можно было взять под сильный артиллерийский огонь портовые сооружения города…» Командование [84] ООР, привлекая к контрбатарейной борьбе все пригодные для этого средства, очень рассчитывало на огонь кораблей. Однако не так-то легко оказалось даже устанавливать точное расположение батарей,

выдвигаемых противником в район между Большим Аджалыкским и Куяльницким лиманами: характер местности позволял хорошо их маскировать.

Осажденный город собирал для фронта свои, уже небольшие, внутренние резервы. Около 9 тысяч бойцов должна была дать проводившаяся по решению Военного совета ООР мобилизация военнообязанных старших возрастов - до 55 лет. Еще раньше прошла дополнительная партийная мобилизация. Мне показали постановление бюро обкома КП(б)У от 22 августа, где говорилось: «Всех способных носить оружие коммунистов и комсомольцев направить в РККА». В самой Одессе оставалось менее двух тысяч членов партии (примерно одна десятая довоенного состава городской парторганизации) и менее трех тысяч комсомольцев, остальные были на фронте.

В число коммунистов, остававшихся в городе, входили те, кто был занят на производстве вооружения, которое, несмотря на все трудности, быстро расширялось.

В Одессе, где до войны не существовало оборонной промышленности, не могли организовать изготовление, например, винтовок, пулеметов или снарядов. Но было налажено - на предприятиях, выпускавших раньше сугубо мирную продукцию, - производство минометов, гранат, противопехотных и противотанковых мин. Баллоны, которые «состояли на вооружении» у продавщиц газированной воды, послужили основой самодельных огнеметов. На известном заводе имени Январского восстания, как и в гражданскую войну, оснащали бронепоезда. Там же при содействии ряда других предприятий осваивали выпуск уникальных, можно сказать, боевых машин: обыкновенный трактор-тягач накрывался капотом из двухслойного стального листа, снабжался пулеметной башенкой - и получался «одесский танк».

Одесситам, как известно, не занимать меткого словца. Создатели этой машины назвали свое детище «НИ», что означало: «На испуг». Импровизированные танки и в самом деле могли ошеломить уже одним отчаянным треском, который производили, да, пожалуй, и тем, что были ни на что не похожи. Но они оказались и реальной боевой силой, способной поддерживать пехоту, особенно при контратаках. Потом был сформирован и успешно действовал целый батальон «НИ» с экипажами, укомплектованными в основном [85] одесскими рабочими. А настоящих танков войска ООР до середины сентября не имели, если не считать нескольких старых БТ, подбитых в начале войны у Днестра и отремонтированных на одесских заводах.

Из бесед с руководителями Одесской обороны и в обкоме партии, при ознакомлении с положением дел в секторах, где встречался с командирами 95-й стрелковой дивизии и 25-й Чапаевской генерал-майорами В. Ф. Воробьевым и И. Е. Петровым, с другими командирами и политработниками, я многое узнал о героях боев за Одессу, о замечательных проявлениях мужества и стойкости, о жизни осажденного города, где все теснее сливались воедино фронт и тыл. И мне лучше, полнее стало представляться, чего стоило удержать нынешние рубежи. Все очевиднее становилось, что Одесса нуждается в большей помощи, чем получала до сих нор. И притом - срочно.

Особенно убедительно доказывал это командарм Приморской Георгий Павлович Софронов. В один из вечеров он пригласил меня к себе на квартиру, и разговор затянулся далеко за полночь. Спокойно и неторопливо разбирал генерал Софронов положение на каждом участке обороны, давая попутно четкие характеристики многим командирам, по памяти называя состав наших частей и противостоящих им вражеских. А выводы его сводились к тому, что и при нынешнем, крайне неблагоприятном, соотношении сил Одесса может продержаться еще некоторое время. Но если планируется длительная оборона, то следует обязательно перебросить сюда хотя бы одну полнокровную кадровую дивизию - чтобы оттеснить врага в восточном секторе. И само собой, напоминал он, необходимо регулярно подавать маршевое пополнение.

Во время нашей беседы шел методический артиллерийский обстрел города. Иногда снаряды рвались как будто совсем недалеко, и я чувствовал себя не очень уютно. Софронов же, прихлебывая чай, продолжал разговор, словно и не замечая разрывов. Очевидно, этого старого солдата, прошедшего и через первую мировую, и через гражданскую войны, не могла смутить никакая канонада. Но вот в небе послышался шум моторов, и начался воздушный налет. Тут Георгий Павлович несколько забеспокоился, стал звонить дежурному, что-то выяснять. А для меня, наоборот, бомбежка с воздуха была привычнее артобстрела - налеты на Севастополь происходили почти каждую ночь.

30 августа, еще при мне, в Одессу начало прибывать маршевое пополнение, о котором говорилось выше. Оно распределялось [86] между соединениями и немедленно вводилось в бои. Позволив войскам более уверенно удерживать занимаемые позиции, это пополнение было, однако, недостаточным, чтобы отбить у врага ту территорию, с которой он мог обстреливать город и порт.

Приводить к молчанию вражеские батареи старались

артиллеристы наших кораблей. 29 августа лидеру «Ташкент» удалось с помощью высаженного на берег корпоста подавить батарею, обстреливавшую порт особенно интенсивно. Накрытие цели, развороченную огневую позицию и то, как разбегаются уцелевшие солдаты из орудийной прислуги, смогли наблюдать не только корректировщики, но и корабельные дальномерщики - стрельба заканчивалась на относительно небольшой дистанции. Командир отряда кораблей контр-адмирал Д. Д. Вдовиченко, который находился на борту лидера, передал на все действовавшие у Одессы корабли семафор: «Учитесь стрелять и вести себя под огнем у моряков «Ташкента».

На следующий день «Червона Украина», «Ташкент» и эсминцы снова обстреливали расположение противника перед флангами одесского плацдарма. На этот раз лидеру не повезло. Атакованный с очень большой высоты бомбардировщиками, он получил повреждения при близком разрыве крупной бомбы в воде (от прямого попадания, возможно, уберегла корабль лишь мгновенная реакция командира, успевшего резко отвернуть в нужную сторону), потерял трех членов экипажа. Затоплен был один из кубриков, но «Ташкент» сохранил достаточную плавучесть, машины и артиллерия действовали, и командир - капитан 3 ранга В. Н. Ерошенко решил продолжать выполнение боевой задачи. Только по приказанию из штаба базы он прекратил стрельбу и привел лидер в порт.

Узнав о случившемся, туда поспешили Гордей Иванович Левченко и я. Корпус корабля уже обследовали водолазы. Удрученный Ерошенко доложил, что главное повреждение - пробоина в кормовой части размером в восемь - десять квадратных метров. Для ремонта требовался сухой док. Хорошо еще, что лидер был в состоянии до него дойти. Когда стемнело, он пошел малым ходом в Севастополь, сопровождаемый эсминцем и сторожевыми катерами.

Я вернулся в главную базу 2 сентября. К самым сильным впечатлениям, вынесенным тогда из Одессы, в равной мере относилось увиденное в боевых частях и в городе. Одесса держалась, и одним из условий этого являлось то, что ее жители, мирные люди, оказавшиеся на переднем крае [87] войны, проявляли огромное мужество, помогали чем только могли бойцам.

Шла борьба за многие наши города, фашистские полчища угрожали еще многим другим. Верилось, что и их защитникам чем-то поможет стойкая оборона известного всей стране южного приморского города, оказавшегося далеко за линией фронта.

* * *

Нарком Военно-Морского Флота принял решение поддержать защитников Одессы высадкой десанта в тылу осаждавших ее вражеских сил перед восточным сектором обороны, с тем чтобы потом десантники соединились с частями ООР. В штабе флота засели за разработку плана боевых действий.

Это был первый черноморский десант с начала войны, если не считать проведенных в июне высадок на правый берег Дуная. И необычный, не такой, к каким мы готовились на учениях мирного времени, когда флот тренировался в высадке с моря армейских частей и соединений, а моряки составляли лишь первый бросок, имея задачу захватить плацдарм, «зацепиться за берег». Сейчас из моряков должен был состоять весь десант, и поскольку готовой части для этого не имелось, в Севастополе срочно приступили к формированию 3-го Черноморского полка морской пехоты.

Бойцов набирали как из экипажей кораблей и частей, так и из прибывавших на флот запасников. Особые требования предъявлялись к командирам и политработникам: нужны были люди, способные в кратчайший срок подготовить подчиненных к смелым, дерзким действиям во вражеских тылах, на незнакомой местности. И вдобавок - в ночных условиях. Для тренировок отвели участок берега в районе Казачьей бухты.

Проведенная там же пробная высадка всего полка показала, что люди подготовлены еще недостаточно, и срок десанта пришлось отодвинуть. Возникали трудности и с вооружением полка - почти все стрелковое оружие, имевшееся на флоте, уже было отправлено в Одессу. Пулеметы десантникам достались немецкие, из захваченных трофеев.

По числу бойцов сформированная десантная часть далеко не соответствовала нормальному полку. В трех стрелковых батальонах и минометном дивизионе насчитывалось 1617 человек. Из них 180 - коммунисты. Командиром полка был назначен капитан К. М. Корень, военкомом - батальонный комиссар И. А. Слесарев из политуправления флота. [88]

Положение под Одессой тем временем все более осложнялось. Тяжелые бои шли в западном и в южном секторах обороны. Усиливался обстрел порта (контрбатарейная борьба велась непрерывно и часто успешно, но подавить всю группу вражеской артиллерии, нацеленную на город и порт, было невозможно). В Аркадии и у Большого Фонтана, в курортном пригороде, недосягаемом пока для огня противника, построили временные причалы, однако не все суда могли туда подходить.

Больше стало жертв среди гражданского населения города, в некоторые дни обстрел и бомбежки уносили более ста жизней. После потери Беляевки пришлось жестко нормировать потребление пресной воды, добываемой из артезианских колодцев.

Приморская армия продолжала получать маршевое пополнение, но оно едва восполняло потери. В один из особенно трудных дней командование ООР, уже информированное о создании 3-го Черноморского полка и его предназначении, просило даже отменить готовившийся десант и немедленно отправить полк в Одессу просто как подкрепление. На это Военный совет, однако, не пошел, и дальнейшее подтвердило, что для такого использования десантной части не было достаточных оснований.

А что Одессе необходима основательная помощь помимо десанта, было очевидно. В этом убедился и Ф. С. Октябрьский, побывавший в Одесском оборонительном районе в начале сентября и вернувшийся оттуда вместе с Г. И. Левченко. Вскоре Военный совет флота, вполне отдавая себе отчет в том, как нужны резервы и на других направлениях, все же вновь поставил перед Верховным Главнокомандованием вопрос о выделении для Одессы стрелковой дивизии.

И 15 сентября мы узнали, что для переброски в Одессу назначена 157-я стрелковая дивизия, возглавляемая полковником Д. И. Томиловым и полковым комиссаром А. В. Романовым. Дивизия находилась в резерве Ставки в Новороссийске.

Несколькими часами раньше из Москвы поступила телеграмма:

«Передайте просьбу Ставки Верховного Главнокомандования бойцам и командирам, защищающим Одессу, продержаться 6-7 дней, в течение которых они получат подмогу в виде авиации и вооруженного пополнения. И. Сталин»{9}.

Это обращение Верховного Главнокомандующего к защитникам Одессы (надо сказать, весьма необычное по содержанию [89] и форме) пришло, когда напряженность положения на рубежах ООР и тяготы жизни в осажденном городе, обстреливаемом вражеской артиллерией уже не только с северо-востока, но и с юго-запада, где линией фронта стал берег Сухого лимана, достигли, кажется, крайнего предела. Как установила разведка, за последние недели Антонеску назначал своей 4-й армии два новых срока овладения Одессой. Они срывались, как и прежние, но ценою невероятных усилий. За один день 12 сентября с передовой эвакуировали 1900 раненых…

Телеграмма И. В. Сталина была доведена до каждого бойца,

до всех жителей города и помогла людям найти в себе новые силы. Ведь теперь все твердо знали: помощь идет, помощь близка.

Под Одессой широкое распространение получила такая форма патриотического воспитания воинов, как клятва. На митингах и собраниях бойцы и командиры, потрясая винтовкой, заявляли о своей решимости победить или умереть. А те, кто не выступил на митинге, клялись перед лицом своих товарищей по отделению, расчету или взводу, перед Боевым Знаменем части - отстоять Одессу, не отступать ни на шаг, драться до последней капли крови. Люди в клятвах выражали охватившие их высокие чувства.

Теперь мы особенно почувствовали, как важна и актуальна задача, поставленная Главным политическим управлением, - превратить боевую часть корабля, роту, батарею в центр воспитательной работы. Именно здесь, в первичных воинских коллективах, формировались нравственные и боевые качества воина, его настрой, создавались благоприятные условия для индивидуальной работы с каждым человеком. В этом отношении большую работу проводили политруки, назначенные к тому времени в подразделения.

Индивидуальная работа становилась основной формой партийного воздействия на воинов. И это понятно. Ведь в боевой обстановке далеко не всегда удается собрать весь личный состав. И комиссары, политруки, работники политорганов шли на боевые посты и в окопы, в отделения и расчеты, беседовали с людьми, и это позволяло им хорошо знать настроения, нужды и запросы каждого. Живое слово политработника, его личный пример в тех условиях очень много значили.

Опыт индивидуальной работы, накопленный в период обороны Одессы, обогатил арсенал тех средств, которые затем использовались при политическом обеспечении конкретных видов боевой деятельности: разведки, боевого дозора, [90] авиационной и артиллерийской поддержки и т. д. Я уже не говорю о том, что индивидуальная работа способствовала сколачиванию боевого актива, становившегося крепкой опорой командира и комиссара в бою.

* * *

Для перевозки частей 157-й дивизии, начавшейся 16 сентября, нарком ВМФ разрешил использовать наряду с быстроходными транспортами боевые корабли. Доставке в Одессу подлежали также новое крупное маршевое пополнение,

значительное количество боеприпасов и, кроме того, две батареи реактивных минометов, еще мало кому тогда известных: знаменитые впоследствии «катюши» лишь недавно начали появляться на фронте.

Переброска дивизии со всей ее техникой и остальных подкреплений с Кавказа в другой конец Черноморского театра (это были для нашего флота первые перевозки войск такого масштаба) прошла без потерь. Получив крепкую подмогу, командование ООР решило предпринять контрудар с территории одесского плацдарма, согласованный с высадкой морского десанта, которая окончательно назначалась на 22 сентября.

К тому времени в самой Одессе, буквально в огне боев, родилось новое соединение. Из действовавших в восточном секторе морского и пограничного полков и более мелких частей, добавив к ним бойцов из маршевого пополнения и ополченцев, сформировали дивизию, не смущаясь тем, что по числу людей, да и по вооружению, ей далеко до нормы. Дивизию называли сперва просто Одесской, а затем, когда ее образование узаконил Генштаб, она стала 421-й стрелковой. Командиром ее был назначен полковник Г. М. Коченов, бывший комендант Тираспольского укрепрайона, военкомом - бригадный комиссар Г. М. Аксельрод.

Дивизии Коченова и предстояло вместе с дивизией Томилова, прибывшей из Новороссийска, коротким контрударом оттеснить противника на участке между Куяльницким и Большим Аджалыкским лиманами и соединиться с морским десантом (после чего высадившийся полк вливался в Одесскую дивизию). Общая задача совместных действия сухопутных войск и флота, запланированных на 22 сентября, состояла в том, чтобы восстановить в восточном секторе Одесской обороны положение, при котором противник не мог бы обстреливать с этого направления город и порт.

20 сентября мы устроили последнюю проверку готовности 3-го Черноморского полка. Интересовались при этом и [91] вооружением, и тем, как обучены люди, и их настроением, и расстановкой партийных и комсомольских сил.

Как заведено на флоте, экипировку отдельных, вызванных наугад морских пехотинцев проверяли, доходя до таких мелочей, как иголка с ниткой, которые тоже необходимы бойцу. И вот что обнаруживалось: многие краснофлотцы за счет недобора хлеба и других продуктов из полагавшегося каждому трехдневного сухого пайка сумели положить в свои вещевые мешки патронов и гранат значительно больше установленной нормы.

- Как же собираетесь воевать без харчей? - спрашивал я.

- Было бы чем бить фашистов, а харч как-нибудь раздобудем! - отвечали бойцы.

Инициативу такого рода часто проявляли потом и участники других десантов, и если дело не доходило до крайностей, ее можно было только одобрить.

Непосредственным руководителем десанта под Одессой - командиром высадки был назначен командующий эскадрой контр-адмирал Л. А. Владимирский, а военком эскадры бригадный комиссар В. И. Семин - военкомом высадки. Отряд десантных кораблей, куда входили крейсера «Красный Кавказ», «Красный Крым» и три эсминца, возглавлял командир бригады крейсеров С. Г. Горшков, которому только что было присвоено звание контр-адмирала. Комиссаром отряда был полковой комиссар С. С. Прокофьев. В районе высадки, намеченной вблизи приморского села Григорьевка, к десантным кораблям должны были присоединиться канонерская лодка «Красная Грузия» и десять сторожевых катеров из Одесской базы. Они предназначались для ускорения перевозки на берег десантников и их боевого имущества. В этих же целях корабли десантного отряда имели на борту добавочные легкие катера и моторные барказы.

Предусмотрели, казалось, все. Утвердили и план взаимодействия участвующих в контрударе дивизий с десантным полком. Заместитель начальника штаба ООР капитан 1 ранга С. Н. Иванов, прибывший из Одессы с предложениями командования оборонительного района, должен был вернуться туда на эсминце «Фрунзе» с плановой таблицей боя, На этом же корабле, вышедшем из Севастополя на рассвете 21 сентября, отбыл в Одессу командир высадки контрадмирал Л. А. Владимирский: он считал необходимым познакомиться с обстановкой на месте, встретиться с Военным советом ООР. [92]

Но не все шло в тот день гладко. Нас подстерегали столь частые на войне неприятные неожиданности.

Началось с того, что в районе Тендровской косы с борта «Фрунзе» (его вел капитан 3 ранга В. Н. Ерошенко, поставивший свой «Ташкент» в ремонт и заменявший недавно раненного командира эсминца) заметили охваченную пожаром и уже едва державшуюся на плаву канонерскую лодку «Красная Армения» из Одесской базы. Как выяснилось, полчаса назад она была атакована группой бомбардировщиков.

Эсминец задержался для оказания помощи канлодке и спасения людей. И вскоре сам подвергся атакам бомбардировщиков. Отражать их атаки оказалось необычайно трудно - бомбы сбрасывались с крутого пике. Это были

одномоторные Ю-87, впервые появившиеся на нашем театре и знакомые раньше черноморцам лишь по учебным таблицам. Мы еще не знали, что гитлеровское командование специально перебросило под Одессу эскадрилью или две таких самолетов со Средиземного моря, где они действовали против английских кораблей.

Ведя бой с пикировщиками, Ерошенко удавалось уклоняться от прямых попаданий бомб, но при близком разрыве за кормой эсминец получил серьезные повреждения. К ним вскоре прибавились новые. С затопленными отсеками и дошедшим до критического креном, управляемый только машинами, практически уже выведенный из строя, корабль не перевернулся и не затонул лишь благодаря тому, что командир, сам тяжело раненный, не опоздал посадить его на отмель.

Фашистские самолеты не оставили эсминец в покое и после этого. Они разбомбили также буксир, принявший с эсминца раненых. Подоспевший торпедный катер доставил на Тендру тех из них, кто остался в живых. Здоровые моряки добирались до недалекой косы вплавь. В числе нескольких десятков погибших был и замначштаба ООР капитан 1 ранга С. Н. Иванов.

Все это происходило уже после того, как из Севастополя вышли, взяв курс к Одессе, крейсера и эсминцы с батальонами 3-го Черноморского полка. Бойцы полка понимали - по характеру проходимой ими подготовки, - что их могут попользовать как десантников. Но где и когда - это держалось в строжайшей тайне. Только после прекращения связи с берегом по трансляционной сети кораблей было объявлено: «Военный совет Черноморского флота поставил перед нами [93] почетную и ответственную задачу - оказать помощь героическим защитникам Одессы…»

На переходе боевая задача доводилась до личного состава всех подразделений в полном объеме. На кораблях прошли партийные и комсомольские собрания десантников, короткие митинги. В открытом море десятки морских пехотинцев подали заявления с просьбой принять их в ряды партии, считать коммунистами уже в завтрашнем бою. В политическом обеспечении десанта существенную помощь политотделу эскадры оказала группа работников политуправления флота, возглавляемая заместителем начальника политуправления бригадным комиссаром М. П. Ткаченко, находившимся на крейсере «Красный Крым».

Район, где подверглись ударам с воздуха канлодка и эсминец «Фрунзе», кораблям с десантом предстояло пройти в темное время. Но сам факт повышенной активности неприятельской авиации на морских подступах к Одессе накануне нашего десанта

был тревожным. И все же мы не допускали, что противник мог раскрыть наши планы относительно десанта - подготовка к нему проводилась достаточно скрытно. Обсуждая события дня, на ФКП сходились на том, что активность вражеской авиации, очевидно, является реакцией на наши усиленные морские перевозки последнего времени (переброску 157-й дивизии и крупного маршевого пополнения, обошедшуюся без потерь, но, конечно, замеченную противником) и крепнущее сопротивление защитников Одессы.

Военный совет решил: боевые действия под Григорьевкой проводить по существующему плану. В него внесли лишь одно изменение - после высадки десанта крейсерам надлежало сразу же возвращаться в Севастополь. Для огневого содействия продвижению десанта оставлялись в районе Григорьевки три эсминца. А руководство высадкой возлагалось на контр-адмирала С. Г. Горшкова, командовавшего отрядом десантных кораблей. Последнее было связано с тем, что с Тендровского боевого участка не могли сообщить ничего определенного о судьбе контр-адмирала Владимирского, и мы довольно долго не знали, жив ли он и где находится.

Какое- то время оставалось неизвестным также и то, уцелел ли и попадет ли до исхода суток в Одессу портфель погибшего капитана 1 ранга Иванова с документацией, регламентировавшей взаимодействие войск ООР и десанта, где определялись, в частности, порядок движения высадочных [94] плавсредств, выделяемых Одесской базой, время и место их встречи с десантным отрядом.

Постепенно все прояснилось. Из Одессы радировали, что Владимирский прибыл туда на торпедном катере. Лев Анатольевич, имевший легкое ранение, намеревался вернуться в район высадки десанта. Документы, находившиеся у Иванова, пропали, но все самое важное для действий со стороны ООР Владимирский смог восстановить по памяти. Правда, одесские катера уже не могли поспеть к началу высадки десанта. Хорошо, что крейсера и эсминцы были снабжены добавочными малыми плавсредствами!

…Связь с отрядом кораблей, приближавшимся к району Одессы, работала четко, и мы на ФКП могли непрерывно за ними следить, достаточно ясно представляя складывающуюся обстановку.

С каждым часом подтверждалось, что о подготовленном ударе с моря противник не подозревает; никаких попыток перехватить где-то корабли с десантом он не предпринимал.

«Все, что случилось с эсминцем «Фрунзе», не отразилось на

выполнении намеченного плана, - справедливо отметил потом в своих воспоминаниях контр-адмирал В. Н. Ерошенко. И добавил: А быть может, этот корабль еще и помог основному отряду тем, что отвлек на себя группу фашистских пикировщиков…»{10}. Думаю, предположение Василия Николаевича не лишено оснований.

Во втором часу ночи 22 сентября крейсера и эсминцы без противодействия со стороны врага достигли рейда Григорьевки и отдали там якоря. После короткой обработки участка высадки корабельной артиллерией к берегу двинулся на катерах и барказах первый бросок десанта во главе с военкомом полка батальонным комиссаром И. А. Слесаревым.

Охваченные боевым порывом, моряки действовали стремительно. Задержки не возникало и там, где барказы на пути от кораблей к берегу натыкались на подводные песчаные гребни. Часть десантников, подняв повыше оружие, соскакивала за борт, и облегченные барказы преодолевали преграду. Политдонесение тех дней напоминает, что одним из первых, около двух часов ночи, достиг берега барказ крейсера «Красный Крым», управляемый старшиной Иваном Дибровым (который стал потом широко известен у нас на флоте, отличившись во время декабрьского десанта в Феодосию). [95]

Высадку полка открыла рота младшего лейтенанта И. Д. Чарупы. Еще на морском переходе, когда до десантников доводилась боевая задача, Чарупа от имени всех бойцов обратился к командованию полка с просьбой доверить им захват плацдарма для высадки и просьба была удовлетворена. На берегу, близ уреза воды, зажглись сигнальные огни, указывая места подхода следующим группам бойцов. Расширяя плацдарм, первые подразделения десанта овладели Григорьевкой.

После подхода канлодки и катеров из Одессы высадка пошла быстрее (с этими кораблями прибыл в район высадки контр-адмирал Владимирский, перешедший затем на крейсер «Красный Кавказ»). Через три с половиной часа после того, как от кораблей отвалили первые барказы, весь полк находился на берегу и в соответствии с планом развернул наступление на Чебанку, Старую и Новую Дофиновки.

Противник, не ожидавший нашей высадки, не смог оказать сильного сопротивления. Это не значит, что десант высаживался без боя. До захвата господствующих над плацдармом высоток высадка шла под минометным огнем (барказы с первыми группами бойцов попадали под него задолго до подхода к берегу). И если потери были невелики, то, думается, в значительной мере благодаря решительности действий первого броска и

подразделений, закрепивших его успех.

Смертью храбрых пал при высадке комиссар одного из батальонов В. Н. Прокофьев, смертельное ранение получил комиссар другого батальона А. Ф. Прохоров. Как всегда в десантах, политработники были с теми, кто шел впереди.

Успеху морского десанта способствовали и предварившие его высадку смелые действия в том же районе небольшой группы моряков-парашютистов.

Примерно за месяц до того была создана по инициативе военкома ВВС флота бригадного комиссара М. Г. Степаненко нештатная воздушно-десантная группа из краснофлотцев и младших командиров аэродромных служб, разумеется - добровольцев. Готовили парашютистов для действий во вражеских тылах, когда возникнет в том надобность. Эту группу, возглавляемую старшиной Кузнецовым, и выбросил в районе Григорьевки транспортный самолет за полчаса до появления на берегу первых десантников с кораблей.

Двадцать три парашютиста, действуя мелкими группами, перерезали во многих местах проводную связь противника. Пробираясь в темноте к расположению его постов и береговых подразделений (особой настороженности на этом тихом [96] участке побережья враг не проявлял), они забросали гранатами землянки, перебили десятки солдат и офицеров, вызвав в неприятельском стане смятение и неразбериху, в чем и состояла их задача. Выполнив ее, отважные ребята присоединились утром к наступающему десанту.

В одной из лощин невдалеке от Григорьевки разведчики десантного полка (с ними был и его военком Иван Андреевич Слесарев) обнаружили огневую позицию тяжелой артиллерийской батареи - как потом выяснилось, той, которая в последнее время больше всего осложняла работу Одесского порта. Разведчики сами и захватили батарею, сумев незаметно к ней подползти, после чего исход боя решили гранаты и штыки. Часть орудийной прислуги они перебили, часть - разбежалась. Четыре 150-миллиметровых орудия были захвачены исправными, с большим количеством снарядов.

Потом эти пушки провезли по улицам Одессы, и на длинном стволе одной люди читали выведенную мелом надпись, которая попала на снимки фотокорреспондентов, а через них - в историю войны: «Она стреляла по Одессе, этого больше не будет!» Из политдонесения батальонного комиссара Слесарева я узнал, что надпись сделал участник захвата батареи краснофлотец Петренко.

По мере продвижения десанта сопротивление противника

возрастало, особенно в направлении Чебанки, где наступал батальон старшего лейтенанта Б. П. Михайлова. Враг развернул против наших морских пехотинцев до двух полков пехоты, подтягивал артиллерию, минометы, однако задержать десантников не смог. Их поддерживали огнем эсминцы (корректировщики находились в боевых порядках полка). Поддержку с воздуха оказывали одесские «ястребки», действовавшие как штурмовики.

На исходе дня десант овладел районом Чебанки, Старой и Новой Дофиновок, выполнив тем самым свою задачу. Высадившемуся у Григорьевки полку оставалось соединиться с частями ООР, что и произошло несколькими часами позже. Действия десантников следовало считать весьма успешными. Потери полка оставались небольшими. Урон, нанесенный врагу, превышал их в несколько раз.

Но в связи с высадкой десанта мы понесли потери на море. Эсминцы, огневая поддержка которых так много значила для десантников, подверглись атакам пикирующих бомбардировщиков. Первым пострадал «Безупречный», получивший от разрывов бомб за бортом несколько пробоин и лишившийся хода. Корабль был отбуксирован в Одессу с [97] затопленными котельным и машинным отделениями. Еще более серьезные повреждения получил от прямых попаданий двух бомб другой эсминец - «Беспощадный». Оба корабля нуждались в доковом ремонте и надолго выбыли из строя.

Лишь третий эсминец - «Бойкий» под командованием капитан-лейтенанта Г. Ф. Годлевского, который также многократно атаковывали фашистские пикировщики, остался невредим и смог содействовать продвижению десанта в течение всего дня. На него были переключены корректировщики «Безупречного», и артиллеристы эсминца одновременно вели огонь орудиями по различным целям: носовыми - по одним, кормовыми - по другим.

Отбиваться от бомбардировщиков Ю-87, с которыми черноморцы познакомились в те сентябрьские дни, кораблям оказалось очень трудно. Страшно было подумать, какие потери мог понести флот, если бы мы, как сперва предполагалось, оставили в районе высадки крейсера «Красный Кавказ» и «Красный Крым», представлявшие для самолетов более крупные цели и уступавшие эсминцам в скорости хода и маневренности. (Крейсера ушли с рейда Григорьевки еще до рассвета, как только высадили на катера и канлодки последние группы десантников.)

Закончу рассказ о событиях 22 сентября - знаменательного дня Одесской обороны.

Вслед за высадкой десанта у Григорьевки, несколькими часами позже, в восточном секторе ООР перешли в наступление 157-я стрелковая дивизия полковника Д. И. Томилова и 421-я полковника Г. М. Коченова - каждая двумя полками. Их атаке помимо артподготовки предшествовали удары флотских бомбардировщиков, прилетавших из Крыма, по ближним тылам и резервам противника.

Конечно, это было наступление с весьма ограниченными целями - на большее не хватало сил. Но оно вместе с десантом, облегчившим задачу сухопутных войск, привело к резкому изменению в нашу пользу обстановки в восточном секторе обороны, к результатам, которые незамедлительно ощутила вся Одесса. Враг, отброшенный на 5-8 километров, лишился позиций, с которых мог обстреливать значительную часть города, порт и фарватеры. К утру 23 сентября войска ООР, соединившись с морским десантом, закрепились на новой линии фронта. В течение суток была очищена от противника территория, которую он ценою огромных потерь захватил за несколько недель.

В результате комбинированного удара сил армии и флота, [98] сухопутных войск и морского десанта противник потерял до 6000 солдат и офицеров, из них только убитыми и пленными - около 2000 человек. Защитники Одессы захватили внушительные для того времени трофеи: 33 орудия, 30 минометов, 127 пулеметов, 1250 винтовок и автоматов, 3000 снарядов и много другого военного имущества. Две левофланговые дивизии осаждавшей Одессу 4-й румынской армии - 15-я и 13-я пехотные - понесли такой урон, что фактически были выведены из строя.

Под Одессой стало спокойнее. Фронт обороны обрел бульшую устойчивость. В наших руках снова находились Фонтанка, Ильичевка, Гильдендорф (удерживать Чебанку и обе Дофиновки, через которые прошел десант, задача не ставилась - это было нам не по силам). Несмотря на сохраняемый противником большой численный перевес, у защитников Одессы окрепла уверенность в том, что успешно оборонять ее можно и дальше. Командование ООР начало готовить новый контрудар с целью улучшить позиции в южном секторе.

Встречаясь с командирами и бойцами в Севастополе и других местах, нельзя было не почувствовать: у людей спадает острая тревога за Одессу, судьбу которой близко принимали к сердцу все черноморцы.

Но дальнейшая судьба Одессы стала зависеть не столько от положения на подступах к городу, сколько от общей военной обстановки на Юге. [99]

Глава четвертая.

В опасности Крым

Вышло так, что через неделю после событий, описанных в конце третьей главы, 29 сентября, Военный совет флота оказался вынужденным высказаться за эвакуацию войск ООР, поставить перед Верховным Главнокомандованием вопрос об оставлении Одессы.

Насколько необходимым стал такой шаг, не сразу поняли даже некоторые старшие командиры и политработники, узнавшие об этом раньше других. Сознаю, что, вероятно, еще труднее понять нашу позицию читателю, не пережившему того времени. Чтобы все стало яснее, очевидно, следует несколько подробнее остановиться на том, как обстояли тогда дела на юге, особенно на подступах к Крыму, и вернуться немного назад.

…Бои шли еще на Буге, у Николаева, еще только начиналась борьба за Одессу, когда Верховное Главнокомандование стало принимать меры для укрепления обороны Крыма. Это обусловливалось военно-политическим, стратегическим значением Крымского полуострова.

15 августа мы узнали из директивы Ставки, подписанной накануне И. В. Сталиным, об образовании в Крыму, со штабом в Симферополе, 51-й Отдельной армии. В вопросах, касающихся обороны Крыма, командованию этой армии был подчинен в оперативном отношении Черноморский флот.

51- я армия создавалась на основе 9-го стрелкового корпуса, который начал формироваться в Крыму незадолго до войны. Назначенный командиром корпуса генерал-лейтенант П. И. Батов был связан с флотом еще по своей прежней службе в Закавказском военном округе. В первые дни войны он побывал у нас в Севастополе и информировал Военный совет флота о ходе комплектования корпуса, о расстановке его сил. Мы согласовали порядок взаимодействия в противодесантной обороне полуострова, а также вопросы ПВО, связи и другие. Павел Иванович Батов уже имел боевой опыт -воевал в Испании. [100]

Теперь он стал заместителем командующего 51-й Отдельной армией, а командармом был назначен генерал-полковник Федор Исидорович Кузнецов. Он возглавлял еще недавно Военную академию Генерального штаба, в самом начале войны командовал Северо-Западным фронтом, лично выводил там войска из окружения, потом командовал 21-й армией, Центральным фронтом. Известно было, что в новую должность Кузнецов

вступает, еще не вполне оправившись после ранения.

Как только командующий 51-й армией прибыл в Симферополь, вице-адмирал Октябрьский и я отправились к нему. Надо было получить необходимую ориентировку в связи с оперативным подчинением ему флота в вопросах обороны Крыма. От наркома ВМФ мы имели указание выделить армии сколько возможно береговых орудий для прикрытия Чонгара и Перекопа. Одновременно нарком требовал форсировать создание прочной сухопутной обороны главной базы флота, используя все наличные технические средства и людские ресурсы, проводить соответствующие тренировки и учения.

На КП в Симферополе нам навстречу поднялся из-за письменного стола высокий, стройный генерал с забинтованной головой. Мы представились, Октябрьский доложил о мерах, принимаемых флотом для укрепления обороны Крыма: был создан Каркинитский сектор береговой обороны, на побережье устанавливались новые батареи, развертывалась Керченская военно-морская база. Кузнецов держался как-то слишком уж официально, и чувствовалось, что взаимопонимание у нас не налаживается. Он не очень одобрительно отнесся, например, к тому, что командование флота «увлекается», как он выразился, строительством укреплений вокруг Севастополя.

Не буду вдаваться в детали личных отношений. Сложились они или не сложились, главным было общее дело. Выполняя указание наркома о помощи армейцам артиллерией, мы еще в начале сентября направили к Перекопу рекогносцировочную группу во главе с генерал-майором береговой службы П. А. Моргуновым. Наши артиллеристы совместно с представителями штаба 51-й армии выбрали позиции для восьми стационарных батарей. Из своих резервов флот выделил 31 орудие, и инженерный отдел обеспечил быструю установку их на временных основаниях. Орудийные расчеты укомплектовали в основном курсантами Севастопольского училища береговой обороны имени ЛКСМУ.

Так возник на севере Крыма 120-й отдельный Чонгарский [101] артдивизион майора В. Ф. Моздалевского, оставшийся в подчинении коменданту береговой обороны. Еще две батареи были поставлены - в порядке усиления Каркинитского сектора береговой обороны - у Армянска и Ишуни.

Приходилось все время думать о том, как бы не просчитаться при распределении боевых сил и средств. Они требовались и под Одессой, я на Тендровским участке. И все отчетливее вырисовывалась угроза Крыму с севера, с суши.

В конце августа - начале сентября стало известно (первой это

установила радиоразведка, а затем поступили подтверждения), что враг форсирует Днепр в районе Береслав, Каховка. Таким образом, перед фашистскими войсками больше не оставалось серьезных естественных преград до самого Перекопа. 11 сентября они атаками с каховского плацдарма прорвали оборону 9-й армии и стали развивать наступление на Мелитополь, Перекоп.

12- го вице-адмирал Г. И. Левченко и я выехали с группой командиров к Перекопу для проверки боевой готовности установленных там батарей и ознакомления с обстановкой. Имели мы также намерение добраться, если это окажется возможным, через перешеек, через Каланчак и Скадовск, до района временного базирования Дунайской флотилии вблизи Тендровского боевого участка. Но генерал-лейтенант П. И. Батов, у которого мы переночевали в Воинке, отговорил от этого: по его словам, в приморской степи, где мы собирались проехать на машине, уже обнаруживались подвижные отряды немецкой разведки.

Настроение у Батова было тревожное. Он откровенно поделился своими опасениями в связи с разбросанностью сил 51-й армии по всему Крыму в ущерб обороне перешейков: командарм Кузнецов считал, что противник может высадить в разных местах полуострова воздушные и морские десанты.

Отказавшись от попытки проехать за перешейки, мы повернули к западному побережью Крыма, в Каркинитский сектор береговой обороны. Его возглавлял полковник Е. Т. Просянов, отлично зарекомендовавший себя на Дунае - управляемые им береговые батареи сыграли немаловажную роль в том, что противник почти месяц не мог пересечь южный участок советской границы.

Контрольная боевая тревога, сыгранная на 152-миллиметровой батарее под Ак-Мечетью (ныне - Черноморское), показала высокую выучку личного состава. А беседа с комендорами после отбоя подтвердила, что они сознают серьезность положения и готовы встретить врага как положено. [102]

Батарейцы Просянова порадовали тем боевым, я бы сказал, задорным настроем духа, который так дорог в трудной обстановке, ибо прибавляет людям сил.

К дунайцам отправились морским путем на исходе дня 13 сентября, когда наши войска уже оставили Скадовск, а временная база флотилии и Тендровский боевой участок были обойдены и полностью отрезаны противником на суше. В Ак-Мечети, откуда мы вышли на катере-охотнике, не знали точно, в чьих руках находится расположенный на противоположном, материковом,

берегу широкого Каркинитского залива Железный порт (это громкое название носило небольшое селение с причалом для рыболовных судов). Поэтому впереди, в качестве разведчика, пошел торпедный катер, который установил, что немцев в Железном порту пока нет.

Как только сошли на берег, столкнулись с проблемами, возникшими из-за резкого изменения обстановки на фронте, от которых нельзя было отмахнуться, хотя они и не имели отношения к боевым действиям флота.

Горькие это были проблемы!… Товарищи из сельсовета просили дать им хоть сколько-нибудь бензина - без него не горело зерно, заполнявшее стоящие невдалеке от причала амбары, а вывезти отсюда только что сданную колхозами пшеницу никто уже не мог. Еще тяжелее стало на сердце, когда выслушали обратившихся к нам взволнованных женщин, оказавшихся делегатами от застрявшей здесь большой группы эвакуируемых в тыл жителей Одессы.

Многих из тех, кто эвакуировался из осажденного города, страшило долгое, отнюдь не безопасное плавание до Кавказа - любой транспорт мог быть атакован фашистскими самолетами или подорваться на мине. Немало одесситов предпочитало отплывать на малых, каботажных судах, доставлявших их в ближайшие не занятые противником порты в районе Тендры, откуда они добирались каким-нибудь попутным транспортом до железной дороги. Организаторы эвакуации охотно шли навстречу выбиравшим такой маршрут: перевозки «на коротком плече» позволяли вывезти больше людей и высвобождали крупные транспорты. И вот прорыв гитлеровцев от Каховки к морю отрезал путь на восток людям, считавшим, что они уже на Большой земле. В Железном порту возник огромный табор, где преобладали женщины, дети и старики. Значительную часть их составляли одесские евреи, для которых оказаться на захваченной фашистами территории означало сразу же погибнуть. Да и остальных не могло ждать ничего хорошего. [103]

Нужны были срочные меры для спасения этих несчастных. И я могу сказать: флот успел переправить их в Крым.

Ночью добрались до села Покровка у Ягорлыцкого залива, где недавно разместился штаб Дунайской флотилии. Здесь находились и представители командования Тендровского боевого участка. После тяжелых боев под Херсоном и в дельте Днепра дунайцы выполняли общую с ТБУ задачу - не допускали выхода плавсредств противника из Днепро-Бугского лимана и обороняли прилегавший к нему участок побережья. Три дня назад, когда продвижение крупных вражеских сил от Каховки к югу крайне

осложнило положение во всем этом районе, командованию флотилии было приказано передать в состав ТБУ свои сухопутные подразделения, перебазировать на Тендру тылы, а корабли, действовавшие в низовьях Днепра, переводить по обстановке в Ягорлыцкий залив, где сосредоточивались также легкие корабли Тендровской маневренной базы. (Два из пяти дунайских мониторов уже давно, с конца июля, использовались под Киевом и за Черноморским флотом больше не числились; еще один был вместе с отрядом бронекатеров передан в оперативное подчинение 18-й армии, оборонявшейся выше Каховки.)

Мы застали ТБУ и Дунайскую флотилию в процессе перестройки их боевых порядков. Но развитие событий уже вновь требовало кое-что изменить. Наступление врага с севера, от Ново-Збурьевки, удалось пока остановить, однако он продвигался теперь с востока - по берегу Каркинитского залива. Прорываясь на подступы к Крыму, гитлеровцы явно стремились сбросить наши части с Кинбурнской и Тендровской кос, что обеспечило бы им свободный выход в море из Днепро-Бугского лимана и выдвижение артиллерии на позиции, с которых можно угрожать коммуникациям, связывающим Севастополь с Одессой.

На месте принимается решение: разделить силы Тендровского боевого участка (они, кстати, пополнились отошедшими сюда от Скадовска остатками 74-й стрелковой дивизии) между северным направлением с передним краем по рукаву Днепра и восточным, где надо было остановить продвижение врага по морскому побережью.

Днем 14 сентября моторизованное подразделение противника - возможно, разведка, - прорвавшись через линию фронта, приблизилось к Покровке. Мы находились в штабе флотилии, когда откуда-то поступил доклад, еще не проверенный, будто фашистские танки появились в огородах на [104] окраине села. Все разобрали автоматы и поспешили к выходу из штабной хаты.

Танков в огородах не оказалось. Но фашистские автоматчики на машинах (вероятно, их издали и приняли за танки) все-таки обнаружились у самой Покровки. Они подняли за селом пальбу, рассчитывая, должно быть, вызвать панику. Охрана штаба отбросила и рассеяла их. Позже доложили, что линия обороны стабилизировалась и образовавшаяся в ней брешь перекрыта.

Однако никакого затишья здесь быть уже не могло. Весь день мы слышали недалекую орудийную канонаду. Вражеская авиация многократно бомбила Тендру. Под бомбы попал и был серьезно поврежден подходивший туда транспорт «Молдавия». Капитан спас его от гибели, выбросив на отмель. Тревожно было за

дунайские мониторы: в низовьях Днепра они могли укрываться в окруженных густыми зарослями протоках, а тут - все время на виду… Но дальнобойная артиллерия этих кораблей, а также двух самодельных канлодок, которыми пополнилась флотилия уже после ухода с Дуная (это были самоходные баржи, вооруженные отличными морскими орудиями), существенно подкрепляла фланг ТБУ.

Наше возвращение на западный берег Крыма не обошлось без приключений. На пути из Покровки в Свободный порт (приморское местечко, где никакого порта на самом деле не существовало, а название сохранилось, видимо, с «времен очаковских», когда в Новороссии имелись пункты беспошлинной торговли) машина со всей нашей группой угодила в темноте в противотанковый ров. А торпедный катер, принявший нас на борт, чуть не потонул, напоровшись среди ночи на какой-то крепкий плавающий предмет. Как потом выяснилось - на железную бочку из-под бензина…

Выручил нас подоспевший на сигнал ракетой дозорный катер-охотник. Сойдя на берег в Ак-Мечети, вспоминали уже со смехом, как Гордей Иванович Левченко, старый моряк, попадавший за долгую службу во всякие переделки, невозмутимо подал уставную команду: «Приготовить спасательные средства!» И как мокрый старшина, выбравшийся из затопленного моторного отсека, не слишком почтительно ответил: «Какие тут, на хрен, спасательные средства! У нас не крейсер!…»

Двадцать лет спустя, на юбилейном сборе ветеранов Одесской обороны, мне напомнил об этом эпизоде незнакомый капитан 1 ранга в отставке. Он оказался бывшим командиром спасшего нас сторожевого катера. И он же, в чем [105] теперь признался, был, по-видимому, виновником аварии, в которую мы попали: получил на каком-то эвакуируемом складе безотчетную бочку с горючим, а когда бензин перелили в цистерну, приказал сбросить за борт загромождавшую палубу тару…

В последующие дни на Тендровском участке продолжались ожесточенные бои за материковую часть его территории. Оборонялись тендровцы упорно и активно, предпринимали контратаки. В результате одной из них удалось даже ненадолго отбить у противника Ново-Збурьевку, расположенную в районе днепровской дельты. Но силы были неравными. После того как враг овладел Свободным портом и другими пунктами на побережье, сделалась неизбежной эвакуация входивших в состав ТБУ островов, в том числе Березани.

Удерживать саму Тендру Военный совет считал насущно необходимым - без этого не мыслилось морское сообщение с

Одессой. Оборона косы усиливалась дополнительными минными заграждениями, орудиями, перевозимыми с островов и с берега. Началось оборудование на косе взлетно-посадочной полосы для истребителей. На Тендру был переброшен 2-й Черноморский полк морской пехоты.

Но из кораблей теперь могли базироваться в этом районе лишь торпедные и другие катера. Остатки Дунайской флотилии, потерявшей в боях у Тендры свой флагманский корабль - монитор «Ударный», были отведены на ремонт и доукомплектование в Севастополь. Это не касалось дунайских пулеметчиков и других сухопутных подразделений, ставших неотъемлемой составной частью сил ТБУ. А те корабли флотилии, что были переданы в оперативное подчинение 18-й армии и поддерживали в течение месяца ее части, - монитор «Мартынов» и отряд бронекатеров - уже не могли вернуться на Черное море: слишком велико стало пространство в низовьях Днепра, на котором обоими берегами владел враг. Вернулись на флот по суше только экипажи этих кораблей, взорвав их по приказу командования, когда и 18-й армии пришлось отойти с днепровского рубежа дальше на восток.

Все, о чем я сейчас рассказал, происходило накануне и одновременно с десантом у Григорьевки, с нашим контрударом с одесского плацдарма или сразу вслед за ним. Таким образом, во второй половине сентября, когда удалось существенно улучшить положение под Одессой, на Тендровском боевом участке была потеряна значительная часть его первоначальной территории, но на самой Тендре черноморцы [106] закрепились прочно (и смогли держаться там столько, сколько понадобилось).

Враг уже стоял перед Перекопом, занял северный берег Сиваша до основания Арабатской стрелки. Крым оказался отрезанным с суши, 51-я армия - разобщенной с войсками Южного фронта.

Как уже говорилось, флот сформировал для поддержки армейских частей, оборонявших Перекоп, отдельный артдивизион в составе восьми стационарных батарей. Вслед за тем на север Крыма была направлена сводная авиагруппа, возглавляемая заместителем командующего ВВС флота генерал-майором авиации В. В. Ермаченковым и насчитывавшая около 80 самолетов. Ее задачу Военный совет определил так: «Вести боевые действия по наземным войскам противника на Перекопском участке фронта». Штурмовиков мы имели мало, и в составе авиагруппы преобладали истребители, также предназначавшиеся для штурмовок наземных целей.

По пункту основного базирования авиагруппы мы стали называть ее Фрайдорфской. А чтобы дать представление о ее

боевой работе, приведу, забегая вперед, несколько цифр: за полтора месяца действий на севере Крыма черноморские летчики уничтожили до 40 танков, 94 самолета, 14 броневиков, почти 400 автомашин, подавили около 60 орудий, истребили 5600 солдат и офицеров противника.

Послали мы на Перекоп также зенитный артдивизион, отведенный из района Скадовска, и команду флотских минеров. О них вспоминает в своих мемуарах генерал П. И. Батов:

«Беззаветную храбрость проявили в первый день минеры-моряки… Еще летом Ф. С. Октябрьский предложил использовать на сухопутье морские мины в качестве фугасов большой мощности. Они были поставлены на подступах к Турецкому валу. Как только вражеские танки и пехота вступали на заминированные участки, матросы, укрывшиеся в специальных колодцах, включали электрический ток. Взрыв уничтожал все в радиусе нескольких десятков метров»{11}.

Днем, который П. И. Батов называет тут первым, было 24 сентября, когда гитлеровцы, проводившие перед тем в течение нескольких дней разведку боем, начали штурмовать Перекоп. Части 156-й стрелковой дивизии, принявшие на себя главный удар, оказывали героическое сопротивление [107] врагу. Но он, сосредоточив на решающем участке крупные силы, после трех дней тяжелых боев прорвался вдоль Перекопского залива за Турецкий вал и 26 сентября занял Армянск.

Обсудив, чем еще флот может поддержать защитников Перекопа, Военный совет 27 сентября предписал командиру Керченской военно-морской базы немедленно отправить в распоряжение генерала Батова (он непосредственно руководил обороной перешейков, возглавляя группу соединений 51-й армии) зенитный артдивизион. Зенитные орудия годились и в качестве противотанковых. Именно так уже использовался флотский зенитный дивизион, посланный к Перекопу раньше.

В один из этих дней, вероятно 28 сентября, на узле связи нашего ФКП приняли телеграмму из Москвы за подписью И. В. Сталина. Телеграмма пришла незашифрованной, и, может быть, поэтому мне не удалось отыскать ее текст в архивах. Но содержание, если и не дословно, то по смыслу помню хорошо: «Армянск захвачен противником. Помогите моряками и сделайте все, что можете. Армянск надо вернуть».

В нашем распоряжении имелась в Крыму одна-единственная относительно крупная стрелковая часть - только что сформированная в Севастополе (и предназначавшаяся для прикрытия его при критических обстоятельствах) 7-я бригада морской пехоты под командованием начальника строевого отдела

штаба флота, старого черноморца полковника Е. И. Жидилова. Два из ее батальонов мы признали достаточно подготовленными к боевым действиям, и ранним утром 29 сентября они отбыли со станции Инкерман на север Крыма. Батальоны получили наименование 1-го и 2-го Перекопских отрядов морской пехоты. Их возглавляли соответственно капитан Г. Ф. Сонин и старший политрук К. П. Аввакумов, капитан Е. А. Кирсанов и старший политрук К. А. Шатравко.

Отбить у врага Армянск и Турецкий вал, восстановить положение на прорванном участке фронта, как известно, не удалось. Развитие событий у сухопутных ворот Крыма приобретало весьма опасный характер.

В тот день Военный совет флота долго обсуждал при участии вице-адмирала Г. И. Левченко сложившуюся обстановку. Имевшиеся данные о ней не давали уверенности в том, что 51-я армия сможет отстоять Крым. Ее войска уже начали отходить к Ишуни, где, как мы знали, не было надежных укреплений, обеспечивающих долговременную [108] оборону. Угроза захвата противником Крыма становилась совершенно реальной.

Что мы в состоянии сделать, чтобы это предотвратить? - так стоял вопрос. И напрашивался вывод: оказать 51-й армии серьезную и относительно быструю помощь сейчас можно лишь переброской в Крым войск, находившихся под Одессой. Причем сама такая переброска представлялась осуществимой только до тех пор, пока борьба за Крым шла еще на севере полуострова. А если бы враг продвинулся дальше, могло создаться положение, когда нельзя было бы ни продолжать снабжение Одессы, ни эвакуировать оттуда войска.

Нелегко было произнести эти слова: «Оставить Одессу…» Особенно после того, как она уже столько продержалась в осаде, а в последнее время вздохнула немного свободнее. Но война жестока и заставляет подчас решиться на то, против чего восстает вся твоя душа. Крым значил больше, чем Одесса, в Крыму находился Севастополь. А потеряв Крым, Одессу было бы все равно не удержать.

Гордей Иванович Левченко разделял нашу точку зрения. Мы все более утверждались в мнении, к которому сообща пришли, не видя при создавшемся положении иного выхода. Сообщения, поступившие за последние часы с севера Крыма, не содержали ничего утешительного: положение там ухудшалось. В этих условиях Ф. С. Октябрьский и я сочли своим долгом обратиться непосредственно к Верховному Главнокомандующему. В телеграмме, направленной в тот. же день И. В. Сталину, Военный совет флота докладывал соображения, опиравшиеся на

конкретные факты, и просил принять, исходя из складывающейся обстановки, решение об оставлении Одессы и использовании удерживающих ее войск для обороны Крыма.

К выводу о том, что войска, занятые под Одессой, стали нужнее в Крыму, приходили, надо полагать, не только мы в Севастополе. И решение, сделавшееся необходимым, было принято.

Что оно состоялось, мы поняли еще до исхода суток, получив ночью телеграмму наркома ВМФ, предписывавшую начать подготовку к эвакуации Одессы. А 30 сентября поступила директива, подписанная И. В. Сталиным и Б. М. Шапошниковым, в которой говорилось:

«В связи с угрозой потери Крымского полуострова, представляющего главную базу Черноморского флота, и ввиду того, что в настоящее время армия не в состоянии одновременно оборонять Крымский полуостров и Одесский оборонительный [109] район, Ставка Верховного Главнокомандования решила эвакуировать Одесский район и за счет его войск усилить оборону Крымского полуострова»{12}.

Ставка требовала от командующего 51-й армией бросить все силы на удержание Арабатской стрелки, Чонгарского перешейка, южного берега Сиваша и Ишуньских позиций до прибытия войск ООР. На флот возлагалась перевозка войск и их вооружения из Одессы в Крым.

Заместитель наркома Г. И. Левченко, взяв с собой начальника оперативного отдела штаба О. С. Жуковского, тотчас же отправился на катере в Одессу, чтобы лично объявить решение Ставки командованию ООР. Гордей Иванович сознавал, что потребуется также авторитетно объяснить одесским товарищам, не ожидающим такого оборота событий, крымскую обстановку.

В штабе флота немедленно засели за эвакуационные расчеты. В порядок дня встала непростая задача - в максимально сжатые сроки переправить морем в Крым всю Приморскую армию. Причем переправить по возможности без потерь или, во всяком случае, с самыми малыми потерями. Иначе все теряло смысл.

* * *

Естественно, может возникнуть вопрос: а стоило ли усиливать гарнизон Одессы свежей дивизией, высаживать десант, принимать другие меры для укрепления ООР, если так скоро понадобилось вывозить войска в Крым?

Отвечу не колеблясь: безусловно, стоило. И не только потому,

что в тяжелейшей обстановке того времени, когда фашистские войска, продвигаясь все дальше на восток, уже вторглись в Донбасс, имел значение каждый день, в течение которого защитники Одессы продолжали сковывать почти все румынские войска, серьезно нарушая стратегические планы гитлеровского командования.

Если бы не удалось 22 сентября контрударом двух дивизий с одесского плацдарма при поддержке морского десанта оттеснить врага в восточном секторе обороны, лишив его возможности держать под обстрелом порт, мыслимо ли было бы вывезти через этот порт всю Приморскую армию? Нетрудно представить, какой трагедией могло это обернуться. [110]

Теперь же мы пользовались Одесским портом относительно свободно, могли вводить в него любые суда. И противник (для введения его в заблуждение были разработаны специальные меры), судя по всему, считал, что мы готовимся оборонять Одессу и зимой. Не случайно транспорты, следовавшие туда из Севастополя, преследовались неприятельской авиацией гораздо активнее, чем те, которые возвращались обратно.

В первую очередь вывозилась из Одессы 157-я стрелковая дивизия полковника Д. И. Томилова - лучше других укомплектованная, наиболее боеспособная и, значит, особенно нужная в Крыму. Ее эвакуацию с одесского плацдарма, начавшуюся уже в ночь на 2 октября, враг, по-видимому, совершенно не заметил (это подтвердили потом и трофейные оперативные карты штаба группы армий «Юг»).

Не подлежало, однако, сомнению: чем дальше, тем труднее будет скрывать от противника как сам процесс эвакуации, так и постепенный отвод войск с одесских рубежей, где продолжались упорные бои. Всего требовалось вывезти более 85 тысяч бойцов и командиров и много техники. Перевозку такой массы войск наш флот не производил еще никогда. Мы старались, применительно к своим условиям, извлечь уроки из тяжелого опыта недавней морской эвакуации Таллина. От повторения допущенных там ошибок предостерегала депеша из наркомата, специально им посвященная.

Вице- адмирал Г. И. Левченко, прибывший в Одессу в ночь на 1 октября, оставался там несколько дней, решая с командованием ООР практические вопросы эвакуации, и это было большой помощью нам. В Одессе находилась группа флотских штабистов, а также группа политработников во главе с начальником политуправления флота дивизионным комиссаром Бондаренко. Их задача состояла прежде всего в том, чтобы помочь руководителям Одесской обороны обеспечить высокую

организованность при крупномасштабных перебросках войск и максимально возможную их скрытность, строгий порядок в порту, исключить какие-либо проявления паники в городе.

На каждое гражданское судно, привлекаемое к эвакуации войск, мы решили назначить военного комиссара. Это было некоторым вторжением в существовавшую организацию службы, поскольку капитаны имели штатных помощников по политической части. Но комиссар не вмешивался в управление судном и действия экипажа, он должен был обеспечивать общий порядок на транспорте, принявшем на борт сотни, а то и тысячи непривычных к морю людей, дисциплинированность [111] их при любых обстоятельствах, в том числе и аварийных, при возможных вражеских атаках. Эта мера, как и назначение в порту комиссаров, отвечавших за организованность посадки на каждое судно, себя оправдала.

Тем временем, на этом последнем этапе существования Одесского оборонительного района, произошли перемены в его командовании. Острое сердечное заболевание внезапно вывело из строя заместителя командующего ООР по сухопутным войскам и командарма Приморской генерал-лейтенанта Г. П. Софронова. Его сменил генерал-майор И. Е. Петров, передавший Чапаевскую дивизию, которой до того командовал, генерал-майору Т. К. Коломийцу - бывшему начальнику тыла оборонительного района и армии. Одновременно был отозван на другую работу член Военного совета ООР, секретарь Одесского обкома партии А. Г. Колыбанов.

Я встретил Софронова и Колыбанова у трапа ошвартовавшегося в Южной бухте эсминца, на котором вернулся из Одессы также вице-адмирал Левченко. Софронов сошел на берег, поддерживаемый краснофлотцами, в сопровождении врача, и его сразу увезли в госпиталь. Колыбанова я в тот же день проводил на корабль, уходивший в Новороссийск. У обоих, чувствовалось, было тяжело на душе - должно быть, вдвойне переживали предстоящее оставление Одессы из-за того, что пришлось, пусть не по своей воле или вине, отбыть оттуда в числе первых.

Левченко и Колыбанов рассказали о положении в Одессе. Город не знал еще своей судьбы. Не знали и в оборонявших его частях, что отвод дивизии Томилова (в первых числах октября отправлялась в Крым еще только она) - начало общей эвакуации войск. Дивизия, переброшенная на одесский плацдарм немногим больше двух недель назад, помогла оттеснить врага в восточном секторе, избавить город от артиллерийского обстрела, а теперь, получив новый боевой приказ, уходила на другой участок фронта

- так это выглядело для всех, кому пока не полагалось знать большего.

2 октября войска ООР контратаковали противника в южном секторе (еще при участии одного из полков 157-й дивизии), улучшив на этом направлении свои позиции. Было уничтожено до четырех батальонов неприятельской пехоты, захвачены значительные трофеи, в том числе 44 орудия. Отличился в этих боях танковый батальон старшего лейтенанта Н. И. Юдина - единственный в Приморской армии и потому подчиненный непосредственно командарму. [112]

Он состоял в основном из тракторов, обшитых на одесских заводах броней. 35 таких самодельных танков, обогнав поднявшиеся в контратаку стрелковые части, ворвались на вражеские позиции, вызвав там немалое смятение. Это они и прибуксировали большую часть захваченных в тот день орудий.

Главная цель активных действий в южном секторе заключалась теперь в том, чтобы помешать противнику разгадать наши дальнейшие намерения. В том же был смысл заметных для воздушной разведки заготовок овощей на заброшенных полях пригородных совхозов, работ по строительству зимних землянок. На верхних палубах двух-трех транспортов, следовавших в Одессу, открыто разместили некоторое количество железных печурок…

О том, как обстоят дела в каждом секторе Одесской обороны, мне, конечно, было известно из оперсводок и донесений. Но Колыбанов рассказывал и о том, что Одесса продолжает жить так, как уже привыкла жить в осаде: вода, как и продукты, - по карточкам, но тем и другим население обеспечено, предприятия и транспорт работают, кинотеатры открыты, в сокращенной сети школ начался учебный год… Еще недавно все это радовало. Теперь слышать об этом было больно. А каково, думалось мне, собственными глазами видеть эту жизнь города, зная, что скоро придется отдать его врагу?…

Однако, что решено, то решено. И Военный совет не могло не тревожить то, что кое-кто из руководителей Одесской обороны, как выяснилось, еще надеялся на пересмотр решения Ставки. Пытался ставить вопрос об этом один видный политработник, утверждая, что ООР может обойтись и без дивизии Томилова, как будто о ней одной шла речь. Такие настроения могли сказаться на практической работе. Быстрее преодолеть их помог нарком ВМФ, напомнивший в краткой телеграмме этому товарищу, что принятые решения и отданные приказы надо выполнять.

Эвакуация войск шла планомерно и, очевидно, все еще принималась противником за обычные морские перевозки между

Одессой и Крымом. Посадка людей на суда и погрузка техники производились ночью. С рассвета транспорты прикрывались истребителями: сперва - поднимавшимися с Тендровской косы, а затем - вылетавшими навстречу с крымских аэродромов.

7 октября Военный совет флота донес в Ставку, что из Одессы вывезено более 17 тысяч бойцов, 2600 раненых, 130 орудий, около тысячи лошадей, 128 автомашин… Продолжалась [113] эвакуация жителей города. По действовавшему тогда плану предполагалось закончить переброску войск ООР в Крым 20 октября. Ставка с этим сроком согласилась.

Намеченный срок обусловливался как необходимостью обеспечивать скрытность всей операции, так и наличием перевозочных средств. Однако у руководителей Одесской обороны начали появляться опасения, что не удастся благополучно довести дело до конца, если не ускорить эвакуацию. Особенно тревожным стал тон донесений из Одессы после того, как 9 октября противник предпринял атаки крупными силами одновременно почти по всему обводу обороны, по-видимому, рассчитывая на плечах наших войск ворваться в город. Атаки врага были отбиты с большими для него потерями (чапаевцы, поддерживаемые береговыми батареями и бронепоездом, окружили и разгромили целый полк 10-й румынской пехотной дивизии, захватив и его знамя). Но в штабе ООР возникли подозрения (в дальнейшем не подтвердившиеся), что противник, возможно, раскрыл наши планы.

Что и говорить, нелегко было держать оборону, располагая с каждым днем все меньшими силами, тогда как у врага их не убывало. Но прежде чем пересматривать принятый план, следовало вновь побывать в Одессе кому-то из флотского руководства - на месте все виднее. Тем более что вице-адмирала Левченко там уже не было - Гордей Иванович отбыл на Азовскую флотилию. Решили, что отправлюсь туда я вместе с заместителем начальника штаба флота А. Г. Васильевым и другими штабистами.

Шли в Одессу на двух катерах-охотниках в ночь на 13 октября при свежей, почти штормовой погоде - давала себя знать наступившая осень. На КП ООР сразу же собрался Военный совет оборонительного района с участием командования Приморской армии и военно-морской базы. Обсуждались два вопроса: о сроке завершения эвакуации и о том, как отводить с позиций те силы, которым предстояло до последнего момента удерживать занимаемые рубежи.

Произведенный к тому времени тщательный перерасчет возможной подачи тоннажа показывал, что при крайнем

напряжении мы в состоянии ускорить перевозку остававшихся в Одессе войск и техники на четыре-пять дней. Таким образом, предлагавшийся командованием ООР новый срок ухода последнего конвоя - 15-16 октября - становился реальным, и спорить тут было не о чем.

Не вызывал у меня возражений и разработанный одесскими товарищами новый смелый план отвода частей боевого [114] ядра армии с переднего края: не двумя эшелонами, как намечалось прежде, а одновременно, и не через промежуточные рубежи, а прямо в порт.

Конечно, это было сопряжено с определенным риском. Но действия по старому плану означали бы риск не меньший. Преимущество отвода за одну ночь основного боевого состава четырех дивизий (без тяжелой техники, снимаемой с позиций раньше) и не «ступенчатого» отвода, а сразу на причалы, у которых ждут суда, виделось уже в том, что у врага, если бы он все-таки разгадал наш замысел, оставалось меньше времени, чтобы что-то предпринять.

За новый план решительно высказывались и командующий ООР Г. В. Жуков, и члены Военного совета оборонительного района, и командарм Приморской, и командиры дивизий, с которыми я также переговорил. И все сознавали, сколь важно продемонстрировать в оставшиеся дни высокую боевую активность на фронте обороны - вплоть до имитации подготовки контрударов. Вообще чувствовалось, что тут основательно продумали систему мер, маскирующих наши действия и намерения.

Не будучи уполномочен утверждать новый план самостоятельно, я послал радиограмму Ф. С. Октябрьскому. Смысл ее сводился к тому, что прежний план следует считать не соответствующим сложившейся обстановке, которая заставляет действовать иначе. Ответ из Севастополя поступил через несколько часов. «Предложением полностью согласен», - радировал командующий флотом.

Так было окончательно решено, что боевые части, развернутые на переднем крае, отойдут с него (кроме подразделений прикрытия) одним броском с посадкой на суда в ночь на 16 октября. Сразу же были подписаны уже подготовленные приказы.

Много людей и техники предстояло вывезти из Одессы еще до этого. 13-14 октября по плану заканчивалась эвакуация раненых, а также и персонала госпиталей. Я поехал в военно-морской госпиталь посмотреть, что там делается.

Навещать госпитали при всякой возможности, беседовать с

ранеными вошло у меня в привычку, стало просто потребностью. Сколько интересного, да и поучительного могли рассказать эти люди о недавних боях, с какой гордостью говорили о своем корабле или части, о своих командирах! (Но если заходила речь о том, почему что-то в бою не удалось, всегда оказывалось, что «подвел сосед».) И в Одесском морском госпитале, в большой палате, куда пришли [115]десятки раненых из других палат, завязалась, как обычно, оживленная беседа. Делились пережитым, задавали вопросы о положении на фронте.

Раненым, разумеется, ничего не было известно, что мы оставляем Одессу. Об этом сообщалось лишь ограниченному кругу лиц, постепенно расширявшемуся только по мере прямой необходимости. Не знали еще лечившиеся в госпитале моряки и того, что менее чем через сутки они должны отплыть в Севастополь или на Кавказ. Стремясь подготовить их к этому, я доверительным тоном сообщил: ожидаются крупные налеты вражеской авиации и потому предполагается, во избежание напрасных потерь, вывезти из Одессы всех раненых.

Реакция на мои слова была неожиданно бурной. «А мы не поедем!», «Мы еще пригодимся тут!», «За Одессу еще повоюем!» - возбужденно говорили, почти кричали обступавшие меня моряки в повязках и госпитальных халатах. Должен сказать, что не на всех возымела действие и последующая разъяснительная работа, для которой, правда, оставались считанные часы. На следующее утро мне доложили: когда ночью были поданы машины для отправки раненых в порт, некоторой части их, особенно из числа выздоравливающих, в палатах не оказалось…

Стремление не покидать родную Одессу, выстоять вместе с нею было характерно для многих коренных жителей города. Объявить во всеуслышание, что войска оставляют его, мы не имели права - тогда это сразу могло бы дойти и до врага. Но горожанам настойчиво советовали эвакуироваться, предупреждали о возрастающей опасности массированных бомбежек, о трудностях с подвозом продовольствия, местные запасы которого иссякали. Заговаривал об этом о одесситами и я прямо на улицах, напоминал, что на морских транспортах найдется место для желающих временно переселиться в другие, безопасные сейчас города. Однако уговорить тех, кто не уехал раньше, было трудно.

За время осады Одессы эвакуировались в тыл многие десятки тысяч ее жителей. Но мы имели возможность вывезти больше.

* * *

Последние дни Одесской обороны были очень напряженными. Вновь приходилось спрашивать себя: все ли учтено, не проглядели ли чего-то существенного?… На пределе своих возможностей работал порт. Кроме все большего числа транспортов прибывали крупные боевые корабли, тоже [116]включенные в расчет тоннажа, подаваемого для погрузки войск и вооружения, - без них было не обойтись.

Крейсера и эсминцы имели задачей также поддержку, сухопутных частей и прикрытие их отхода огнем (в ходе эвакуации корабельная артиллерия, и раньше игравшая тут весьма важную роль, все в большей мере заменяла отводимую с позиций тяжелую армейскую). Сосредоточенными у Одессы кораблями эскадры управлял пришедший на крейсере «Чернона Украина» контр-адмирал Л. А. Владимирский.

Знал ли противник о наших ближайших намерениях? Догадывался ли в какой-то мере о них? На этот счет не раз возникали сомнения. Но, очевидно, все же не знал. Во всяком случае, после 9 октября он не предпринимал серьезных попыток прорвать наш фронт, удерживаемый ограниченными силами, за которыми уже не было никаких резервов.

Правда, воздушные налеты на порт усилились. Летчики-истребители и зенитчики сумели предотвратить потерю кораблей, но одна бомба 14 октября все-таки попала в корму теплохода «Грузия», уже принявшего на борт войска и боевую технику. Возник пожар, грозивший гибелью судна и большими жертвами. «Грузию» спасли моряки эсминца «Незаможник». Его командир капитан-лейтенант П. А. Бобровников смело, без чьих-либо приказаний подвел свой корабль к горящему транспорту (прекрасный пример боевой инициативы, быстрой реакции, товарищеской выручки, которые всегда высоко ценились на флоте!). В огонь и дым ринулись аварийные группы эсминца, возглавленные его комиссаром старшим политруком В. З. Мотузко, были мгновенно введены в действие насосы и другие противопожарные средства. И судно удалось отстоять. «Грузия» смогла своим ходом дойти до Севастополя.

В ночь на 15 октября, удостоверившись, что все идет как надо, отбыла из Одессы наша группа. Вместе с нами шли на катерах-охотниках авиаспециалисты из аэродромных служб и те одесские летчики, боевые машины которых вышли из строя (все мало-мальски исправные самолеты перегонялись в Крым по воздуху). На душе было смутно. Одно дело сознавать, находясь где-то далеко, что оставление Одессы стало неизбежной необходимостью, и совсем другое - смотреть, как скрывается в

темноте за кормой славный город, и знать, что через сутки с небольшим в нем начнет хозяйничать враг…

Какое- то облегчение давало лишь сознание того, что под Одессой сделано, кажется, все возможное, чтобы надолго сковать, оттянуть от других участков фронта побольше неприятельских [117] сил. И чтобы здесь истребить побольше захватчиков, вообще не пустить никуда дальше.

Еще трудно было охватить мыслью все значение Одесской обороны, в том числе морально-политическое. Но, хоть и не так она заканчивалась, как мы раньше надеялись, крепко верилось - в смертельной борьбе с фашизмом не может остаться бесследным тот факт, что обыкновенный город без фортов и бастионов, стоящий между морем и Степью, превратился в неприступную крепость на пути вражеских полчищ. А ведь в то время еще надо было доказать, что гитлеровскую военную машину, прокатившуюся по всей Европе, можно остановить. Разве не помогала стойкость защитников Одессы развеять миф о «непобедимости» фашистов!

Одесса с изумительной силой показала, как у нас способны слиться воедино фронт и тыл, как прямым резервом войск, отражающих натиск врага, становятся все, кто в состоянии взять в руки оружие, а самоотверженными помощниками - все от мала до велика. Тогда еще не сложилось понятие «город-герой» (так стали называть Одессу и другие города позже), но из этого оно и родилось, это собою выразило.

Нужно было еще осмыслить и новый драгоценный опыт теснейшего боевого взаимодействия флота с армией, которое в последние месяцы и недели находило подчас непредвиденные формы. В боях за Одессу черноморцы не просто поддерживали сухопутные войска огнем кораблей, обеспечивали их снабжение, пополняли их матросскими отрядами - все это само собой разумелось. Введя в действие практически все свои силы, флот, когда этого потребовала обстановка, принял на себя по приказу Верховного Главнокомандования и всю ответственность за оборону Одесской базы, а вместе с нею и осажденного с суши города, всего одесского плацдарма. Конечно, я тогда не представлял, насколько скоро пригодится и какое развитие получит этот опыт на другом приморском плацдарме, значение которого будет еще большим, а борьба за него - еще упорнее.

Мысли возвращались к делам наступающего дня. Нельзя было не тревожиться за то, как пройдут в Одессе последние сутки ее 73-дневной обороны, как осуществятся назначенные на следующую ночь отвод 35 тысяч бойцов с переднего края на причалы порта, посадка на суда, выход в море. В ночь, когда

завершалась эвакуация, должны были определиться успех или неудача всей операции.

Что- то убеждало меня: не сорвется наш дерзкий план, не сорвется. И тогда начинало тревожить уже дальнейшее -[118] не опоздало бы одесское подкрепление к решающим боям за Крым!…

Уверенность в успешном завершении эвакуации не подвела.

Отвод с передовых позиций трех стрелковых дивизий и спешенной кавалерийской начался в соответствии с планом в 19 часов 15 октября. Одновременно крейсер «Красный Кавказ» и другие корабли открыли огонь, имитируя артподготовку к ночным контратакам. Расстояние от самых дальних рубежей до порта составляло около 20 километров. Настали самые тревожные часы, когда оборону держали лишь небольшие арьергарды и окончательно проверялось, сумели ли мы сохранить все в тайне от врага.

На двух участках - в южном и западном секторах - он неожиданно предпринял активные действия. Однако командованию скоро стало ясно, что это атаки местного значения. Корабельная артиллерия и ружейно-пулеметный огонь подразделений прикрытия отбросили противника на исходные позиции. Новых атак не последовало.

Донесение из Одессы, принятое незадолго до полуночи, гласило: «Войска выполняют свою работу по плану. Фронт спокоен».

Врага удалось-таки продержать в неведении до конца. Без помех с его стороны амбаркация войск, то есть погрузка их на суда, начавшаяся в 23 часа, к трем часам ночи была в основном закончена. Транспорты по мере их загрузки выводились на внешний рейд. На крейсера, стоявшие на якорях вне порта, людей перевозили базовые тральщики. В шестом часу утра, еще до того как наступил поздний октябрьский рассвет, крейсер «Червона Украина» принял на борт тысячу с небольшим бойцов последних отрядов прикрытия. На этом же корабле уходило командование оборонительного района.

Оборона была свернута, последние береговые батареи, бронепоезда и другая нетранспортабельная техника взорваны, порт опустел. Ночью в Одессе распространялось обращение к населению города, объяснявшее причины оставления его войсками и призывавшее продолжать борьбу с фашистскими захватчиками. «Не навсегда и не надолго оставляем мы нашу родную Одессу, - говорилось в нем. - Мы скоро вернемся, товарищи!…»

Противник, как потом выяснилось, еще в течение нескольких

часов после ухода последних судов производил обычные налеты на порт и город, продолжал обстреливать рубежи нашего бывшего переднего края. Оттуда время от [119] времени вели ответный огонь одесские партизаны, отошедшие затем на свои базы, созданные в знаменитых одесских катакомбах. Лишь во второй половине дня враг обнаружил, что советских войск под Одессой нет.

Конечно, не мог остаться необнаруженным большой караван наших судов, следовавший к Севастополю. Неприятельская воздушная разведка заметила его около 9 часов утра в районе Тендры. Вскоре начались налеты бомбардировщиков и торпедоносцев, повторявшиеся в течение всего дня. В западной части Крыма и на Тендре у нас было сосредоточено - специально для прикрытия морского каравана - свыше 50 самолетов-истребителей. Атаки на транспорты отражались также огнем сопровождавших их боевых кораблей. В воздушных боях над морем истребители сбили 17 вражеских самолетов и еще три - корабельные зенитчики. Мы потеряли шесть «ястребков». Был потоплен резервный транспорт, шедший порожняком в хвосте колонны. Его команду, кроме двух человек, спасли катера из охранения.

Эвакуация завершилась. Войска ООР общей численностью 86 тысяч человек (вместе с тылами, а также частями и службами Одесской военно-морской базы) прибыли в Крым без потерь. Было вывезено 462 орудия, 1158 автомашин, 3625 лошадей, большое войсковое хозяйство. За дни эвакуации войск морские суда перевезли также еще 15 тысяч жителей Одессы.

19 октября, когда заканчивалась разгрузка транспортов, военные советы Черноморского флота и ООР донесли Верховному Главнокомандующему о выполнении решения Ставки об эвакуации Одессы. Подводя итоги Одесской обороны, газета «Правда» писала:

«Вся советская страна, весь мир с восхищением следили за мужественной борьбой защитников Одессы. Они ушли из города, не запятнав своей чести, ушли, сохранив свою боеспособность, готовые к новым боям с фашистскими ордами. И на каком бы фронте ни сражались защитники Одессы - всюду будут они служить примером доблести, мужества, геройства.

Слава героическим защитникам Одессы!»{13}

20 октября мы узнали, что Москва объявлена на осадном положении.

А в Крыму завязались тяжелые бои на севере полуострова, у Ишуньских позиций. [120]

На Черноморский флот прибыл начальник Главного

политуправления ВМФ И. В. Рогов, выезжавший обычно туда, где обстановка становилась особенно напряженной. По пути в Севастополь он побывал в Новороссийской военно-морской базе, а затем в Керченской, куда вызвал меня. Потребовалось сопровождать Рогова и в дальнейших его разъездах по Крыму, в том числе на командный пункт 51-й армии.

Помню, как мы ехали на машине из Симферополя уже в ночной темноте и, когда миновали Бахчисарай, увидели над далеким еще Севастополем тревожное, трепещущее зарево: главная база флота всеми своими береговыми и корабельными зенитными средствами отбивала необычно сильный налет фашистских бомбардировщиков. Враг, не сумевший сорвать переброску наших войск из Одессы, стремился, кажется, хоть тут взять реванш.

Рогов попросил остановить машину, мы вышли и некоторое время стояли молча, прислушиваясь к доносившемуся грозному гулу. Потом Иван Васильевич сказал, что такое зрелище видит впервые. В этот момент картина, открывавшаяся нам, дополнилась выразительным штрихом. Из общего зарева вырвалась в окружающую темноту ярко светящаяся точка и, быстро снижаясь, исчезла: упал сбитый самолет, судя по направлению - в море…

В тот свой приезд И. В. Рогов детально интересовался последним периодом Одесской обороны, расспрашивал об этом флотских и армейских командиров и политработников. Он высоко оценивал работу политорганов, партийных и комсомольских организаций ООР, их влияние на ход боевых действий. В одной из бесед со мною Иван Васильевич в обычном для него строгом тоне заметил:

- Конечно, флот много сделал в обороне Одессы, но вы не очень-то задирайте нос. Впереди много трудного, непредвиденного…

Я ответил, что в масштабах такой войны оборона Одессы может оказаться просто памятным эпизодом, который, правда, многому нас научил. Флоту, надо полагать, предстоит решать задачи потяжелее, и, может быть, в ближайшее время. Где уж тут задирать нос!

Чувствуя, что говорю я искренне, Рогов одобрительно кивал головой. Он не терпел зазнайства.

Мы с тревогой следили за развитием событий на севере Крымского полуострова. Туда спешно выдвигались прибывшие из Одессы дивизии Приморской армии. Вся она - это предусматривалось в решении Ставки об эвакуации [121] Одессы - поступала в Крыму в подчинение командующему 51-й армией.

Моряки расставались с приморцами как с испытанными боевыми друзьями, с которыми породнила одесская осадная страда. На прощание Военный совет флота собрал командный и политический состав армии - до командиров и комиссаров полков включительно. Мы считали необходимым информировать армейских товарищей (там, куда они направлялись, им вряд ли могла представиться возможность собраться вот так всем вместе) о положении на южном участке фронта, и особенно в Крыму, каким оно представлялось по последним имевшимся у нас данным.

Показав обстановку по оперативной карте, вице-адмирал Ф. С. Октябрьский выразил надежду, что Ишуньские позиции, как ни трудно там сейчас, будут удержаны. В то же время он - не делая на это упора, а как бы попутно - просил приморцев помнить и при самом неблагоприятном развитии событий, при крайних обстоятельствах, исключить которые нельзя: за спиною у них - Севастополь, где базируется мощный флот, где есть сильная береговая артиллерия, авиация, система ПВО и полным ходом идет строительство сухопутных оборонительных рубежей, но, если потребуется их занять, будет остро недоставать пехоты.

Сказано это было, как показало дальнейшее, не напрасно. И вновь встретиться с приморцами - именно на тех севастопольских рубежах, о которых упомянул командующий флотом, - морякам привелось довольно скоро. [122]

Глава пятая.

За нами - Севастополь

Упорное сопротивление частей 51-й армии - здесь действовала ее оперативная группа под командованием генерал-лейтенанта П. И. Батова - не дало врагу с ходу, сразу после овладения Турецким валом, прорвать слабо укрепленные Ишуньские позиции. На короткое время фронт у северных ворот Крыма приобрел относительную стабильность.

Как уже говорилось, сражались тут и черноморцы - береговые артиллеристы, флотская авиагруппа, минеры, укомплектованный моряками бронепоезд. Отряды морской пехоты, взятые из сформированной в Севастополе бригады, влились в состав армии как 1-й и 2-й Перекопские полки. Артиллерийские корабли Азовской военной флотилии помогали уничтожать фашистские танки, проникавшие на Арабатскую стрелку.

Но надежно остановить ударную группировку 11-й немецкой

армии вблизи перешейков, не пустить ее дальше на юг, в крымские степи, до подхода главных сил приморцев не удалось.

Подтянув резервы и обеспечив себе мощную поддержку с воздуха, противник возобновил 18 октября атаки на Ишуньские позиции и вклинился в оборону наших войск. Их контратаками он был еще раз задержан и немного оттеснен назад - при участии 157-й стрелковой дивизии полковника Д. И. Томилова, которая первой была выведена из Одессы и действовала теперь в составе 51-й армии.

А 20- го последовал вражеский удар вдоль побережья Каркинитского залива, гитлеровцы форсировали устье реки Чатырлык и через два дня обошли левый фланг группы Батова. И как ни спешила с выдвижением на север Крымского полуострова Приморская армия, основные ее соединения начали прибывать к Ишуньским позициям, когда восстановить положение стало невозможно.

В этой труднейшей обстановке Ставка Верховного Главнокомандования решила объединить боевое управление действовавшими [123] на полуострове сухопутными и морскими силами. «Не раз обсуждавшийся в мирное время вопрос о едином командовании обороной Крыма был поставлен теперь на повестку дня самим ходом событий», - справедливо отмечает в своих воспоминаниях тогдашний нарком ВМФ{14}. Во главе образованного 22 октября командования войсками Крыма был поставлен вице-адмирал Г. И. Левченко, которому Ставка подчинила в оперативном отношении и Черноморский флот. Его заместителем по сухопутным войскам и командармом 51-й стал генерал-лейтенант П. И. Батов. Одновременно состоялось назначение контр-адмирала Г. В. Жукова, бывшего командующего ООР, заместителем командующего Черноморским флотом по обороне главной базы.

Гордей Иванович Левченко, проявив свойственную ему решительность, сделал, мне кажется, все возможное, чтобы имеющимися силами остановить врага. 24 октября был предпринят контрудар под Воронцовкой, в котором участвовали дивизии Приморской армии. На ряде участков противника удалось отбросить назад, кое-где он ненадолго переходил к обороне. А затем вновь перехватывал инициативу. Не в нашу пользу были и соотношение сил, и характер местности, где развертывались бои, - голая степь без оборудованных заблаговременно позиций.

26 октября Г. И. Левченко вызвал к себе в Симферополь членов Военного совета флота. Вместе с Ф. С. Октябрьским, мною и бригадным комиссаром И. И. Азаровым, только что

назначенным членом Военного совета (занимался флотскими тылами и обеспечением перевозок из кавказских портов), поехал также И. В. Рогов. Гордей Иванович информировал нас о тяжелом положении на фронте, после чего обсуждались возможные меры помощи сухопутным войскам со стороны флота. Левченко потребовал, в частности, перебросить в район боевых действий всю 7-ю бригаду морской пехоты.

После того как месяц назад к Перекопу отправились два батальона этой бригады, она была доукомплектована и выведена на созданные под Севастополем оборонительные рубежи - мы не могли не считаться с возможностью резкого осложнения обстановки. Оставить главную базу флота без прикрытия хотя бы одной относительно крупной стрелковой частью представлялось опасным. Но Левченко отвел все наши возражения, и Рогов его поддержал. На следующий [124] день бригада полковника Жидилова получила приказ сниматься с позиций на Мекензиевых горах и в долине Бельбека и двинулась на север полуострова.

Когда мы находились у командующего войсками Крыма, ему доложили о дальнейшем продвижении противника. Поступило также донесение о том, что где-то у шоссе Симферополь - Севастополь выброшен воздушный десант. Мы заторопились к себе и в пути держались начеку. Как потом выяснилось, донесение было неточным: группа немецких парашютистов пыталась перехватить не шоссе, а одну из дорог в стороне от него, но их быстро ликвидировали.

Вечером И. В. Рогов отбыл морем на Кавказ. Он сознавал, конечно, какую взял на себя ответственность, поддержав вице-адмирала Левченко в отношении использования бригады Жидилова, в результате чего Севастополь остался совсем без прикрытия пехотой. В Новороссийске, где формировалась для пополнения севастопольского гарнизона 8-я бригада морпехоты под командованием начарта военно-морской базы полковника В. Л. Вильшанского, Рогов потребовал от командира базы капитана 1 ранга Г. Н. Холостякова всемерно форсировать подготовку ее к переброске в Крым и лично за этим проследил. Спустя сутки Холостяков доложил, что через несколько часов бригада сможет начать посадку на корабли.

В самом Севастополе шло спешное (правильнее сказать - экстренное, ибо в ряде случаев на него давались считанные часы) комплектование краснофлотских батальонов - из резервов учебного отряда флота, береговой обороны, частей ВВС и ПВО, из личного состава свертываемого (он свою службу отслужил) Тендровского боевого участка. Это дело в значительной мере взяли в свои руки непосредственно штаб и политуправление

флота под руководством контр-адмирала И. Д. Елисеева и дивизионного комиссара П. Т. Бондаренко. А центром формирования всех новых частей служил флотский экипаж, возглавляемый майором Н. А. Хубежевым. Сколоченные там батальоны и отряды незамедлительно выводились на позиции на подступах к городу. Но наши людские ресурсы были весьма ограниченными. Следует сказать, что незадолго перед тем во исполнение директивы Ставки с Черноморского флота, в том числе из гарнизона Севастополя, было направлено 12 тысяч краснофлотцев и командиров в формировавшиеся морские стрелковые бригады, которые затем сражались на ответственнейших участках сухопутного фронта, в частности под Москвой. [125]

В те же дни в Севастополе был образован по решению ЦК ВКП(б) Городской комитет обороны. Его председателем утвердили секретаря горкома партии Б. А. Борисова, членами - председателя горсовета В. П. Ефремова, начальника горотдела НКВД К. П. Нефедова и контр-адмирала Г. В. Жукова (последний был некоторое время начальником Севастопольского гарнизона, но вскоре им вновь стал П. А. Моргунов).

28 октября командующий флотом отбыл на эсминце в кавказские порты. Ф. С. Октябрьский хотел лично удостовериться в том, что они способны принять те корабли (речь шла прежде всего об основном боевом ядре эскадры, в том числе о линкоре), дальнейшее базирование которых в Севастополе вот-вот могло стать слишком рискованным или просто невозможным. Дело было важное и срочное. И все же я считал, не скрывая этого от Филиппа Сергеевича, что его решение отлучиться в тот момент из Севастополя, пусть на короткий срок, было не лучшим.

За командующего, «старшим на рейде» остался в главной базе начальник штаба флота Иван Дмитриевич Елисеев. Ночью штаб войск Крыма предупредил о дальнейшем ухудшении положения на фронте - наши войска, ведя тяжелые бои, отходили. 11-я немецкая армия, прорвавшаяся своими тремя корпусами в степную часть полуострова, угрожала ряду крымских городов, в том числе Симферополю, Евпатории, а значит, и Севастополю.

По указанию Военного совета начальник гарнизона контр-адмирал Г. В. Жуков и комендант города подполковник А. П. Старушкин издали приказ, объявлявший Севастополь на осадном положении с утра 29 октября. Передвижение граждан запрещалось с 22 часов до пяти утра (но разрешалось на четверть часа после сигнала воздушной тревоги), прекращалась продажа спиртных напитков, предусматривались другие меры поддержания строгого порядка. Но главной нашей заботой было

то, как защитить Севастополь от врага, приближавшегося с суши, с тыла.

Положение на фронте изменялось быстро, и сведения об этом нередко доходили до нас уже устаревшими. Да, повидимому, не только нам в Севастополе были неясны многие детали обстановки. Сплошной линии фронта быть уже не могло - такими силами, чтобы обороняться по всей ширине полуострова, войска не располагали. Так что трудно было представить, с чем столкнемся завтра-послезавтра.

Мы еще не знали, что войска 51-й и Приморской армий, разобщенные противником, отходят в разных направлениях. [126]

Что 51- я повернет на восток, к Керченскому полуострову, с расчетом закрепиться на Ак-Монайских позициях, а Военный совет Приморской армии, обойденной врагом с обоих ее флангов и не имевшей связи со штабом войск Крыма, самостоятельно примет на совещании с командирами и комиссарами дивизий в степном поселке Экибаш (ныне -Величино) смелое решение - идти с боями на юг, пробиваться к Севастополю, с тем чтобы оборонять вместе с моряками главную базу Черноморского флота.

Обо всем этом стало известно позже. Но 29 октября командование флота уже знало, что передовые отряды вторгшейся в Крым армии Манштейна (это были части 54-го армейского корпуса и моторизованная бригада Циглера), обойдя левый фланг приморцев и заходя им в тыл, движутся на Евпаторию и Саки. А оттуда прямой и короткий путь к Бахчисараю, к Каче, на подступы к Севастополю. Стремительность, с которой пытался действовать противник на этом направлении, заставляла предполагать, что Манштейн надеется овладеть Севастополем с ходу.

Застать нас врасплох враг не мог. Все силы, которыми располагал флот для защиты своей главной базы, находились на оборонительных рубежах. Но силы эти - я говорю о сухопутных войсках, о пехоте - были весьма невелики.

Наступило 30 октября. Во второй половине дня на флагманский командный пункт приехал с оборонительных рубежей генерал Петр Алексеевич Моргунов. Ему, коменданту береговой обороны, были непосредственно подчинены также все части и подразделения морской пехоты и другие наши сухопутные формирования (заместитель командующего флотом по обороне главной базы контр-адмирал Жуков управлял этими силами через Моргунова и его штаб).

Петр Алексеевич застал меня в домике недалеко от штольни ФКП, служившем местом для работы в спокойное дневное время. Моргунов рассказал, в каких частях сегодня побывал, отметив,

что люди везде настроены по-боевому. Он посетовал, что не смог получить у штабных операторов свежих данных о положении на фронте. Мы порадовались скорому прибытию 8-й бригады морпехоты (первый эшелон был уже на подходе) и стали обсуждать, как будем выводить бригаду на назначенные ей позиции.

И вдруг услышали - вокруг было тихо - отдаленные орудийные выстрелы. Звук их доносился все более явственно. [127]

Зазвонил телефон. Командир 1-го отдельного артдивизиона подполковник К. В. Радовский спрашивал, не у меня ли генерал Моргунов. Я передал Петру Алексеевичу трубку.

Радовский докладывал, что 54-я береговая батарея открыла огонь по колонне противника. Эта батарея, самая дальняя в системе береговой обороны главной базы, стояла в сорока километрах севернее Севастополя, близ приморского селения Николаевка.

Было 16 часов 35 минут. Так началась Севастопольская оборона.

* * *

К памятным дням 30-31 октября я еще вернусь, а сейчас необходимо небольшое отступление.

События, о которых мне предстоит рассказывать дальше, связаны с неширокой полосой крымской земли, примыкающей к Севастополю с севера, востока и юга, земли неровной, сильно пересеченной, а местами и гористой, где существовала к тому времени определенная система полевых укреплений. Без них не удалось бы остановить ринувшегося к Севастополю врага. Эти оборонительные рубежи имели свою историю, и ее нельзя не вспомнить.

До второй мировой войны вопрос об обороне главной базы флота с суши не возникал. Тогдашние наши представления о будущей войне исключали возможность подхода противника к Севастополю через Перекоп. Считалось вероятным лишь отражение неприятельских морских десантов на побережье, что возлагалось на сухопутные войска, кроме участков, прилегающих к военно-морским базам, за которые отвечал флот. Под Севастополем в наш участок противодесантной обороны входила береговая черта от Качи на севере до мыса Сарыч на юге.

Потом стало очевидным, что надо быть готовым к отражению также и воздушных десантов. Они могли быть выброшены в

сухопутных тылах Севастополя. А это означало, что нужны и обычные полевые укрепления: крупный воздушный десант - те же наземные войска, хотя и с меньшим (говорю о том времени) количеством техники.

Как уже отмечалось, в начале 1941 года комиссия специалистов во главе с генерал-майором береговой службы П. А. Моргуновым приступила под Севастополем к рекогносцировке местности. Затем предложения комиссии о расположении оборонительных рубежей проверялись в ходе учений с фактической высадкой воздушного десанта. Однако сами фортификационные работы в силу ряда обстоятельств откладывались и начались лишь во время войны - 3 июля. [128]

Причем на первых порах задача виделась, как и раньше, прежде всего в том, чтобы защитить главную базу флота от возможного воздушного десанта. На строительство укреплений ежедневно выходило полторы тысячи бойцов гарнизона и более трех тысяч жителей Севастополя и окрестных селений.

Сооружались два оборонительных рубежа. 35-километровый главный начинался от устья реки Качи и снова выходил к морю у Балаклавы, огибая Севастополь на расстоянии 8-12 километров от его окраин. Следовало бы проложить основной рубеж дальше от города, вопрос об этом возникал, однако тогда очень возросла бы общая его протяженность, и расчеты показывали, что работы такого масштаба нам быстро не осилить. Глубина этого рубежа составляла сперва всего 200-300 метров, но впоследствии была значительно увеличена. Позади главного оборудовался 19-километровый тыловой рубеж - от устья Бельбека до Стрелецкой бухты, предназначенный главным образом на случай высадки воздушного десанта на ближайших подступах к городу.

В сентябре, когда возникла реальная угроза прорыва врага в Крым, Военный совет решил усилить севастопольскую систему укреплений дополнительным, передовым рубежом. А поскольку на его строительство могло не хватить времени, выделили как первоочередную задачу создание впереди главного рубежа, в 15-17 километрах от города, четырех узлов обороны, которые мы тогда, очевидно не совсем точно, называли опорными пунктами, - Аранчийского, Дуванкойского, Черкез-Керменского и Чоргуньского, Они должны были прикрывать важнейшие дороги и проходимые для танков долины.

К октябрю строительство главного и тылового рубежей было в основном закончено - вырыты окопы, ходы сообщения, землянки, противотанковые рвы, протянуты проволочные заграждения, поставлены огневые точки, оборудованы командные пункты. Завершить работы на передовом рубеже не удалось и в

течение октября. Но то, что успели там сделать, весьма пригодилось. Опорные пункты с их огневыми средствами, минными полями и другими заграждениями, особенно Дуванкойский и Черкез-Керменский, сыграли немаловажную роль в первых боях под Севастополем.

На всех трех оборонительных рубежах стояло около 80 артиллерийских дотов с морскими орудиями калибром от 45 до 100 миллиметров и свыше 230 пулеметных дотов [129] и дзотов. Система полевых укреплений прикрывалась береговой артиллерией. В районе главной базы имелось 13 береговых батарей, и все они (предназначавшиеся вообще-то для отражения морского противника) были еще в мирное время подготовлены к ведению огня по наземным целям. Самыми мощными и дальнобойными являлись 30-я и 35-я батареи, вооруженные каждая четырьмя 305-миллиметровыми - «линкоровскими» - орудиями. По существу, это были двухбашенные береговые форты, вросшие глубоко в землю, защищенные толстой броней.

Серьезную огневую силу представляли собой также 47 зенитных батарей (160 орудий среднего калибра и 34 - малого). Зенитчики Севастополя, имевшие уже большой опыт отражения воздушных атак, были готовы применить свое оружие против танков и пехоты. Скажу сразу, что именно так потребовалось использовать в первые же дни Севастопольской обороны три четверти зенитных батарей.

И конечно же не в последнюю очередь рассчитывали мы на корабельную артиллерию. Одесский опыт показал, насколько эффективно способна она вести огонь по целям на суше.

Что касается поддержки и прикрытия войск с воздуха, то тут наши возможности сократились: флотскую авиацию, пользовавшуюся аэродромами в глубине Крыма, пришлось перебазировать на Кавказ. В Севастополе была оставлена авиагруппа, возглавляемая полковником Г. Г. Дзюбой и полковым комиссаром Б. Е. Михайловым, - полсотни колесных самолетов, главным образом истребителей (больше не мог обслуживать маленький аэродром на мысе Херсонес), и три десятка легких гидросамолетов, имевших базу в Северной бухте.

Когда враг подступил к Севастополю, сухопутные рубежи, о которых я рассказал, занимали около 23 тысяч бойцов-моряков. А всего три дня назад их было здесь вдвое меньше.

Вовремя подоспела с Кавказа 8-я бригада морской пехоты, насчитывавшая почти четыре тысячи штыков (правда, пока без полевой артиллерии и с очень небольшим количеством пулеметов). В ночь на 31 октября она была выведена на позиции в долине Бельбека и на примыкающих к ней высотах. И в течение ряда очень напряженных дней бригада полковника Вильшанского являлась самой крупно?! под Севастополем сухопутной силой. [130]

Остальными частями были местный стрелковый полк, возглавляемый подполковником Н. А. Барановым и батальонным комиссаром В. Ф. Рогачевым, 2-й и 3-й Черноморские полки морской пехоты, во главе которых соответственно были майор Н. Н. Таран и батальонный комиссар В. А. Тарабарин, подполковник В. Н. Затылкин и старший политрук М. П. Малышев, и более десятка отдельных батальонов, только что сформированных.

Вооружение последних оставляло желать лучшего. Не хватало даже винтовок, и у некоторых бойцов единственным личным оружием являлись гранаты или бутылки с горючей смесью. А автоматов тогда было еще так мало, что их поштучно распределял между частями Военный совет флота.

Но морякам, вставшим на защиту Севастополя, не занимать было высокого боевого духа. Всюду, где доводилось встречаться с

морскими пехотинцами, я чувствовал, как рвутся эти люди в бой. Они клялись, что сумеют постоять за Севастополь.

Вместе с тем уже по опыту Одессы мы понимали: морякам в первое время будет недоставать навыков боевых действий на суше. Так это и случалось: многие краснофлотцы не умели окапываться и маскироваться, а кое-кто даже пренебрегал этим, предпочитая ходить в контратаки в полный рост, стрелять по врагу лишь с близкого расстояния и т. д. Чтобы избежать излишних потерь, сразу же было организовано обучение морских пехотинцев. Неоценимую помощь командирам оказывали политорганы, комиссары и партийные организации. Они остро ставили вопрос о дисциплине маскировки, о недопустимости беспечности, показного лихачества. Перед моряками выступали бывалые пехотинцы, знатоки общевойсковой тактики.

Уже в первые дни обороны Севастополя на его рубежах появилась популярная брошюра «Учись воевать на суше», изданная политуправлением флота. Инициативу в этом направлении проявила газета «Красный черноморец». Она начала печатать методические статьи - их было опубликовано свыше сорока. Назову заголовки лишь некоторых из них: «Бой мелких подразделений в горах», «Разведка в горно-лесистой местности», «Отделение в обороне», «Как обезвредить автоматчика», «Какой должна быть пулеметная ячейка». Были изданы листовки о борьбе с вражескими танками.

По указанию армейского комиссара 2 ранга И. В. Рогова политуправление Черноморского флота издало специальную [131] директиву. В ней был дан анализ партийно-политической работы за первые месяцы войны и определялись конкретные задачи комиссаров, политорганов, партийных и комсомольских организаций в условиях обороны Севастополя. Внимание обращалось на развитие у воинов непоколебимой стойкости и боевой активности в обороне, верности военной присяге, славным традициям армии и флота. Директива требовала от каждого политработника, коммуниста и комсомольца максимального напряжения сил, личного примера в бою.

* * *

Как настроены защитники Севастополя, показало уже поведение артиллеристов 54-й береговой батареи, которая первой встретила врага на подступах к городу. Огнем батареи перекрывались как раз те дороги, по которым противник приближался со стороны Евпатории, и она сделалась передовым

севастопольским бастионом на этом направлении.

54- я батарея сооружалась в спешном порядке уже во время войны. В земляных работах активно участвовали колхозники ближайших селений. Батарея имела четыре 102-миллиметровых дальнобойных морских орудия. Все оборудование, кроме самих орудий, находилось под землей. Личного состава было около 160 человек. Командир лейтенант И. И. Заика и военком политрук С. П. Муляр сумели за короткий срок создать крепкий боевой коллектив. На батарее активно работали партийная и комсомольская организации, обеспечившие примерность своих членов в учебе и дисциплине.

О бое 54- й батареи -единственном ее бое, но растянувшемся на целых четыре дня, - сперва было известно далеко не все. Командир и комиссар батареи долго считались пропавшими без вести. Позже я познакомился с воспоминаниями Ивана Ивановича Заики (потом снова служившего на Черноморском флоте), которые он написал по моей просьбе, чтобы можно было поточнее изложить самое существенное.

Сперва приведу несколько строк, в которых речь идет еще не о боевых делах.

«Задолго до боев, - вспоминает Иван Иванович, - вечерами я часто рассказывал и читал краснофлотцам о первой обороне Севастополя. И конечно, любимыми героями были Петр Кошка и Федор Заика. На вопросы - не родственник ли мне Федор Заика, я отвечал, что не знаю, но горжусь [132] им и постараюсь быть достойным его верности Родине».

А 30 октября события развертывались так.

Противника обнаружила группа разведчиков батареи, высылавшаяся на машине-полуторке с рацией. Приближалась моторизованная колонна, одна из обошедших фланг наших войск по западному побережью Крыма и продвигавшаяся на каком-то пространстве беспрепятственно - ее некому было там остановить. Шли танки, броневики, бронетранспортеры с пехотой, бензозаправщики. Как потом установили, это были подразделения сводной бригады Циглера.

Уже войдя в зону досягаемости огня батареи, колонна остановилась в лощине - вероятно, на привал или для выяснения обстановки. Получив донесение разведчиков, лейтенант Заика не упустил благоприятного момента. Он подал боевую команду.

«Отлично» - радировали входившие в состав разведгруппы корректировщики после первых, пристрелочных, выстрелов, и батарея повела шквальный огонь. Лощина была накрыта ее залпами. Взрывы бензовозов и прицепов с боеприпасами увеличивали потери противника. Пламя охватило стоявшие тут

скирды соломы.

Уцелевшие танки и машины спешно покинули лощину. Выпустив 62 снаряда, батарея прекратила огонь, но вскоре открыла его опять, получив от корректировщиков новые целеуказания. В этот день она уничтожила до десятка фашистских танков, много другой боевой техники. И не дала врагу идти к Севастополю напрямик, заставила искать обходные пути.

Разведгруппа с корпостом батареи была обнаружена противником, но сумела от него оторваться. А откуда велся огонь, гитлеровцы, по-видимому, еще не определили. После стрельбы орудия быстро накрывались маскировочными сетями, и немецкие самолеты-разведчики, облетавшие этот район, судя по всему, в тот день батарею не засекли.

Когда стемнело, командир собрал личный состав, чтобы объяснить обстановку, и в заключение напомнил: «Отступать нам некуда - за нами Севастополь». Батарея и раньше расставляла засады для перехвата вражеских разведчиков, выдвигала ночью боевое охранение. Теперь артиллеристы подготовились к круговой обороне. Была сформирована команда истребителей танков.

Утром 31 октября стало ясно, что гитлеровцы нащупали батарею и начинают ее окружать: невдалеке появлялись с разных направлений одиночные танки и броневики. Артиллеристы [133] отгоняли их огнем, но основная его сила направлялась на поражение целей наиболее важных - группа артразведки, возглавляемая лейтенантом С. И. Яковлевым, еще на рассвете обнаружила движение противника в направлении поселка Булганак.

В это время батарея сражалась уже не одна. Совместно с нею, держа связь с ее корректировщиками, вел огонь посланный ей на поддержку эсминец «Бодрый» (командир - капитан 3 ранга В. М. Митин, военком - батальонный комиссар В. В. Шумилов). Однако долго находиться в районе Николаевки он не смог. Атакованный пикировщиками Ю-87, корабль получил повреждения, имел на борту много раненых, в числе которых был и командир. Батарейцам же пока удавалось избегать ударов с воздуха. Их выручала оборудованная рядом ложная огневая позиция - фашистские самолеты бомбили ее, а настоящие орудия, как только заканчивалась очередная стрельба, накрывались сетями.

Во второй половине дня батарея произвела успешный огневой налет по скоплению немецкой техники у Булганака. «Нам с батареи было видно, как взрывались боезапас и горючее», - отметил командир 54-й. Как выяснилось, под удар попала одна из

частей 132-й немецкой пехотной дивизии.

Тем временем враг предпринял первые атаки на расположение батареи. «Нас обстреливало несколько артиллерийских и минометных батарей, - описывает И. И. Заика ход боя, - танки несли на себе пехоту для штурма. Но мы были еще сильны!» Выделенный для захвата батареи батальон фашистской пехоты со средствами усиления в тот день ничего не добился.

1 ноября батарея продолжала бой, будучи полностью окруженной. Гитлеровцы заняли почти все окрестные селения, однако свободно пользоваться дорогами, ведущими к Севастополю, не могли - там их настигали разрывы снарядов. Ряды артиллеристов поредели, было много убитых и раненых, требовали ремонта поврежденные орудия, выходила из строя связь. Но подавить батарею, заставить ее прекратить огонь враг никак не мог.

Она продержалась еще день, который был самым тяжелым. Иван Иванович Заика пишет: «Сколько раз немецкие танки давили наш передний край, сколько раз немецкая пехота пыталась прорваться на огневые позиции - трудно сказать. Уже нет в живых ни одного командира орудия, комендоров и замковых. Остались две пушки с половинным составом орудийной прислуги. Командный пункт я перенес к этим двум орудиям и отсюда руководил стрельбой и сухопутной [134] обороной, сам стрелял, перевязывал раненых. Все были измотаны до предела, но воля наша не была сломлена».

К середине дня могло стрелять только одно орудие, и батарея оставалась действующей еще три часа. Из последней пушки, искалеченной, не имевшей прицельных устройств, вел огонь лейтенант Яковлев, наводя через ствол. Оставшиеся в расположении батареи жены лейтенанта Заики, военфельдшера Портова и старшины Заруцкого кормили бойцов, ухаживали за ранеными.

Потом была принята радиограмма комбата, переданная открытым текстом: «Противник находится на позиции батареи. Связь кончаю…»

В расположении батареи шел рукопашный бой. Командир и комиссар старались вывести оставшихся в живых бойцов к береговому обрыву, к морю - помощь могла прийти только оттуда. Для эвакуации артиллеристов, доблестно выполнивших свой долг, были посланы тральщик и катера. Их шлюпки подходили вечером и ночью к берегу и принимали людей. Корабли доставили в Севастополь 28 батарейцев. Командира и комиссара среди них не было. Как сообщили тогда

эвакуированные артиллеристы, лейтенант Заика и политрук Муляр остались с группой прикрытия, вывезти которую не удалось - после того как гитлеровцы достигли выступов обрывистого берега, шлюпки уже не могли к нему подойти.

Что лейтенанту Заике, политруку Муляру и их боевым товарищам посчастливилось прорваться в горы, мы узнали не скоро. Группа прикрытия, имевшая достаточно патронов и гранат, продержалась до исхода ночи вблизи позиции батареи, а затем спустилась по скрученным телефонным проводам с отвесной скалы и добралась к крымским партизанам. Обеспечивая отрыв группы от преследования врагом, геройски погиб пулеметчик Михаил Морозов, он же - водитель машины, обслуживавшей артиллерийскую разведку. Этого смелого и самоотверженного краснофлотца Иван Иванович Заика вспоминает в своем письме не раз.

Перед тем как 2 ноября прекратилась связь с 54-й батареей, ее командир донес, что, по его данным, за эти дни подбито и сожжено более 30 танков и броневиков, уничтожено много автомашин, истреблены сотни фашистских солдат. Данные, поддававшиеся проверке воздушной разведкой и иными средствами, позволяли считать, что батарея Заики наверняка вывела из строя 16 фашистских танков. Но батарейцы не только нанесли врагу существенный урон и задержали [135] его продвижение к Севастополю. Их мужество и стойкость стали символическими, показали, как готовы сражаться все севастопольцы.

Этого, однако, не способно было понять гитлеровское командование, еще рассчитывавшее на быстрое, легкое овладение городом.

* * *

31 октября мы с контр-адмиралом И. Д. Елисеевым собрали на ФКП флагманов и военкомов соединений, командиров и комиссаров частей, чтобы информировать их о создавшейся обстановке. Речь шла о том, что нельзя допустить ни малейшей неустойчивости ни в каком звене нашей обороны - иначе противник через несколько часов окажется на Северной стороне, у севастопольских бухт. Мы требовали обеспечить везде и всюду предельную бдительность, железную дисциплину и стойкость. В частях и на кораблях, перед строем личного состава читалось обращение Военного совета флота, призывавшее черноморцев бить врага так, как бьют его воины Красной Армии на подступах к

Москве, армейцы и балтийские моряки под Ленинградом.

Трагизм положения был в том, что флот, располагая большим числом кораблей, мощной береговой артиллерией и авиацией (наши бомбардировщики могли и с кавказских аэродромов достигать Крыма), не имел для защиты своей главной базы достаточных по численности и надлежаще вооруженных сухопутных частей. Враг же - сомневаться в этом не приходилось - мог быстро накопить под Севастополем крупные силы, собрать их в ударный кулак.

В этих условиях совершенно особая ответственность ложилась на нашу береговую оборону, на ее коменданта генерала П. А. Моргунова и военкома полкового комиссара К. С. Вершинина. С их КП, оборудованного в подземных помещениях старой, давно выведенной за штат батареи на окраине города, осуществлялось боевое управление не только береговой артиллерией, но и всей системой дотов и дзотов, всеми стрелковыми частями, которые мы смогли поставить на севастопольские рубежи. Туда перебрался и заместитель командующего флотом по обороне главной базы контр-адмирал Г. В. Жуков.

Всю свою долгую службу в черноморской береговой артиллерии Петр Алексеевич Моргунов готовился оборонять Севастополь от нападения с моря. Но вот произошло то, чего не могли представить, - враг подступил с суши. И генерал Моргунов, подготовленный и к этому, стал одним из главных [136]организаторов обороны Севастополя на сухопутном фронте. Отрадно было видеть Петра Алексеевича, как обычно, собранным, сдержанным, внешне спокойным. Твердость, уверенность, исходившие от него, передавались другим.

В наступившие критические дни встал со всей остротой вопрос о том, как быть с находившимися в главной базе кораблями. С одной стороны, их целесообразно было бы оставить здесь, чтобы иметь в резерве корабельную артиллерию для отражения возможного прорыва противника. Но сможем ли уберечь крупные корабли, представлявшие собой хорошие цели, от более чем вероятных массированных налетов авиации, которую гитлеровцы стягивали на захваченные ими крымские аэродромы? Касалось это прежде всего линкора «Парижская коммуна» и новых надводных кораблей, которые в значительной мере определяли общую боевую мощь Черноморского флота.

Любое решение - вывести корабли или оставить их пока в главной базе - заключало в себе определенный риск, могло иметь непредвиденные последствия. Командующий эскадрой контр-адмирал Л. А. Владимирский настоятельно предлагал

незамедлительно отправить наиболее ценные корабли на Кавказ - его настораживала возросшая активность неприятельской воздушной разведки.

Участившиеся пролеты немецких разведчиков над рейдом и бухтами беспокоили в этом смысле нас всех. И Военный совет решил, оставив в Севастополе старые крейсера «Красный Крым» и «Червона Украина», немедленно перебазировать часть эскадры в порты Кавказа. Находившийся там командующий флотом с этим согласился. В ночь на 1 ноября ушли линкор, крейсер «Молотов», лидер «Ташкент» (которому судоремонтники только что залечили его одесские раны), эсминец «Сообразительный», а также некоторые подводные лодки.

Насколько своевременно это было сделано, стало ясно на следующий день, через двенадцать часов после того, как мы проводили корабли.

Утром на лидере «Харьков», пришедшем из Новороссийска, вновь прибыл в Севастополь армейский комиссар 2 ранга И. В. Рогов. После моего доклада ему о положении фронта обороны мы вместе вышли из штольни ФКП на берег Южной бухты. Над городом разнеслись воющие сигналы воздушной тревоги, и скоро мы увидели, как со стороны Инкермана летят фашистские бомбардировщики - группа за группой, по девять машин в каждой. Дневной массированный налет - это было нечто новое… Открыли огонь зенитчики, [137] но самолеты продолжали лететь прямо к Северной бухте. А там, на месте обычной якорной стоянки «Парижской коммуны», еще оставалась неубранной огромная, прикрепленная концами к берегу и плавучим бочкам, маскировочная сеть, укрывавшая линкор. И самолеты принялись ее бомбить, делая заход за заходом…

Не оставалось никаких сомнений: налет был нацелен на наш флагманский корабль. Осознав это и живо представив себе, как могло обернуться дело, если бы линкор продолжал там стоять, я неожиданно для себя начал громко смеяться, а затем и хохотать. И никак не мог остановиться, сдержать себя. Сказались, должно быть, нервное перенапряжение, бессонные ночи.

Иван Васильевич Рогов смотрел на меня недоуменно и настороженно, вероятно опасаясь, не схожу ли я у него на глазах с ума. Впрочем, он быстро все понял.

* * *

У Николаевки еще продолжала свой четырехдневный бой героическая батарея лейтенанта Заики, а в борьбу за Севастополь

уже вступали другие батареи береговой артиллерии и части морской пехоты.

1 ноября (в этот день мы узнали, что гитлеровцами занят Симферополь, а командование войсками Крыма находится в районе Алушты) генерал Моргунов ввел в действие одну из двух самых мощных береговых батарей - 30-ю, возглавляемую капитаном Г. А. Александером и старшим политруком Е. К. Соловьевым. Первые залпы могучих орудий «тридцатки» были направлены на скопление войск противника у станции Альма. Гитлеровцы, не ожидавшие, как видно, огневого налета издалека, держали там своих солдат и технику скученно. Батарея - ее корпост, возглавляемый лейтенантом С. А. Адамовым, был заблаговременно развернут на одной из высот - поразила цель уже первым снарядом. По донесениям наблюдателей, под огонь попали цистерны с горючим, машины с боеприпасами, вспыхнувший пожар не утихал несколько часов.

30- я батарея, имевшая корпосты также и на других направлениях, успешно провела в тот день еще четыре стрельбы, а на следующий -открывала огонь двенадцать раз, разя врага за десятки километров от Севастополя, например у Бахчисарая. Вслед за ней заговорила с берега моря 10-я батарея, возглавляемая капитаном М. В. Матушенко и старшим политруком Р. П. Черноусовым. [138]

Стреляли пока только самые дальнобойные береговые батареи, для остальных еще просто не было целей, и мы располагали немалыми артиллерийскими резервами. Что же касается стрелковых частей и подразделений, то на позиции был уже выведен действительно последний наш резерв - курсанты училища береговой обороны имени ЛКСМУ. Больше некого было выдвинуть на ответственный участок за Качей (севернее нашего передового рубежа) в качестве усиленного боевого охранения, способного контролировать дороги, ведущие из Бахчисарая к Севастополю, Балаклаве, Ялте.

Курсантские формирования, как известно, везде отличались особой стойкостью. Так зарекомендовал себя вскоре и этот курсантский батальон, насчитывавший 1080 штыков и прибывший на фронт со своей учебной батареей. Командовал им заместитель начальника училища полковник В. А. Костышин.

В ночь на 2 ноября в Южную бухту вошел эсминец «Бойкий» под флагом командующего флотом. Вернувшийся из кавказских баз вице-адмирал Ф. С. Октябрьский, познакомившись с обстановкой, одобрил принятые в его отсутствие меры по укреплению обороны Севастополя.

Тем временем районы соприкосновения с противником

приближались к городу. Если первые под Севастополем боевые действия на суше состояли в том, что отдельные береговые батареи открывали огонь по относительно далеким целям, а наше боевое охранение сдерживало неприятельские авангарды, постепенно отходя к обводу передового рубежа, то теперь севернее и северо-восточнее города бои завязывались уже на этом рубеже. Начали отражать атаки на свои позиции 8-я бригада морской пехоты, местный стрелковый полк, другие части.

Нами активно велась разведка. С учетом определявшихся направлений атак противника и всех имевшихся сведений о нем 2 ноября была произведена частичная перегруппировка наличных сухопутных сил. С правого фланга фронта обороны, с восточных и юго-восточных его участков, где враг был еще далеко, передвинули все что можно на напряженное северное направление. В районы Дуванкоя, Мамашая, Камышлы, на другие участки, наиболее доступные по природным условиям для танков, мы перебрасывали дивизионы и батареи зенитной артиллерии - вместо отсутствовавшей у нас противотанковой. Сделали это, по-видимому, вовремя. Всюду, где гитлеровцы приближались к передовому рубежу, они получали должный отпор. [139]

Как уже говорилось, в расчеты фашистского командования, безусловно, входило овладение Севастополем с ходу. Не было недостатка в фактах, свидетельствовавших, что войска Манштейна на это ориентированы и в это уверовали. 31 октября наше боевое охранение захватило у Альмы подвижную авторемонтную мастерскую противника, которой полагалось бы находиться пусть в ближних, но все-таки в тылах, а не на переднем крае. Оказалось, какой-то перестаравшийся немецкий интендант послал мастерскую… в Севастополь. Сдавшиеся морским пехотинцам солдаты-ремонтники и унтер-офицер полагали, что их уже там ждут…

С самонадеянными намерениями захватить Севастополь более или менее быстро гитлеровцы расстались еще не скоро. Но отпор, который они встречали при приближении к городу, порождал у них, как потом выяснилось, почти фантастические представления о составе севастопольского гарнизона. Описывая в своих мемуарах, на какое упорное сопротивление натолкнулись части 54-го корпуса, Манштейн ничтоже сумняшеся утверждает: «Противник имел в крепости еще 4 боеспособные бригады морской пехоты, которые составили ядро группирующейся здесь армии обороны»{15}.

Любопытно, как оценили бы Манштейн и его штабисты наши силы, имей мы в те дни на севастопольских рубежах четыре бригады моряков на самом деле!

После оставления нашими войсками Симферополя Севастополь фактически стал временным административным центром Крыма. Сюда перешло областное партийное и советское руководство, прибыли секретари Крымского обкома ВКП(б) В. С. Булатов, Ф. Д. Меньшиков, Н. А. Спектор. В Севастополе стала издаваться газета «Красный Крым». Секретарь обкома Владимир Семенович Булатов был еще в мирное время утвержден членом Военного совета флота, имел звание бригадного комиссара. Он часто посещал корабли, хорошо знал жизнь черноморцев, заботился о быстром решении касающихся флота вопросов в учреждениях и организациях Крыма. Теперь В. С. Булатов, разместившись у нас на ФКП, стал направлять в Севастополе всю работу по мобилизации городских ресурсов на содействие обороне.

Сразу же после приезда Булатова было созвано городское совещание партийного актива с участием руководителей всех предприятий и учреждений. По просьбе секретаря обкома на нем выступил вице-адмирал Ф. С. Октябрьский, рассказавший о положении на подступах к Севастополю и в Крыму [140]вообще, о действиях черноморцев на море и на суше и о том, чем может нам помочь город.

Собрания партийного актива, проходившие в осажденном Севастополе регулярно, много значили для укрепления нашего ближнего тыла. Прав секретарь горкома Борис Алексеевич Борисов, отметивший в своих воспоминаниях, что каждое мероприятие, связанное с помощью фронту, приводило в движение всю партийную организацию города.

3 ноября Военный совет опубликовал в газете «Красный черноморец» новое обращение ко всем защитникам Севастополя. В нем прямо и откровенно говорилось об угрозе, нависшей над главной базой флота, которую враг стремился захватить с суши. «Ни шагу назад! - призывал Военный совет. - Каждый боец, командир и политработник должен драться с врагом до последней капли крови, до последнего дыхания…»

Как в воинских частях, так и в городе это обращение доводилось до каждого человека. С подъемом проходили митинги. Помню, И. В. Рогов похвалил нас за правдивое информирование людей о трудном положении на фронте, за укрепление связей командования с массой бойцов. Начальник Главного политуправления ВМФ побывал на позициях ряда частей, наблюдал одну из стрельб 30-й береговой батареи, находясь на ее КП, беседовал с командирами, политработниками, краснофлотцами.

Рогов очень помог нам в расстановке имевшегося

политсостава (приняв также необходимые меры к тому, чтобы в Севастополе не было недостатка в крепких политработниках), да и вообще в организации обороны. И все же в одном из откровенных разговоров, носившем не столь служебный, сколько товарищеский характер, я позволил себе высказать Ивану Васильевичу такую мысль: в дальнейшем он мог бы еще больше помочь севастопольцам, например, из Новороссийска, откуда шли к нам и подкрепления, и все снабжение.

В Севастополь прибыл из Алушты со своим небольшим штабом вице-адмирал Г. И. Левченко. Должность командующего войсками Крыма становилась как бы номинальной, поскольку после оставления Симферополя Левченко практически был уже не в состоянии эффективно управлять разобщенными армиями. Но он являлся нашим прямым начальником как заместитель наркома ВМФ. Присутствие в главной базе флота одновременно двух заместителей наркома, из которых один имел права строевого начальника, а другой, обладая не меньшим личным авторитетом, мог (в [141] том, что не касалось непосредственно политработы) давать лишь советы, ставило его, то есть Рогова, в несколько ложное положение. А ответственность за все, что у нас произойдет, он нес бы все равно. И ведь известно: если при сложной обстановке в одном месте оказывается слишком много старших начальников, это не всегда идет на пользу делу.

Разумеется, Рогов не мог не отдавать себе отчета во всем этом. Тем не менее он выслушал мои соображения очень внимательно и, как мне показалось, несколько недоверчиво. Помолчав, он спросил, действительно ли я уверен, что так будет лучше, полезнее. Я не колеблясь подтвердил это.

4 ноября И. В. Рогов отбыл на эсминце в Новороссийск. Чувствовалось, что решение уйти из Севастополя далось ему нелегко. На том же корабле отбывал на Кавказ - чтобы в дальнейшем работать там - член Военного совета флота И. И. Азаров.

* * *

В ночь на 4 ноября до Севастополя добрались, опередив свои войска, продвигавшиеся с боями по трудным горным дорогам, Военный совет и полевое управление Приморской армии. Командарм генерал-майор И. Е. Петров и член Военного совета бригадный комиссар М. Г. Кузнецов прибыли на наш ФКП. Оба выглядели очень утомленными, осунувшимися, особенно Петров. Никогда раньше, да и потом, я не видел Ивана Ефимовича таким

подавленным.

Поздоровавшись, он присел к столу, взял лист бумаги и, написав колонкой номера дивизий и полков, проставил, никуда не заглядывая, против номера каждой части число оставшихся в ней, по его сведениям, бойцов. Цифры были малоутешительными, но, зная эмоциональную натуру Ивана Ефимовича, я, признаться, усомнился в полной их достоверности. Хотя в том, что Приморская армия понесла тяжелые потери - как в боях на севере Крыма, так и на пути оттуда к Севастополю, - сомневаться не приходилось.

Тут же выяснилось, что приморцы сумели почти полностью сохранить свою артиллерию, и это было очень отрадно. А в силу обстоятельств, сложившихся после прорыва противником Ишуньских позиций, к приморцам примкнули и отходили вместе с ними к Севастополю также два тяжелых артполка из состава 51-й армии (как и 172-я стрелковая дивизия и остатки двух кавалерийских). К концу довольно длительного разговора о Ф. С. Октябрьским и мною И. Е. Петров, несколько успокоившись, стал определять вероятную общую численность подходившей к Севастополю армии - с учетом артиллерии, инженерных частей и тылов [142] - примерно в восемь - максимум десять тысяч человек (цифры, названные сперва, давали значительно меньший итог).

Для нас было важно уже то, что прибывает армия, пусть малочисленная, но сохранившая свой костяк - боевую организацию, кадры командиров и политработников, штабы, бывалых, обстрелянных солдат. На ФКП были сразу же приглашены П. А. Моргунов и начальник организационно-строевого отдела капитан 2 ранга П. А. Ипатов, и мы стали обсуждать возможности пополнения Приморской армии - имелось в виду прямое включение в ее соединения мелких формирований морской пехоты и подчинение ей более крупных.

Ф. С. Октябрьский по карте познакомил командарма Приморской с обстановкой на севастопольских рубежах. Более подробно вводил его в положение дел на сухопутном фронте П. А. Моргунов. И. Е. Петров заверил, что делается все возможное, чтобы ускорить подход войск к Севастополю (основная часть их прибывала со стороны Ялты, выходя из гор на шоссе). Для управления войсками на последних этапах марша командарму были предоставлены флотские средства связи. Тогда же решили, что Военный совет и штаб Приморской армии разместятся на подземном КП береговой обороны (хозяевам пришлось потесниться), куда сходились все каналы связи с нашими сухопутными частями.

На следующий день, после обычного доклада генерала

Моргунова о положении фронта, генерал Петров, успевший побывать на Мекензиевых горах и на других участках оборонительных рубежей, изложил Военному совету свои впечатления о них и ряд практических соображений. Иван Ефимович заметно приободрился, уверенно говорил, что держаться можно. Кажется, он опасался, что положение с сухопутной обороной окажется у нас хуже.

Части Приморской армии, совершавшие свой горный марш несколькими группами, прибывали в течение трех-четырех дней. Они немедленно выводились на назначенные им позиции. Очень ощутилось появление на севастопольских рубежах полевой артиллерии, которой нам так недоставало. Особенно такой мощной, как 265-й корпусной артполк (будущий 18-й гвардейский) майора Н. В. Богданова, прославившийся еще под Одессой, где за голову Богданова назначил крупную денежную награду чуть ли не сам Антонеску. К Севастополю полк подоспел в числе самых первых частей приморцев и был сразу же поставлен на огневые позиции в районе Мекензиевых гор. [143]

Черноморцев породнила с Приморской армией уже оборона Одессы. Само название армии напоминало о ее близости к флоту. Еще во время боев за Одессу мы считали естественным, что в дивизии приморцев вливаются, если это необходимо, отряды моряков. Теперь армейские соединения, поредевшие за последние недели, пополнялись моряками в гораздо большей мере, чем тогда.

Доукомплектование частей приходилось производить одновременно с занятием ими рубежей обороны: специального времени на это в нашем распоряжении не было. Практически дело выглядело так: 16-й и 19-й батальоны морской пехоты становились, например, 2-м и 3-м батальонами 287-го стрелкового полка Чапаевской дивизии, отдельный батальон электромеханической школы учебного отряда флота - 1-м батальоном 90-го стрелкового полка 95-й дивизии и так далее. Вливались в Приморскую армию и целые полки морской пехоты: 2-й и 3-й, 1-й Севастопольский. Мы не считались тут ни с какими ведомственными разграничениями (армейские и флотские формирования находились тогда вообще-то в ведении различных наркоматов). Боевые силы армии и флота соединялись прочно, неразрывно, образуя монолитный сплав. И приятно было слышать, как моряки, еще остававшиеся в своей форме, но поступившие под начало армейских командиров, начинают говорить о себе: «Мы - приморцы!» Ведь точно так же бойцы из попадавшего, бывало, в морскую пехоту армейского маршевого пополнения сразу начинали считать себя черноморцами.

С приходом приморцев силы защитников Севастополя возрастали не только количественно, но и качественно. Мы получили значительную группу опытных военачальников, знатоков сухопутной тактики, обходиться без которых было очень трудно. Начальником штаба Приморской армии являлся полковник Н. И. Крылов, начальником артиллерии - полковник Н. К. Рыжи (оба они вскоре стали генералами), стрелковыми дивизиями командовали генерал-майоры В. Ф. Воробьев, П. Г. Новиков, Т. К. Коломиец, полковник И. А. Ласкин. Политотдел армии, как и в Одессе, возглавлял полковой комиссар Л. П. Бочаров. Много испытанных, уже основательно повоевавших командиров, политработников, штабистов было в дивизиях, полках.

Вместе с Приморской армией возвратилась в Севастополь 7-я бригада морской пехоты. О командире бригады полковнике Е. И. Жидилове я уже говорил. А военкомом ее стал один из политработников, направленных в Севастополь Роговым, - батальонный комиссар (вскоре получивший звание [144]бригадного) И. Е. Ехлаков, сибиряк, в прошлом рабочий Кузнецкого металлургического завода, партийный активист, мобилизованный в армию на политработу и награжденный орденом Красного Знамени за бои у озера Хасан. Второй орден Красного Знамени он получил за геройские действия у Ишуньских позиций.

Бригада Жидилова, прикрывавшая по приказу командования отход Приморской армии в крымских степях, понесла в арьергардных боях существенные потери, но приобрела немалый боевой опыт. Быстро, буквально за сутки, доукомплектованная, бригада вступила в бои под Севастополем.

Трудными, кружными путями пробились к главной базе флота подразделения 1-го и 2-го Перекопских полков, родившихся из двух батальонов той же 7-й бригады. Они самоотверженно сражались у перешейков. Вскоре на базе одного из них был возрожден 2-й Перекопский полк.

Еще долго, в течение большей части ноября, продолжали прибывать, переходя линию фронта, отставшие в горах подразделения и группы бойцов. Ряды защитников Севастополя пополняли не только приморцы. К нам прорвалось свыше тысячи бойцов и командиров (причем даже с легкими орудиями, не говоря уж о минометах) 184-й стрелковой дивизии НКВД, состоявшей в основном из пограничников. В Севастополе ими был укомплектован выдающийся по боевым качествам полк майора Г. А. Рубцова, который мы и называли пограничным, - впоследствии 456-й стрелковый.

* * *

Особую напряженность придавало тем дням ожидание вражеского натиска, более сильного, чем первые атаки на севастопольском рубеже. Все мысли сосредоточивались на том, как отразить этот натиск, избежав просчетов, способных - тем более при неустоявшейся еще обороне - привести к непоправимым последствиям.

Но требовали решения и вопросы организационного порядка. Создать четкую, без излишней многоступенчатости, структуру управления обороной, определить функции каждого ее звена - это тоже относилось к самому главному.

Мнениями о принципах организации обороны Севастополя приходилось обмениваться и с командующим, и с другими военачальниками уже задолго до описываемого времени, тогда еще с оговоркой - «если до этого дойдет». И мы всегда исходили из того, что при всех условиях отвечать за Севастополь предстоит морякам, а поскольку он является главной базой, то, значит, - Военному совету флота. Это [145] считало само собой разумеющимся и командование Приморской армии. И естественно: за плечами был одесский опыт.

В дни, когда оборона Севастополя становилась реальностью, прервалась устойчивая связь с командованием войск Крыма, перешедшим в Карасубазар (а уж оттуда - в Алушту). Никаких указаний или приказов даже по частным вопросам мы от него не получали. Ф. С. Октябрьский признал, и я с этим был согласен, что нам следует, как уже делалось в трудные моменты, обратиться с назревшими вопросами непосредственно в Ставку.

3 ноября Военный совет флота телеграфно доложил Верховному Главнокомандованию (одновременно - наркому ВМФ) о сложившейся под Севастополем обстановке и просил утвердить принятые решения: о перебазировании на Кавказ ряда кораблей и авиации, переводе туда отделов тыла, ремонтных предприятий и складов, а также о развертывании - ввиду невозможности управлять из Севастополя действиями всего флота - флагманского командного пункта в Туапсе.

В телеграмме излагались и предложения по вопросам, решать которые было не нам. Они касались также Керченского полуострова, но прежде всего - руководства обороной Севастополя.

Прибывший на следующий день вице-адмирал Г. И, Левченко решил не ждать ответа Ставки. Приказом командующего

войсками Крыма было объявлено об образовании двух оборонительных районов - Керченского и Севастопольского. Командующим Керченским районом назначался командарм 51-й генерал-лейтенант П. И. Батов, а Севастопольским - командарм Приморской генерал-майор И. Е. Петров. В состав сил Севастопольского оборонительного района (СОР) включались кроме Приморской армии все флотские сухопутные части, береговая оборона главной базы и находившаяся в ее районе авиация. СОР подчинялся непосредственно командующему войсками Крыма.

О Керчи говорить не буду. Что же касается Севастополя, то, думается, организация его обороны была продумана далеко не полностью. В частности, главная база флота в состав СОР не входила, хотя именно от нее очень многое зависело. Тут, очевидно, сказалась поспешность в принятии решения. Хорошо, что наши армейские товарищи обладали достаточным здравым смыслом, чтобы понимать, что в Севастополе все зависит от флота и без флота, без его Военного совета невозможно ничего существенного решить, надежно обеспечить. [146] Наша общая, настойчивая и, хочется подчеркнуть, дружная работа по укреплению обороны продолжалась.

Оперативные отделы штабов Приморской армии и береговой обороны флота совместно планировали боевые действия. Проекты приказов (кроме частных), которые генерал И. Е. Петров в течение нескольких дней подписывал как командующий СОР - а готовили их вместе полковник Н. И. Крылов и начштаба береговой обороны полковник И. Ф. Кабалюк, - рассматривались на Военном совете флота. Ежедневно, поздно вечером, на ФКП при участии И. Е. Петрова, П. А. Моргунова, Г. В. Жукова и других товарищей обсуждались события истекших суток, положение под Севастополем, вероятные намерения противника и наши очередные задачи. Должен сказать, что предложения, исходившие от генерала Петрова и его штаба, быстро освоившихся в обстановке, имели неоценимое значение для совершенствования обороны и успешного отпора врагу.

Действия гитлеровцев на ряде участков носили пока характер разведки боем. Продолжая сосредоточивать свои войска севернее и северо-восточнее города, противник пытался нащупать наши слабые места. А некоторые разведгруппы, обычно мелкие, но поднимавшие много шума, отнюдь не стремившиеся к скрытности, явно имели задачей вызвать у нас на позициях и в тылах, куда они подчас прорывались, замешательство, панику. Однако это фашистам не удавалось.

Характерен эпизод, о котором доложило командование 8-й

бригады морской пехоты.

В сумерках, сразу после захода солнца, мимо наблюдательного пункта бригады в районе высоты Азис-Оба пронеслось несколько немецких мотоциклов с колясками. Сидевшие в них автоматчики вели беспорядочную стрельбу. Наши морские пехотинцы не растерялись, мгновенно открыли огонь, и экипаж одного мотоцикла, бросив на дороге свою машину, разбежался по кустам. Там, где все это происходило, находился заместитель начальника политотдела бригады батальонный комиссар М. Н. Корнеев. Найдя за две-три минуты краснофлотца, способного вести немецкий мотоцикл, политработник сел вместе с другим бойцом в коляску и возглавил преследование мотоциклистов, прорывавшихся в бригадные тылы.

Кончилось тем, что почти все фашистские автоматчики, участвовавшие в этой вылазке, были истреблены. Бригада морпехоты потеряла в схватке с ними одного человека - батальонного комиссара Михаила Никитовича Корнеева… Он пришел на сухопутный фронт из соединения подводных лодок [147] и принадлежал к тем политработникам, которые учат мужеству и отваге прежде всего личным примером.

У возглавлявших 8-ю бригаду полковника В. Л. Вильшанского и бригадного комиссара Л. Н. Ефименко с первых же дней проявилось стремление обороняться активно, и мы очень это ценили. Еще в ночь на 3 ноября морские пехотинцы предприняли контратаку с целью занять одну из высот перед своим рубежом, где гитлеровцы успели засесть до того, как бригада сюда прибыла. Полностью выполнить намеченное не удалось, но противник был потеснен, наши позиции улучшены. Немало значило и то, что подразделения, еще вчера необстрелянные, смогли почувствовать - бить фашистов им под силу.

В сводке «На подступах к Севастополю», которую мы с 5 ноября стали давать для флотской и городской газет, появилась информация об успехах «частей тт. Воробьева и Коломийца» (так обозначались 95-я и 25-я Чапаевская дивизии Приморской армии), о том, сколько уничтожено и захвачено ими неприятельских орудий, пулеметных установок, автомашин. Эти данные относились к последним боям с фашистскими войсками, пытавшимися преградить приморцам путь к Севастополю. Сводки сообщали о растущем боевом счете береговых батарей, об ударах флотской авиации по вражеским аэродромам. Было объявлено, что за 1-5 ноября уничтожено на земле и в воздухе 28 фашистских самолетов, а в следующей сводке дали поправку: не 28, а 40. Прибавление шло за счет машин, разбитых и сожженных на земле, и на поправке настояли уточнившие это разведчики.

У небольшой севастопольской авиагруппы было много и другой боевой работы - прикрытие города и оставшихся в бухтах кораблей, бомбежки и штурмовки войск противника, выдвигаемых им батарей. Но мы старались, чтобы гитлеровцы не чувствовали себя вольготно по крайней мере на ближайших к Севастополю крымских аэродромах, например в Сарабузе. Туда регулярно наведывались прикрываемые истребителями «илы». Их водил на штурмовки Герой Советского Союза капитан А. А. Губрий.

Но избавить Севастополь от вражеских воздушных налетов, особенно теперь, мы не могли. С первых чисел ноября стали обычными и дневные налеты, иногда повторявшиеся по нескольку раз. Нередко бомбовые удары нацеливались на жилые кварталы, где не было ни военных, ни промышленных объектов, - очевидно, с расчетом деморализовать население перед решающими (так наверняка считало тогда гитлеровское командование) боями за город.[148]

6 ноября, в канун 24-й годовщины Великого Октября, фронт атак противника расширился. Завязались бои у Черкез-Керменского опорного пункта - к востоку от города, и селение, по имени которого он назывался, оказалось в руках врага. Контратаки 3-го Черноморского восстановили положение лишь частично. Задержать продвижение гитлеровцев помог мощный огонь артполка майора Н. В. Богданова и впервые введенной в действие 19-й береговой батареи капитана М. С. Драпушко, стоявшей у Балаклавы.

Вечером транслировалось торжественное заседание Московского Совета. Трудно передать, как много значило уже то, что оно, как обычно, состоялось накануне праздника в нашей столице. И это несмотря на шедшие на подступах к ней бои. Собравшиеся у Ф. С. Октябрьского работники штаба и политуправления далеко за полночь продолжали обсуждать прослушанный нами доклад Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина. Редактор «Красного черноморца» П. И. Мусьяков сообщал по телефону, что текст доклада принят, набор идет полным ходом и газета вовремя, ранним утром, будет доставлена на боевые позиции, на корабли. Договорились отпечатать дополнительно несколько тысяч экземпляров для партизан, для заброски в оккупированные врагом районы Крыма.

А едва я успел заснуть, как меня разбудил Филипп Сергеевич Октябрьский:

- Николай Михайлович, срочная радиограмма из Ставки! Вот читай…

Взяв бланк, я обратил внимание на проставленные перед текстом дату и время: 7.11.1941, 02.00. Значит, радиограмма подписывалась там, в Ставке, уже после заседания, которое мы недавно слушали по радио. Отдав себе в этом отчет, почувствовал, что мы как бы приблизились к Москве…

Директива Ставки Верховного Главнокомандования, подписанная И. В. Сталиным, Б. М. Шапошниковым, Н. Г. Кузнецовым, была адресована Левченко, Октябрьскому и Батову. Первые пункты директивы гласили:

«1. Главной задачей Черноморского флота считать активную оборону Севастополя и Керченского полуострова всеми силами.

2. Севастополь не сдавать ни в коем случае и оборонять его всеми силами»{16}.

Далее следовали указания о базировании и использовании кораблей и флотской авиации, совпадавшие в основном [149] с предложениями, которые вносил Военный совет флота (в частности, о том, что надлежит старые крейсера и миноносцы держать в Севастополе, а линкор и новые корабли базировать на Кавказе), об эвакуации из Севастополя и Керчи всего ценного, но ненужного для обороны и по другим вопросам.

В особом пункте руководство обороной Севастополя возлагалось на командующего Черноморским флотом Ф. С. Октябрьского, а начальник штаба флота должен был находиться в качестве заместителя командующего на Кавказе, на созданном под Туапсе втором ФКП. Генерал-лейтенанту П. И. Батову поручалось непосредственно руководить обороной Керченского полуострова. Там же, в Керчи, предписывалось находиться вице-адмиралу Г. И. Левченко.

Директива Верховного Главнокомандования вносила в наши задачи предельную ясность: Севастополь не сдавать ни в коем случае, оборонять его всеми силами, оборонять активно, и отвечает за это флот. Тем самым окончательно определялись и организационные принципы боевого управления Севастопольской обороной.

Наступавший день был каким-то необыкновенным. Ранним утром в прифронтовой Москве начался совсем неожиданный в той обстановке военный парад. С Красной площади транслировалось по радио выступление И. В. Сталина. Известия о том, как отмечается в советской столице годовщина Великого Октября, вызывали у севастопольцев настоящее ликование. Под Севастополем, как и под Москвой, шли бои, положение было трудным, но вся атмосфера этого дня придавала людям новые силы.

В соответствии с директивой Ставки вице-адмирал Г. И.

Левченко в тот же день подписал приказ о назначении командующего ЧФ вице-адмирала Ф. С. Октябрьского командующим Севастопольским оборонительным районом. Командарм Приморской генерал-майор И. Е. Петров назначался заместителем командующего СОР по сухопутной обороне.

Этот приказ Г. И. Левченко явился последним, имевшим отношение к обороне Севастополя. 8 ноября Гордей Иванович отбыл на эсминце в Керчь. Крайне сложная обстановка на Керченском полуострове исключала возможность руководить оттуда боевыми действиями под Севастополем. Дальнейшие приказы и указания, связанные с его обороной, мы стали получать непосредственно из Ставки или от наркома Военно-Морского флота. [150]

Глава шестая.

Проверка на прочность

Выход на севастопольские рубежи Приморской армии обусловил новую перегруппировку наших сухопутных сил. Предложения о расстановке войск с расчетом на стойкую и активную оборону, подготовленные генерал-майором И. Е. Петровым совместно с генерал-майором береговой службы П. А. Моргуновым, Военный совет флота утвердил 9 ноября. И в сложившуюся тогда структуру уже не потребовалось вносить существенных изменений.

Весь фронт обороны был разделен на четыре сектора (напомню: секторное деление территории под Севастополем вводилось еще до войны, когда мы думали об отражении воздушных десантов, но сперва секторов было не четыре, а три). Во главе каждого сектора стоял опытный сухопутный военачальник, командир одной из дивизий Приморской армии. Этих старших в секторах начальников решили именовать комендантами, как принято в береговой обороне и армейских укрепрайонах. Штаб и политотдел дивизии, командир которой назначался комендантом, становились одновременно штабом и политотделом сектора.

Первый сектор, включавший 6 километров фронта на правом фланге, на балаклавском направлении, возглавил генерал-майор П. Г. Новиков, командовавший под Одессой сначала полком, а затем кавалерийской дивизией. На первых же порах силы сектора составлял сводный полк, сколоченный из учебных подразделений береговой обороны, школы НКВД и других формирований. Но это

направление пока еще оставалось самым спокойным.

10- километровый фронт второго сектора, вобравший в себя укрепления Чоргуньского опорного пункта, пересекал долину Черной речки и Ялтинское шоссе. Здесь комендантом стал полковник И. А. Ласкин, командир 172-й стрелковой дивизии. Бойцов дивизии, дошедших до Севастополя, было немного, однако дивизия возрождалась, пока -в составе двух полков. Во второй сектор предназначался также формировавшийся в экипаже 1-й Севастопольский полк морской пехоты. [151]

Частям третьего сектора - это были полки чапаевцев, пополненные моряками, и бригада полковника Е. И. Жидилова - поручался 12-километровый отрезок фронта на очень ответственном и уже весьма горячем мекензиевском направлении. Оборону его возглавил комдив 25-й Чапаевской генерал-майор Т. К. Коломиец.

И наконец, на левом фланге, в четвертом секторе, имевшем наибольшую ширину фронта - 18 километров, оборонялись, прикрывая северное направление, 95-я стрелковая дивизия генерал-майора В. Ф. Воробьева (он же - комендант сектора) и бригада морской пехоты полковника В. Л. Вильшанского.

Военком того соединения, командир которого назначался комендантом сектора, становится его военкомом. В первом секторе это был полковой комиссар А. Д. Хацкевич, во втором - полковой комиссар П. Е. Солонцов (оба вскоре получили звание бригадных комиссаров), в третьем - бригадный комиссар А. С. Степанов, в четвертом - полковой комиссар Я. Г. Мельников. Соответственно и политотделы этих соединений наделялись правами старшего в секторе политоргана. В начальный период обороны политотделы секторов возглавили дивизионный комиссар И. С. Балашев, батальонный комиссар Г. А. Шафранский, старший батальонный комиссар Н. А. Бердовский и старший батальонный комиссар М. С. Гукасян.

Между флотскими и армейскими политорганами быстро установился тесный контакт, чему способствовала дружная, согласованная работа начальника политуправления флота П. Т. Бондаренко и начальника политотдела Приморской армии Л. П. Бочарова.

Между секторами была распределена имевшаяся полевая артиллерия. Каждому из них придавались также в качестве средств усиления определенные береговые батареи.

В состав сил Севастопольского оборонительного района помимо Приморской армии, частей морской пехоты, береговой обороны и авиагруппы теперь входили также и все оставленные в главной базе корабли. При этом весьма ответственная роль

отводилась и небольшим, со скромным вооружением, кораблям охраны водного района (ОВР) - базовым тральщикам, охотникам за подводными лодками, сторожевым катерам. На них легла основная тяжесть повседневной борьбы с вражескими минами, им поручались проводка приходящих и уходящих кораблей и транспортов по военным фарватерам, несение морских дозоров и еще многое другое. [152]

К слову сказать, до войны мы, пожалуй, не вполне представляли, насколько широким и многообразным будет боевое использование малых кораблей, как много их понадобится, например, в десантных операциях. Некоторое время перед войной проявлялась тенденция ограничить их строительство ради того, чтобы дать флотам больше крупных боевых единиц. Думается, это было ошибкой, ответственность за которую я отнюдь не снимаю и с себя - военные советы флотов имели возможность влиять на формирование планов кораблестроения, ставить относящиеся к ним вопросы в любых инстанциях.

После того как штаб флота во главе с контр-адмиралом И. Д. Елисеевым перешел на запасный ФКП под Туапсе, в Севастополе был образован небольшой штаб оборонительного района. Начальником его стал капитан 1 ранга А. Г. Васильев. Задачей этого штаба являлась прежде всего координация взаимодействия всех сил, участвующих в обороне Севастополя, неослабного внимания требовали морские перевозки. В Севастополе часто находился начальник оперативного отдела штаба флота капитан 2 ранга О. С. Жуковский, постоянно работали заместители начальников отделов капитаны 3 ранга Б. С. Лисютин, А. И. Ильичев. Специалистов-общевойсковиков в штабе СОР не было, и в отношении сухопутной обороны функции штаба района выполнял штаб Приморской армии, возглавляемый полковником Н. И. Крыловым.

Что касается политуправления флота, то основное его ядро (хотя определенную часть работников и потребовалось отправить на Кавказ, где сосредоточились значительные силы флота) оставалось в Севастополе. Здесь почти безотлучно находился дивизионный комиссар П. Т. Бондаренко (в случае его выезда оставался заместитель начальника политуправления бригадный комиссар В. И. Маслов), здесь постоянно работала сильная группа наиболее опытных инспекторов и инструкторов. В Севастополе продолжала выходить флотская газета «Красный черноморец».

Тыл флота, принявший на обеспечение всем необходимым также и Приморскую армию, представляла в главной базе оперативная группа, которой первое время руководил сам начальник тыла контр-адмирал Н. Ф. Заяц. В Севастополе

существовало обширное тыловое хозяйство - предприятия и мастерские, склады, десятки вспомогательных судов, и многое из этого теперь подлежало переводу в кавказские базы. Оставлялось то, что нужно для обслуживания оборонительного района. [153]

Чтобы была до конца ясна организационная сторона дела, следует еще сказать, что в отличие от Одессы отдельный Военный совет для СОР не создавался. Вопрос об этом, собственно, и не возникал, поскольку в Севастополе находился Военный совет флота, который и руководил обороной его главной базы.

* * *

Все, о чем я только что рассказал, естественно, было сделано не за одни сутки, и мне пришлось несколько забежать вперед. Дав читателю представление о том, как стала выглядеть система боевого управления Севастопольской обороной после решения Ставки, я должен вернуться к памятному дню 7 ноября. С ним связаны два фронтовых события, которые нельзя обойти.

Первое - это новая контратака, проведенная в день Октябрьской годовщины на участке 8-й бригады морской пехоты. По тогдашним нашим возможностям контратака была довольно крупной - пятью ротами при поддержке полевой и береговой артиллерией. Планировалась она штабом как разведка боем, и план был смелым, даже дерзким. Он вступил в силу только после утверждения Военным советом. Мы надеялись, что успех контратаки может заставить противника оттянуть часть войск с соседних участков, где положение было особенно трудным.

Смелая контратака удалась. Врага выбили с тактически важных высот, он потерял сотни солдат только убитыми. Морские пехотинцы захватили три немецких орудия, десять минометов, два десятка пулеметов и другие трофеи. Но мы никак не рассчитывали, что гитлеровское командование расценит боевую активность севастопольцев на ограниченном участке фронта обороны как угрозу всему правому флангу подступивших к городу фашистских войск. А получилось, как потом выяснилось, именно так. В мемуарах Манштейна, на которые я уже ссылался, говорится:

«…Противник счел себя даже достаточно сильным для того, чтобы при поддержке огня флота начать наступление с побережья севернее Севастополя против правого фланга 54-го армейского корпуса. Потребовалось перебросить сюда для поддержки 22-ю пехотную дивизию из состава 30-го армейского корпуса. В этих условиях командование армии должно было отказаться от своего

плана взять Севастополь внезапным ударом с ходу - с востока и юго-востока»{17}. [154]

Вот как может спутать оперативные планы врага высокая боевая активность в обороне!

А в последующие дни противника контратаковала, добиваясь улучшения своих позиций, 7-я бригада морской пехоты. И если у гитлеровцев действительно складывалось представление, будто мы уже начинаем наступать, то, очевидно, и ее активные действия к этому причастны.

Сами мы тогда отнюдь не считали, что вражеский замысел овладеть Севастополем с ходу или почти с ходу, одним коротким натиском уже сорван. Но была общая решимость сорвать его во что бы то ни стало. Ярчайшим проявлением этой решимости явилось другое событие, о котором я должен рассказать, - подвиг, совершенный 7 ноября 1941 года пятью черноморцами, политруком и четырьмя краснофлотцами.

…На том же северном направлении, где контратаковала 8-я бригада, в районе станции Бельбек, держал оборону приданный ей 18-й батальон морской пехоты. Здесь противник был еще значительно дальше от города, чем на других участках, но мог прорваться вдоль Симферопольского шоссе и по Бельбекской долине. Этому и должны были препятствовать морские пехотинцы, закрепившиеся на высоте, позволявшей контролировать дорогу и долину.

Батальон поддерживали береговые артиллеристы и бронепоезд «Железняков», оснащенный на Морзаводе и только что вступивший в строй. Однако полевой артиллерии, способной бить по танкам, на этом участке было мало. Готовясь к отражению танковых атак, военком батальона (исполнявший также и обязанности заболевшего командира) старший политрук Е. А. Мельник выдвигал вперед группы истребителей, как это делалось и в других частях.

Такую вот группу и возглавлял в тот день политрук Николай Дмитриевич Фильченков, в прошлом - моряк-подводник. С ним были краснофлотцы Василий Цибулько, Иван Красносельский, Юрий Паршин, Даниил Одинцов, отобранные военкомом из добровольцев. Кроме противотанковых гранат и бутылок с горючей смесью группа имела пулемет. Конкретная боевая задача состояла в том, чтобы не дать противнику обойти батальон с фланга.

Ждать врага долго не пришлось. И расположилась группа Фильченкова удачно - там, где гитлеровцы действительно попытались обойти батальон Мельника. К позиции истребительной группы приближалось несколько фашистских

танков, за ними двигалась пехота. Подпустив танки поближе, пятеро моряков вступили в бой. [155]

Как они сражались, можно судить уже по тому, что при отражении первой вражеской атаки головной танк был остановлен меткой пулеметной очередью Василия Цибулько по смотровой щели, очевидно сразившей водителя, еще один подорван связкой гранат, а два подожжены с помощью бутылок. Остальные танки, а с ними и пехота повернули назад. И все пять моряков после этого оставались живы.

Через некоторое время последовала новая атака, в которой, как удалось установить, участвовало до пятнадцати танков.

Василий Цибулько сумел остановить еще один танк снайперской пулеметной очередью, направленной в смотровую щель. А затем, израсходовав все ленты, будучи уже тяжело ранен и истекая кровью, подорвал другой танк брошенными под гусеницу гранатами. Успев вывести из строя также два танка, погиб Иван Красносельский. Фильченков, Паршин и Одинцов, которые прикрывали товарищей от немецких автоматчиков и истребляли винтовочным огнем гитлеровцев, выскакивавших из горящих танков, вероятно, могли бы, метнув последние гранаты, отползти и спастись. Но они не позволили себе покинуть поле боя, а остававшееся у них оружие решили использовать так, чтобы оно сработало наверняка.

Политрук Николай Фильченков, прикрепив гранаты к поясу, первым бросился под приближавшийся танк. Вслед за ним сделали то же самое краснофлотцы Даниил Одинцов и Юрий Паршин. Каждый, погибая, взрывал еще один фашистский танк.

Повторная атака не помогла гитлеровцам обойти фланг батальона. Подоспевшие сюда товарищи павших героев заставили врага отойти. Среди горящих танков они нашли умиравшего Василия Цибулько. Краснофлотец едва успел рассказать бойцам, сопровождавшим его в госпиталь, как дрались все пятеро.

Но до командования подробности беспримерного боя дошли не сразу. В те дни сообщения о нем не попали в оперсводки и политдонесения, хотя уничтоженные фашистские танки и были учтены. Из тех, кто слышал рассказ Цибулько, одни сами погибли, другие были ранены и отправлены в госпитали. А то, что видели морские пехотинцы с соседней высоты, подтверждало лишь самый факт боя. О подвиге пяти моряков пошла молва, он становился героической легендой, однако не так-то просто оказалось получить достоверные свидетельства всех его обстоятельств и даже установить имена героев. В новых формированиях морпехоты [156] люди еще недостаточно знали друг друга, а списки личного состава отставали от жизни. И не

одна такая группа истребителей танков из выдвинутых за передний край в том районе не вернулась с боевого задания.

Только через месяц смогла кратко сообщить о подвиге пяти героев газета «Красный черноморец» - о нем упомянул в своей статье командующий Приморской армией И. Е. Петров. Но речь все еще шла о «краснофлотцах, имена которых остались неизвестными».

И вот еще некоторое время спустя мне позвонили из одного госпиталя. Военком докладывал, что среди поступивших раненых есть бойцы, которым известно кое-что существенное о том исключительном подвиге. Работникам политуправления было поручено расспросить этих бойцов, сопоставить их рассказы со сведениями, которыми мы уже располагали. Потом понадобилось еще многое уточнять и перепроверять. Чтобы удостовериться, что с политруком Фильченковым были именно те краснофлотцы, чьи фамилии мы наконец узнали, потребовалось переговорить с командирами и политработниками из различных частей морской пехоты и экипажа, со всеми, кому было что-либо о них известно. Выяснив все окончательно, Военный совет флота смог представить участников подвига к высшей награде Родины.

Все пятеро - Н. Д. Фильченков, В. Г. Цибулько, И. М. Красносельский, Ю. К. Паршин и Д. С. Одинцов - были посмертно удостоены звания Героя Советского Союза. После войны на месте их подвига поставлен памятник, известный ныне многим, кто бывал в Севастополе.

Подвиг пяти показал, на какую безграничную самоотверженность способны советские моряки, вставшие на защиту Севастополя. Такие подвиги совершаются там, где героизм становится нормой поведения. И в этом, я убежден, заключается основная причина того, что в трудное время первоначального становления Севастопольской обороны, когда гитлеровцы, казалось бы, вполне могли, быстро сосредоточив ударные силы (в Крыму ведь были хорошие дороги, и погода стояла сухая), рассечь где-то наши, не очень плотные, боевые порядки на всю их глубину, ничего подобного не произошло.

В кровопролитных боях за Дуванкой, за хутор Мекензия и на других участках враг не только нес неожиданные для него большие потери, но и бывал, судя по всему, просто ошеломлен стойкостью и упорством, с которыми встретился, силой отпора, который получал. [157]

Гитлеровское командование оказалось вынужденным подтягивать к Севастополю добавочные силы. Ну а мы получили что-то вроде первой короткой передышки. Продолжались и бомбежки, и артиллерийский обстрел, причем для вражеских

дальнобойных батарей стали досягаемы уже город и бухты, где корабли и транспорты выгружали боеприпасы и принимали на борт раненых и эвакуируемых жителей. Но сколько-нибудь крупных атак не было более двух суток, и нам удалось без особых помех в основном завершить большую работу, связанную с доукомплектованием и расстановкой на севастопольских рубежах пробившихся через горы армейских частей. Вся оборона ощутимо окрепла.

Четверть века спустя, в октябре 1966 года, когда ветераны Севастопольской обороны собрались в городе-герое по случаю 25-летия ее начала, Маршал Советского Союза Н. И. Крылов отмечал в своем докладе:

«11 ноября закончилась реорганизация и перегруппировка войск Приморской армии. Это было достигнуто прежде всего потому, что командования армии и флота единодушно, общими усилиями, быстро пополнили, организационно укрепили сухопутные войска оборонительного района. В Приморской армии сохранился уже обстрелянный костяк командного состава, который и возглавил сухопутную оборону. И в армию было влито не маршевое пополнение, а полки и батальоны, личный состав которых имел боевой опыт. Положительную роль сыграли заранее подготовленные, а затем непрерывно совершенствуемые в инженерном отношении рубежи и позиции. Наконец, тыл главной базы флота имел значительные материальные запасы, в том числе и артиллерийских снарядов»{18}.

В условиях когда территория СОР стала изолированным от остального фронта плацдармом, сообщающимся с тылами только по морю, приобрело особое значение использование для нужд обороны всякого рода местных ресурсов. Сделалось необходимым держать их, так сказать, в одних руках, и Военный совет флота образовал 9 ноября смешанный военно-гражданский хозяйственный орган, который мы назвали специальной оборонной комиссией по материальному обеспечению войск.

В ее ведение передавались все предприятия и производственные организации города независимо от того, кому они подчинялись прежде, в том числе и флотские. На комиссию [158] возлагалась организация производства вооружения, ремонта боевой техники и автотранспорта, пошива обмундирования и обуви, заготовок топлива. Председателем комиссии был назначен начальник тыла флота контр-адмирал Н. Ф. Заяц, в нее вошли секретарь Крымского обкома партии по промышленности Н. А. Спектор, секретарь горкома А. А. Сарина, председатель горисполкома В. П. Ефремов, начальник тыла Приморской армии интендант 1 ранга А. П. Ермилов, другие

товарищи.

Естественно, что принципиальные решения комиссии утверждались Военным советом флота. Нам вообще приходилось все чаще обсуждать и решать так называемые «городские» вопросы. Начавшаяся осада Севастополя как бы стирала на нашем плацдарме обычные грани между фронтом и тылом, сама обстановка все теснее сплачивала людей военных и «штатских» в единый коллектив защитников города. И решения Военного совета, возглавлявшего оборону, воспринимались как боевые приказы всеми севастопольцами - и теми, кто носил, и теми, кто не носил флотскую или армейскую форму.

Что касается военного производства, то, пожалуй, в то время мы еще сами не представляли, в каких масштабах удастся развернуть его в осажденном Севастополе. Ведь основное оборудование предприятий, обслуживавших флот, вывозилось на Кавказ, а то, что нужно для сухопутных войск, здесь вообще никогда не производилось.

Правда, еще до вторжения гитлеровцев в Крым, в августе - сентябре, городской комитет партии обеспечил полный или частичный переход некоторых местных предприятий на выпуск военной продукции. Небольшой заводик «Молот», поставлявший в торговую сеть металлическую посуду, мясорубки, ложки, перевели на производство печурок для землянок, а потом - корпусов гранат. В железнодорожных мастерских осваивалось изготовление минометов. Руководители севастопольской партийной организации вдумчиво вникали в опыт Одессы, где в условиях осады стали выпускать вооружение и боеприпасы предприятия сугубо мирного профиля. В октябре сами одесские товарищи рассказывали об этом опыте на совещании городского партактива. Кое-какое промышленное оборудование, в принципе пригодное для производства также и боевой техники или ее ремонта, было эвакуировано в Севастополь из Симферополя.

Однако в начале ноября стало ясно, что враг, сосредоточивший на крымских аэродромах много авиации и приблизившийся [159] к городу на выстрел дальнобойных орудий, не даст регулярно работать на прежних местах, под открытым небом, ни оставленным в Севастополе цехам Морзавода, ни другим предприятиям. Существовал лишь один надежный способ защитить их от фашистских бомб и снарядов - перенести производство под землю, в какие-то из штолен, прорубленных в крутых берегах севастопольских бухт под различные склады и для других нужд за полтора с лишним столетия, в течение которых тут базировался русский флот.

11 ноября Военный совет принял решение о создании в

складских помещениях Ново-Троицкой балки на берегу Северной бухты завода вооружения и боеприпасов. Он должен был вобрать в себя несколько цехов Морзавода и целиком некоторые мелкие предприятия, а также использовать оборудование, вывезенное из Симферополя. «Сводный» завод назвали спецкомбинатом № 1. Одновременно решили развернуть в Инкермане, в подземных хранилищах шампанских вин, спецкомбинат № 2, создаваемый на базе швейной фабрики и артелей промкооперации. Он предназначался для обеспечения войск обмундированием, бельем, обувью.

Об этих предприятиях, детищах осадного Севастополя, будет речь дальше.

* * *

Подтянув резервы, противник возобновил с утра 11 ноября сильные атаки, ставшие началом ноябрьского наступления армии Манштейна на Севастополь - ноябрьского штурма. Вскоре определилось, что главный удар наносится теперь вдоль Ялтинского шоссе и на Балаклаву, а вспомогательный - вдоль долины Кара-Коба на хутор Мекензия, в центральной части нашего оборонительного обвода. В атаках впервые участвовала 72-я немецкая пехотная дивизия, которая в течение нескольких дней пыталась запереть в горах части Приморской армии - еще одно кадровое соединение вермахта (до нападения на Советский Союз дивизия побывала во Франции и Греции), двинутое на Севастополь и усиленное танками.

Захватив весь Южный берег Крыма, гитлеровцы подступили к севастопольским рубежам со стороны Байдар - единственное направление, на котором совсем недавно враг был далеко. Последней из наших войск прошла через Байдарские ворота 40-я кавдивизия, возглавляемая полковником Ф. Ф. Кудюровым и полковым комиссаром И. И. Карповичем, - очень малочисленная, соответствовавшая не более чем полку, но богатая ветеранами-буденновцами. Она [160]прикрывала, пока было необходимо, различные участки приморского шоссе, постепенно отходя к Севастополю. Кавалеристам вскоре предстояло спешиться, но пока они воевали еще в конном строю и действия в составе СОР начали как подвижное боевое охранение перед позициями первого сектора.

Атакующий враг сперва кое-где потеснил наши части, но затем был везде остановлен. В этом сыграла важнейшую роль артиллерия - и полевая (хотя она действовала не в полную силу,

имея маловато снарядов), и береговая, и корабельная. Войска первого и второго секторов поддерживали крейсера «Червона Украина» и «Красный Крым», несколько эсминцев. Одна «Червона Украина» выпустила за день почти 700 снарядов главного калибра. Корректировщики докладывали о подавленных неприятельских батареях, разбитых бронетранспортерах и танках, рассеянных подразделениях фашистской пехоты. А «Красный Крым» еще накануне, когда противник только готовился перейти в наступление, точными залпами с дистанции 80 кабельтовых (около 14 километров) сорвал замеченную разведчиками установку немецкой тяжелой батареи в районе поселка Кача.

Сильнее, чем когда-нибудь с начала боев под Севастополем, проявилась сила нашего корабельного огня. По-видимому, он больше всего мешал противнику тем, что не давал сосредоточивать войска для атак. И гитлеровское командование стало делать практические выводы. Последовал налет авиации на недавнюю огневую позицию «Красного Крыма» в Северной бухте, но крейсер уже перешел в Южную. А 12 ноября, около полудня, появились группа за группой десятки бомбардировщиков. Часть их наносила удары по зенитным батареям, другие бомбили город, но главной целью массированного налета являлись корабли. И не все удалось уберечь…

Крейсер «Червона Украина» - он вел огонь по целям за Балаклавой, стоя на якорях недалеко от Графской пристани, - атаковали с разных направлений 28 пикировщиков Ю-87. Множество бомб разорвалось вокруг корабля, но были и прямые попадания. Экипаж самоотверженно боролся с хлынувшей в пробойны водой и вспыхнувшими на борту пожарами, на помощь пришли спасательные суда, однако отстоять крейсер оказалось невозможным. После пятнадцати часов напряженнейшей борьбы за него, перед рассветом 13 ноября, командир «Червовой Украины» капитан 2 ранга И. А. Заруба (всего неделю назад принявший крейсер у капитана 1 ранга Н. Е. Басистого) приказал личному составу [161] оставить корабль, который через несколько минут, резко накренясь, лег бортом на дно бухты.

При том же воздушном налете были серьезно повреждены эсминцы «Беспощадный» и «Совершенный», причем последний не мог вернуться в строй в обозримом будущем. А «Беспощадный» только накануне вышел из дока после заделки пробоин, полученных под Одессой.

Тяжелым уроном для флота явилась гибель крейсера «Червона Украина», первая на Черном море (но, надо сказать, и последняя за всю войну) потеря корабля такого класса. «Червона Украина» занимала достойное место в истории Черноморского

флота. Корабль, заложенный еще до революции, явился первым крейсером, вступившим здесь в строй в советское время, в 1927 году. По постановлению VII Всеукраинского съезда Советов над его достройкой шефствовал ВУЦИК, а когда он начал плавать, шефство перешло к комсомолу Украины. На этом крейсере служила в молодые годы многие известные советские адмиралы.

Военком «Червоной Украины» батальонный комиссар В. А. Мартынов пришел ко мне, чтобы передать общую просьбу сошедшего на берег экипажа - оставить моряков крейсера сражаться в Севастополе. Военный совет удовлетворил эту просьбу, вполне совпадавшую с возникшими сразу же планами использования превосходных орудий корабля на суше.

Уже в ночь гибели крейсера военинженеру 1 ранга А. А. Алексееву из артотдела тыла было поручено сформировать и возглавить рабочую группу по снятию с него вооружения. Работы начались немедленно. Корабль затонул на неглубоком месте, и два палубных орудия удалось быстро снять даже без помощи водолазов. Дальнейший, уже подводный, демонтаж крайне осложняли бомбежки и артобстрел. Впервые в практике нашего флота команда водолазов делала свое дело под сильнейшими гидродинамическими ударами от близких разрывов в воде. Но люди выдержали это испытание.

После срочного ремонта орудия с «Червоной Украины» были установлены попарно там, где требовалось усилить огневую поддержку войск. Четыре новые дальнобойные береговые батареи, укомплектованные комендорами крейсера, вступили в строй в течение месяца. Одной из них, получившей огневую позицию на знаменитом по первой Севастопольской обороне Малаховом кургане, стал командовать бывший командир артиллерийской боевой части корабля[162] капитан-лейтенант А. П. Матюхин. Так же были использованы орудия с эсминца «Совершенный».

Но возвращусь к ноябрьским дням. Бои на правом фланге шли с неослабевающим напряжением. 13 и 14 ноября высоты за Балаклавой переходили из рук в руки. А боеприпасы к полевым орудиям приходилось расходовать все экономнее, и мы посылали в Москву телеграммы о настойчивыми просьбами ускорить поставки снарядов (доносили в Ставку также и о том, что имеем в резерве две тысячи бойцов, которых нечем вооружить). Тем шире использовалась береговая артиллерия, обеспеченная боезапасом. Обстановка не позволяла обращать внимание на то, что стволы тяжелых береговых орудий рассчитаны на сравнительно небольшое количество выстрелов.

Оборону в первом секторе эффективно поддерживала своими 152-миллиметровыми орудиями 19-я береговая батарея капитана

М. С. Драпушко. Но она сама оказалась в тяжелом положении. Не башенная, с орудийными двориками открытого типа, эта батарея стояла над обрывом скалы, охраняя уже много лет вход в Балаклавскую бухту. Со стороны моря ее защищал бетонный бруствер, а со стороны суши она была очень уязвима. Когда батарею сооружали, не предвиделось, что противник сможет обстреливать ее с противоположного берега неширокой бухты.

Стремясь разделаться с батареей, срывавшей их атаки, гитлеровцы за несколько часов выпустили по ней около трехсот снарядов и бесчисленное количество мин. А убеждаясь, что батарея не подавлена, повторяли огневые налеты вновь и вновь. Многократно бомбила ее и фашистская авиация. На огневой позиции возникали пожары, нарушалась связь, выбывали из строя люди. Но батарея продолжала действовать, поражая и дальние, и близкие цели, последние - прямой наводкой.

Вот пример стойкости и мужества батарейцев, относящийся к расчету лишь одного орудия. Замковый комсомолец И. А. Щербак ослеп при разрыве вражеской авиабомбы, но даже не доложил об этом, пока шла стрельба, продолжая четко выполнять команды. Затем обязанности замкового взял на себя младший сержант А. Р. Лизенко, также комсомолец, одновременно командовавший орудием. Будучи тяжело ранен, и он не оставил в бою своего поста. От потери крови Лизенко, дернув в последний раз спусковой шнур, лишился сознания, которое уже не вернулось…

Ни одна из наших тяжелых береговых батарей не действовала тогда в таких условиях - почти на переднем крае. [163]

Отдельные орудия выходили из строя, но повреждения устранялись, и они стреляли снова. И две тысячи снарядов, которые батарея капитана Драпушко выпустила за те дни, много значили для предотвращения глубокого прорыва врага на правом фланге обороны. Только после отражения ноябрьского наступления, когда стало ясно, что линия фронта пока что останется менее чем в двух километрах от позиции 19-й батареи, ее орудия были перенесены в другое место.

* * *

Было очень тревожно за Балаклаву. Захват этого городка, оказавшегося в осаде вместе с Севастополем, несомненно, относился в ноябре к первоочередным целям противника (гитлеровское командование, естественно, знало, как использовалась удобная Балаклавская бухта англичанами и. французами, с которыми шли тут бои в прошлом веке).

Положение на этом участке доходило до критического, фронт подступил к Балаклаве вплотную, но мы не допускали мысли, что она может стать неприятельской базой.

13 или 14 ноября я побывал в Балаклаве вместе с контрадмиралом Г. В. Жуковым и дивизионным комиссаром П. Т. Бондаренко. Западный берег бухты и часть городка уже простреливались ружейно-пулеметным огнем с занятых противником высот. Но в Балаклаве оставалось немало ее жителей, и их выдержка просто восхищала. В таких, а потом и в еще более трудных условиях балаклавцы жили много месяцев, помогая всем, чем могли, Севастопольской обороне. А рыбаки местной артели, рискуя жизнью, выходили даже на лов, радуя своей добычей и горожан, и бойцов.

Начальник штаба первого сектора майор С. А. Комарницкий доложил обстановку (комендант П. Г. Новиков и военком бригадный комиссар А. Д. Хацкевич находились на передовой). В этом секторе, как уже говорилось, у нас было пока мало сил. На участке одного из батальонов, понесшего большие потери, гитлеровцы прорвались в самом начале ноябрьского наступления, в результате чего и осложнилось положение под Балаклавой. Попытки восстановить прежние позиции имели пока лишь частичный успех. Сюда выдвигался армейский резерв - только что доукомплектованный 1330-й стрелковый полк, бывший 1-й морской, прославившийся под Одессой, который все еще называли «осиповским» по первому его командиру (полковник Яков Иванович Осипов был убит на пути к Севастополю в крымской степи). На пополнение этого же сектора предназначался новый [164] полк, формировавшийся из пограничников, которые продолжали прибывать на территорию СОР через фронт, по горным тропам.

Когда мы, сделав в Балаклаве все намеченное, поехали обратно, я предложил завернуть к изолированно стоявшему в стороне, на береговой скале, старому, времен Крымской войны, форту, где однажды уже был с месяц назад. Там шли тогда инженерные работы, и нам захотелось посмотреть, как используется довольно выгодно расположенное старое укрепление. К тому же из форта должен был просматриваться обширный участок переднего края. Форт, по данным штаба сектора, занимало небольшое подразделение НКВД.

Ехали мы на эмке - в начале войны у нас еще не было открытых машин типа газика, гораздо более удобных, позволяющих, если нужно, быстро выскочить при бомбежке или артобстреле. У шлагбаума, перекрывавшего дорогу к форту, узнали от вызванного часовым караульного начальника, что

утром туда проследовал взвод бойцов - на смену другим, но оттуда, со скалы, никто не спускался. Это насторожило нас, особенно Гавриила Васильевича Жукова. Он сказал, что надо все проверить, прежде чем туда соваться. На том и порешили, тем более что дело было к вечеру.

А вскоре я, сидя рядом с водителем, заметил, как на дороге, опережая нашу машину метров на тридцать - сорок, возникают невысокие всплески пыли, какие бывают при разрывах мин. Жуков обернулся и увидел такие же пылевые фонтанчики сзади. Получалось, что мы находимся под минометным обстрелом и уже попали в вилку. Шофер резко повернул влево, уводя машину с дороги по откосу. Заехав за бугор, мы выскочили из эмки и сразу обнаружили на ней следы от мелких осколков.

На находившейся вблизи запасной огневой точке (у дороги Севастополь - Балаклава стояли кое-где орудия на случай прорыва противника) уже объявили тревогу. Бойцы орудийного расчета выбежали из придорожного домика, где, должно быть, ужинали. И вовремя выбежали: тут же мина угодила в их домик, и, кажется, не одна. Упустив нашу машину, минометчики накрыли другую цель.

Но откуда стреляли? Очевидно, из старого форта - больше вроде как неоткуда. Однако этому еще не хотелось верить. Как проникли туда враги, если к укреплению, расположенному на отвесной скале, ведет единственная, охраняемая специальным постом, дорога? Или кто-то провел их неизвестной нам тропинкой?… Но как могло случиться, что [165] о захвате старого укрепления, если он произошел, не знали в штабе сектора? Объяснение приходило в голову только одно: возможно, там все погибли, и сообщить стало некому…

Рассказ о том, что же все-таки случилось, получился бы слишком длинным. Да и не все удалось тогда выяснить. Позже я прочитал сочинение некоего полковника Ягги «Севастополь, 1941-1942», опубликованное в журнале «Альгемайне швейцершил милитерцайтшрифт», издающемся на немецком языке в Швейцарии (№ 7-9 за 1966 год).

«Продвижение 72-й пехотной дивизии к Севастополю, - писал автор, говоря о боевых действиях в ноябре, - закончилось захватом форта Балаклавы 105-м пехотным полком…» Далее рассказывается, как «удачливый 2-й батальон» незаметно, через узкое, заросшее кустарником ущелье подобрался к передовой траншее форта. «Ошеломленные в первый момент русские, - говорится в статье, - быстро сориентировались и оказали немецкому батальону жесткое сопротивление. Все же немцы достигли входов в оба каземата и окружили их. Так как русские

не согласились покинуть их добровольно, казематы были взорваны. Используя ручные гранаты, батальон брал окоп за окопом, бункер за бункером…»

Из дальнейшего описания видно, что «удачливый 2-й батальон» гитлеровцев не смог полностью овладеть старым укреплением, обороняемым горсткой советских бойцов. Потребовались подкрепления из двух других батальонов и инженерной роты, и штурмом форта руководил уже сам командир полка. Причем после четырех часов штурма защитники форта еще предприняли вылазку-контратаку.

Честь им и слава! Автор статьи, явно стремившийся показать лишь умелость и настойчивость гитлеровцев, вынужденно засвидетельствовал, с каким мужеством и упорством вели в полном окружении неравный бой советские воины, оказавшиеся без связи с командованием, не имевшие возможности вызвать подмогу. Они не ждали появления врага у старого укрепления, но геройски сражались до конца.

Захватив старый форт, враг смог обстреливать не только участок дороги, по которой мы тогда ехали, но и балаклавские набережные. Однако овладеть Балаклавой это ему не помогло.

* * *

Положение на правом фланге оставалось тяжелым еще несколько дней. Стремясь пробиться на дорогу Балаклава - Севастополь, противник ввел в бои вторые эшелоны 72-й [166] пехотной дивизии и новые группы танков. Исчерпав все другие резервы, нам пришлось перебросить сюда на машинах из четвертого сектора один полк 95-й дивизии - 161-й стрелковый полковника А. Г. Капитохина.

Севернее, в основном в полосе второго сектора, наступала 50-я немецкая пехотная дивизия, тоже кадровая, тоже прошедшая по Франции, а потом по Польше. Она же частью сил атаковала в долине Кара-Коба.

Иногда бои продолжались и ночью, чего до тех пор под Севастополем не бывало. Был момент, когда южнее Кадыковки (это в первом секторе) враг двинул на прорыв фронта около 35 танков компактной группой. Но быстро сосредоточенный на них огонь всех видов артиллерии сорвал эту опасную атаку.

Не везде удалось удержаться на первоначальных позициях, местами наши части были потеснены. Однако с 18 ноября стало чувствоваться, и чем дальше, тем сильнее, что наступающий противник выдыхается. Все большие результаты давали наши

контратаки.

21 ноября гитлеровцы предприняли еще одну попытку прорвать оборону севастопольцев. Вновь возобновились атаки на высотах за Балаклавой, а самый сильный удар наносился у стыка первого и второго секторов. После тяжелого боя, доходившего до рукопашных схваток (в нем пал смертью храбрых военком полка батальонный комиссар В. Ф. Рогачев, возглавивший штыковую контратаку), враг занял селение Камары - важную составную часть Чоргуньского опорного пункта на нашем передовом рубеже.

Это была тревожная новость, и мы с контр-адмиралом Г. В. Жуковым немедленно выехали во второй сектор - Камары находились в его полосе. Мы не собирались подменять командарма И. Е. Петрова в управлении сухопутными войсками, но надо было знать, сознают ли в секторе, что с потерей этого селения мириться нельзя и что вернуть его нужно как можно быстрее, не дав гитлеровцам там закрепиться.

Комендант сектора полковник И. А. Ласкин и военком полковой комиссар П. Е. Солонцов уже имели приказ командарма восстановить положение не позже следующего дня. Выбор времени для контратаки в пределах этого срока был за ними. После разговора с нами и совместной оценки обстановки Ласкин решил выполнить задачу ночью.

Поздним вечером, на исходе суток, 514-й стрелковый полк, который повел в контратаку его военком батальонный комиссар О. А. Караев, при поддержке соседа - 161-го [167] стрелкового отбросил противника назад, и Камары вновь перешли в наши руки.

Этим, собственно, и завершилось отражение ноябрьского штурма. Манштейн прекратил его, видимо поняв наконец, что быстро овладеть Севастополем не может и что четырех дивизий и двух бригад, участвовавших в наступлении 11-21 ноября, для этого недостаточно. Местами гитлеровцы продвинулись на 1-4 километра в пределах полосы передового оборонительного рубежа, нигде не прорвав главного, но и это обошлось им дорого. По нашим подсчетам, враг потерял под Севастополем уже около 15 тысяч солдат, полторы сотни танков, 130 самолетов, немало орудий и другой техники.

С утра 22 ноября войска СОР на ряде участков начали контратаки с целью возвращения утраченных за последние дни позиций. Ставилась, в частности, задача восстановить положение в районах Дуванкоя, Черкез-Кермена, хутора Мекензия. Однако противник сопротивлялся упорно, и результаты этих контратак были в общем невелики. Думается, в значительной мере потому, что приходилось слишком экономно расходовать снаряды.

При недостатке других средств усиления (танков у нас практически не было, авиации - мало) артиллерия играла под Севастополем совершенно особую роль. Я говорил уже не раз о стойкости и боевом упорстве тех защитников Севастополя, которые сражались в пехотном строю, встречаясь с наседающими фашистами лицом к лицу. Но мы бы не смогли отбить ноябрьское наступление без мощной поддержки сухопутных войск артиллерией всех видов. И потому больше всего опасались оказаться в положении, когда вражеские атаки будут продолжаться, а регулярный подвоз боеприпасов для армии еще не наладится («Снарядов для полевой артиллерии осталось на три дня боев», - говорилось в одной из телеграмм Военного совета флота в Ставку и наркому ВМФ).

Чаще, чем следовало бы (учитывая недолгий срок службы стволов), вводилась в действие береговая артиллерия. Большинство ее батарей было подчинено комендантам секторов. Но опыт ноября показал, что все-таки целесообразнее управлять этой могучей огневой силой централизованно, направляя ее на наиболее важные цели, используя прежде всего для подавления немецкой артиллерии. Постепенно складывалась система централизованного управления вообще всей артиллерией СОР, включая артполки дивизий, и это позволило при необходимости быстро сосредоточивать [168] огонь 40-50 орудий практически на любом километре фронта.

В общую систему огня включалась и артиллерия каждого корабля, стоявшего в Севастополе или приходившего хотя бы на короткий срок. Нередко бывало так: корабль, только что прибывший из Новороссийска или Поти и сразу получивший целеуказания, одним бортом ведет огонь, а с другого производит разгрузку или принимает раненых и подлежащих эвакуации жителей города. В ноябре 11 кораблей провели 54 боевые стрельбы по наземным целям. В конце месяца крейсера «Красный Кавказ» и «Красный Крым», эсминцы «Незаможник», «Шаумян» и «Железняков» были сведены в отряд артиллерийской поддержки под командованием начальника штаба эскадры капитана 1 ранга В. А. Андреева.

Боевые корабли, транспорты, танкеры участвовали в обороне Севастополя уже тем, что доходили сюда с боеприпасами, горючим, с маршевым пополнением. Севастополь зависел теперь от морских перевозок в такой же мере, как раньше Одесса. Между тем путь к нам от кавказских портов стал уже не таким прямым и относительно коротким, каким был еще недавно. Присутствие фашистской авиации на крымских аэродромах и ее возрастающая активность над морем заставили отказаться от прежних

маршрутов и ввести в действие схему новых, кружных.

Но предвидеть, какого напряжения достигнет еще только разгоревшаяся борьба на морских коммуникациях между Севастополем и Большой землей, мы тогда не могли.

Активно использовалась при отражении ноябрьского наступления гитлеровцев базировавшаяся на плацдарме СОР авиация. Малочисленность ее восполнялась боевой работой на пределе возможного. Истребители делали по 6-10 вылетов за день. И я не раз видел, какое восхищение вызывали смелые действия летчиков у севастопольцев, военных и гражданских, которым доводилось наблюдать их с земли.

«Ястребки», особенно И-5, нередко использовались и как штурмовики. С этим связан подвиг командира эскадрильи капитана Н. Т. Хрусталева. Ведомая им группа самолетов штурмовала фашистские войска в Бельбекской долине. Тут же завязался воздушный бой с налетевшими «мессершмиттами», самолет Хрусталева был поврежден и загорелся. Пренебрегая возможностью спастись, Николай Хрусталев поступил так же, как Николай Гастелло, - бросил горящий «ястребок» в скопление вражеской боевой техники на земле. [169]

Молодой черноморский летчик младший лейтенант Яков Иванов, сражавшийся на новом истребителе МиГ-3, сбил несколько бомбардировщиков. 12 ноября, в день массированных налетов на город и корабли в бухтах (в тот день, когда попала под бомбы «Червона Украина»), Иванов, израсходовав весь боезапас, срезал фашистскому «хейнкелю» хвост винтом своей машины. Тогда он благополучно вернулся из полета, сумев посадить поврежденный самолет. А четыре дня спустя Иванов, сбив «мессершмитт» и опять оставшись без боеприпасов, снова пошел на таран. Уничтожив еще один бомбардировщик, он погиб и сам. Якову Матвеевичу Иванову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза - первому из черноморских летчиков.

Хотя основные силы нашей авиации базировались на Кавказе, командующий флотскими ВВС находился большей частью в Севастополе. В разгар ноябрьских боев в эту должность вступил молодой генерал-майор авиации Н. А. Остряков. Он прибыл с Дальнего Востока, но на Черном море уже служил. В свои тридцать лет Остряков имел за плечами опыт боев в Испании, являлся депутатом Верховного Совета СССР. Талантливый авиационный командир, Николай Алексеевич был человеком неутомимым, темпераментным и очень храбрым, поистине генералом-бойцом.

Как- то мы с Г. В. Жуковым, будучи в районе Инкермана,

следили за боем двух наших «ястребков» с несколькими «мессершмиттами». Силы были неравными, но наши летчики так дерзко атаковали, так искусно маневрировали, что немецкие истребители никак не успевали занять выгодное положение и использовать свой перевес. Скоротечная схватка в небе кончилась тем, что один «мессершмитт» загорелся, а остальные скрылись.

Вечером на заседании Военного совета, как обычно, заслушивались доклады командующих родами сил. После доклада Н. А. Острякова я спросил, как он оценивает сегодняшний бой истребителей над Инкерманом и стоило ли нашим летчикам вступать в него без крайней необходимости при столь значительном численном превосходстве противника. Генерал Остряков стал так живо и увлеченно комментировать этот бой, что мне невольно подумалось: уж не участвовал ли в нем он сам?

Спросил об этом напрямик, и Николай Алексеевич смущенно признался: да, одним из летчиков был он, а вторым - инспектор штаба ВВС подполковник Н. А. Наумов (впоследствии - генерал, Герой Советского Союза). На Острякова «насели», и выяснилось, что он, умалчивая об этом, [170]участвует в воздушных боях довольно часто, ищет случая лично подраться с врагом. Тут же было принято решение: командующий ВВС может совершать боевые вылеты только с разрешения Военного совета в каждом отдельном случае.

Но это требование Военного совета - в отличие от всех других наших решений и указаний, касавшихся авиации, - Остряков выполнял не всегда. Он продолжал ввязываться в воздушные схватки с гитлеровцами, каждый раз находя оправдание этому в каких-нибудь особых обстоятельствах. Понимая, что повторные официальные запреты вряд ли помогут, я однажды по-товарищески попросил Николая Алексеевича дать мне слово не лезть без надобности в драку, беречь себя, помня о своей ответственности за всю авиацию флота. Остряков улыбнулся, но ответил очень серьезно:

- Нет, Николай Михайлович, такого слова я дать не могу.

А мы тогда еще переживали гибель военкома ВВС флота бригадного комиссара Михаила Гавриловича Степаненко, с которым Острякову почти не пришлось вместе поработать.

Мы потеряли Степаненко 21 ноября, в день, когда захлебнулось и прекратилось наступление противника. Погиб он нежданно-негаданно, не в воздухе, а на земле, но от этого было уж никак не легче.

Михаил Гаврилович хотел о чем-то доложить мне и попросил разрешения прибыть на ФКП. Я ответил, что жду его через десять

минут, - этого было достаточно, чтобы доехать на машине от командного пункта ВВС. Но Степаненко что-то задерживался. Настало время обеда (если не происходило ничего чрезвычайного, оно соблюдалось у нас по-корабельному точно), и я пошел из наружного помещения для дневной работы в кают-компанию, расположенную в штольне. По пути наказал часовому передать бригадному комиссару, чтобы шел обедать с нами. Едва сели за стол, начался артиллерийский обстрел, и дежурный доложил, что снаряды ложатся в районе ФКП. А через минуту-две - новый доклад: у входа ранен бригадный комиссар…

Его внесли в штольню уже без сознания. С носилок свешивался тяжелый маузер в деревянной кобуре, с которым Михаил Гаврилович не расставался с начала войны. Вскоре Степаненко умер. Меня долго мучила мысль, что этого, может быть, не случилось бы, дождись я его наверху, в нашем «дневном» домике, который от обстрела не пострадал.

Степаненко был из моряков первого комсомольского набора, [171] участвовал в восстановлении флота после гражданской войны. Он прожил жизнь, не утратив молодой напористости, комсомольского задора. И даже внешне - в неизменном черном реглане, с маузером на боку - напоминал комиссара времен своей юности. В авиачастях флота его знали все и любили за душевность, отзывчивость, простоту.

* * *

То, что Севастополь удалось отстоять, имело огромное значение, конечно, не только для Черноморского флота. Не отказываясь от своих планов овладения городом, враг был вынужден перейти к тактике планомерной его осады, и это означало сковывание под Севастополем значительных сил вермахта.

К сожалению, иначе обернулись дела на востоке Крыма, в Керченском оборонительном районе. Просуществовал он недолго. Части 51-й армии, ослабленные потерями, понесенными еще у перешейков, не смогли остановить противника перед Ак-Монайскими позициями. Прорвав их, фашистские дивизии продвигались дальше. Под давлением превосходящих сил наши войска оставили Керчь и переправились на Таманский полуостров.

В боях за Керченский полуостров участвовали моряки Азовской военной флотилии, которой с середины октября командовал контр-адмирал С. Г. Горшков, а также Дунайской

военной флотилии (она влилась затем в Азовскую), корабли и части Керченской военно-морской базы, флотская авиация. На поддержку частей 51-й армии артиллерийским огнем выходил крейсер «Молотов».

Следует сказать и о 9-й бригаде морской пехоты. Она формировалась в Керченской базе в сентябре, когда уже нарастала угроза Крыму. Командиром был назначен полковник Н. В. Благовещенский, военкомом - полковой комиссар Ф. М. Монастырский. Батальоны бригады начали боевые действия на Арабатской стрелке: там нужно было прикрывать позиции береговой артиллерии, а главное - не допустить прорыва гитлеровцев по этой узкой полоске суши в тыл нашим войскам. С 4 ноября морские пехотинцы сражались на одном из участков Ак-Монайских позиций, а затем - на Булганакском рубеже, на горе Митридат и в самой Керчи. Бригада, насчитывавшая при вступлении в строй 3900 бойцов и командиров, переправилась на таманский берег в составе 1760 человек (более ста ее бойцов, отрезанных у Камыш-Буруна, укрылись в каменоломнях и продержались там полтора месяца до высадки нашего десанта). [172]

Подразделения бригады были сразу же переброшены на двух эсминцах в Севастополь. Сведенные в два батальона, они пошли по решению Военного совета на пополнение 7-й бригады морпехоты полковника Е. И. Жидилова. А командование, штаб и политотдел 9-й бригады приступили на Кавказе к формированию ее заново. И возрожденная бригада еще понадобилась потом под Севастополем.

После оставления Керчи Севастопольский оборонительный район стал единственной на Крымском полуострове территорией, удерживаемой советскими войсками. 19 ноября было упразднено командование войсками Крыма, а командующий СОР официально подчинен непосредственно Ставке (чем узаконивалось положение, фактически уже существовавшее). Опасность для Севастополя возрастала, так как силы противника, высвободившиеся на востоке Крыма, могли быть быстро переброшены к рубежам СОР.

В то же время выход гитлеровцев к Керченскому проливу, происшедший вслед за захватом фашистскими войсками Ростова-на-Дону, создавал еще большую угрозу Кавказу, делая необходимыми срочные меры для укрепления его обороны. В полученной нами 22 ноября директиве Ставки, где определялись эти меры, содержался и пункт, согласно которому Черноморский флот подчинялся в отношении охраны побережья от Керченского пролива до Батуми Закавказскому фронту. [173]

Глава седьмая.

Декабрьский штурм и декабрьский десант

Начинали приходить отрадные вести с других фронтов. Еще 10 ноября Красная Армия перешла в наступление под Тихвином, а 17-го - под Ростовом-на-Дону, и гитлеровцы, продержавшиеся в этом городе одну неделю, были отброшены от низовьев Дона за реку Миус. Вслед за тем, в начале декабря, стало развертываться контрнаступление советских войск под Москвой. Враг нес огромные потери, поспешно отступал, оказываясь не в состоянии закрепиться на захваченных рубежах. Восторженно встречались в Севастополе сводки Совинформбюро и экстренные сообщения «В последний час», извещавшие о наших победах. Хотелось верить, что наступает общий перелом в ходе войны, которого все так ждали.

Появились надежды на коренное изменение в нашу пользу в ближайшее время и обстановки в Крыму. Они были связаны с решением Ставки провести на востоке Крыма крупную десантную операцию. Цель ее заключалась в ликвидации немецко-фашистских войск на Керченском полуострове, а затем образованный там фронт должен был снять вражескую осаду с Севастополя и освободить весь Крым, содействуя наступлению войск Южного фронта на Украине.

Первоначальное предложение о высадке десанта в Керчи внесло в Ставку командование Закавказского фронта. В ночь на 5 декабря в Севастополе была получена телеграмма А. М. Василевского: Генеральный штаб срочно запрашивал мнение командования Черноморского флота. Надо ли говорить, как обрадовались мы с Филиппом Сергеевичем Октябрьским, - наставал, значит, и наш час наступать!

Вдвоем, не привлекая сперва больше никого, обсудили сообщенный нам предварительный план операции. И пришли к выводу, что необходимо существенно его дополнить. Основные наши предложения состояли в том, чтобы высаживать десант не только в Керчи, а широким фронтом: со стороны Азовского моря - на северный берег Керченского полуострова, с таманского побережья через пролив - в [174] Керчь, со стороны Черного моря - в Феодосию. Руководство морской частью операции мы считали целесообразным возложить на находившегося на Кавказе адмирала И. С. Исакова, поскольку Ф. С. Октябрьский как командующий СОР был связан пребыванием в Севастополе.

В Москве рассмотрели наши предложения, и Ставка утвердила их, за исключением последнего пункта. Руководить морской частью операции было поручено вице-адмиралу Ф. С. Октябрьскому.

В соответствии с этим решением и по приказанию наркома

ВМФ Филипп Сергеевич отбыл 9 декабря в Новороссийск на крейсере «Красный Кавказ» (которому предстояло участвовать в высадке десанта). Отправился туда также секретарь Крымского обкома ВКП(б) В. С. Булатов с группой партийных и советских работников - формировать в Краснодарском крае органы власти для восточных районов Крыма, с тем чтобы они могли без задержки, вслед за десантниками, переправиться через пролив.

Во временное исполнение обязанностей командующего СОР вступил контр-адмирал Г. В. Жуков. Остался в Севастополе и я - так мы сообща решили.

Подготовка Керченско-Феодосийской десантной операции началась, когда под Севастополем было относительно спокойно. Продолжались с обеих сторон и огневые налеты, и действия авиации, и вылазки разведывательных групп, но крупных боев не происходило.

Мы еще не знали, что Гитлер, оказавшись вынужденным отдать своим войскам на восточном фронте приказ о переходе к стратегической обороне, одновременно потребует от Манштейна взять Севастополь в декабре. Однако и без этого не приходилось сомневаться: понеся ряд серьезных поражений, фашистские захватчики отнюдь не отказались от намерения овладеть Севастополем. Уже через двое суток после отражения нами ноябрьского наступления разведка выявила перед рубежами СОР части новой здесь 24-й немецкой пехотной дивизии, переданной Манштейну из группы армий «Юг». Из-под Керчи перебрасывалась 170-я пехотная дивизия. В осаждавшей город группировке прибавлялось артиллерии, танков, авиации.

Спеша овладеть Севастополем, чтобы высвободить скованные тут войска, враг мог возобновить атаки, еще не закончив сосредоточения всех подкреплений. Это подтверждают немецкие документы, ставшие известными впоследствии. Новое наступление сперва намечалось уже на 27 ноября. В служебном дневнике Гальдера зафиксированы две последующие [175] даты - 8 и 10 декабря (и записано также: «Продолжительность штурма - 4-5 дней»{19}). Но штурм был отложен еще раз.

Однако предотвратить его вообще, снять эту угрозу мог лишь успешный десант на востоке Крыма. Располагая теперь документами немецкого командования, еще более убеждаешься, что декабрьское наступление гитлеровцев на Севастополь могло не начаться, будь мы в состоянии высадить десант на несколько дней раньше того первоначального срока, на который тогда ориентировались.

А пока десант еще только готовился, надо было использовать каждый день и час для укрепления обороны.

Под руководством заместителя командующего СОР по инженерной обороне генерал-майора инженерных войск А. Ф. Хренова велись большие работы на всех трех рубежах - передовом, главном и тыловом. План их дооборудования, утвержденный Военным советом 30 ноября, дополнительно предусматривал создание двух отсечных позиций: в районе бывшего Георгиевского монастыря и к югу от Стрелецкой бухты. Наряду с полевыми укреплениями сооружались надежные блиндажи и землянки, а на Херсонесском аэродроме - капониры для самолетов.

Организаторские способности и настойчивость Аркадия Федоровича Хренова, его умение находить наиболее выгодные, нешаблонные инженерные решения, обходясь ограниченными техническими средствами, нельзя было не оценить еще под Одессой. Под Севастополем энергия и опыт этого талантливого фортификатора проявились еще сильнее. Очень много внимания совершенствованию полевых укреплений уделял командующий Приморской армией И. Е. Петров. Надежной опорой генералу Хренову был начальник инженерных войск армии полковник Г. П. Кедринский, глубокий знаток своего дела.

Форсированно шла установка новых береговых батарей, вооружаемых орудиями, снятыми с «Червоной Украины» и с поврежденных эсминцев. Вновь образованный 4-й отдельный артдивизион береговой обороны был вверен майору В. Ф. Модзелевскому, который в сентябре - октябре командовал флотскими батареями, поставленными у Перекопа и Чонгара. А вот зенитных батарей в Севастополе, к сожалению, вскоре убавилось: часть их пришлось выделить для прикрытия кавказских баз флота. [176]

В двадцатых числах ноября наладилась планомерная доставка с Кавказа снарядов для полевой артиллерии всех калибров (хотя и не в таком количестве, чтобы образовать запас, достаточный при любых обстоятельствах). Для Приморской армии прибыло более 6 тысяч бойцов маршевого пополнения. Морская пехота пополнялась запасниками, направляемыми в Севастополь полуэкипажами наших кавказских баз.

Все это в какой-то мере восполнило ноябрьские потери, позволило продолжать доукомплектование частей. Теперь в первом секторе, как и в трех остальных, вместо отдельных полков держала оборону дивизия - 2-я стрелковая (в дальнейшем - 109-я) под командованием ее прежнего командира П. Г. Новикова. Был образован резерв командования СОР в составе 7-й бригады морской пехоты, малочисленной кавалерийской дивизии и местного стрелкового полка. Небольшим резервом - хотя бы

батальоном - располагали и коменданты всех секторов.

Специальные группы штабистов Приморской армии и береговой обороны взыскательно проверяли в каждом секторе боеготовность войск, организацию взаимодействия, надежность стыков. Производились контрольные вызовы огня поддерживающей артиллерии. Оперативно принимались меры для устранения выявлявшихся недоработок и упущений. Оборона в целом становилась более слаженной, лучше управляемой и, следовало полагать, более устойчивой.

Однако противник, уже стянувший к рубежам СОР шесть пехотных дивизий и некоторые другие части с крупными средствами усиления, обеспечивал себе значительный перевес, особенно в танках и авиации. Поэтому Военный совет флота считал необходимым настойчиво ставить перед наркомом ВМФ и Верховным Главнокомандованием вопрос об усилении сухопутных войск оборонительного района.

Первым подкреплением Севастополю с Большой земли - помимо маршевых рот - стала выделенная из резервов Закавказского фронта 388-я стрелковая дивизия под командованием полковника А. Д. Овсеенко. Военкомом дивизии был полковой комиссар К. В. Штанов. Переброска ее из Поти на быстроходных транспортах и боевых кораблях, обошедшаяся без потерь, шла несколько дней. СОР получил 10 тысяч бойцов, 30 орудий, не считая легких зениток, полтораста минометов.

Наша новая дивизия была новой вообще - только недавно сформированной, еще не обстрелянной. Красноармейцы и сержанты - почти все из запаса. Проверить боеготовность [177] дивизии до ввода ее в действие мы не смогли: перевозка полков закончилась в основном 15 декабря - за сутки с небольшим до того, как прервалась выпавшая войскам СОР трехнедельная передышка.

* * *

За эти недели многое изменилось в самом Севастополе.

Город, переживший вместе с его защитниками напряженные дни первого вражеского натиска, тоже ощутил некоторую передышку, когда угроза прорыва нашей обороны перестала быть опасностью каждого часа, а бомбы и снаряды, хотя и продолжали разрываться на улицах и дворах, но уже не в таком количестве, не так часто. Севастопольцы надеялись на скорые перемены к лучшему. Вряд ли кто-нибудь мог тогда представить, что жить в осаде предстоит много месяцев. Однако, сколько бы ни

продлилась осада, она уже накладывала свой отпечаток на все. И труд, и быт горожан потребовалось приспособить к совершенно необычным условиям, организовать так, чтобы хоть немного облегчить свалившиеся на население невзгоды. И главное - так, чтобы было меньше жертв.

По сравнению с мирным временем Севастополь сделался малолюднее. Еще в июле - августе эвакуировались в глубь страны учебные заведения и научные учреждения, в том числе Сеченовский институт, Биологическая станция Академии наук, Херсонесский музей. Потом началось рассредоточение по черноморским портам предприятий, обслуживающих флот. Свыше 30 тысяч севастопольцев временно расстались со своим городом еще до начала его обороны, 26 тысяч было эвакуировано в ноябре. Но десятки тысяч мирных людей оставались в городе, и большинство их не собиралось никуда уезжать, надеясь пережить все осадные тяготы.

«Гражданское население на 1 декабря - 51 244 человека» {20}, - отвечали мы на запрос из Генштаба. Из этого числа более 21 тысячи человек работало на предприятиях и в учреждениях, и почти 30 тысяч составляли домашние хозяйки, люди преклонного возраста, дети. Не исключено, что в представленных городскими властями данных были не полностью учтены временные жители - те, кто бежал от гитлеровцев из других населенных пунктов Крыма. Они по мере возможности перевозились на Большую землю, но часть их определилась на работу в Севастополе. [178]

Приведенные цифры помогают понять, каких масштабов потребовалась работа, для того чтобы уберечь население от бомбежек и артобстрела. Разрушения, произведенные врагом в городе за дни ноябрьского штурма, покажутся не столь уж большими, если сравнивать с тем, что происходило потом. Однако, пока город находился в зоне огня артиллерии противника и в считанных минутах полета от его аэродромов, в любой момент можно было ожидать ударов гораздо более сильных. И для многих севастопольцев стало слишком опасно оставаться в своих прежних жилищах, особенно в центре города (Северная сторона и окраины Корабельной, где преобладали тогда небольшие, не очень плотно стоявшие строения, не представляли для врага столь компактной цели).

Словом, стали нужны такие убежища, где не просто укрываются по сигналу воздушной тревоги, а куда многие тысячи севастопольцев могли бы на какое-то время переселиться. Хорошо, что именно в центральной части города, на главных улицах, огибающих гористый выступ берега, и на других, террасами расположенных выше, имелись кроме глубоких

подвалов старинных зданий разной величины штольни, вырубленные для складов, для нужд городского хозяйства. Они были обследованы, очищены от того, что могло храниться где-то в другом месте, оборудованы самым необходимым для жизни и начали, как и подвальные помещения, быстро заселяться. В одних укрытиях размещались две-три семьи, в других - сотни людей.

Городской комитет обороны, ведавший всем этим, сразу уделил большое внимание организации быта в убежищах. Там создавалась система самоуправления, подбирались авторитетные общественные коменданты и парторги, действовала внутренняя дежурная служба, работали медпункты и красные уголки. И почти все живущие в подземельях несли определенные обязанности в группах самозащиты, командах МПВО, санитарных дружинах.

У городских руководителей хватало и других забот. При массированных налетах фашистской авиации, которыми сопровождался ноябрьский штурм, вышел из строя хлебозавод, был поврежден ряд участков водопровода, из-за обрывов проводов и завалов на улицах остановился трамвай - единственный тогда в Севастополе общественный транспорт. Город едва не остался без электроэнергии, когда снаряд попал в котельное отделение СевГРЭС-1, но взрыв котла предотвратил, рискуя жизнью, сменный мастер коммунист Г. Ф. Красненко. [179]

Немедленно пустить трамвай было невозможно (он снова начал ходить недели через три). А вот возобновить выпечку хлеба, который доставлялся из города и в войска, требовалось в самый кратчайший срок. И городской комитет обороны обеспечил это.

Запасливые флотские хозяйственники завезли в Севастополь много пшеницы, нередко выхватывая ее из-под носа у врага. Однако мука оказалась на исходе - мельницы город не имел. И ее решили оборудовать в здании одной из школ, пустовавшем после того, как занятия были прерваны из-за сильных бомбежек. Мельницу ввели в действие очень быстро.

А что касается школ, то в Севастополе не захотели долго мириться с вынужденным перерывом в их работе. Для девяти школ были подготовлены подземные помещения, и уже в декабре ребята приступили к учебе.

Обживая старые штольни, прокладывали и новые (в этом участвовали, помогая городу, флотские и армейские инженерные подразделения). Было рассмотрено и одобрено предложение оборудовать подземный кинотеатр - какой же город без кино! Кинотеатр, где зрителей не могла потревожить никакая бомбежка, открылся некоторое время спустя в штольне с выходом на улицу Карла Маркса и стал весьма популярным в осадном

Севастополе. Тянуло в него и бойцов, которым выпадал случай побывать в городе.

Все больше задач вставало перед городской партийной организацией, а ряды ее между тем редели. Уже тысячи севастопольских коммунистов и комсомольцев находились в рядах армии, в морской пехоте. Но в самые трудные дни ноября из города была направлена в войска СОР новая группа испытанных партийцев, большая часть которых стала политруками подразделений. Горком партии сократил собственный аппарат, являвшийся и аппаратом городского комитета обороны, до 9 человек, не считая технических работников. По 5-6 человек осталось в каждом из трех райкомов. А это были боевые штабы городских районов - Центрального, Корабельного и Северного, работавшие ничуть не менее напряженно, чем штабы в войсках, и лишь немного дальше от переднего края. Районные комитеты партии возглавляли П. А. Кролевецкий, М. И. Воронин и В. Т. Лопачук, и первые двое пали в дальнейших боях за город.

Городских руководителей, если они не находились на предприятиях или оборонных объектах, можно было застать на их КП в любое время дня и ночи. Теперь, пожалуй, уже нелегко представить, как Севастопольский горком и райкомы [180] ВКП(б) справлялись со всем, что требовалось безотлагательно решать и делать. Между тем объяснение этому простое: справляться помогала величайшая, поистине самоотверженная активность коммунистов, на которую опирались партийные комитеты.

Кто- то в горкоме однажды сказал, что в условиях осады, по существу, все члены и кандидаты в члены партии, оставшиеся в городе, стали партийным активом. Ощущал это и Военный совет флота. Парторганизация Севастополя численно сократилась, но сил у нее не убывало. Наш городской тыл, сплачиваемый ею, был безупречно крепок, и его помощь фронту обороны все возрастала.

На что способен осажденный Севастополь, показывали организованность и быстрота, с какими выполнялось решение о создании подземных оборонных предприятий, особенно спецкомбината № 1. Он был пущен в действие в прямом смысле слова с ходу, как вводится в бой воинское подкрепление на трудном участке фронта.

Портовые буксиры еще продолжали переводить баржи, груженные механизмами, металлом, готовыми деталями, от причалов Морзавода в Южной бухте в дальний край Северной (для этого старались использовать паузы между частыми воздушными налетами), в подземельях Ново-Троицкой балки еще

монтировалась вентиляционная техника, а станки, доставленные туда немного раньше, уже заработали. 17 ноября, в разгар боев, спецкомбинат № 1 отправил защитникам города свою первую продукцию - партию ручных гранат. К зарядке их взрывчатым веществом временно подключили флотский арсенал в Сухарной балке, на противоположном берегу бухты, так как предназначенный для этого цех комбината еще не был готов.

За гранатами, которые стали изготовляться трех типов, последовали 50-миллиметровые, а затем и 82-миллиметровые минометы и мины к ним, противотанковые и противопехотные мины, мелкие авиабомбы. Выпуск всего этого быстро увеличивался. В других цехах осваивали ремонт различной, боевой техники от автоматов до танков.

Потом, в дни особенно напряженных боев, не раз бывало, что у штольни в Ново-Троицкой балке стояли наготове машины, чтобы немедленно увезти очередную партию боеприпасов - так нуждались в продукции комбината войска. Без этого подземного завода, работавшего на местных ресурсах (где только не раздобывали пригодный для его изделий металл!) и давшего фронту сотни тысяч гранат и мин, тысячи [181] минометов и многое другое, просто трудно представить Севастопольскую оборону.

Невозможно перечислить всех, чьими усилиями вводилось в строй уникальное предприятие и обеспечивалась его работа. Скажу лишь, что очень большую роль сыграл тут организаторский талант таких руководителей, как секретарь горкома партий по промышленности А. А. Сарина, заведующий промышленным отделом горкома А. А. Петросян, директор Морзавода М. Н. Сургучев (отбывший потом на Кавказ, куда была эвакуирована большая часть его «хозяйства»), начальник севастопольского филиала Морзавода Н. К. Костенко. Весьма причастны были к этому и флотские хозяйственники - без них такие дела в Севастополе не делались.

Вскоре после пуска первого начал действовать и второй спецкомбинат, созданный в Инкермане (там же, в просторных пещерах, образовавшихся при заготовке Инкерманского камня, из которого были построены лучшие здания довоенного Севастополя, развертывался огромный подземный госпиталь). Спецкомбинат № 2 стал поставлять воинским частям очень понадобившиеся в ту суровую зиму телогрейки, ватные брюки, шапки, маскхалаты, белье, сапоги.

Когда оба комбината полностью развернулись, в их коллективах насчитывалось около четырех тысяч человек. В подземельях хватило места и для рабочих общежитий (в

Инкерманских штольнях были и семейные комнаты, разделенные фанерными перегородками), для столовых, бани и парикмахерской, красных уголков. При спецкомбинате № 2, где работали в основном женщины (директором сюда назначили Л. К. Боброву, руководившую раньше швейной фабрикой), открыли ясли, детский сад, а потом и школу. Словом, возникли целые подземные городки.

Мне приходилось бывать в них и тогда, когда подземелья еще только обживались и в них тяжело было дышать от недостатка свежего воздуха, и потом, когда наладились производственный процесс и быт.

Вспоминается, как однажды зимой, где-то в начале 1942 года, мы с корреспондентом «Красного черноморца», обходя жилую часть спецкомбината № 2, задержались в помещении с маленькими кроватками. Пожилая женщина, няня детских яслей, держала на руках крохотного ребенка. Она рассказала, что это девочка, родившаяся уже тут, под землей. Затем мы прошли в подземную школу. В ней было тесновато, занятия проводились в две смены. Успеваемость, как отмечали педагоги, оставалась достаточно высокой. [182]

В конце ноября и первой половине декабря, когда под Севастополем велась «позиционная война», командование СОР считало одной из главнейших своих задач нанесение ударов по подтягиваемым противником резервам. Для этого широко использовалась корабельная артиллерия. Все корабли эскадры, сопровождавшие транспорты или сами доставлявшие пополнение и боеприпасы, открывали огонь по наземным целям, нередко задерживаясь в Севастополе на двое-трое суток.

Вызывались с Кавказа и корабли, не участвовавшие пока в конвоировании транспортов и морских перевозках. В ночь на 28 ноября вблизи Севастополя находился, не заходя в бухты, флагман Черноморского флота линкор «Парижская коммуна» - впервые после того как он почти месяц назад был выведен из главной базы. Линкор вел огонь из района мыса Феолент одновременно и главным калибром, и 120-миллиметровым противоминным. Обстреливались позиции и батареи гитлеровцев перед правым флангом нашей обороны и их ближние тылы, где, по имевшимся данным, сосредоточивалась только что переброшенная к Севастополю 24-я немецкая пехотная дивизия. Корпосты, обеспечивавшие стрельбу (правда, корректироваться она могла лишь частично), удалось скрытно выдвинуть на высоты за нашим передним краем. Полевая артиллерия помогала корректировщикам осветительными снарядами, которые разрывались над целями - это был новый прием во

взаимодействии сил сухопутной обороны с кораблем. Одновременно обстреливал назначенные ему цели сопровождавший линкор эсминец «Смышленый» под командованием капитана 3 ранга В. М. Тихомирова-Шегулы.

Двое суток спустя по расположению противника на том же направлении произвел ночной огневой налет крейсер «Красный Крым». Около тридцати стрельб по берегу провели за первые десять дней декабря лидеры и эсминцы. Пасмурная погода с низкой облачностью мешала врагу бросить на них пикировщики. А огонь, который вела по кораблям немецкая дальнобойная артиллерия, был малоэффективен. Только в лидер «Харьков», стрелявший из Южной бухты, попал один снаряд, повредив два палубных орудия. Артотдел тыла обеспечил немедленную замену их новыми. Потерь в людях на корабле не было.

А вот наша береговая артиллерия, которая также изо дня в день вводилась в действие, попадала и сама под сильные удары врага: к позициям стационарных батарей он пристрелялся. [183]

Противник настойчиво пытался вывести из строя 10-ю береговую батарею капитана М. В. Матушенко, наносившую ему большой урон со своей позиции южнее устья Качи. При одном вражеском огневом налете загорелись поданные к орудиям заряды, и только самоотверженность личного состава спасла боевые погреба. Погибло несколько артиллеристов, и в их числе военком батареи старший политрук Р. П. Черноусов, которому я накануне вручил орден - награду за первые севастопольские бои. Бесстрашный человек, любимец всего коллектива батарейцев, он под непрекращающимся вражеским обстрелом возглавил борьбу с пожаром и был сражен осколками снаряда, разорвавшегося в орудийном дворике.

Вот строки из записной книжки комиссара Романа Черноусова, написанные за несколько часов до его гибели под впечатлением происходившего в тот день вручения артиллеристам боевых наград: «Хочется от всего сердца сказать - за любимую Родину я готов отдать жизнь… Все свои знания, опыт я передаю бойцам без остатка. Я люблю их, смелых, мужественных сынов Родины. Отличные ребята. Дерутся как львы».

Комиссара и павших вместе с ним батарейцев хоронили ночью. Салютом им - такая складывалась традиция - прогремели орудийные залпы, направленные на вражеские позиции.

Нам трудно было судить, в какой мере» повлияли удары корабельной и береговой артиллерии, а также действия севастопольской авиагруппы на то, что противник не начинал нового наступления в течение всей первой половины декабря. Но

по каким-то причинам оно откладывалось. Все чаще приходилось слышать мнение, что оно, пожалуй, и вовсе не состоится - до того ли, мол, немцам после разгрома под Москвой! А там гитлеровцы потерпели такое поражение, какого еще не знали. Специальное сообщение Совинформбюро о первых результатах контрнаступления Красной Армии в Подмосковье, о провале гитлеровского плана окружения и взятия Москвы, переданное по радио в ночь на 13 декабря, вызвало общее ликование.

Командование Закавказского фронта, давшее тем временем директиву на проведение десантной операции на востоке Крыма, ориентировало на наступательные действия и войска СОР. 15 декабря командующий фронтом предписал нам готовить части Приморской армии к наступлению в направлении Симферополя с задачей сковать силы противника и не допустить вывода его резервов на Керченский полуостров. [184]

Однако уверенности в том, что новый штурм Севастополя удастся упредить, не было. 14 декабря мы обсудили обстановку на совещании руководящего состава оборонительного района. Все имевшиеся данные подтверждали, что враг продолжает подготовку к наступлению и, по-видимому, собирается начать его скоро. Большинство присутствующих считало: главного удара следует ожидать с северо-востока, из района Дуванкоя, где сосредоточивалась основная группировка противника, в общем направлении на Северную бухту. Но угрожаемым представлялось и восточное направление - неспроста Манштейн держал там две дивизии, да еще румынскую бригаду. А в случае прорыва гитлеровцев вдоль Ялтинского или Балаклавского шоссе их трудно было бы остановить где-либо дальше совсем близкой к городу Сапун-горы.

Условились, что артиллерия должна быть готова сосредоточить всю силу огня как на одном опасном направлении, так и на другом. Резервы же были размещены из расчета на наиболее вероятную надобность в них в третьем и четвертом секторах. В резерве находилась только что прибывшая с Кавказа 388-я стрелковая дивизия (а 7-я бригада морпехоты снова была на переднем крае, теперь - во втором секторе).

В преддверии тяжелых боев в соединениях, частях и на кораблях целеустремленно строилась партийно-политическая работа. Упор был сделан на пропаганду боевого опыта, воспитание людей на примере героев боев. Всюду прошли собрания коммунистов и комсомольцев, семинары и инструктажи политработников, секретарей партийных и комсомольских организаций, агитаторов. К тому времени партийное влияние в войсках и на кораблях еще более возросло. Полнокровными стали

ротные парторганизации, чему во многом способствовали условия приема в партию отличившихся в бою воинов, установленные постановлениями ЦК ВКП(б) от 19 августа и 9 декабря 1941 года.

Командиры и политработники разъясняли обстановку, готовили людей к отражению нового фашистского штурма. Однако сведений о точном сроке вражеского наступления наша разведка представить не смогла. В тот раз мы не знали этого до последнего момента…

* * *

Декабрьский штурм начался с непродолжительной, но сильной артподготовки на рассвете 17-го. Горизонт заволокло дымом. В воздухе появились десятки фашистских самолетов. Группами по пять - семь машин они пикировала [185] на наши боевые порядки, на позиции батарей, бомбили различные районы города.

В первый день противник ввел в наступление части пяти пехотных дивизий и горнострелковую бригаду, на прорыв нашей обороны были двинуты танки. Севастопольские рубежи были атакованы почти по всему их обводу. Но главный удар, как определилось довольно скоро, наносился между хутором Мекензия и горой Азис-Оба, то есть с севера и северо-востока, на смежных флангах третьего и четвертого секторов. Замысел врага состоял в том, чтобы наступавшими тут тремя дивизиями 54-го армейского корпуса выйти через Камышлы и Мекензиевы горы к оконечности Северной бухты. Вспомогательный удар наносили из района Верхнего и Нижнего Чоргуня 50-я немецкая пехотная дивизия и другие части, нацеленные на прорыв вдоль долины Черной речки к Инкерману.

Манштейн рассчитывал расчленить войска СОР, а где удастся - окружить, с тем чтобы уничтожить их по частям. А прорыв к Северной бухте мог лишить Севастополь поддержки с моря, полностью изолировать.

Наши войска, не знавшие, когда противник начнет наступать, но готовые к отпору, держались стойко. Отлично работала артиллерия. На большинстве участков первые вражеские атаки отбивались успешно. Однако гитлеровцы имели большой перевес в силах, и постепенно это давало себя знать.

Через несколько часов в третьем секторе были оттеснены к Камышловскому оврагу один из полков Чапаевской дивизии и 2-й Перекопский. В четвертом секторе к исходу дня отошли на полкилометра, ослабленные потерями, батальоны 8-й бригады

морской пехоты. В результате оказался в трудном положении их сосед - 241-й стрелковый полк 95-й дивизии: он удерживал свой рубеж, но находился под угрозой окружения.

Командарм И. Е. Петров поставил перед комендантами обоих секторов задачу вернуть прежние позиции. В четвертый сектор, в полосе которого разгорелись наиболее ожесточенные бои, он передал из своего резерва один стрелковый полк 388-й дивизии и 40-ю кавдивизию. В последней было меньше бойцов, чем в стрелковом полку, - всего 1200 человек. Но конники полковника Ф. Ф. Кудюрова и полкового комиссара И. И. Карповича, к тому времени окончательно спешенные, уже показали, что на них можно положиться. Этих бывалых воинов отличали какая-то особенная боевая [186] лихость, истинная неустрашимость, так ярко проявившиеся в ноябрьских боях под Балаклавой.

Уточнив к полуночи положение на всех участках обороны и определив вместе с генерал-майором И. Е. Петровым боевые задачи на завтра, мы с Гавриилом Васильевичем Жуковым долго обдумывали донесение об итогах дня, которое должны были послать в Ставку, наркому ВМФ и командующему флотом на Кавказ.

Как мы знали, подготовка к большому десанту была в основном закончена и, может быть, там, на Кавказе, ждали лишь подходящей погоды (декабрь выдался суровый, на море то и дело штормило). Если поставить вопрос о помощи Севастополю слишком остро, не приведет ли это к отсрочке десанта?… Но и не просить помощи было нельзя: за первый день наступления гитлеровцы продвинулись в направлении Северной бухты на километр-полтора, а в масштабах нашего плацдарма это значило немало. Притом в Севастополе совсем не осталось артиллерийских кораблей - весь отряд поддержки ушел в Новороссийск для участия в десантной операции.

Решили просить прежде всего подкрепление для войск - четыре тысячи бойцов единовременно и по четыре маршевых роты каждый день на восполнение потерь. И напомнили, что нуждаемся в боеприпасах, расход которых резко возрос, в поддержке корабельной артиллерией. Действия противника мы оценивали как наступление с решительными целями.

Ответа Ф. С. Октябрьского ждали почти всю ночь, понимая, что он, очевидно, связывается с Москвой. Командующий флотом сообщил, что выслать корабли немедленно не может из-за готовящейся операции. В телеграмме, подписанной Ф. С. Октябрьским и членом Военного совета флота И. И. Азаровым, далее говорилось: «Тов. Сталин еще раз приказал ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах, никогда Севастополь не

сдавать. Нажмите. Не разрешайте ни шагу отходить назад. Силы имеете, большая помощь идет…»{21}

«Большая помощь» означало - будущий десант на востоке Крыма.

Ночью шла подготовка контратак для возвращения утраченных позиций. Но противник упредил их, возобновив наступление в очень ранний час. И, как вскоре почувствовалось, успел подтянуть подкрепления. Чтобы отражать атаки, потребовалось активнее использовать артиллерию - и полевую, [187] и береговую. На то, что сможем поднять в воздух авиацию (накануне она оказала существенную поддержку стрелковым частям), надежды сперва не было - небо потемнело от нависших низких туч.

Однако наши летчики все же сумели помочь пехоте там, где враг особенно нажимал. Пикировать на цели, как обычно, бомбардировщики Пе-2 не могли. Но командир звена старший лейтенант И. Е. Корзунов (отличившийся вместе с Александром Цурцумия еще при июльских налетах на Плоешти, будущий Герой Советского Союза, а с августа 1944 года - командир авиационной дивизии) провел свою машину низко под облаками, рассмотрел, где накапливаются фашистские войска для атаки, и затем проштурмовал их, вынырнув из облаков. За Корзуновьтм повторили это экипажи капитанов Андрея Николаева и Дмитрия Лебедева. Вражеская атака на том участке была сорвана. А когда противник, приведя в порядок и пополнив попавшие под удар подразделения, попытался организовать атаку заново, те же три экипажа - причем при еще более низкой облачности - опять провели штурмовку. Пехотинцы, наблюдавшие ее из окопов, в восторге подбрасывали вверх шапки и бескозырки. Летчики обеспечивали им передышку, очень нужную, чтобы собраться с силами.

Самолеты были направлены сюда и в третий раз. А затем в четвертый, в пятый… Три экипажа Пе-2 подавляли активность противника до тех пор, пока не была подготовлена наша контратака.

В приветствии, посланном летчикам Военным советом, говорилось: «Звено Корзунова, сделав семь вылетов, решило задачу боевой эскадрильи и сорвало готовившийся прорыв».

В тот же, нелетный по обычным понятиям, день (немецкая авиация в воздухе не появлялась) и тоже на направлении главного вражеского удара, близ хутора Мекензия, задержала продвижение гитлеровцев группа штурмовиков Ил-2, возглавляемая старшим лейтенантом М. Е. Ефимовым (очень известным впоследствии на флоте летчиком, также ставшим

Героем Советского Союза).

Вечером, когда подводились итоги второго дня отражения штурма, мы могли констатировать, что противник понес уже значительные потери. На востоке и юго-востоке, где его натиск тоже был сильным, хотя там наносился не главный удар, врагу пока не удалось вклиниться в нашу оборону. Но на севере и северо-востоке, на сравнительно узких участках фронта, наш передний край сдвинулся назад еще на 500-700 метров. [188]

Ни на минуту не забывая о готовящемся на Кавказе десанте, стараясь как можно сдержаннее оценивать севастопольскую обстановку, мы с Г. В. Жуковым телеграфировали А. М. Василевскому, Н. Г. Кузнецову и Ф. С. Октябрьскому:

«В результате непрерывных боев 17 и 18 декабря потери личного состава имеем около 3500 человек{22}. Исключительно большие потери несем от танков противника. Утром 19 декабря ожидается продолжение наступления немцев. Ускорьте присылку пополнения людьми, боезапасом по данным заявкам»{23}.

Весь наш резерв уже находился на переднем крае. Из-за недостатка сил пришлось пока отказаться от контратак для восстановления утраченных позиций. До получения подкреплений комендантам секторов разрешалось проводить контратаки лишь там, где это необходимо для предотвращения прорывов нашей обороны. Принимались экстренные меры, чтобы сколотить хотя бы небольшой новый резерв за счет тылов, вспомогательных частей и ресурсов города.

А нажим врага не ослабевал, и 19 декабря держаться стало еще труднее, особенно в четвертом секторе. Противнику удалось прорваться на фланге 8-й бригады морпехоты (по числу бойцов соответствовавшей теперь двум батальонам). Бригаду выручил сосед - 90-й стрелковый полк 95-й дивизии, командир которого майор Т. Д. Белюга сам возглавил контратаку, был в ней ранен, но остался в строю. На исходе дня обстановка вынудила отвести 8-ю бригаду во избежание ее окружения на новый рубеж. Для выравнивания фронта в четвертом и третьем секторах немного отводились и другие части. Положение еще более осложняла обнаружившаяся неподготовленность ряда подразделений необстрелянной 388-й дивизии к таким боевым испытаниям, какие выпали войскам СОР в эти дни.

Во втором секторе к вечеру оказалась занятой гитлеровцами гора Гасфорта с Итальянским кладбищем времен Крымской войны, переходившая в течение дня из рук в руки. В оборонявшейся здесь 7-й бригаде морпехоты был ранен ее командир полковник Е. И. Жидилов. Когда выяснилось, что ранение не тяжелое, сразу же решили: пока комбриг в госпитале,

бригадой будет командовать ее комиссар Н. Е. Ехлаков. [189]

Поздно вечером мы обсуждали на расширенном заседании Военного совета как самый срочный вопрос - откуда еще взять людей для немедленного усиления частей, понесших наибольшие потери? После заседания командование СОР подписало приказ, согласно которому в течение ночи, к 6 часам утра 20 декабря, должны были быть сформированы; стрелковый батальон в составе 640 человек - в артиллерийских береговых частях южной стороны (относительно более спокойной), отряд в 200 человек - в химслужбе береговой обороны, четыре роты морской пехоты - в базе и на кораблях охраны водного района и в наземных службах ВВС, три роты - в ПВО, один батальон - из саперов береговой обороны и Приморской армии и так далее.

Привожу эту «разверстку», чтобы показать, что пополнение для пехоты, принимавшей на себя натиск врага, приходилось брать оттуда, где никаких «лишних» людей быть не могло. Из береговой артиллерии должно было уйти в пехоту более 40 процентов всех ее бойцов. Приказ заканчивался словами: «Разъяснить личному составу, что надо сдержать противника».

Но мы сознавали: того, что можно собрать для переднего края на месте, в пределах севастопольского плацдарма, теперь недостаточно. И одновременно с приказом о формировании новых батальонов и рот составлялась телеграмма И. В. Сталину, Н. Г. Кузнецову и Ф. С. Октябрьскому, объясняющая сложившуюся у нас обстановку. Подготовить ее было поручено командарму Приморской И. Е. Петрову, члену Военного совета армии М. Г. Кузнецову и коменданту береговой обороны П. А. Моргунову.

Участники заседания, видевшие, как развиваются события, пришли к выводу: если враг будет продолжать атаки с такой же силой, то без помощи с Большой земли нам не удастся помешать ему выйти на Северную сторону, к бухте. Мы решили, что обязаны так и доложить старшим начальникам, тем самым взяв на себя ответственность за возможное отвлечение для помощи Севастополю сил, предназначавшихся для десанта, - рисковать дальше было «нельзя.

При обсуждении текста телеграммы, предложенного Петровым, Кузнецовым и Моргуновым, некоторые формулировки были смягчены, дабы не допустить никаких преувеличений. В донесении, отправленном ночью, говорилось, что противник, сосредоточив крупные силы, в течение трех дней ведет при поддержке танков и авиации ожесточенные атаки с целью овладеть Севастополем. Сообщались уточненные данные о наших потерях, в том числе в вооружении, докладывалось [190] о положении с артиллерией: на большинстве тяжелых батарей

расстреляны и нуждаются в замене стволы, кончились снаряды для некоторых калибров полевой артиллерии, а для остальных - на исходе. Указывалось, что войска СОР отошли на направлении главного удара противника на второй рубеж и что для усиления частей вводится в бой личный состав находящихся в базе кораблей, береговых и зенитных батарей, аэродромной службы.

Общее положение оценивалось так: при продолжении атак противника в том же темпе гарнизон Севастополя продержится не более трех дней.

Мы просили поддержать войска СОР одной стрелковой дивизией, авиацией, маршевым пополнением, срочной доставкой боезапаса.

* * *

20 декабря газета «Красный черноморец» вышла с обращением Военного совета флота «Ко всем бойцам, командирам и политработникам - славным защитникам родного Севастополя». Такие обращения - недлинные, всегда откровенные, составленные, насколько удавалось, так, чтобы слова доходили и до умов, и до сердец, вошли у нас в обычай именно в трудные дни. И настало время вновь напрямую обратиться ко всем защитникам города, объяснить серьезность положения, напомнить, что судьба Севастополя зависит от стойкости, храбрости и воинского умения каждого из нас.

Появились и дополнительные причины, чтобы опубликовать это обращение без промедления.

Накануне на ФКП прибыл с Северной стороны военком базировавшейся там гидроавиационной группы (самолеты МБР-2) полковой комиссар И. М. Водянов. Я его не вызывал, и, как выяснилось, вопросов, требующих срочного решения, у него не было. Но, увидев меня, Водянов не смог скрыть своей радости, а затем признался, что явился он, собственно говоря, ради того, чтобы удостовериться в присутствии руководителей обороны в Севастополе. Напряженная обстановка последних дней ограничивала возможность отлучаться с флагманского командного пункта, побывать за Северной бухтой и вовсе не удавалось. А там, оказывается, прошел слух, будто весь Военный совет флота перебрался на Кавказ. Это забеспокоило летчиков гидроавиагруппы, и комиссар счел нужным побывать на ФКП, чтобы потом всем рассказать, что сам видел.

Что Военный совет по-прежнему находится в Севастополе и никуда уходить не собирается, должно было подтвердить [191]

всем и наше обращение к защитникам города. Использовали мы его и для того, чтобы назвать, отдав им должное, героев, отличившихся в первые дни отражения штурма.

В их числе был комиссар батальона 8-й бригады морской пехоты старший политрук В. Г. Омельченко. В условиях когда на участке батальона назревал опасный прорыв, он повел две роты в дерзкую контратаку против численно превосходивших гитлеровцев, наступавших при поддержке танков. Неровная местность, поросшая кустарником, помогла приблизиться к двум танкам, подорвать их гранатами, поджечь бутылками с горючей смесью, в чем лично участвовал комиссар, и это изменило в нашу пользу ход боя. Но вырвавшаяся вперед группа морских пехотинцев со старшим политруком во главе оказалась окруженной. И тогда Омельченко проявил себя снова. Расчищая путь гранатами и первым бросаясь в рукопашные схватки, комиссар вывел бойцов из вражеского кольца. Прикрывая товарищей, он уничтожил еще несколько фашистов последней гранатой, подорвав себя и гитлеровцев. Этот подвиг запечатлела потом поэма «Политрук Омельченко», написанная поэтом Павлом Панченко.

А в 7- й бригаде морской пехоты пример такой же беззаветной верности воинскому долгу показал заместитель политрука Иван Личкатый -недавний моряк-подводник, добровольцем пошедший на сухопутный фронт. В разгар боя он возглавил роту, где пали командир и политрук, и обеспечил овладение высотой, захваченной перед тем гитлеровцами. На возвращенном рубеже молодого коммуниста сразила вражеская пуля, попавшая ему в сердце. Пробитый пулей партбилет черноморца Ивана Личкатого стал одной из реликвий Музея героической обороны и освобождения Севастополя.

Утром 20 декабря поступили доклады о том, что во исполнение отданного поздно вечером приказа сформированы пять батальонов и три отдельные роты. Они пошли на пополнение частей третьего и четвертого секторов, а кое-что оставлено в резерве. Как ни скромны были эти подкрепления, отнятые у частей тоже боевых, но все-таки не стоявших на переднем крае, думается, именно они помогли в тот день сдержать врага, не дать ему прорваться к Северной бухте.

Много значило и то, что пришедший ночью транспорт «Чапаев» доставил довольно крупную партию снарядов и мин. Снаряды были не всех нужных калибров, но из Новороссийска сообщили, что на «Чапаев» погружен весь без остатка [192] боезапас для полевой артиллерии, имевшийся в тот момент на складах.

День проходил в тяжелых боях. Враг, не считаясь с большими потерями (немалыми были они и у нас), пытался развивать наступление, вновь и вновь возобновляя атаки. Однако ни у Камышловского оврага, ни к югу от хутора Мекензия, ни в районе Чоргуня - на всех тех участках, которые тревожили больше всего, продвинуться гитлеровцам не удавалось. Но, как никогда, чувствовалось: фронт обороны держится предельным напряжением всех наших сил. Чтобы ничего не проглядеть, не допустить непоправимого, командиры и комиссары частей и соединений, оставив на КП начальников штабов, находились, как правило, на переднем крае. Так, впрочем, было все эти дни, и сейчас нельзя было потребовать от старших командиров вести себя иначе, хотя участившийся выход их из строя обходился дорого. 20 декабря мы потеряли капитана Ф. Т. Леонова, всего двое суток назад назначенного командиром одного из полков 388-й дивизии, а до того - комбата морской пехоты.

Но день остался памятным не только напряженностью боев. Мы еще раз убедились, какое значение придает удержанию Севастополя Верховное Главнокомандование. Получив наше последнее донесение, Ставка уже через несколько часов приняла важные решения. Они были изложены в директиве командующим Закавказским фронтом и Черноморским флотом, дошедшей до нас к середине дня.

Ввиду обострения обстановки в Севастопольском районе Ставка подчиняла СОР во всех отношениях командующему Закавказским фронтом (напомню, что раньше, с конца ноября, Черноморский флот был подчинен Закфронту в отношениях охраны побережья Кавказа, - а затем Генштаб возложил на этот фронт обеспечение СОР всеми видами довольствия). Фронту предписывалось немедленно отправить в Севастополь стрелковую дивизию или две бригады, а также не менее трех тысяч: человек маршевого пополнения и необходимые боеприпасы, оказать помощь авиацией. Командующему флотом Ставка приказала отбыть с Кавказа в Севастополь.

И еще до исхода дня почувствовалось, какие силы и с какой быстротой были приведены в движение, чтобы оказать Севастополю действительно немедленную помощь.

Ф. С. Октябрьский телеграфировал:

«Сегодня из Новороссийска на крейсерах «Красный Крым», «Красный Кавказ», лидере «Ташкент», эсминцах [193] «Незаможник» и «Бодрый» выхожу в Севастополь о 79-й бригадой морской пехоты. Буду утром 21 декабря».

Далее в телеграмме сообщалось, что транспорты «Абхазия» и «Белосток» выходят в Севастополь с боеприпасами, что из Поти

прибудут десять маршевых рот, а в Туапсе приступают к погрузке на суда части 345-й стрелковой дивизии (выделенной из состава 44-й армии Закавказского фронта), которые начнут прибывать в Севастополь 23 декабря.

Немного позже с Кавказа сообщили о выделении нам танкового батальона. Уточнялись сроки отправки боеприпасов, маршевого пополнения.

Все на ФКП были несказанно обрадованы таким поворотом событий. Мы с Г. В. Жуковым сознавали, что силы, направленные в Севастополь, особенно 79-я бригада, да и все корабли, отвлечены от десантной операции и она, намечавшаяся на 21 декабря, теперь будет на какой-то срок отложена. Но в том, что в конце концов остро поставили вопрос о помощи Севастополю, раскаиваться не приходилось - сделано это было своевременно.

В директиве Ставки смущал лишь один, совершенно неожиданный для нас пункт: командующему Закавказским фронтом предписывалось «командировать в Севастополь крепкого общевойскового командира для руководства сухопутными операциями». Командующий Приморской армией Иван Ефимович Петров спросил меня, как это понимать. Я ответил, что пока ничего не могу сказать и, возможно, что-то объяснит Ф. С. Октябрьский.

Вечером командование СОР и Приморской армии обсуждало наши ближайшие задачи. Необходимо было серьезно подумать об обеспечении завтрашнего дневного прорыва кораблей с войсками в севастопольские бухты (давно уже корабли входили в них и выходили, как правило, в темное время). Однако главной заботой оставалось - как удержать до прибытия подкреплений наш сухопутный фронт, не подпустить врага к Северной бухте.

Командованию соединений было уже сообщено (и разрешено довести это до командиров и комиссаров батальонов): гарнизону Севастополя направляется крупная поддержка свежими войсками, маршевым пополнением, боеприпасами и первые эшелоны ожидаются в течение двадцати четырех часов. Мы требовали от командиров и комиссаров дивизий, бригад и полков защищать занимаемые рубежи до последней возможности, чтобы обеспечить развертывание прибывающих частей. Всем работникам политотделов было приказано [194] находиться в батальонах и ротах, укрепляя их стойкость.

* * *

Находиться в ротах и батальонах… Эти слова, можно сказать,

были тогда в обиходе под Севастополем. Работники политуправления флота, политотдела Приморской армии, политотделов соединений очень часто, иные почти неотлучно, находились в частях и подразделениях, на боевых постах, в окопах. Они помогали командирам, комиссарам и политрукам, руководителям партийных и комсомольских организаций целеустремленно строить воспитательную работу, преодолевать танко - и самолетобоязнь, пропагандировать боевой опыт. При этом представители политорганов показывали личный пример в бою.

Начальник Главного политического управления ВМФ И. В. Рогов как-то заметил: непосредственно в бою личный пример коммуниста, тем более политработника - основная форма партийного воздействия на личный состав. И это действительно так. Разумеется, сказанное не означает, что все другие формы - митинги, собрания, беседы, выпуск боевого листка - как бы отодвигаются на задний план. Конечно нет! Разъяснительная, политико-воспитательная работа велась непрерывно. Она призвана была формировать у воинов высокие морально-боевые качества, глубокое понимание своего воинского долга. Но все те мероприятия, которые проводит политработник, могут быть обесценены, если они не подкрепляются личным примером. Человек, призывающий других, и сам обязан подавать достойный пример, его слово не должно расходиться с делом. Более того, во время боя смелость и храбрость руководителя часто становятся решающим фактором, обеспечивающим боевой успех. Можно сказать, что личный пример командира и политработника, всех коммунистов - это альфа и омега партийно-политической работы.

…Работники политорганов появлялись там, где было трудно, где назревала опасность, вместе с бойцами отстаивали каждую пядь севастопольской земли, участвовали в атаках и контратаках. Инструктор политотдела бригады морской пехоты Нечипас заменил погибшего в бою командира роты и повел бойцов в контратаку. Рота под его командованием дралась целый день. Дважды раненный, Нечипас, однако, не пошел в медпункт. И лишь после третьего ранения он вынужден был покинуть строй и вскоре умер от потери крови. Инструктор политотдела другой бригады Родин [195] в бою заменил раненого комиссара и неоднократно возглавлял контратаки.

В первых рядах атакующих были инструктор Главного политического управления ВМФ Майшев и инструктор политуправления Черноморского флота Палей - они погибли в одном из тактических десантов.

Хотелось бы особо сказать о политруках рот, комиссарах

батальонов и батарей. В тех тяжелых, изнурительных боях они снова проявили себя с самой лучшей стороны. Многие из них ходили в разведку, возглавляли дерзкие контратаки.

Комиссар одного из батальонов старший политрук Ершов в течение одного дня неоднократно водил бойцов в бой. Он лично уничтожил десятка полтора гитлеровцев, в том числе двух офицеров. Одного из них задушил в рукопашной схватке. Ершов получил четыре пулевых ранения, но поле боя не покинул. И словом и личным примером он вдохновлял морских пехотинцев.

Политрук пулеметной роты Крюков с группой бойцов оказался в окружении целой роты противника. По приказу политрука пулеметчики заняли круговую оборону. Бой длился несколько часов, пока не стемнело. Ночью Крюков вывел бойцов из окружения. Было захвачено несколько немецких пулеметов и автоматов.

Смелость и находчивость проявил военком 229-й батареи Сахаров. В критический момент боя, когда расчет одного из орудий выбыл из строя, Сахаров при помощи писаря и кока батареи открыл из орудия огонь. В бою, продолжавшемся три часа, батарея уничтожила три танка, две бронемашины и рассеяла более роты солдат противника.

На 717- й батарее произошла заминка. Казалось, вражеские танки с автоматчиками вот-вот сомнут батарею. И тогда комиссар батареи Иванов взял управление в свои руки, пресек начавшуюся было панику. Личный состав батареи, руководимый комиссаром, дрался с врагом до последнего снаряда.

Сила комиссаров и политруков была в том, что они опирались на коммунистов и комсомольцев, на боевой актив. Покажу это на примере одной батареи, положение которой на исходе декабря было крайне тяжелым. Противник подошел к ней метров на 500, начал окружать ее с трех сторон. Целый день батарейцы отбивали атаки гитлеровцев. Лишь поздно вечером бой утих. Комиссар батареи Донюшкин решил воспользоваться передышкой, чтобы провести открытое партийное собрание с повесткой дня: «Отстоять занимаемую [196] высоту, не дать возможности фашистским войскам прорваться к Севастополю». Скупые строки протокола № 12 свидетельствуют: собрание началось в 21.00, закончилось в 21.30, в прениях по докладу комиссара выступили три коммуниста - Баранкин, Стрельцов и Шкода. Постановление гласило: «Высоту не сдадим, преградим путь фашистам к Севастополю. Коммунисты в трудный момент боя обязаны вселять бойцам уверенность в победе над врагом. Для коммунистов нет неразрешимых задач. Победа или смерть - закон каждого коммуниста на фронте».

Мне остается добавить: утром, когда противник возобновил натиск, батарейцы с новой силой отбивали его атаки. Бой длился, не утихая, до позднего вечера. Коммунисты, все воины батареи дрались героически. Боевой приказ был выполнен - враг отброшен с большими для него потерями.

Можно было бы привести десятки других примеров, свидетельствующих о том, как действовали комиссары и политруки на севастопольских оборонительных рубежах.

* * *

20 декабря, к которому я возвращаюсь, дать войскам какое-либо пополнение, как бы они в нем ни нуждались, мы не могли. Все людские ресурсы, изысканные внутри оборонительного района (за исключением минимального резерва, оставленного на крайний случай), еще утром влились в сражающиеся части. Между тем мы располагали найденной в сумке убитого немецкого офицера плановой таблицей, где действия его полка в наступлении были расписаны на пять дней с 17 по 21 декабря. Завтра был день, когда Манштейн рассчитывал завершить операцию по захвату Севастополя.

Гитлеровское командование, по-видимому, до последнего момента надеялось реализовать этот свой план. Возможно, враг, потерпевший сокрушительное, поражение под Москвой, стремился отметить победой под Севастополем истекавшие полгода войны против Советского Союза. Как бы там ни было, дело дошло до того, что солдат некоторых немецких частей послали в атаку без шинелей, в одних мундирчиках (а необычные для Крыма холода продолжались, лежал довольно глубокий снег). Несколько таких солдат, основательно замерзших, попало к нам в плен, и они заявили, что шинели им обещали вернуть в Севастополе…

Но это происходило уже потом, на исходе дня, который еще надо было продержаться.

21 декабря противник с раннего утра возобновил атаки в третьем и четвертом секторах, а также и во втором. Особенно [197] ожесточенный характер приняли бои в третьем секторе, через позиции которого, действуя на узком участке фронта как ударный кулак, пыталась пробить путь к Северной бухте 24-я немецкая пехотная дивизия.

К середине дня до батальона гитлеровцев, вклинившихся на этом направлении в нашу оборону, оказалось в тылах 3-го Черноморского и 54-го стрелкового полков Чапаевской дивизии.

Комендант сектора генерал-майор Т. К. Коломиец сумел перекрыть брешь на переднем крае, отрезав фашистский батальон, и тот занял в нашем тылу, в горно-лесистой местности между фронтом и бухтой, круговую оборону. Присутствие в этом районе неприятельской части, хотя бы и окруженной, представляло большую опасность. Но разгромить батальон было нечем - в секторе едва хватало сил для отражения непрестанных попыток противника вновь рассечь фронт и продвинуть к батальону подкрепления.

Командарм Петров, не располагавший к этому времени уже никакими резервами, попросил контр-адмирала Жукова изыскать где-нибудь батальон моряков. Но и в распоряжении Жукова не было готового батальона. Его экстренно сформировали, беря по нескольку человек где только можно. К исходным позициям доставили на машинах краснофлотцев, не успевших даже познакомиться друг с другом. Не знал людей и назначенный командовать ими майор-пограничник К. С, Шейкин. И все же этот сводный батальон, получив поддержку артиллерией, успешно выполнил поставленную задачу. Большинство засевших у нас в тылу гитлеровцев было уничтожено, другие сдались в плен.

Словом, от вражеской «занозы», появившейся в весьма опасном месте, удалось избавиться. А батальон Шейкина тут же влился в полки, у стыка которых он действовал, - бойцов не хватало и в одном и в другом. Сам майор Шейкин принял обязанности выбывшего из строя начальника штаба 54-го стрелкового полка. Такая была обстановка - людей, попавших на передний край, оттуда уже не отпускали.

В течение дня боевое напряжение все нарастало. В четвертом секторе, на участке, где оборонялись спешенные подразделения кавдивизии, прорвалась группа немецких танков. Кавалеристы сумели отсечь от танков следовавшую за ними пехоту, заставили ее залечь. А затем танкам, встреченным сильным огнем артиллерии, пришлось повернуть обратно, и уйти смогли не все. Некоторое время положение на этом участке было неясным, связь с ним нарушилась. Когда ее восстановили, стало известно, что при отражении вражеской атаки пал смертью храбрых командир кавдивизии полковник [198] Филипп Федорович Кудюров, ветеран гражданской войны. Он был убит у противотанковой пушки, из которой лично вел огонь, - больше стрелять стало некому. В том же бою погиб командир кавполка подполковник Л. Г. Калужский. Но прорвать нашу оборону гитлеровцам не удалось.

Некоторые части на северном направлении, ослабленные потерями, вновь были потеснены. А на юго-востоке, в районе

Чоргуня, противник ввел в наступление прибывшую с Керченского полуострова 170-ю пехотную дивизию, усиленную танками. Это было еще одним напоминанием о том, что направление вспомогательного удара может стать главным - особенно если у врага обозначится там какой-то успех.

В такой обстановке поджидали мы отряд кораблей с войсками, который командующий флотом вел из Новороссийска. И от одного сознания, что помощь идет, становилось как-то легче. Но все, кто знал о движении отряда, тревожились за корабли, приближавшиеся к последнему, самому опасному участку пути.

Ждать и тревожиться пришлось дольше, чем думали. К сроку, сообщенному раньше, корабли не поспевали. Сперва их задержал шторм, разыгравшийся в районе Керченского пролива, затем - туман, стоявший над морем у берегов Крыма.

Отряд надо было вывести на фарватер, проложенный среди минных полей. Но после выхода из полосы шторма у штурманов не могло быть полной уверенности в точности счисления. Тральщик, высланный навстречу, из-за тумана кораблей не обнаружил (радиолокаторов флот еще не имел). Некоторое время корабли выжидали улучшения видимости, однако туман все не рассеивался. Получив затем от Ф. С. Октябрьского радиограмму: «Будем заходить фарватером № 2», на ФКП поняли, что командующий решил приблизиться к берегу, находящемуся в руках врага, чтобы сориентироваться по выступающим из тумана вершинам гор.

Решение воспользоваться запасным, прибрежным фарватером оказалось верным. А туман в конечном счете даже помог отряду: поздно обнаружив его, противник не успел организовать массированный воздушный налет, когда корабли были наиболее уязвимы. Появились лишь небольшие группы фашистских бомбардировщиков, а наши «ястребки», уже находившиеся в воздухе, мешали им выходить на цель.

Но на последних милях, после поворота у Херсонесского маяка (тут видимость была уже хорошая) кораблям угрожали еще и немецкие дальнобойные батареи, стоявшие на Мекензиевых горах. Наша береговая артиллерия, поддержанная [199] тяжелой полевой, старалась их подавить, однако противник все же обстреливал фарватер. Не имея возможности применить в узком коридоре между минными полями противоартиллерийский маневр, корабли выжимали из своих машин самый полный ход. Головным шел лидер «Харьков» (в составе отряда был он, а не лидер «Ташкент», ошибочно названный в телеграмме, которая приводилась выше).

Еще никогда не видел я, да, наверное, и никто другой, чтобы

крупные корабли так стремительно, не сбавляя хода, врывались на севастопольский рейд и в бухты. Особенно эффектно выглядел резкий, с сильным креном, поворот, сделанный перед Павловским мыском крейсером «Красный Крым» (его вел искуснейший командир капитан 2 ранга А. И. Зубков), направлявшимся к Каменной пристани Южной бухты. Остальные корабли, как было заранее предусмотрено, ошвартовались у причалов Сухарной и Клеопальной балок в Северной бухте, с тем чтобы высадить доставленное подкрепление ближе к тому участку фронта, где предстояло вводить его в бой. Сухарная балка была выгодна и тем, что ее обрывистый берег защищал корабли от артобстрела.

Прорыв в Севастополь обошелся без потерь. Лидер и один эсминец имели небольшие повреждения материальной части в результате близких разрывов авиабомб и попадания осколков. Сразу после выгрузки войск, проведенной очень быстро, Военный совет флота объявил от имени всех защитников Севастополя благодарность командирам кораблей Л. И. Зубкову, А. М. Гущину, П. А. Мельникову, П. А. Бобровникову, В. М. Митину и их экипажам за отличное выполнение ответственнейшего боевого задания.

Прибывшая 79-я морская стрелковая бригада (так она официально именовалась в отличие от частей морской пехоты) насчитывала около четырех тысяч бойцов. Это была одна из бригад, которые осенью 1941 года формировались на флотах, но не полиостью из моряков, и передавались армии для использования, как правило, на трудных, особо важных участках фронта. Бригада, пока не поступил приказ перебросить ее в Севастополь, предназначалась в готовившейся десантной операции для захвата Феодосийского порта. Командовал ею полковник А. С. Потапов - тот, что четыре месяца назад, еще в звании майора, возглавлял самый первый отряд моряков-добровольцев, посланный на помощь Одессе. А военком 79-й бригады полковой комиссар И. А. Слесарев известен читателю как военком морского полка, который в сентябре высаживался у Григорьевки. [200]

Бригада Потапова, выведенная прямо с кораблей на позиции в районе кордон Мекензи - станция Мекензиевы Горы, вступила в бой следующим утром, 22 декабря. Она начала действия под Севастополем с контратаки, которую поддерживали огнем все пришедшие накануне корабли, группа береговых батарей и полевая артиллерия двух секторов, а также бронепоезд «Железняков». Одни корабли в тот день выпустили почти две тысячи снарядов.

К контратаке были подключены и другие части, но основной,

ударной силой являлась 79-я бригада, и эти ее действия определили достигнутые результаты. А они были значительными, несмотря на труднейшие условия, на то, что одновременно пытался наступать и противник, и наша контратака вылилась во встречный бой.

Пересилив врага, сломив его сопротивление, потаповцы к вечеру достигли высот перед Камышловским оврагом, вернув почти полностью позиции, оставленные за последние дни 388-й дивизией. Но не только в самих позициях было дело. 79-я бригада нанесла неожиданный для гитлеровцев, срывавший их планы удар по флангу группировки, пробивавшейся к Северной бухте. Не будь у нас - и именно в тот день! - силы для такого удара, положение на северном направлении могло оказаться непоправимым. День, который мог бы тогда быть трагическим, стал радостным, и его героям воздавалось должное.

Однако одна свежая бригада, как ни доблестно она сражалась, не могла полностью снять угрозу прорыва врага к Северной бухте, коренным образом изменить общее положение под Севастополем. Оно оставалось тяжелым. Не сумев овладеть городом в намеченные сроки, гитлеровское командование отнюдь не отказалось от своих целей и продолжало штурм.

22 декабря еще более усилился натиск врага в районе Чоргуня, где приходилось опасаться прорыва его по Чернореченской долине. Шли упорные бои за высоту с Итальянским кладбищем. Вторично за время декабрьского штурма был окружен на удерживаемых им позициях 241-й стрелковый полк дивизии генерала Воробьева. И особенно резко осложнилась обстановка на нашем левом фланге. Там возникла угроза прорыва противника вдоль долины Бельбека к морю, к Любимовке.

Предотвратить этот прорыв мы практически не могли. А тогда оказались бы отрезанными части, сражавшиеся за Бельбеком, - подразделения 8-й бригады морпехоты и 40-й кавдивизии, 90-й стрелковый полк майора Белюги, занимавший [201] самый далекий от города участок фронта. Поздно вечером Военный совет вынужден был принять решение об отводе этих частей из-за Бельбека в течение ночи. Таким образом, фронт на левом фланге значительно сокращался и появлялась возможность уплотнить здесь боевые порядки, а наиболее ослабленные части вывести на доукомплектование. Но это означало ликвидацию 10-й береговой батареи (к тому времени сильно поврежденной), а также группы дотов, расположение которых оставалось за новой линией фронта. Рискованно близко к переднему краю оказывалась - мы еще надеялись, что ненадолго, - тяжелая 30-я

батарея, занимавшая особо важное место среди наших огневых средств.

В связи с возвращением в Севастополь Ф. С. Октябрьского обсуждалось общее развитие событий, начавшихся без него. Поскольку десант на Керченский полуостров был отложен и, следовательно, не мог изменить обстановку в Крыму так быстро, как еще недавно ожидалось, требовалось как бы заново оценить ближайшие перспективы борьбы на фронте СОР.

Основной вывод, к которому пришли, состоял в том, что усиление наших войск 79-й бригадой, 345-й дивизией и батальоном танков позволит удержать Севастополь, но этих подкреплений недостаточно для восстановления прежних позиций (от них противник оттеснил нас на некоторых направлениях на 5-7 километров). Чтобы вернуть утраченные рубежи, расширить оборонительный район и создать плацдарм для последующих активных действий, нужны были еще две хорошо оснащенные дивизии. И мы решили просить Военный совет Закавказского фронта экстренно прислать, как минимум, одну дивизию, желательно кадровую, и два горнострелковых полка.

Телеграмма командующего СОР, направленная кроме Военного совета Закфронта также наркому ВМФ, заканчивалась так: «О тяжелом положении Севастополя и срочной необходимости оказания ему дальнейшей помощи прошу доложить т. Сталину»{24}.

В донесении старшим начальникам Ф. С. Октябрьский подробно охарактеризовал сложившуюся под Севастополем обстановку, стремясь дать исчерпывающее представление о ней. Как мы понимали, у высшего военного руководства возникли, очевидно, какие-то сомнения относительно правильности действий сухопутных войск СОР в первые дни отражения [202] декабрьского штурма. Военный совет флота никак не считал, что в создавшемся тяжелом положении повинны командование Приморской армии или лично командарм И. Е. Петров. Между тем на лидере «Ташкент», доставившем из Поти боеприпасы, прибыл и представился нам генерал-лейтенант С. И. Черняк, назначенный командованием Закавказского фронта вместо И. Е. Петрова.

Прямо надо сказать - момент был не очень подходящим для смены командарма. Условились, что сперва С. И. Черняк познакомится с обстановкой. Поскольку приказов или указаний о дальнейшем использовании генерала Петрова ни от кого не поступило, а он был согласен выполнять любые обязанности, Военный совет оставил Ивана Ефимовича в Приморской армии в

качестве заместителя командарма, с тем чтобы обеспечить преемственность командования.

Но успокоиться на этом мы не могли. С Филиппом Сергеевичем Октябрьским вдвоем обсудили вопрос, решили поддержать И. Е. Петрова. Для этого существовал единственный путь - обратиться к Верховному Главнокомандующему. Тут же мы составили телеграмму:

«Товарищу Сталину.

По неизвестным для нас причинам и без нашего мнения, командующий Закавказским фронтом, лично совершенно не зная командующего Приморской армией генерал-майора Петрова И. Е., снял его с должности. Генерал Петров толковый, преданный командир, ни в чем не повинен, чтобы его снимать. Военный совет флота, работая с генералом Петровым под Одессой и сейчас под Севастополем, убедился в его высоких боевых качествах и просит Вас, тов. Сталин, присвоить генералу Петрову И. Е. звание генерал-лейтенанта, чего он, безусловно, заслуживает, и оставить его в должности командующего Приморской армией. Ждем Ваших решений.

24/XIII- 1941 г. Октябрьский. Кулаков»{25}.

На следующий день Военный совет Закавказского фронта телеграфировал вице-адмиралу Ф. С. Октябрьскому:

«Тов. Петрова оставить командующим Приморской армией. Тов. Черняк назначается Вашим заместителем по сухопутным частям»{26}.

Мы вздохнули с облегчением. Известие о том, что генерал Петров (фактически и не выпускавший из своих рук [203] боевого управления армией) остается командармом Приморской, было с удовлетворением встречено в войсках.

Талант командарма созревал в тяжелых для нас боях. Замыслы и предложения генерала И. Е. Петрова, направленные на укрепление сухопутной обороны, на уничтожение живой силы и техники противника, неизменно поддерживались Военным советом флота. Все мы высоко ценили военную эрудицию и исключительную работоспособность Ивана Ефимовича, его смелость и решительность, его тесную связь с личным составом и скромность в быту. Приморская армия, возглавляемая опытным военачальником, успешно взаимодействовала с силами флота, мужественно отстаивала город русской морской славы.

И пехотинцы и моряки сражались под Севастополем с присущей советским воинам самоотверженностью. Они действовали сообща, как говорится, в одной упряжке, жили одной боевой семьей, дорожили крепкой дружбой. Атмосфера подлинного братства и войскового товарищества,

характеризующая отношения между моряками, летчиками и пехотинцами, всемерно поддерживалась Военным советом флота, командирами, политорганами, партийными и комсомольскими организациями, лично командующим флотом Ф. С. Октябрьским и командующим Приморской армией И. Е. Петровым, которые имели единые взгляды по коренным вопросам ведения боевых действий на севастопольском плацдарме.

Повышения в звании И. Е. Петров тогда не получил, а впоследствии, как известно, стал не только генерал-лейтенантом, но и генералом армии. Генерала Черняка командование фронта вскоре отозвало из Севастополя.

* * *

Начали прибывать на боевых кораблях и транспортах части 345-й стрелковой дивизии (командовал ею подполковник Н. О. Гузь, а военкомом был старший батальонный комиссар А. М. Пичугин). Прибыл также танковый батальон: два с половиной десятка Т-26, не очень грозных, с легкой броней, но для нас они явились существенной подмогой. Высаживались на севастопольские причалы маршевые роты, выгружались боеприпасы.

23 декабря стало первым с начала штурма днем, когда мы смогли перевести дух. Противник, явно ошеломленный вчерашней контратакой, по-видимому, подтягивал резервы. Атаки его были послабее прежних и везде успешно отбивались. Части левого фланга закреплялись на новом рубеже, где требовалось в первоочередном порядке организовать надежную [204] оборону подступов к 30-й береговой батарее, стоявшей теперь почти у переднего края. А бригада Потапова, поддерживаемая Чапаевской дивизией, нанесла дополнительный удар в направлении селения Камышлы и еще несколько продвинулась, заняв ряд выгодных позиций.

На следующий день натиск врага снова усилился. Гитлеровцы прорвались было в третьем секторе, на Мекензиевых горах, но положение удалось быстро восстановить контратакой введенного в бой свежего полка из дивизии подполковника Н. О. Гузя. А спустя несколько часов резко осложнилась обстановка левее по фронту, на участке уже совсем малочисленной 8-й бригады морпехоты. Однако и тут противник был отброшен назад. Контратаку, обеспечившую возвращение прежних позиций, возглавил сам командир бригады полковник В. Л. Вильшанский.

Назревавшие на различных участках прорывы врага стали

особенно опасными вследствие того, что все левое крыло фронта обороны приблизилось к городу. А тяжелой артиллерии, так выручавшей нас в трудные моменты, стало меньше. Не существовала больше 10-я береговая батарея, на 35-й действовала лишь одна башня, нуждались в замене стволов орудия других батарей. Крейсера же с их мощной артиллерией пришлось снова отправить в Новороссийск - они входили в боевой расчет десантной операции, подготовка к которой продолжалась (морской частью операции руководил теперь на Кавказе начальник штаба флота контр-адмирал И. Д. Елисеев).

Остававшиеся в Севастополе корабли - лидер «Ташкент» и три эсминца - непрерывно получали от начарта Приморской армии полковника Н. К. Рыжи новые и новые целеуказания. В течение 24 декабря эти четыре корабля открывали огонь по силам противника перед восемнадцатью различными участками обороны. Буквально без отдыха поддерживали наземные войска севастопольские летчики.

День 25 декабря прошел в отражении очередных попыток врага прорвать не там, так здесь нашу оборону. Решительными контратаками, огнем всех видов артиллерии, штурмовками с воздуха были сорваны такие попытки, в частности, у Чоргуня и в районе Итальянского кладбища. Мы сознавали, как опасно где-то опоздать, что-то проглядеть. Но скоро севастопольцам должно было стать легче - на Кавказе уже изготовились к действиям силы десанта.

Рано утром 26 декабря началась высадка на Керченский полуостров частей 51-й армии Закавказского фронта. Сперва - на северное его побережье, со стороны Азовского моря, [205] где действовала военная флотилия под командованием контр-адмирала С. Г. Горшкова. А затем (по новому плану десант высаживался на различных участках неодновременно) - на восточное, на подступы к самой Керчи, куда корабли с войсками шли через пролив из Тамани и других ближайших кавказских портов.

Это был пока только вспомогательный удар крупномасштабной операции, включавшей высадку шести дивизий и двух стрелковых бригад на 250-километровом фронте. До главного удара, когда боевые корабли, в том числе крейсера, должны были ворваться с основными силами 44-й армии в порт Феодосии, а часть войск высадить восточнее, у горы Опук, оставалось еще трое суток. А штормы в Азовском море и Керченском проливе, как вскоре стало известно, задерживали доставку подкреплений на первые захваченные десантниками плацдармы. И все же гитлеровское командование не могло не

понимать, что оперативная обстановка в Крыму начинает серьезно изменяться.

Как будет оно реагировать на это? Станет сразу же перебрасывать на восток часть войск, штурмующих Севастополе, или, наоборот, усилит здесь натиск, еще надеясь на решающий успех, с тем чтобы затем двинуть против десанта всю 11-ю армию? Наши разведданные на этот счет не могли дать немедленного ответа. Ясным сделалось одно: на ближайшие дни отпадала возможность вызвать к Севастополю крейсера отряда поддержки или что-либо доставить с Большой земли на обычно ходивших сюда транспортах - все они либо участвовали в высадке десанта, либо обеспечивали его.

В течение 26 декабря не обнаружилось еще никаких признаков оттягивания сил противника из-под Севастополя. Атаки его продолжались весь день, и на некоторых участках наши части были потеснены. Тяжелое положение создалось в районе станции Мекензиевы Горы, расположенной на кратчайшем для врага пути к Северной бухте, а также на подступах к 30-й береговой батарее.

Вечером Военный совет принял нелегкое для нас решение - вызвать с Кавказа для огневой поддержки войск СОР линкор «Парижская коммуна». Мы сознавали, насколько рискованно использовать его в непосредственной близости от аэродромов, где базируются сотни немецких бомбардировщиков, особенно если улучшится ненастная пока погода. Причем линкор требовался не на час-другой, как месяц назад, - теперь этого было недостаточно, и планировалось ввести его в бухту. Но отказаться от вызова линкора означало бы при [206] тогдашнем положении с береговой артиллерией рисковать еще большим.

27 декабря вражеские атаки не возобновились ни утром, ни позже. В штурме города наступила пауза, смысл которой был еще не вполне понятен. Воздушная разведка отметила усилившееся движение автомашин на дорогах Крыма. Но на дорогах, особенно нас интересовавших, оно не было односторонним: машины шли как из района Севастополя, так и к нему.

«Сегодня затишье во всех секторах, - доносил Военный совет флота наркому ВМФ Н. Г. Кузнецову и заместителю начальника Генерального штаба А. М. Василевскому. - Приводим части в порядок. Готовимся к отражению нового штурма врага, будучи уверены в своих силах, высоком политико-моральном состоянии всего гарнизона…»{27}.

Вместе с тем мы, хотя и с осторожностью, позволили себе предположить, что оттягивание сил врага к Керченскому полуострову уже началось. Очень уж напрашивалось такое

объяснение наступившего под Севастополем затишья, и хотелось верить, что причина его именно в этом. Но могло оно объясняться и перегруппировкой войск противника для нового натиска, для еще одной попытки достичь своей цели. Как потом выяснилось, имело место и то и другое.

Много лет спустя я прочел в мемуарах Манштейна:

«…Командование армии приняло решение, даже после высадки десанта у Феодосии (советские войска высадились там в ночь на 29 декабря. - *Н. К.),* все же идти на увеличивавшийся с каждым часом риск отсрочки высвобождения войск из-под Севастополя. Поэтому вначале был только отдан приказ прекратить наступление 30-го армейского корпуса, а 170-я пехотная дивизия была направлена на находившийся под угрозой Керченский полуостров. На северном же участке фронта - по согласованию с командиром 54-го армейского корпуса и командирами дивизий - должна была быть предпринята еще одна, последняя попытка прорыва к бухте Северной»{28}.

На рассвете 28 декабря, упредив готовившиеся активные действия наших войск (бригаде Потапова ставилась вадача восстановить положение у станции Мекензиевы Горы, где враг потеснил нас два дня назад), гитлеровцы открыли сильнейший огонь по всему фронту четвертого сектора. Артподготовка длилась целых полтора часа, и в ней участвовала [207] впервые обнаружившая себя немецкая реактивная батарея.

В результате последовавших затем атак фашистской пехоты и танков положение на северном направлении серьезно осложнилось. У станции Мекензиевы Горы, где шли особенно упорные бои, враг прорвался на стыке двух полков 345-й дивизии. Ее же силами он был остановлен, но после этого линия фронта, прошедшая через платформу станции, еще более приблизилась к бухте, и между нею и бухтой уже не оставалось подготовленных оборонительных рубежей. А небольшое продвижение противника на левом фланге, у моря, создало угрозу окружения 30-й береговой батареи. Она перешла на стрельбу шрапнелью, а часть личного состава заняла перед орудийными башнями полевую оборону.

Для прикрытия 30-й батареи на левый фланг была спешно переброшена сведенная в два неполных батальона 8-я бригада морской пехоты (которую мы за двадцать часов до этого отвели в резерв, надеясь доукомплектовать). Вновь находились на переднем крае и подразделения кавдивизии, которой после гибели Ф. Ф. Кудюрова командовал подполковник В. Н. Затылкин, - обстановка опять заставляла вводить в бой все резервы.

Подведя итоги тревожного дня, командование СОР пришло к

выводу, что необходимо во что бы то ни стало восстановить положение, существовавшее сутки назад, вернуть станцию Мекензиевы Горы, фактически потерянную нами, что ослабило бы угрозу прорыва противника к Северной бухте и к Инкерману. На утро 29 декабря была назначена контратака 345-й дивизии и 79-й бригады, которые оставались наиболее боеспособными.

В час ночи на 29 декабря в Южную бухту вошел вызванный Военным советом линкор. Флагманский корабль флота имел раньше постоянную, всем известную якорную стоянку в более просторной Северной бухте. Сейчас командир линкора капитан 1 ранга Ф. И. Кравченко получил указание поставить корабль на бочки, приготовленные для него вблизи Холодильника, почти напротив штольни ФКП. Эту позицию линкор занял без помех, по-видимому не обнаруженный противником.

Еще один крупный корабль, следовавший из кавказских баз, - крейсер «Молотов», впервые использованный для поддержки войск СОГ (командовал им капитан 1 ранга 10. К. Зиновьев), смог подойти к Севастополю лишь на исходе ночи, когда уже рассветало. Принятый к Угольному причалу в Северной бухте, крейсер и швартовался, и разгружался [208] под артобстрелом, правда, не прицельным. Прямых попаданий он избежал, однако получил множество осколочных пробоин в палубных надстройках, потерял двух краснофлотцев, имел на борту немало раненых. Но в это же время, еще не разгрузившись, вел огонь и сам крейсер, сорвав утреннюю атаку противника на напряженном участке фронта.

На крейсере прибыло пятнадцать вагонов боеприпасов для полевой артиллерии. Корабли доставили также первые батальоны только что выделенной Севастопольскому оборонительному району 386-й стрелковой дивизии и несколько маршевых рот.

Маршевое пополнение начинало поступать не совсем обычное. Об обороне Севастополя много писали в газетах, за ней следила вся страна, и командование Северо-Кавказского военного округа стало при участии партийных и комсомольских организаций Краснодарского края отбирать добровольцев на защиту города русской морской славы. Недостатка в них, как видно, не было. Развернулась такая работа и в соседнем Орджоникидзевском (ныне - Ставропольский) крае.

На артиллерию пришедших кораблей в тот раз возлагались особенно большие надежды. Крейсер в течение дня провел двенадцать стрельб главным калибром и еще три зенитным - не по самолетам, а тоже по наземным фашистским войскам. В восемь часов утра могучие орудия линкора ударили по долине Бельбека, где появились вражеские танки и сосредоточивалась

для атак пехота. До вечера «Парижская коммуна» открывала огонь пятнадцать раз. В долине Бельбека корпосты занесли на счет линкора тринадцать уничтоженных танков, восемь тяжелых орудий, и это была лишь часть урона, нанесенного врагу его залпами.

Обнаружив утром линкор, гитлеровцы попытались атаковать его с воздуха. Но к Южной бухте была подтянута группа зенитных батарей, и они не подпускали бомбардировщиков к цели. Накануне прояснилось, и фашистская авиация проявляла прямо отчаянную активность, какой не наблюдалось давно. А теперь небо опять заволокло низкими облаками, мешавшими массированным налетам.

По стоянке линкора открыла было огонь немецкая дальнобойная батарея, однако продолжалось это недолго. Получив от армейских корректировщиков ее координаты, артиллеристы «Парижской коммуны» несколькими залпами разнесли батарею. Управлял огнем корабля капитан-лейтенант М. М. Баканов. Это произошло около полудня, и больше ни [209] одна батарея противника до конца дня не решалась обстреливать бухты или город.

Ночью линкор, приняв на борт больше тысячи раненых, ушел в Новороссийск. Слишком долго держать его в Севастополе, в нескольких километрах от линии фронта, было бы чрезмерным риском. К тому же линкор мог понадобиться для поддержки с моря десантных войск, наступавших от Феодосии.

Крейсер мы оставили еще на сутки. Огонь двух тяжелых кораблей и сопровождавших их эсминцев очень помог защитникам Севастополя. «29 декабря решающее влияние оказал линкор», - отмечалось в одном из наших донесений старшим начальникам. По докладам с наблюдательных постов некоторые залпы линкора сметали целые подразделения фашистской пехоты. Немало значила и поддержка моральная - сам грохот линкоровских орудий, само присутствие могучего корабля в Южной бухте, на виду у всего города, поднимали у севастопольцев дух.

И 29 декабря, и 30-го на ближних подступах к городу продолжались ожесточенные бои. На ряде участков они были встречными, особенно 29-го: противник пытался развить успех там, где смог продвинуться на несколько сот метров накануне, а наши части настойчиво контратаковали, добиваясь возвращения утраченных позиций. Геройски дрались подразделения потаповской бригады и многонациональной 345-й дивизии, в рядах которой вместе с русскими бойцами сражались сыны почти всех народов Кавказа.

Станция Мекензиевы Горы переходила из рук в руки. Вечером 29 декабря она осталась у врага, а на следующий день борьба за нее разгорелась с новой силой. По-прежнему находилась в опасности 30-я береговая батарея. Подразделения гитлеровцев с двумя танками прорвались в городок артиллеристов и были выбиты оттуда лишь с помощью вызванной на штурмовку авиации. Взятые здесь пленные оказались саперами, посланными, чтобы взорвать батарею.

Мы знали о полном успехе десантной операции на востоке Крыма, о том, что войска 44-й и 51-й армий, освободив Феодосию и Керчь, продвигаются дальше. Корабли высаживали части второго эшелона, на Керченском полуострове шло наращивание сил. И наступление их облегчалось стойкостью гарнизона СОР, у рубежей которого все еще находились основные силы 11-й немецкой армии. Было понятно: продолжавшиеся атаки под Севастополем - последние попытки упрямого врага сломить наше сопротивление, и вот-вот им должен прийти конец. Но гитлеровцы еще могли захватить [210] высоты, господствовавшие над бухтами, создав критическое для города положение. Штурм, длившийся две недели, еще не был отбит.

Между тем командование Кавказского фронта (так стал называться бывший Закавказский) потребовало, чтобы Приморская армия с утра 31 декабря перешла в наступление с целью сковать силы противника, не допустить вывода их от Севастополя к Керченскому полуострову.

Со стороны это, должно быть, выглядело логичным. Да мы и сами уже настраивались на наступательный лад. Думали не только о том, как начнем оттеснять фашистов от Севастополя. Планировали высадку десантов в Евпатории, в Ялте… Однако пока еще приходилось отбивать атаки врага, и это требовало от защитников Севастополя напряжения всех сил.

Вечером 30 декабря положение фронта обороны и возможные действия войск СОР обсуждались у вице-адмирала Ф. С. Октябрьского при участии командующего Приморской армией И. Е. Петрова и других военачальников. Армейцы единодушно заявляли, что в настоящий момент начать наступление невозможно: войска измотаны тяжелыми боями, резервов нет, выделенная фронтом дивизия еще не прибыла, боезапас ограничен, большинство кораблей занято обеспечением десанта. Пришли к выводу и решению: раз наступать по-настоящему еще не можем, то для сковывания противника и хотя бы некоторого улучшения своих позиций следует предпринять завтра во всех секторах демонстративные наступательные действия. А на северном направлении, где враг рвался к бухте (тут дело шло не о

том, как сковать его, а как остановить), постараться предельно ослабить его атаки сильной артиллерийской контрподготовкой.

«Севастополе обстановка остается напряженной, - телеграфировал Военный совет флота командованию фронта. -… Главные бои идут у станции Мекензиевы Горы, которая все время переходит из рук в руки… В прибывшей недавно от вас 79-й бригаде осталось 1200 бойцов, в 345-й стрелковой дивизии около 2000 бойцов… Сегодня с утра противник, казалось, ослабил нажим, но во второй половине дня и вечером вновь вел и продолжает вести яростные атаки, бросая все свои резервы, применяя мощный огонь и тяжелые танки. 31 декабря ждем продолжения атак. Резервы наши исчерпаны. Ждем быстрейшей помощи 386-й стрелковой дивизии и маршевых рот…»{29}. [211]

Далее мы сообщали, какие действия запланировали на завтра для удержания своих позиций и сковывания сил противника.

* * *

Утром последнего дня 1941 года Мекензиевы горы окутывал густой туман. Но исходные районы главных вчерашних атак, откуда гитлеровцы, по всем имевшимся данным, подтвержденным ночной разведкой, собирались атаковать и сегодня, были хорошо пристреляны. И в 7 часов 10 минут началась наша контрподготовка. Штабы артиллерии Приморской армии и береговой обороны и флагманский артиллерист флота капитан 1 ранга А. А. Рулль тщательно спланировали этот упреждающий удар, обеспечив небывалую еще за время существования СОР плотность огня. Трехкилометровый участок фронта, который мы считали решающим, обрабатывали в течение 20 минут 240 полевых, береговых и корабельных орудий. На северное направление был развернут ряд батарей, стоявших на правом фланге обороны, к югу от города.

Контрподготовка, несомненно, сделала свое дело. Но в 10 часов, необычно поздно по сравнению с другими днями, враг все же возобновил атаки. Направление их не оставляло сомнений в том, что он все еще пытается пробиться к Северной бухте. (Как стало впоследствии известно, руководители вермахта накануне потребовали от Манштейна: если не удастся до отвода части войск к Керченскому полуострову овладеть Севастополем, то надо хотя бы выйти на берег бухты и закрепиться на нем.)

Бой разгорелся жестокий. Обеспечив себе на узких участках большой численный перевес, противник местами вклинился в нашу оборону. Некоторые командиры просили разрешения

отвести свои части немного назад, чтобы выровнять фронт. Им отвечали: отходить нельзя и некуда, выдвигайте пушки на открытые позиции и бейте по танкам и пехоте прямой наводкой.

Часам к одиннадцати туман совсем рассеялся, проглянуло солнце. В это время гитлеровцы, предпринимая очередную атаку, надумали прикрыть ее дымовой завесой, чего раньше не делали. Заклубившийся дым, который понесло ветром на наши позиции, был сперва принят за газы. Но люди не дрогнули. Надев по команде противогазы - они у каждого были при себе, - бойцы приготовились отражать новый натиск врага.

Однако главное сделала артиллерия. На случай если это [212] понадобится, были заранее отпущены боеприпасы еще на один массированный 15-минутный огневой налет. Сейчас он стал необходим, и двести сорок полевых, береговых и корабельных орудий вновь были нацелены на решающий участок фронта, накрыв здесь расположение врага от переднего края до ближних тылов. После этого наша пехота поднялась в контратаку.

Там, где гитлеровцы утром смогли еще немного продвинуться, их отделяли от Северной бухты всего два с небольшим километра. Но та фашистская атака, прикрытая вонючим дымом, оказалась последней в декабрьском штурме. Когда ее отбили, наступило тревожное затишье. Нельзя было сразу понять, на что еще способен враг, чего можно сейчас от него ожидать. Затем выяснилось: на участках самых напряженных схваток противник начал отходить!…

В частях, только что отбивших его последний отчаянный натиск, стали спешно сколачивать отряды преследования. В них включали всех, кто был под рукой, - и ездовых, и подносчиков снарядов, и оркестрантов…

Будь у нас в резерве свежие силы, имей мы в тот час заранее подготовленные мобильные группы преследования, очевидно, можно было бы лучше использовать наступивший перелом и, не давая врагу опомниться, отбросить его подальше. А при наличии более крупных резервов - даже развернуть с ходу наступление в направлении Симферополя.

Но резервов не было. Да и отходил противник далеко не везде. Он лишь спешил выбраться из клиньев, которые так настойчиво создавал, вгрызаясь в нашу оборону, и где теперь почувствовал себя в опасности, оставлял позиции, откуда уже не мог продвинуться дальше. А на других, более выгодных, быстро, организованно закреплялся - немцы это умели.

На северном направлении наши части окончательно заняли станцию Мекензиевы Горы и высоты за нею, во втором секторе освободили Верхний Чоргунь и полностью овладели высотой с

Итальянским кладбищем (на ней утвердилась бригада Жидилова), несколько продвинулись на ряде других участков, в том числе в районе 30-й батареи. На большее - даже при огромном подъеме духа в отстоявших Севастополь войсках - сил пока не хватило.

Так закончился, так провалился у гитлеровцев затяжной декабрьский штурм нашей черноморской твердыни. Обеспечив себе большой перевес и в численности войск, и в огневой силе, а особенно в авиации и танках, враг рассчитывал [213] овладеть городом за пять дней, но и за шестнадцать дней упорных атак своей цели не достиг. Фронт наступления сократился за это время с тридцати километров до шести, однако и сосредоточение усилий на узких участках не помогло где-либо прорвать нашу оборону на всю глубину. В декабре армия Манштейна потеряла перед рубежами СОР до 40 тысяч своих солдат. Недешево стоило и нам отстоять Севастополь.

Его защитники показали в декабрьских боях мало с чем сравнимые мужество и самоотверженность, а также возросшее воинское умение. Я уже говорил, какой боевой эффект имели хорошо скоординированные действия всех видов артиллерии, включая корабельную, своевременная переброска с Кавказа 79-й бригады, а затем 345-й стрелковой дивизии, их героические контратаки. Надо особо сказать и о том, как много значила отменная стойкость полков 95-й стрелковой дивизии, батальонов 8-й бригады морской пехоты, которые, находясь с первых часов штурма на направлении главного удара противника, дрались поистине геройски.

95- й дивизией командовал генерал-майор В. Ф. Воробьев, а в последние дни декабря -уже полковник А. Г. Капитохин, до того командир одного из ее полков. В. Ф. Воробьева перевели в штаб Приморской армии, где он вскоре стал замещать Н. И. Крылова. Николай Иванович, получивший в разгар боев звание генерал-майора, был тяжело ранен при одном из выездов в войска и надолго оказался в госпитале, но эвакуироваться из Севастополя не захотел, и должность начальника штаба армии оставалась за ним.

8- я бригада морпехоты полковника В. Л. Вильшанского потеряла в декабре большую часть своего личного состава (и в том числе четырех комиссаров батальонов). Бойцов, оставшихся в строю, передали в 7-ю бригаду и в 1-й Севастопольский полк морпехоты, А когда представилась возможность, в январе 1942 года, 8-я бригада была заново сформирована на основе этого полка и вернулась на боевые рубежи под командованием полковника П. Ф. Горпищенко.

* * *

Массовый героизм защитников Севастополя, бесспорно, сыграл решающую роль в срыве тщательно подготовленного противником штурма. К декабрю сорок первого относится много подвигов, навсегда вошедших в историю Севастополя, ставших известными всей стране.

Уже после отражения штурма удалось установить подробности подвига нескольких моряков, поведение которых, [214] мне кажется, с особенной силой выразило дух непоколебимой стойкости, царивший на севастопольских рубежах. То, что совершила эта маленькая группа бойцов, думается, помогает понять, как выстоял весь Севастополь.

…На склоне высоты с отметкой 192,0 западнее селения Камышлы (ныне - Дальнее) располагался дзот № 11 - одна из огневых точек пулеметной роты лейтенанта М. Н. Садовникова.

За сутки до того, как гитлеровцы начали свое декабрьское наступление, в роте состоялось делегатское комсомольское собрание с повесткой дня: «О предстоящих боях». На собрании единогласно приняли такую резолюцию:

«Над нашим родным городом, над главной черноморской базой, над всеми нами нависла смертельная опасность. Враг рвется в наш любимый город Севастополь. Мы клянемся Родине:

1. Не отступать назад ни на шаг.

2. Ни при каких условиях не сдаваться в плен, драться в врагом по-черноморски, до последнего патрона, до последней капли крови.

3. Быть храбрыми и мужественными до конца. Показывать пример бесстрашия, отваги, героизма всему личному составу.

4. Наше решение-клятву поместить в боевых листках и сообщить по всем дзотам, окопам, огневым точкам.

5. Настоящее решение обязательно для всех комсомольцев».

В дзоте № 11 комсомольцами были все - командир огневой точки старшина 2-й статьи Сергей Раенко и семь молодых краснофлотцев из электромеханической школы учебного отряда флота. Решение собрания, принятое при участии их делегата, они скрепили своими подписями.

В дзоте были станковый пулемет с поворотным устройством для ведения огня через любую из трех амбразур, ручной пулемет и на каждого по винтовке. Имелся солидный боезапас - 60 тысяч патронов, полторы сотни гранат, двести бутылок с горючей смесью. Конструкция огневой точки могла выдержать попадание

трехдюймового снаряда. Но сильны были бойцы дзота и другим - решимостью выполнить до конца воинский долг, свою комсомольскую клятву.

Дзот стоял не на передовом рубеже, а в глубине нашей обороны, и в первый день штурма бой сюда не дошел. Когда же противнику удалось продвинуться, дзот оказался сперва на переднем крае, а потом и в окружении. Горсточка моряков стала гарнизоном маленькой осажденной крепости. [215] Им пришлось действовать самостоятельно, и к этому они были готовы.

С утра 18 декабря гитлеровцы держали дзот под интенсивным артиллерийским и минометным обстрелом - он мешал им овладеть высотой. Но подавить огневую точку они никак не могли, и пулемет дзота косил появлявшуюся на склоне вражескую пехоту.

Несмотря на прочность дзота, нес потери и его личный состав - в амбразуры залетали осколки разрывавшихся рядом мин. Был смертельно ранен стоявший у пулемета старшина Раенко. Умирая, он напомнил товарищам о данной ими клятве. Командование огневой точкой принял и встал к пулемету краснофлотец Дмитрий Погорелов. Потом выбыл из строя и он. К пулемету становились краснофлотцы Василий Мудрик (вскоре он был убит), Алексей Калюжный. На подступах к дзоту лежали уже многие десятки перебитых фашистских солдат.

Ночью, когда наступило некоторое затишье, бойцы готовились к отражению новых атак, чистили пулемет, набивали ленты. А затем вновь дрались весь день, истребляя наседавших гитлеровцев и пулеметными очередями, и гранатами. В ночь на 20 декабря пришли на подмогу, сумев добраться до дзота, три моряка-коммуниста, и один из них - Михаил Потапенко вступил в командование огневой точкой. Были доставлены ручные пулеметы, пополнен боезапас.

На третий день боев за высоту противник, не сокрушив дзот артиллерией и минометами, вызвал для его подавления самолеты, сбросившие до десятка бомб. Только теперь маленькое укрепление, едва возвышавшееся над землей, было наполовину разрушено. Однако все, кто оставался в живых в боевом расчете, продолжали сражаться. Потапенко, уже тяжело раненный, приказал краснофлотцу Григорию Доле, тоже раненному, ползти к командному пункту подразделения - доложить обстановку и просить помощи.

От Доли, которому посчастливилось добраться до КП, и от другого краснофлотца - Ивана Еремко, который, будучи тяжело ранен и израсходовав все патроны и гранаты, отполз в кустарник, где его потом нашли санитары, и стало известно, как сражался трое суток окруженный дзот № 11, сдерживая продвижение врага и нанося ему огромный урон.

Когда наши части отбросили гитлеровцев назад, в разрушенном дзоте, в противогазной сумке, была найдена записка последнего бойца расчета - пулеметчика Алексея Калюжного. Его предсмертные слова прочел, услышал весь [216] флот: «Родина моя! Земля русская! Я, сын Ленинского комсомола, его воспитанник, дрался так, как подсказывало мне сердце, истреблял врагов, пока в груди моей билось сердце. Я умираю, но знаю, что мы победим. Моряки-черноморцы! Держитесь крепче, уничтожайте фашистских бешеных собак. Клятву воина я сдержал. Калюжный».

На месте дзота № 11 поставлен после войны памятник. Он напоминает о героической самоотверженности не только бойцов этой огневой точки. Железную стойкость проявили и бойцы стоявших неподалеку дзота № 12, дзота № 13 и других. Их расчеты, укомплектованные такими же краснофлотцами первого года службы из электромеханической школы, тоже сражались до последнего вздоха.

Выстоять в декабре, несомненно, помогло и то, что войска СОР действовали в обороне весьма активно. Контратаки батальоном и более крупными силами предпринимались за шестнадцать дней свыше сорока раз. Имей мы достаточно резервов, контратак было бы еще больше.

Но противник ощутил боевую активность севастопольцев не только на переднем крае обороны. Были у нас люди, совершавшие в это время вылазки во вражеские тылы. И о них нужно хотя бы кратко рассказать.

Когда начинались бои за Севастополь, был сформирован небольшой отряд для действий на захваченной гитлеровцами территории. Имелось в виду, что он будет наряду с добыванием необходимых нам сведений о противнике наносить фашистам удары там, где они меньше всего этого ожидают. Словом, создавалось подразделение, предназначенное переходить фронт, высаживаться на побережье с моря или сбрасываться на парашютах. Бойцов для него - 56 коммунистов и комсомольцев - подобрали среди отличившихся морских пехотинцев и из корабельных добровольцев, рвавшихся в морпехоту. Командиром отряда был назначен капитан В. В. Топчиев, военкомом - батальонный комиссар У. А. Латышев. Отряд разместили в

пустовавшем уединенном доме отдыха Морзавода.

После месяца упорных тренировок и первых вылазок за линию фронта (разведчики достигали Бахчисарая, где существенно уточнили имевшиеся данные о резервах противника, добрались до маяка на мысе Сарыч) был еще в начале декабря проведен ночной рейд в захваченную фашистами Евпаторию. Высадившись там с катеров без единого выстрела, две группы отряда преподнесли оккупантам немало сюрпризов. В полицейском управлении они изъяли архив, освободили заключенных, а затем подожгли здание. Среди [217] гитлеровцев, попавших под пули разведчиков на ночных улицах, оказался, как потом выяснилось, помощник начальника евпаторийского гарнизона. Отходя, моряки забросали бутылками с горючей смесью несколько моторных шхун и портовую пристань. Отряд вернулся в Севастополь с пленными и трофеями, не потеряв ни одного бойца, не имея даже раненых. Не часто дела такого рода заканчивались так счастливо, как в тот раз!

Представить, какой переполох возник у немцев, можно было уже по тому, что об этих событиях сообщало даже берлинское радио. Понятно, мы не могли тогда раскрывать, кто именно все это сделал. Но рассказать севастопольцам, как досталось оккупантам в соседнем городе, все же следовало. В появившейся некоторое время спустя во флотской газете статье Ф. С. Октябрьского об этом было написано так: «…Группа партизан ворвалась в Евпаторию… Орудовали всю ночь, были, по существу, хозяевами города и под утро скрылись, уведя еще группу пленных»{30}.

Через два дня после смелого рейда отличившимся его участникам были вручены боевые награды.

Накануне декабрьского штурма и в дни, когда он отражался, шесть моряков-разведчиков во главе с мичманом Ф. Ф. Волончуком, высадившихся со шлюпки на южном побережье Крыма, держали под контролем участок Ялтинского шоссе. Мы регулярно получали радиодонесения о том, что и куда по шоссе движется, но этим разведчики не ограничивались. Из засад в скалах они обстреливали или забрасывали гранатами то автомашину, то обоз. А однажды, сняв немецких регулировщиков и заняв их место у ответвляющейся от шоссе дороги, сумели загнать в тупик целую колонну неприятельских грузовиков, на штурмовку которых вылетели из Севастополя наши летчики.

Гитлеровцы начали охотиться за разведчиками, отрезали им обратный путь к морю. Однако группа Федора Волончука, проведя в тылу врага больше двух недель, вернулась в Севастополь, потеряв лишь одного человека.

Хочется добавить, что война застала сверхсрочника Волончука, служившего раньше на кораблях, в должности начальника одного из севастопольских шхиперских складов. И вот из типичного флотского хозяйственника получился отличный разведчик. В дальнейшем, когда командование флота находилось уже на Кавказе, он не раз выполнял в захваченном врагом Крыму еще более сложные и ответственные [218] задания. Мичман был произведен в офицеры, после войны ушел в запас майором.

* * *

31 декабря 1941 года, в день, к исходу которого стало окончательно ясно, что планы гитлеровцев овладеть Севастополем вновь сорваны, газета «Правда», как бы предвидя именно такое развитие событий, вышла с передовой статьей, где были глубоко взволновавшие всех нас строки:

«Несокрушимой скалой стоит Севастополь, этот страж Советской Родины на Черном море… Беззаветная отвага его защитников, их железная решимость и стойкость явились той несокрушимой стеной, о которую разбились бесчисленные яростные вражеские атаки. Привет славным защитникам Севастополя! Родина знает ваши подвиги, Родина ценит их, Родина никогда их не забудет!»

Московские газеты шли к нам долго, и чтобы слово центрального органа партии быстрее доходило до наших бойцов и командиров, редактору газеты «Красный черноморец», которую читал на флоте каждый, часто давалось указание опубликовать передовую статью «Правды», принятую по радио. Была записана и перепечатана, дошла уже на следующий день до всех севастопольцев и та передовая. [219]

Глава восьмая.

Так называемое затишье

Успех Керченско-Феодосийской десантной операции - это был, кстати сказать, крупнейший наш морской десант за всю войну - снял угрозу вторжения немецко-фашистских войск на Кавказ через Керченский пролив и изменил всю обстановку в Крыму.

К вечеру 2 января советские войска, высадившиеся на крымскую землю, продвинулись на 100-110 километров, очистив

от гитлеровцев весь Керченский полуостров. Обеспечив себе, таким образом, важнейший оперативный плацдарм и исчерпав, как мы понимали, возможности наступления с ходу, они остановились немного западнее Ак-Монайских позиций. Фронт на востоке Крыма стабилизировался по линии от Киета на азовском побережье до Коктебеля на черноморском - примерно в ста километрах от Симферополя. На этот новый в Крыму фронт Манштейн перебросил из-под Севастополя пехотные и некоторые другие части, перенацелил туда почти всю поддерживавшую его армию авиацию. Боевое напряжение на севастопольских рубежах пошло на спад.

Мы жили в те дни надеждами на скорое деблокирование главной базы флота. Войска СОР, остро нуждавшиеся в восполнении потерь, готовились тем не менее поддержать решительное наступление армий Кавказского фронта (переименованного вскоре в Крымский). Активно содействовать наступлению в Крыму должен был и Черноморский флот в целом, оперативно подчиненный фронту.

Керченско-Феодосийская операция не обошлась для флота без потерь. Из крупных боевых кораблей серьезно пострадал крейсер «Красный Кавказ», который под вражеским огнем высаживал десантников в порту Феодосии, а затем был использован для срочной переброски туда зенитного артдивизиона{31}. Повреждения, полученные крейсером [220] (главным образом - при атаках фашистской авиации), были таковы, что корабль с трудом удалось довести до берегов Кавказа, где он надолго встал на ремонт. Там же, в Феодосии, мы потеряли при разгрузке несколько транспортов.

Между тем в порядок дня встали большие морские перевозки, связанные с наращиванием наших сил на Керченском полуострове и обеспечением их всем необходимым. Число судов, совершающих рейсы с Кавказа в Севастополь, пришлось резко ограничить. А корабли нужны были и для новых десантов.

К сожалению, в штабе фронта в то время, по-видимому, не вполне представляли возможности флота и Приморской армии, как и фактическую обстановку под Севастополем. От нас требовали, например, готовить одновременную высадку стольких десантов, на сколько не могло хватить высадочных плавсредств. Или - переходить в общее наступление с рубежей СОР в условиях, когда перед ними оставалась большая часть 11-й немецкой армии и сил недоставало даже на то, чтобы полностью восстановить севастопольский плацдарм, существовавший до декабрьского штурма.

Об этом говорит в своих мемуарах и Маршал Советского

Союза Н. И. Крылов. И заключает: «Признаться, я был тогда рад, что мы (имеется в виду Приморская армия. - *Н. К.)* подчинены фронтовому начальству все-таки не непосредственно, а через командование Севастопольского оборонительного района. Ему и досталась нелегкая миссия объяснять штабу фронта истинное положение вещей и наши реальные возможности»{32}.

Все, что было в наших силах, разумеется, делалось.

«Выполняя настойчивые требования перейти в наступление под Севастополем, - отмечал Филипп Сергеевич Октябрьский в докладе на военно-исторической конференции в мае 1961 года, - мы делали частые попытки, но, кроме отбития у врага отдельных, правда, важных для нас высот, ничего не добивались, а потери несли большие, так как враг, сняв часть сил с севастопольского фронта, огневую мощь не ослаблял. Ни о каком общем решительном наступлении под Севастополем на Качу-Бахчисарай, как требовал генерал Козлов (генерал-лейтенант Д. Т. Козлов командовал Кавказским, а затем Крымским фронтом. - *Н. К.),* конечно, не могло быть и речи». [221]

Флоту недешево обошлись трудные январские десанты, общее назначение которых состояло в том, чтобы помочь фронту отвлечением и оковыванием сил противника и захватить новые плацдармы для расширения наступательных действий в Крыму. Верилось, что при достаточно быстром продвижении сухопутных войск от Ак-Моная к перешейкам (в районе Перекопа также планировался десант) удастся отрезать для армии Манштейна пути отхода на материк. «Не выпустить врага из Крыма!» - такой родился тогда лозунг.

5 января специально сформированный в Севастополе батальон морской пехоты под командованием капитана Г. К. Бузинова был высажен в порту Евпатории. В десант включили группу побывавших недавно в этом городе бойцов разведотряда во главе с капитаном В. В. Топчиевым.

Враг оказал десантникам сильное противодействие. Обстановку еще более осложнил разыгравшийся шторм. В самом начале боя погиб командир высадки, то есть непосредственный руководитель десантной операции капитан 2 ранга Н. В. Буслаев, в подчинении которого находились и участвовавшие в ней корабли - базовый тральщик «Взрыватель», буксир и семь сторожевых катеров. Несмотря на это, десантники, овладев портом и уничтожив несколько неприятельских батарей, успешно продвигались в глубь города. За несколько часов они заняли примерно половину Евпатории. К морским пехотинцам присоединялись поднявшиеся против оккупантов местные жители и скрывавшиеся у них советские бойцы из подразделений,

попавших в окружение осенью. От фашистов очищался квартал за кварталом.

Тем временем стало известно, что готовившееся наступление наших войск с Керченского полуострова (к его началу был приурочен десант) откладывается. Как видно из немецких документов, гитлеровцы, ожидая наступления из района Феодосии, подтягивали туда резервы, которые теперь были брошены против десантников.

«Хотя обстановка на феодосийском участке была очень серьезной, - признает Манштейн в своих воспоминаниях, - командование армии вынуждено было все-таки решиться на то, чтобы повернуть первый же направлявшийся туда на автомашинах с южного фронта из-под Севастополя полк (105 пп) и послать его в Евпаторию с задачей возможно скорее уничтожить высадившиеся здесь войска… Находившиеся в распоряжении командования армии разведывательный батальон 22-й пехотной дивизии, несколько [222] батарей и 70-й саперный батальон уже ранее были направлены в Евпаторию»{33}.

Появление в городе 105-го немецкого пехотного полка с приданными ему танками и самоходными орудиями резко изменило соотношение сил в пользу противника, который и. до того имел численный перевес. Из-за шторма, оказавшегося, как назло, затяжным, мы не смогли доставить десантникам подкрепление (безуспешные попытки высадить его предпринимались в течение двух дней). У Евпатории погибли тральщик, поддерживавший высаженный батальон огнем, и два катера. Враг отрезал десант от порта и моря, связь с ним прекратилась.

Высадиться в районе Евпатории с подводной лодки и проникнуть в город для выяснения судьбы десантного батальона удалось лишь флотским разведчикам с рацией. Их донесения подтвердили, что морские пехотинцы более двух суток вели неравный бой, сражаясь до последнего человека. Судьбу героического батальона разделила и эта разведгруппа. Окруженные фашистами в одном из домов и потерявшие уже нескольких своих товарищей, разведчики передали открытым текстом, что будут отбиваться, пока есть патроны. Помочь им было невозможно. Потом вахтенный радист услышал голос возглавлявшего группу батальонного комиссара Ульяна Андреевича Латышева и записал его слова: «Мы подрываемся на своих гранатах. Прощайте!…»

После гитлеровцы объявили, что в Евпатории расстреляно 1308 «партизан». Вот каких масштабов расправу учинили оккупанты над жителями города - убили их почти втрое больше,

чем пало в бою десантников.

В начале января в Севастополе вновь находился несколько дней заместитель наркома и начальник Главного политуправления ВМФ армейский комиссар 2 ранга И. В. Рогов. Он разделил с нами переживания, связанные с неудачным евпаторийским десантом.

Рогов побывал во многих частях СОР. Его интересовали состояние войск после отражения декабрьского штурма, настроение бойцов и командиров, их осведомленность о положении на фронтах, где Красная Армия нанесла врагу за последние недели ряд сокрушительных ударов. Сопровождая армейского комиссара, я был свидетелем его оживленных бесед с морскими пехотинцами, летчиками, артиллеристами. [223]

Помню, на 35-й береговой батарее краснофлотцы рассказали Рогову о том, что их товарищи, ушедшие в самые трудные дни декабря в морскую пехоту, сейчас сидят в окопах, отбитых у немцев. При этом был упомянут старший сержант Борис Мельник - он отличился в недавних боях, лично уничтожил больше двух десятков гитлеровцев в штыковых контратаках, а к тому времени уже командовал ротой.

- Мельник? - переспросил Иван Васильевич. - Это который борец? Как же, знаю его.

Артиллеристов обрадовало, что заместителю наркома известен их любимец, популярный среди черноморцев спортсмен. На батарее гордились его победами на флотских спартакиадах, а теперь и боевыми подвигами.

Много внимания уделил начальник Главного политуправления ВМФ опыту политической работы в дни декабрьских боев, тому, как показали себя в это время политорганы, комиссары, партийные и комсомольские вожаки. Геройскому военкому 7-й бригады морской пехоты Н. Е. Ехлакову он присвоил внеочередное воинское звание. В трудные декабрьские дни Николай Евдокимович Ехлаков был в бригаде и комиссаром и командиром, успешно справился с временно возложенными на него обязанностями раненого комбрига Е. И. Жидилова. А Василий Степанович Коптелов - недавно еще политрук, а теперь батальонный комиссар - был назначен вместо погибшего в Евпатории У. А. Латышева. В прошлом корабельный политработник, Коптелов, будучи политруком краснофлотского отряда, влитого в Чапаевскую дивизию, отлично зарекомендовал себя в боях под Одессой, а потом у Ишуньских позиций, был неоднократно ранен, имел уже орден Красного Знамени. Послав его в разведотряд, мы не ошиблись.

Полгода спустя, на состоявшемся в июле 1942 года

совещании по вопросам политического обеспечения боевых действий флотов, И. В. Рогов отмечал:

«В период второго штурма Севастополя стало совершенно очевидным, что политработники не только сумели воспитать у краснофлотцев непоколебимую стойкость и дисциплину, храбрость и мужество, жгучую ненависть к фашистам и безграничную преданность партии, любовь к командирам, готовность пожертвовать собой, но и обеспечить выполнение боевого приказа. Политработники являли собой образец стойкости, храбрости и бесстрашия в бою». [224]

Осмыслив уроки высадки в Евпатории, Военный совет флота 10 января доложил командованию фронта, что малочисленные по составу морские десанты успеха иметь не будут, так как противник, учтя опыт Керчи и Феодосии, усилил оборону десантоопасных участков побережья и в состоянии уничтожить такие десанты до того, как они смогут соединиться с нашими войсками. Мы указывали также на нехватку кораблей (многие, поврежденные в боях, стояли в ремонте; из крейсеров оставались в строю два, из эсминцев - пять), на необходимость обеспечивать крупные перевозки в Крым, конвоирование транспортов. Ввиду всего этого Военный совет просил ограничить поддержку сухопутных войск с моря действиями корабельной артиллерии в ночное время, а дальнейшие десанты сейчас не планировать.

Наши соображения в какой-то мере были приняты во внимание, но полностью отказаться от тактических десантов в ближние тылы противника командование фронта не считало возможным. К некоторым уже велась подготовка, и об отмене их вопроса стоять не могло. На очереди был новый, уже второй, десант в районе Судака.

Первый удалось высадить там без особых осложнений еще в ночь на 6 января. Правда, из-за штормовой погоды пришлось, на ходу перестроив план, отказаться от использования сторожевых катеров. Однако командир эсминца «Способный», на борту которого находилось подразделение горнострелкового полка, капитан 3 ранга Е. А. Козлов нашел у мыса Чеканного достаточно защищенное от волн место, чтобы переправить десантников на берег на малом корабельном катере и шлюпках. Место оказалось выгодным и в том отношении, что гитлеровцы совершенно не ожидали там десанта. Передовой отряд 226-го горнострелкового полка майора Селихова - 218 человек - практически беспрепятственно проник во вражеские тылы. Это было редкой для тогдашней обстановки в Крыму удачей.

Высадка нового десанта в районе Судака была назначена на 16 января. На тот же день переносилось (намеченное ранее на 12-

е) наступление наших войск с Керченского полуострова. Высадить предстояло остальные подразделения горнострелкового полка - 1750 человек с двумя батареями горных орудий. Полк должен был соединиться со своим передовым отрядом и - в интересах ожидавшегося наступления 44-й армии - захватить Судакскую долину с пересечениями дорог, связывающих Судак с Алуштой, Старым Крымом и Отузами. [225]

В корабельный отряд высадки, которым командовал начальник штаба эскадры капитан 1 ранга В. А. Андреев (военкомом отряда был полковой комиссар П. В. Спиряков), входили крейсер «Красный Крым», два эсминца, канонерская лодка и сторожевые катера. В соответствии с директивой Ставки, требовавшей обеспечивать всякое наступление сосредоточением мощных артиллерийских средств, был сформирован также отряд корабельной поддержки, куда вошел кроме двух эсминцев и линкор «Парижская коммуна». Таким образом, в высадке и обеспечении десанта участвовали почти все действовавшие корабли эскадры. Управление отрядом поддержки взял на себя контр-адмирал Л. А. Владимирский.

Огонь кораблей был эффективен. В районе судакского пляжа, где высаживались основные силы десанта, после артподготовки осталось неподавленным лишь одно орудие немецкой противодесантной обороны. Эта пушка успела, правда, нанести некоторые повреждения приближавшейся канлодке, но затем была захвачена краснофлотцами первого подошедшего к берегу катера, которые перебили орудийный расчет в рукопашной схватке.

И на этом участке, и на двух соседних горные стрелки высадились без потерь. Претензий к морякам не было. Однако дальнейшее показало: если и существовала целесообразность высаживать здесь десант, то не тогда, а раньше. И при условии, что раньше началось бы и наступление войск фронта.

Гитлеровцы сумели упредить действия нашего сухопутного командования в Крыму. Усилив свою 11-ю армию и сосредоточив ударную группировку перед левым флангом наших войск, они сами перешли 16 января в наступление. В этих условиях высаженный под Судаком горнострелковый полк не смог выдвинуться на назначенные ему рубежи, вынужден был перейти к обороне на занятом плацдарме и вскоре оказался в тяжелом положении.

За этот плацдарм бойцы полка дрались геройски. А морская стихия разбушевалась так, что получали повреждения даже корабли, стоявшие в гаванях Новороссийска и Туапсе (там свирепствовал известный всем черноморцам зимний норд-ост,

иначе - бора). Лишь через неделю, 23 января, эсминец «Бодрый» под командованием капитана 3 ранга В. М. Митина смог доставить десантникам боеприпасы и продовольствие, причем перевозка грузов шлюпками и транспортировка на корабль раненых потребовали огромных усилий. [226]

Только 25 января стало возможным высадить в этом районе подкрепление. Командование фронта направляло туда еще один горнострелковый полк, который поступал в подчинение командиру полка, высаженного раньше. Флот выделил 150 бывалых моряков в качестве отряда первого броска. Вплоть до соединения с войсками фронта подразделения двух полков во главе с майором Селиховым должны были действовать в тылу противника, установив контакт с партизанами.

Высадкой, как и в прошлый раз, командовал капитан 1 ранга В. А. Андреев. Ее производили и обеспечивали три отряда кораблей, куда входили крейсер «Красный Крым», три эсминца, тральщик, сторожевые катера. Полоса затяжных зимних штормов еще не окончилась. Шлюпки обледеневали на морозе, некоторые у берега опрокидывало волной. Все это очень затянуло высадку, и с наступлением рассвета ее пришлось прервать. Из десанта, насчитывавшего вместе с отрядом моряков более 1700 человек, около 250 бойцов осталось на кораблях. Боеприпасы были выгружены полностью, с берега снято 200 раненых.

Десантная группа майора Селихова, конечно, отвлекла на себя часть сил перешедшего к активным действиям противника, но, насколько мы могли судить, существенного влияния на положение дел на фронте не оказала. Корабли, подошедшие к району высадки три дня спустя с боеприпасами и продовольствием, обнаружили, что все побережье здесь снова находится в руках гитлеровцев, отрезавших десант от моря. Не дали они ему и соединиться с частями 44-й армии.

Тем временем на фронте в Крыму успели произойти и более значительные, но тоже совсем неотрадные события. Потеснив наши войска (их попытка начать наступление осталась безуспешной), противник 17 января вновь захватил Феодосию, освобожденную накануне Нового года.

Мы в Севастополе никак не ожидали этого. Сперва не хотелось даже верить сведениям, доложенным операторами. Связь с командованием фронта в тот момент была нарушена. Прервалась и связь между нашим запасным кавказским ФКП и старшим морским начальником в Феодосии. Посланный туда для выяснения обстановки эсминец «Сообразительный» был встречен при подходе к порту минометным огнем. (Командир эсминца капитан-лейтенант С. С. Ворков все же сумел принять на борт

группу не успевших отойти берегом моряков и искавших спасения в порту жителей города.) [227]

Потеря Феодосии переживалась тяжело. Наши войска в Крыму перешли к обороне на Ак-Монайских позициях. Считалось, что это ненадолго. Ставилась задача вернуть Феодосию. Продолжалась подготовка к общему наступлению с целью освобождения всего Крыма. Но становилось все очевиднее, что время, когда условия для этого - в результате успеха Керченско-Феодосийской десантной операции - были особенно благоприятными, по-видимому, упущено.

Войска Крымского фронта предпринимали попытки начать наступление, однако без больших результатов - прорвать оборону укрепившегося противника не удавалось.

Снабжение находившихся на Керченском полуострове армий потребовало (хотя частично оно шло по льду Азовского моря и замерзшей северной части Керченского пролива) крупномасштабных морских перевозок. Месячный грузооборот, например, Новороссийского порта стал больше, чем был в мирное время. В рейсах из портов Кавказа в, Керчь и Камыш-Бурун с боеприпасами, продовольствием, фуражом, воинскими подкреплениями была занята большая часть черноморских транспортов, а боевые корабли конвоировали их. Другие корабли, в том числе и линкор, выходили по ночам на огневые позиции в Феодосийском заливе, выполняя заявки сухопутных войск, указывавших им цели.

Каждый раз, когда Крымский фронт собирался перейти в наступление, ставились наступательные задачи и войскам СОР, который оставался в подчинении фронта. Помимо улучшения позиций предусматривалась - для отвлечения сил противника - демонстрация частями второго эшелона наступления на Бахчисарай. Не раз планировались новые, согласованные с готовившимся наступлением сухопутных войск десанты, в частности, в районе Алушты. Однако до высадки их дело не доходило, поскольку фронт оставался на месте.

Главная же задача СОР по-прежнему состояла в том, чтобы прочно удерживать занимаемые рубежи. Осада Севастополя продолжалась. Были дни и даже недели, когда казалось, что с нею вот-вот будет покончено. Жизнь, однако, показывала, что говорить об этом рано.

После напряженнейшей боевой страды для севастопольцев настало время некоторого затишья. Так обычно характеризуют историки довольно длительный период обороны города между декабрем сорок первого и июнем сорок второго. Но затишье это было весьма относительным.

Бои на подступах к городу, носившие, правда, большей частью позиционный характер, не прекращались, Севастопольцы [228] ни на день не оставляли врага в покое. Постоянно действовали авиация и артиллерия, совершали вылазки в неприятельские тылы разведчики, высаживались небольшие десантные группы. В свою очередь гитлеровцы изо дня и день подвергали наши позиции и город бомбардировкам с воздуха и артиллерийскому обстрелу (вся их дальнобойная артиллерия, стянутая к Севастополю в ноябре - декабре, оставалась тут), предпринимали время от времени атаки, пытаясь хоть где-нибудь нас потеснить.

Но это врагу не удавалось. Мы же постепенно вернули себе часть территории к северу и северо-востоку от города, оказавшейся в руках противника в декабре. Был занят ряд опорных пунктов и тактически важных высот. Для усиления северного направления в четвертый сектор обороны (его возглавил новый командир 95-й дивизии полковник А. Г. Капитохин) командарм И. Е. Петров предложил - и Военный совет это одобрил - перебросить из второго сектора 172-ю дивизию полковника И. А. Ласкина, отлично себя зарекомендовавшую. А ее позиции заняла прибывшая с Кавказа 386-я дивизия, возглавляемая полковником Н. Ф. Скутельником и старшим батальонным комиссаром П. П. Медведевым.

В 386- й, как и в двух других дивизиях, прибывших на пополнение СОР, -388-й и 345-й (да и в маршевом пополнении), было много бойцов из республик и автономных областей Кавказа и Закавказья, представителей самых различных национальностей. Некоторые из них почти или даже совсем не знали русского языка. Воспитательная работа в этих соединениях, к тому же укомплектованных в основном запасниками, только недавно призванными (причем некоторые впервые в жизни оказались за пределами своего района), требовала особой продуманности, учета национальных особенностей, обычаев.

Политотделу Приморской армии пришлось по-новому расставить часть политсостава. Так, начальник политотдела 95-й стрелковой дивизии старший батальонный комиссар М. С. Гукасян, владевший несколькими языками, был переведен на такую же должность в 386-ю дивизию. Получили новые назначения и другие товарищи. В подразделениях организовали занятия по русскому языку. Было проведено немало мероприятий, способствующих воспитанию воинов в духе нерушимой дружбы народов нашей страны. Политуправление Закавказского фронта по нашей просьбе обеспечило регулярную доставку газет на грузинском, армянском и азербайджанском языках, а ежедневный

бюллетень новостей [229] на азербайджанском языке стал выпускаться и в Севастополе.

Сыновей Кавказа, прибывших защищать Севастополь, навещали делегации трудящихся из родных мест. Делегация из Азербайджана порадовала земляков привезенными им в подарок национальными музыкальными инструментами. А начальник политотдела 345-й дивизии батальонный комиссар А. М. Савельев проявил хорошую инициативу, завязав переписку как с семьями многих бойцов, так и с трудовыми коллективами, в которых те прежде работали. Патриотические письма из родных краев, наказы бойцам использовались в воспитательной работе, печатались в дивизионных и армейской газетах. Все это помогало воинам нерусской национальности быстрее освоиться в Севастополе, сплачивало многонациональный строй его защитников.

Раз продолжалась оборона, продолжалось и укрепление севастопольских рубежей. В этом нам оказала практическую помощь Москва: по решению Ставки, принятому в дни, когда отражался декабрьский штурм, в Севастополь была направлена оперативная группа инженерных заграждений во главе с начальником штаба инженерных войск Красной Армии генерал-майором И. П. Галицким, В группу входило 60 военных инженеров и курсантов выпускного курса Московского военно-инженерного училища. В том же составе они работали на подмосковных оборонительных рубежах, координируя действия инженерных батальонов. Группа привезла о собой 20 тысяч противотанковых и 25 тысяч противопехотных мин, 200 тонн взрывчатки. Для этого груза был сформирован специальный эшелон. О том, как он спешил к нам на юг, я прочел много лет спустя в воспоминаниях генерал-лейтенанта инженерных войск, а тогда полковника, начальника штаба оперативной группы Е. Ф. Леошени:

«Огненный эшелон» шел с редкой для того времени скоростью. Его путь пролегал местами всего в 30-40 километрах от линии фронта, и железнодорожники делали все от них зависящее, чтобы мы нигде не задерживались. Они понимали: попади такой состав под бомбежку - и все вокруг превратится в дымящиеся развалины. В Новороссийске нас уже ждал крейсер»{34}.

Крейсер «Молотов» благополучно доставил этот груз в Севастополь, и московская группа немедленно приступила [230] к работе вместе с инженерами СОР. Военный совет утвердил планы дополнительных взрывных заграждений, прибывших специалистов распределили по секторам обороны в качестве

инструкторов. С саперами у нас, правда, дело обстояло неважно: в критические дни декабря саперные батальоны и роты вводились в бои как стрелковые и понесли потери. Пришлось готовить новых саперов по чисто практической учебной программе, рассчитанной на несколько дней.

Группа генерала Галицкого сделала много для повышения устойчивости нашей обороны. В дополнительных заграждениях широко использовались и мины, изготовленные в Севастополе на подземном спецкомбинате. Москвичи пробыли у нас до конца января, когда их перебросили на Керченский полуостров. Перед этим всех входивших в состав группы курсантов произвели на севастопольских рубежах в лейтенанты.

Несколько позже отозвали из Севастополя в Керчь и главного нашего фортификатора генерал-майора Аркадия Федоровича Хренова. Заместителем командующего районом по инженерной обороне стал военинженер 1 ранга В. Г. Парамонов, а начальником инженерных войск Приморской армии - подполковник К. И. Грабарчук. Его предшественник полковник Г. П. Кедринский был смертельно ранен осколками немецкой мины в один из дней продолжавшегося под Севастополем настороженного, тревожного затишья.

Обстановка все же позволяла уделить время и боевой учебе. В войсках СОР, пополнявшихся запасниками, изучали особенности боевых действий в горно-лесистой местности, специфику маскировки и окапывания на склонах высот, методы стрельбы через возвышенности и лощины.

Содержание боевой подготовки во многом определялось конкретной обстановкой, учитывалась тактика противника. Гитлеровцы любили, например, засылать к нам в тылы мелкие группы автоматчиков, которые прятались в кустах, у дорог и неожиданно поднимали пальбу с расчетом вызвать замешательство, панику. Когда изучили тактику фашистских лазутчиков, стало легче их обезвреживать.

В то же время мы сами начали посылать за линию фронта группы автоматчиков, но не из двух-трех человек, как делали немцы, а покрупнее и с более серьезными боевыми ведениями. Широко известны были боевые дела группы моряков-автоматчиков, организованной полковником П. Ф. Горпищенко и полковым комиссаром П. И. Силантьевым, командиром и военкомом заново сформированной 8-й бригады [231] морской пехоты. В январе и феврале эта группа, неоднократно проникая в расположение противника, истребила сотни гитлеровцев, уничтожила минометную батарею. Попутно добывались ценные разведданные.

А отряд разведчиков флота продолжал совершать более дальние вылазки в неприятельские тылы, обычно высаживаясь с катеров или шлюпок. И мы часто встречались с батальонным комиссаром В. С. Коптеловым, который был уже не военкомом, а командиром отряда.

Помню, однажды Коптелов, всегда спокойный и сдержанный, явился ко мне очень возбужденный и, предупредив, что обращается как коммунист к старшему политическому руководителю, заявил о своем несогласии с решением непосредственного начальника.

Дело заключалось в следующем. Действуя в тылу противника, группа разведчиков была вынуждена оставить своего тяжело раненного товарища у местного жителя, показавшегося надежным. Подобные случаи бывали и раньше, и советские патриоты самоотверженно укрывали моряков. Но тут хозяин дома оказался предателем. Через старосту он выдал краснофлотца гитлеровцам, и, как вскоре стало известно, боец был расстрелян. Коптелов считал, что предательство нельзя оставить безнаказанным и что полезно напомнить: Крым остается нашей землей. Однако, по мнению начальника разведотдела, новая высадка с моря в этом районе была неоправданно рискованной.

Выслушав все доводы «за» и «против», я поддержал Коптелова. Ему был предоставлен катер и разрешено взять десять бойцов отряда, которых он лично возглавил. Смелая вылазка обошлась без потерь. Два предателя были доставлены в Севастополь, предстали перед судом и понесли заслуженную кару.

* * *

В сводках «На подступах к Севастополю», публиковавшихся в местной печати, стало изо дня в день сообщаться, сколько гитлеровцев истреблено накануне снайперами. Цифры становились все внушительнее. Число снайперов росло, и многие имели на личном счету уже десятки уничтоженных врагов. Был проведен общесевастопольский слет снайперов, на котором лучшие из них поделились с товарищами опытом. Много поучительного рассказал старший сержант Ной Адамия из 7-й бригады морской пехоты, удостоенный впоследствии, к сожалению посмертно, звания Героя Советского Союза. Назначенный инструктором снайперского [232] дела, Адамия подготовил в своей бригаде 70 сверхметких стрелков.

Организуя слет, мы преследовали и такую цель - побудить

командиров соединений и частей (их тоже пригласили участвовать в слете) лучше использовать снайперов, больше о них заботиться. Военный совет поддержал намерение командующего Приморской армией И. Е. Петрова самому выступить на слете, и Иван Ефимович убежденно доказывал, что при большем внимании к снайперам они смогут выводить из строя по батальону гитлеровцев каждый день. Батальон не батальон, но немного позже общий итог боевой работы снайперов за сутки нередко выражался трехзначной цифрой.

Самым знаменитым в Севастополе снайпером была, пожалуй, Людмила Павличенко, старший сержант из Чапаевской дивизии, в недалеком будущем - Герой Советского Союза, в недавнем прошлом - студентка, вступившая добровольцем в Приморскую армию в дни обороны Одессы. Диплом снайпера-истребителя, выданный ей командованием армии, удостоверял, что на 8 апреля 1942 года она уничтожила 257 фашистов.

Известно, что и в первую Севастопольскую оборону меткие русские стрелки наносили неприятелю серьезный урон одиночными выстрелами из весьма несовершенных по нынешним понятиям ружей. Советские снайперы за время боев под Севастополем истребили до десяти тысяч гитлеровцев, то есть вывели из строя почти дивизию. А ведь далеко не каждого снайпера мы могли снабдить винтовкой с оптическим прицелом!

Упомянув о Людмиле Павличенко, не могу не вспомнить другую девушку, доблестно сражавшуюся за Севастополь. И тоже - в рядах славной Чапаевской дивизии. Речь идет о сержанте Нине Ониловой, тяжело раненной в конце февраля и умершей в госпитале 7 марта 1942 года. Работница одесской швейной фабрики, она в августе 1941 года добровольно пошла защищать родной город, стала пулеметчицей. Под Одессой Нина была в первый раз ранена, эвакуирована в тыл и вернулась в свой полк, когда он воевал под Севастополем. По отзывам командиров, Онилова проявляла в бою редкие хладнокровие и выдержку. Из своего «максима» она уложила сотни гитлеровцев. Нину Онилову знали многие севастопольцы и любовно называли Анкой-пулеметчицей - по имени сражавшейся в той жз дивизии героини гражданской войны, знакомой всем по фильму «Чапаев». [233]

После смерти девушки в ее тетради нашли неотправленное письмо к актрисе, исполнявшей в фильме эту роль:

«Я незнакома Вам, товарищ, и Вы меня извините за это письмо. Но с самого начала войны я хотела написать Вам и познакомиться. Я знаю, что Вы не та Анка, не настоящая чапаевская пулеметчица. Но Вы играли как настоящая, и я всегда Вам завидовала. Я мечтала стать пулеметчицей и так же храбро

сражаться. Когда случилась война, я была уже готова, сдала на «отлично» пулеметное дело. Я попала - какое это было счастье для меня! - в Чапаевскую дивизию, ту самую, настоящую. Я со своим пулеметом защищала Одессу, а теперь защищаю Севастополь. С виду я, конечно, очень слабая, маленькая, худая. Но я Вам скажу правду: у меня ни разу не дрогнула рука. Первое время еще боялась. А потом все прошло. Когда защищаешь дорогую, родную землю и свою семью (у меня нет родной семьи, и потому весь народ - моя семья), тогда делаешься очень храброй и не понимаешь, что такое трусость…»

Мне кажется, это письмо юной героини чрезвычайно много говорит не только о ней самой, но и обо всем ее поколении. Оно принадлежит к документам, показывающим, откуда взялись беспредельные мужество и самоотверженность советских людей, так часто ошеломлявшие врага и поразившие весь мир.

Нина Онилова погибла за Родину в двадцать лет. Награжденная при жизни орденом Красного Знамени, она посмертно была удостоена Золотой Звезды Героя Советского Союза.

Так была оценена и доблесть сверстника Нины, молодого черноморца, о котором «Правда» написала в передовой статье: «История навсегда сохранит для потомства бессмертный подвиг краснофлотца катеров Ивана Голубца…»{35}.

Он совершил этот подвиг в один из тех дней, когда на фронте под Севастополем не происходило никаких крупных событий. Гитлеровцы просто подвергли город очередному артиллерийскому обстрелу. Снаряды падали и в районе стоянки сторожевых катеров в Стрелецкой бухте. Осколками был пробит борт одного из катеров, ошвартованных у причала, из его топливной цистерны вырвался бензин, и катер охватило огнем.

Старший краснофлотец Иван Голубец (до войны - черноморский пограничник) служил рулевым-сигнальщиком [234] на другом катере и оказался вблизи загоревшегося катера случайно. Но, увидев, что на борту команды нет, а в палубных стеллажах - полный комплект глубинных бомб, обладающих огромной взрывной силой, комсомолец Голубец понял: может быть, только он в состоянии спасти все, чему угрожал взрыв, - катера в бухте, плавучий кран, судоремонтные мастерские… И он не раздумывая бросился на горящий катер.

Сперва он попытался с помощью огнетушителя ликвидировать пожар, но это оказалось невозможным, и Голубец принялся освобождать катер от бомб. Прежде всего - от восьми больших, самых опасных. Механизм бомбосбрасывателя, очевидно поврежденный при разрыве упавшего у катера снаряда, не

действовал. Тяжеловесные большие бомбы (в каждой - почти 170 килограммов) пришлось скатывать за борт вручную. Справившись с этим, моряк начал скидывать в воду малые бомбы. Они гораздо легче, но их было двадцать две штуки. На катере бушевало пламя, горели и на краснофлотце бушлат, брюки, его душил дым, и вряд ли он мог быть не ранен - рядом рвались снаряды в палубных кранцах. «Голубец, уходи!» - кричали с берега. Он сделал уже почти все, но хотел сделать все до конца и продолжал выхватывать из огня и бросать в воду последние бомбы. Их оставалось в стеллажах две или три, когда произошел взрыв. Теперь - уже ослабленный во много раз, и от него не пострадали ни другие катера, успевшие рассредоточиться, ни постройки и люди на берегу. Погиб лишь Иван Карпович Голубец.

Бесстрашный моряк навечно зачислен в списки одной из частей Краснознаменного Черноморского Флота. У бухты, где он совершил свой подвиг, стоит памятник с барельефным портретом героя. А вокруг - новые кварталы очень выросшего после войны, раздавшегося вширь Севастополя.

* * *

О том, как сблизились, породнились военные и гражданские севастопольцы, отражая общими усилиями первые натиски врага, я уже говорил. Не ослабевало общесевастопольское «чувство локтя» и в то время, когда всем в осажденном городе стало немного четче. А поскольку территория нашего плацдарма сократилась и передний край обороны на ряде участков, особенно на северном направлении, приблизился к городу, грань между фронтом и тылом стала еще менее заметной.

Помощь тыла фронту часто принимала формы, которые никто не смог бы заранее предусмотреть. Их подсказывала, [235] рождала общая жизнь в осаде, общая судьба бойцов и мирных людей. Рассказывать об этом - значит рассказывать прежде всего о женщинах, которые составляли теперь абсолютное большинство гражданского населения города.

Фронтовой матерью называли бойцы Марию Тимофеевну Тимченко. Потомственная жительница Севастополя, внучка участника его обороны в прошлом веке, мать трех сыновей-фронтовиков, стала приходить на ближайший к ее Керченской улице участок фронта - в окопы и землянки 172-й стрелковой дивизии. И не как гостья, а как рачительная хозяйка, везде находившая дело для своих неутомимых рук. Вскоре во дворе у Марии Тимофеевны был установлен при помощи бойцов котел, у

которого она и ее соседки стирали солдатское белье. Они же шили маскхалаты разведчикам. Эта бригада немолодых женщин, сама собою организовавшаяся, выходила и на земляные работы по укреплению занимаемых дивизией рубежей.

Хорошо знали в Севастопольском оборонительном районе и Александру Сергеевну Федоринчик, одну из старейших учительниц города, которая также сколотила бригаду женщин, много сделавшую для фронта. В мае 1942 года А. С. Федоринчик была делегирована в Москву, на Всесоюзный митинг женщин - участниц Отечественной войны. Радио разнесло ее призыв, раздавшийся с трибуны Колонного зала Дома Союзов: «Советские женщины! Севастополь зовет вас к бою! Женщины всего мира! Севастополь показывает вам пример сопротивления…» С гордостью слушали севастопольцы, как горячо аплодировал ей зал.

Женских бригад помощи фронту, или бригад фронтовых хозяек, как начали их называть, становилось все больше. Они возникали и на окраинных улочках, жители которых не покидали своих домиков (фашистские бомбы падали здесь сравнительно редко), и в центре города, где значительная часть населения перебралась в подземные убежища. Своя бригада появилась почти в каждом крупном убежище.

При таком размахе этого движения уже не годилось, чтобы женщины, стремящиеся помочь фронту, сами искали себе дело, как было вначале. Городской комитет ВКП(б), куда они обращались за поручениями, возложил руководство женскими бригадами на секретаря Северного райкома партии по кадрам Е. П. Гырдымову. И распределение работы между ними наладилось в общегородском масштабе.

Прямо из бани (по ночам туда доставляли бойцов с передовой) развозили белье по убежищам, где были подходящие [236] условия для стирки. В других убежищах шили шапки и теплые рукавицы - на это пошли имевшиеся на флотских складах старые шинели и бушлаты. Где-то в городе нашлись запасы шерсти, и из нее стали вязать варежки с двумя пальцами - для стрелков, носки, теплые наушники (зима стояла совсем не крымская, холода долго не спадали). Некоторые бригады специализировались на ремонте обмундирования. Были и такие поручения, как, например, собирать для госпиталей книги, а также посуду - с Большой земли она не поступала, а госпитали разрослись. Женщины помоложе и посильнее помогали медперсоналу (зачастую под артобстрелом или бомбежкой) при массовых погрузках раненых на морские транспорты, а иногда и сопровождали раненых, нуждавшихся в непрерывном уходе, до

кавказских портов. Всего, что делали добровольные помощницы вооруженных защитников Севастополя, не перечислить.

Из многих женщин, заменивших мужчин на производстве, запомнилась Ефросинья Ивановна Гуленкова. Проводив мужа в армию, она доказала, что способна занять его должность - электромонтера на подстанции в Новых Шулях. А потом стала работать там за троих монтеров. Новые Шули находились почти у самой линии фронта, и вчерашняя домохозяйка изо дня в день устраняла повреждения, наносимые разрывами снарядов и бомб. Ефросинья Гуленкова по праву была удостоена боевой награды наряду с отличившимися солдатами.

Орденом Красной Звезды наградил Военный совет молодую работницу Анастасию Чаус, имя которой облетело тогда всю страну. Еще в начале обороны, при одном из воздушных налетов, она лишилась руки. Но эвакуироваться из Севастополя отказалась и, выйдя из госпиталя, вернулась к штамповальному станку, стоявшему теперь в подземном убежище. И одной рукой выполняла на штамповке деталей для гранат по две нормы.

Не забыть и того, что севастопольские женщины отдали для спасения жизней раненых бойцов, для возвращения их в строй более 1200 литров своей крови. И это в условиях, когда питание населения становилось все более скудным. Довоенные запасы города иссякали, а подвоз продовольствия, как и любого другого груза, был сопряжен со всевозрастающими трудностями.

Севастопольцы не испытывали в осаде таких невзгод, какие выпали на долю ленинградцев. Никто в городе не голодал. Однако заболевания цингой, в том числе и в войсках, появились: не хватало витаминов. Для борьбы с цингой [237] наладили варку настоя из можжевельника - его много росло на Мекензиевых горах. Главное военно-медицинское управление прислало нам партию аскорбиновой кислоты, А с приближением весны были приняты меры, чтобы получить в максимально возможном количестве свежую зелень, ранние овощи.

Примечательно, что в те самые дни, когда проводился слет снайперов оборонительного района, в Севастополе проходил и слет передовиков сельского хозяйства. В узкой полосе между городом и передним краем обороны было немного настоящих земельных угодий. Однако пригодными для обработки оказались и пустыри, и склоны балок, и даже городские дворы. Был брошен лозунг: «Каждому двору - огородную гряду!» Посевы редиски и салата, грядки зеленого лука появлялись у огневых позиций батарей, у фронтовых землянок. Организатором этого важного дела в пределах города и гарнизона явился находившийся в Севастополе управляющий комбинатом «Массандра» Н. К.

Соболев, агроном по образованию. Под его руководством были введены в действие все имевшиеся в пригородных совхозах теплицы и парники, и оттуда еще зимой поступала зелень в госпитали. Там же выращивалась рассада помидоров, баклажанов, капусты. По инициативе Соболева, знатока крымской флоры, освоили выработку витаминных экстрактов из диких растений.

В городе, уже месяцы отрезанном от Большой земли, возникало немало всяких проблем. На исходе зимы остро встал вопрос об угле. Основной его потребитель - СевГРЭС была своевременно переведена на жидкое топливо, а танкеры к нам время от времени приходили. Но для хлебозавода, для литейного цеха спецкомбината, для других жизненно важных предприятий требовался уголь. Рассчитывать же на его доставку в нужном количестве, пока не снята осада, не приходилось. Однако выход из положения был найден. В разных местах города, у заводов, складов, паровозного депо образовались завалы слежавшейся угольной пыли. В таком виде она служить топливом не могла. А вот брикеты, изготовленные из нее с кое-какими добавками, горели неплохо. На них, между прочим, ходил и наш бронепоезд «Железняков».

Замечу, что если вообще и существовали известные кому-то способы брикетирования угольной пыли, то в Севастополе никто их не знал. Все надо было придумывать заново. Технологию производства «севастопольского антрацита» разработали в железнодорожных мастерских. Там же сконструировали [238]прессы для брикетов, использовав вагонные тормозные цилиндры.

Инициатива умельцев - рабочих и инженеров выручала и во многом другом. Были освоены варка мыла, изготовление свечей для солдатских землянок. А сколько изобретательности, технической смекалки проявляли люди, чтобы производить больше оружия, обходясь в основном тем сырьем, которое имелось под рукой! На корпуса гранат пошел металл, из которого был построен ангар для гидросамолетов, разбомбленный фашистской авиацией. Стало не хватать для тех же гранат специальной калибровой проволоки - ее сумели заменить стальными нитями расплетенного корабельного троса. Олово добывали из старых консервных банок. Когда решительно не из чего стало делать некоторые детали миномета, инженеры спецкомбината № 1 предложили немного упростить его конструкцию и, как оказалось, - без ущерба для боевых качеств.

Спецкомбинат в Ново-Троицкой балке работал круглые сутки, выпуская каждый месяц десятки тысяч гранат и мин, сотню-полторы новых минометов. Много значил для фронта

наладившийся восстановительный ремонт полевых орудий всех калибров. Весьма успешно действовал и второй, инкерманский комбинат, одевавший и обувавший бойцов.

Но работа шла уже не только в штольнях и других убежищах. Еще в январе на расширенном заседании Городского комитета обороны обсуждался вопрос: «О восстановлении предприятий городского хозяйства и культурных учреждений». Обстановка позволила впервые за долгое время собрать актив города не в подземелье, а в светлом зале с незашторенными окнами, за которыми царил погожий солнечный день. И заседание проходило с подъемом. Все находились под впечатлением последних событий: отбит был декабрьский штурм, наши десантные войска освободили Керченский полуостров…

Во исполнение принятых тогда решений было сделано очень многое. Больше стало действующих магазинов, парикмахерских. Вновь ходил трамвай - в нескольких километрах от окопов переднего края. Открылась городская библиотека и работала даже часть ночи, когда приходили книгоноши с передовой. Совершенно исключительным спросом пользовались «Севастопольские рассказы» Льва Толстого, «Севастопольская страда» С. Н. Сергеева-Ценского.

Политуправление флота и горком партии приступили к созданию Музея второй обороны Севастополя. Начало ему [239] положила выставка, развернутая в помещении городской картинной галереи. В ее экспозицию входили портреты героев, образцы боевой продукции севастопольских предприятий, трофейное оружие. Привлекал внимание прибуксированный сюда подбитый немецкий танк. Каждый день выставка принимала сотни посетителей.

Воздушные налеты на город, хотя и не такие, как в ноябре - декабре, и артиллерийский обстрел не прекращались. Но как только они ослабевали - временами это бывало, - многих севастопольцев, переселившихся в подвалы, тянуло домой, в уцелевшие квартиры. Людям хотелось верить, что самое тяжелое для них уже позади.

Да, казалось, и имелись для этого основания. На востоке Крыма сосредоточились и продолжали наращиваться силы, способные, как мы все надеялись, раньше или позже нанести армии Манштейна сокрушительный удар и освободить весь полуостров. Но время шло, и все чаще приходилось слышать - и от моряков, и от армейцев, и от гражданских людей - тревожный вопрос: почему же все-таки войска Крымского фронта так долго не наступают? Ответить на это так, чтобы спрашивающий был удовлетворен, успокоился, было нелегко.

Попытки развернуть наступление с плацдарма, захваченного при высадке десанта и расширенного в первые после этого дни, предпринимались, как уже говорилось, не раз. Во всех случаях приморский фланг фронта поддерживался силами флота, а войска СОР также начинали активные действия для сковывания противника.

Большие надежды возлагались у нас на успех наступления, которое готовилось командованием фронта на конец февраля.

Для огневой поддержки войск было выделено 14 кораблей эскадры, и в том числе линкор. В тылу противника, в районе Алушты, с целью отвлечь часть его сил высадился - с тральщиков и сторожевых катеров при артиллерийской поддержке эсминцев и крейсера «Красный Крым» - демонстративный десант (разгромив в ночном бою фашистские подразделения, оборонявшие этот участок побережья, десантный отряд, как и предусматривалось, вновь погрузился на корабли и вернулся в Севастополь). Получив от командования фронта право самостоятельно планировать отвлекающие действия с плацдарма СОР, мы начали их за сутки до назначенного на 27 февраля наступления двух армий с Керченского полуострова. Части второго сектора атаковали врага с задачей улучшить позиции в районе Нижнего [240] Чоргуня - на большее здесь не хватало сил. На следующий день повели наступление общим направлением на заданной части третьего и четвертого секторов. Гитлеровцы оказывали упорное сопротивление. Продвижение даже на сотню метров давалось нелегко. Мы напряженно ждали вестей с Ак-Монайских позиций: каковы-то дела там?…

Самые первые известия показались обнадеживающими: наступление началось в назначенный срок, войска, хотя и медленно, продвигались вперед, особенно на правом крыле фронта, где действовала 51-я армия генерал-лейтенанта В. Н. Львова. Стало известно о захвате нескольких десятков немецких орудий и других трофеев. Но развить наступление опять не удалось. Как нам сообщили, теперь помешала распутица - после сильных снегопадов резко потеплело. Последовал приказ, касавшийся также и Приморской армии, - закрепиться на выгодных рубежах и прекратить наступательные действия до особого распоряжения.

Затем мы получили директиву командования фронта, требовавшую от войск быть постоянно готовыми к наступлению. Флоту и СОР подтверждалась задача прочно оборонять Севастополь и предписывалось подготовить демонстративное наступление на Дуванкой.

Ожидание больших перемен в Крыму, которым СОР мог лишь

содействовать, продолжалось.

* * *

Затишье на сухопутных севастопольских рубежах отнюдь не сопровождалось чем-либо похожим на морских путях, связывающих СОР с кавказским тылом. Наоборот, боевое напряжение на море возрастало. Враг явно задался целью парализовать наши коммуникации, пресечь снабжение Севастополя. Против наших конвоев использовались бомбардировщики и торпедоносцы, подводные лодки (несколько позже - также и торпедные катера), мины, на подходах к бухтам их встречала огнем дальнобойная артиллерия. И не каждый рейс заканчивался благополучно.

С начала войны до марта 1942 года на Черном море погибло около 40 транспортов, и это были потери невосполнимые: пока шла война, сколько-нибудь крупные суда не могли поступить на наш театр ниоткуда. А поврежденные транспорты подолгу простаивали в ремонте и в очереди на него - возможности в этом отношении сократились, задерживался и ремонт боевых кораблей. Между тем помимо снабжения Севастополя надо было обеспечивать перевозки гораздо большего объема на Керченский полуостров. [241]

Трудности в транспортировке грузов для Крымского фронта явились одной из причин, по которым в начале марта И. В. Рогов потребовал, чтобы я побывал на Кавказе. Мне было приказано проверить организацию перевозок, сделать все, что окажется необходимым, для ее улучшения, а затем доложить о принятых мерах представителю Ставки на Крымском фронте армейскому комиссару 1 ранга Л. З. Мехлису и командованию фронта.

В кавказских базах флота мне еще не приходилось бывать с начала войны, что вряд ли было правильно, хотя мы и называли эти базы тыловыми. Поскольку отлучиться из Севастополя предстояло примерно на три недели, с Кавказа был вызван, чтобы заменить меня, дивизионный комиссар И. И. Азаров.

Пошел я на эсминце «Бдительный». Новороссийск встретил трудовым гулом большого, напряженно работающего порта, в разных концах которого одни суда загружались боеприпасами, продовольствием, другие принимали на борт орудия или воинские подразделения. Этот порт являлся основной базой питания осажденного Севастополя, а с января Новороссийская военно-морская база обеспечивала вместе с Керченской также и перевозки для армий Крымского фронта. В Новороссийске

базировалась значительная группа боевых кораблей эскадры и других соединений.

Командир базы капитан 1 ранга Г. Н. Холостяков (вскоре ставший контр-адмиралом) пользовался на флоте авторитетом, особенно среди подводников. В подплаве он прослужил много лет. Обязанности командира военно-морской базы Георгию Никитичу пришлось осваивать уже во время войны, но и с ними он справлялся неплохо. Неизменно бодрый и деятельный, Холостяков спокойно, как на учениях, принимал ответственные решения, умело использовал кадры, хорошо знал подчиненных.

Под стать командиру был военком базы полковой комиссар И. Г. Бороденко, в прошлом армеец-конник. Как и Холостяков, он участвовал в гражданской войне, прошел большую жизненную школу. Приятно было видеть дружную работу командира и комиссара, убеждаться в глубоком взаимопонимании между ними. Со стороны могло показаться, будто им все дается легко. Приходилось даже слышать суждения, что это, мол, оттого, что база - тыловая, настоящая война от нее далеко. Но должен сказать, что и потом, когда фронт подступил к Новороссийску вплотную, Холостяков и Бороденко, как и возглавляемый ими большой боевой коллектив моряков, показали себя с самой лучшей стороны. [242]

А трудностей у них было вдоволь и в то время, о котором идет речь сейчас.

Для перевозки всего, что требовалось Крымскому фронту, нередко просто не хватало судов. В частности, судов, пригодных для транспортировки танков. Ни в Новороссийске, ни в Керчи и Камыш-Буруне не было портальных кранов такой мощности, чтобы опустить тяжеловесный КВ в трюм, а потом поднять его оттуда. Перевозить танки стали на канонерских лодках и двух не особенно больших, но широких азовских транспортах. Их верхние палубы покрыли настилом из железнодорожных шпал, трюмы загрузили для остойчивости балластом. Погрузка-выгрузка была несложной: КВ своим ходом переползал с причала на палубу и так же сходил с нее. Однако эти импровизированные танковозы, как говорится, тянули из последних сил, давно нуждаясь в ремонте, и поддержание их в рабочем состоянии доставляло базе немало забот.

Настойчиво и смело решали в базе и другие необычные задачи. Понадобившиеся на Керченском полуострове паровозы сумели доставить туда в буксируемом плавучем доке. Это была довольно рискованная транспортная операция: громоздкий, медленно движущийся док представлял хорошую цель для вражеской авиации и не мог, как корабли, уклоняться от

воздушных атак маневром.

Хотя и считалось, что Новороссийск - пока в тылу, условия плавания становились все сложнее и здесь. В самой его гавани, огражденной каменными молами, шла непрестанная борьба с минами, сбрасываемыми с фашистских самолетов. Еще в сентябре 1941 года в этой базе разоружили неконтактную немецкую мину неизвестного тогда типа, а при попытке вскрыть другую погибли флагманский минер базы старший лейтенант С. И. Богачек и инженер Б. Т. Лишневский.

Мы обсудили с командованием базы, за счет чего еще можно лучше, быстрее выполнять задания фронта по перевозкам. Исходили при этом из того, что в ближайшем будущем обстановка на море вряд ли станет более благоприятной. Миновало лишь время свирепых зимних норд-остов, которые в тот год бушевали с редкостной силой, делая подчас невозможными какие-либо работы в порту.

Я побывал на базировавшихся в Новороссийске кораблях - на линкоре, крейсерах, эсминцах. Почти все они приходили в Севастополь с подкреплениями или для огневой поддержки войск, но стоянка там сокращалась до предела и морякам бывало не до разговоров. Здесь же смог побеседовать[243] и с командирами, и с политработниками, и с краснофлотцами, узнать разные подробности последних боевых походов, не попавшие в донесения. Как всегда, дорога была возможность почувствовать настроение людей.

На крейсере «Молотов», переходившем в Туапсе, отправился в эту, соседнюю с Новороссийской, военно-морскую базу. Моряки крейсера поделились пережитым во время жесточайшего шторма, разыгравшегося в конце января. В Туапсе ураганный ветер и перекатывавшиеся через портовый брекватер волны срывали суда со швартовых и якорей, Лопнули и стальные тросы, удерживавшие у пирса крейсер, оборвалась якорь-цепь, на корме вырвало стальной кнехт, несколько человек было ранено, один старшина - смертельно. Чтобы избежать тяжелой аварии, командир корабля капитан 1 ранга Ю. К. Зиновьев решил посадить крейсер носовой частью на грунт, затопив дифферентные отсеки. Экипаж отстоял свой корабль в борьбе со стихией, но на нем, как и на других кораблях, потребовалось многое ремонтировать.

Очевидцы рассказали, что произошло тогда же с одним катером-охотником. При подходе к воротам Туапсинского порта его развернуло бортом к волне, и накатившийся вал поднял катер над каменным волноломом. Все, кто это видел, с замиранием сердца ждали, что в следующее мгновение маленький кораблик

будет разбит в щепки. Однако этому кораблику посчастливилось: мощный водяной вал стремительно внес его в гавань невредимым. Заглохший было двигатель заработал. Просто чудом уцелели и катер и его команда, кроме одного краснофлотца, смытого волной.

Вот что творилось на море в те дни, когда у Судака уже высадился первый десант, и было так трудно, а сперва совершенно невозможно, доставить ему боеприпасы и продовольствие.

Капитан 1 ранга Зиновьев уже знал, что командует крейсером «Молотов» последние дни. Этому бывалому моряку, участнику Октябрьской революции и гражданской войны Военный совет решил вверить линкор - там возникла необходимость заменить прежнего командира. Юрий Константинович не скрывал ни гордости назначением на флагманский корабль флота, ни того, как нелегко ему расставаться с крейсером, который он вводил и в строй, и в первые бои. Его чувства были мне очень понятны. Крейсер «Молотов» принимал капитан 1 ранга М. Ф. Романов, уже упоминавшийся в этих записках. [244]

Порт Туапсе входил до недавнего времени в состав Новороссийской базы. Новая военно-морская база была создана тут после оставления Одессы, и сюда получили назначение многие одесские товарищи. Командовал Туапсинской базой бывший командир Одесской контр-адмирал И. Д. Кулишов. Одесские моряки были людьми обстрелянными, с боевым опытом. В новом операционном районе они, судя по всему, освоились.

Хорошее впечатление оставляли эвакуированные в Туапсе основные производственные подразделения севастопольского Морского завода имени Серго Орджоникидзе (некоторые другие разместились в Поти). Директор завода М. Н. Сургучев и секретарь парткома А. М. Городнин, старые знакомые, провели меня по своим четырем туапсинским площадкам - территориям, отведенным судоремонтникам в разных концах города. К концу февраля - началу марта удалось полностью ввести в действие вывезенное сюда оборудование. Выступая перед рабочими, я подчеркивал, какое огромное значение имеет это для действующего флота. Ведь Морзавод являлся предприятием, способным возвращать в строй корабли, получившие серьезные боевые повреждения.

Надо сказать, что этот завод, хотя и подчинялся не флоту, а наркомату судостроительной промышленности, всегда был для нас «своим» - работал-то он на флот! Директор Михаил Николаевич Сургучев регулярно наведывался в штаб флота - к флагманскому инженер-механику, в техотдел, да и к

командующему. А Филипп Сергеевич Октябрьский и я испытывали такую же необходимость бывать в цехах Морзавода, как и посещать корабли.

В Туапсе рабочие заверяли и просили передать всем морякам, что ремонт кораблей пойдет теперь быстрее. И в каждом цехе спрашивали: «Как там у нас в Севастополе?» Большинство морзаводцев составляли коренные, потомственные севастопольцы/Разлученные войной с родным городом, они душою были с ним, стремились помочь ему, чем могли.

Вскоре Военный совет флота наградил орденами и медалями первую группу рабочих и инженеров Морзавода, отличившихся на ремонте боевых кораблей.

В план моей поездки входило также ознакомление с работой нашего кавказского ФКП и штаба флота, основной состав которого располагался с ноября под Туапсе, в корпусах санатория «Молодежное».

Для начальника штаба контр-адмирала И. Д. Елисеева «перебазирование» на Кавказ означало расширение его обязанностей, повышение ответственности. На него легло руководство [245] от имени командующего кавказскими базами и перешедшими сюда корабельными соединениями, а также Азовской флотилией, то есть управление всеми сосредоточенными здесь силами флота. Он нес персональную ответственность за питание осажденного Севастополя, за морские перевозки для Крымского фронта, ведал организацией поддержки войск на Керченском полуострове кораблями и флотской авиацией.

Нередко указания и распоряжения из Наркомата ВМФ или от командования фронта, касавшиеся действий флота за пределами СОР, адресовались прямо в Туапсе. И уже сам Елисеев в необходимых случаях направлял в Севастополь проекты приказов командующего, решений Военного совета. Такая практика, в принципе не наилучшая, обусловливалась особенностями обстановки.

О штабе флота нельзя не сказать главного: работая в условиях, осложняемых той же обстановкой, он справлялся со своими задачами, и в том числе со многими добавочными, непредвиденными. В этом, несомненно, играли большую роль личные качества контр-адмирала Елисеева.

Известно, что он имел хорошую штабную подготовку и досконально знал Черноморский театр, а по складу ума принадлежал к людям, схватывающим как бы на лету суть любого задания или назревшего вопроса. Но, думается, не меньше значило само поведение Ивана Дмитриевича, его отношение к

подчиненным, сочетавшее требовательность с неизменным уважением к младшему. Не знаю случая, чтобы он на кого-то повысил голос при каких бы то ни было обстоятельствах. Вокруг него даже в очень трудное время возникала будто сама собой атмосфера спокойствия и уверенности, побуждавшая каждого с полной отдачей сил делать свое дело. Такую атмосферу застал я и в штабе, передислоцированном под Туапсе.

С самого начала войны поддержание морских коммуникаций между Крымом и районом Одессы, между Кавказом и Севастополем потребовало от флота больших усилий. С января 1942 года главными по объему, да и по степени ответственности за них стали воинские перевозки для армий, высадившихся на Керченском полуострове. На Кавказе особенно чувствовалось, с каким напряжением связана переброска туда огромной массы людей и боевой техники, всякого рода грузов. И хотя по этой части к морякам предъявлялись иной раз претензии (нередко без учета наших реальных возможностей), думается, будет справедливым сказать, что штаб флота делал все возможное для четкой организации [246] перевозок такого масштаба по маршруту, включавшему трудный в навигационном отношении мелководный Керченский пролив, через полуразрушенные, оставшиеся без нормального оборудования порты, а также и защиты всей трассы от вражеской авиации и мин.

Отдел обеспечения морских коммуникаций возглавлял в штабе капитан 2 ранга И. М. Нестеров. Но вопросами перевозок для фронта, как делом наиважнейшим, постоянно занимался и сам контр-адмирал Елисеев, державший тесный контакт с портами, отправлявшими суда, и с армейцами.

Ждали меня на Кавказе и кадровые вопросы - те, которые тут затруднялись решить. Один из них касался довольно большой группы командиров, мобилизованных из запаса.

Начальник отдела кадров командного состава флота капитан 1 ранга Г. А. Коновалов доложил, что прибыло около двухсот запасников, подлежащих согласно военно-учетным данным назначению командирами взводов или рот в морскую пехоту. Предложения об их распределении по частям уже подготовлены - комсостав такой категории требовался везде. Однако начальника отдела смущало слишком уж большое несоответствие между тем, что делали эти товарищи до мобилизации, и возможным использованием их на флоте. Коновалов просил познакомиться с их личными делами, а лучше всего - с ними самими. Командиры, ожидавшие назначения, находились в Геленджике.

Что ж, поехали в Геленджик. Поговорил сперва со всей группой, рассказал о положении в Севастополе - об этом все

равно спросили бы, да и направить предполагалось большую часть именно туда. Настроены были люди хорошо, хотели поскорее попасть в части, и чувствовалось, постарались бы там не подкачать, хотя давненько не держали в руках оружия, и вообще-то следовало пропустить их хотя бы через краткосрочные курсы.

Но вот дошло дело до индивидуального знакомства, и оказалось: один - главный инженер автозавода, другой - видимо, опытный, со стажем, инженер предприятия, изготовляющего артиллерийские орудия, в том числе и морские… Остальные тоже были на такой работе в промышленности оборонного значения или на транспорте, с какой обычно на фронт не посылают. Они стали специалистами высокой квалификации, руководителями крупных участков производства, а для военкоматов оставались, по чьему-то недосмотру, запасными командирами взводов. Как выяснилось при расспросах (сам об этом никто не заявил), некоторые знали, что на них просто не успели оформить броню. Словом, начальник [247] отдела поступил разумно, немного задержав этих запасников в резерве.

Ну а что было делать мне? Самое спокойное - запросить Москву, наркомат. Но скоро ли придет ответ? И если согласятся с мнением, к которому я приходил, вернуть людей из действующих частей будет уже труднее. Решил, не теряя времени, взять на себя ответственность за немедленную их демобилизацию. Как ни дорог был в морской пехоте каждый комвзвода, эти товарищи могли больше сделать для победы над врагом на своих гражданских постах.

* * *

По пути на Керченский полуостров, в штаб Крымского фронта, завернул, как и было намечено, в станицу Приморско-Ахтарскую на восточном побережье Азовского моря, где с октября находилась главная база Азовской военной флотилии. Побывать у азовцев следовало бы давно, да все мешало напряженное положение под Севастополем. А дорога к ним сделалась неблизкой - только через Кавказ.

До войны мы никак не думали, что на Азове понадобится боевая флотилия. Казалось, это сугубо внутреннее теперь море, на котором некогда гремели пушки петровских кораблей и где сражались моряки в гражданскую войну, больше уже не станет районом военных действий. Никаких баз флот здесь не имел, сюда заходили лишь суда гидрографической службы. Правда, в принципе допускалось, что корабли противника, появись они на

Черном море, могут предпринять попытку прорыва на север через Керченский пролив, чтобы нанести удар по крупным заводам, особенно металлургическим, на азовском побережье (опасения насчет этого высказывал, как мне известно, И. В. Сталин). Дабы исключить такую угрозу, у пролива были поставлены достаточно мощные береговые батареи, способные его перекрыть. Предположить же, что враг подойдет к Азовскому морю, как и к Крыму, по суше, мы тогда не могли.

Однако первые недели войны заставили считаться с подобной возможностью. Во второй половине июля последовало решение Государственного Комитета Обороны о формировании в составе Черноморского флота Азовской военной флотилии, а готовиться к этому нарком ВМФ приказал нам еще раньше. Кораблей, специально построенных для флотилии, не было. Она создавалась из мобилизованных судов Азовского и Черноморского пароходств, а также и рыболовецких. Их надо было переоборудовать, вооружить орудиями и пулеметами, укомплектовать экипажи. [248]

Мне приходилось в конце июля 1941 года бывать в Камыш-Буруне, где сосредоточивались отобранные суда. Тогда я застал самый разгар этой работы. Секретарь Керченского горкома ВКП(б) Н. А. Сирота оказал нам большую помощь, мобилизовав для ремонта и переоборудования судов все местные ресурсы. К середине августа вступили в строй и перешли в Мариуполь, назначенный тогда главной базой флотилии, три канлодки, несколько сторожевых кораблей и катеров-тральщиков и флагманский корабль «Севастополь», переоборудованный из пассажирского парохода. Через месяц флотилия насчитывала 35 различных кораблей, потом их стало больше. Флотские ВВС передали азовцам две эскадрильи истребителей.

Флотилия, возглавляемая тогда капитаном 1 ранга А. П. Александровым и бригадным комиссаром А. Д. Рощиным, начала боевые действия, еще не закончив формирования. Она поддерживала части 9-й армии Южного фронта, а затем 51-й Отдельной, вела бои с фашистскими танками, пытавшимися прорваться в Крым по Арабатской стрелке, прикрывала эвакуацию из приазовских городов, которым угрожал враг, обеспечивала перевозки между Ростовом и Керчью.

В ноябре Азовская флотилия пополнилась кораблями расформированной к тому времени Дунайской. (А два с половиной года спустя, весной сорок четвертого, на основе Азовской флотилии, будет возрождена Дунайская, с тем чтобы победоносно двинуться на запад, в глубь Европы.)

Вершиной первой кампании азовцев явилось их активное

участие в Керченско-Феодосийской десантной операции - высадка на северный берег Керченского полуострова частей 51-й армии. Фронт высадки был широким, и командование флотилии ввело в действие кроме своих основных кораблей десятки рыболовных сейнеров и более мелких судов. Пока позволяла ледовая обстановка, азовцы перевозили в Крым подкрепления и военные грузы. На зимовку корабли расставили так, что их артиллерия создавала вместе с береговыми батареями огневую основу узлов обороны у тех участков побережья, которые считались уязвимыми с моря.

В марте оно еще было сковано льдом. Батареи флотилии, «доставaвшие» до северного, занятого противником берега, вели огонь по разведанным там целям. Небольшие подразделения моряков систематически проникали - по льду, через Таганрогский залив - в неприятельские тылы, минировали дороги, выводили из строя вражескую технику, нарушали связь. В конце февраля успешно прошла более крупная вылазка [249] на Кривую косу (западнее Таганрога, в районе Буденновки), проведенная совместно с 56-й армией - участвовало двести моряков и двести армейцев. Внезапным налетом сводного отряда был фактически ликвидирован размещенный на косе фашистский гарнизон, уничтожены две артиллерийские и две минометные батареи, радиостанция.

Командующего флотилией контр-адмирала С. Г. Горшкова я в Приморско-Ахтарской не застал: он находился в штабе Южного фронта, согласовывая планы ближайших боевых действий. Как сложится на Азовском море новая летняя кампания, было пока неясно, это зависело прежде всего от положения в Крыму. В любом случае пора было думать об организации партийно-политической работы, связанной с обеспечением приближавшихся боевых походов кораблей. Я предложил военкому флотилии полковому комиссару С. С. Прокофьеву вместе послушать, какие на этот счет соображения и планы у начальника политотдела батальонного комиссара В. А. Лизарского, как учитывается прошлогодний опыт, особенно - приобретенный в Керченско-Феодосийской операции. Доклад начальника политотдела подробно обсудили, разговор получился полезный.

Корабли, на которых побывал, были в основном готовы к плаваниям, ремонт механизмов заканчивался. Радовало боевое, уверенное настроение экипажей. Азовцы уже убедились, что и на этих не грозных на вид судах, еще недавно бороздивших спокойное внутреннее море с мирными грузами или ловивших на нем рыбу, можно успешно воевать.

* * *

Из Тамани, где меня встретил командир Керченской военно-морской базы контр-адмирал А. С. Фролов (перед назначением сюда он в сентябре - ноябре 1941 года командовал Дунайской флотилией), идем на катере к крымскому берегу. Керчь трудно узнать - так много тут разрушено. Я впервые вижу город, побывавший в руках врага, и зрелище это страшное. А сколько его жителей погибло, замучено за сорок дней фашистской оккупации!… Хозяйка уцелевшего домика под горой Митридат, где меня устроили на ночлег, рассказывала о пережитом, о рве за городом, заполненном телами тысяч расстрелянных керчан.

Выбитые из Керчи гитлеровцы изо дня в день бомбили ее с воздуха. Особенно частым налетам подвергался порт. Но, несмотря на все разрушения, он действовал, и обработка прибывающих судов все ускорялась. Увидев, в каком состоянии находится портовое хозяйство, я еще лучше понял, как [250] много значило освоить перевозку тяжеловесной техники, в том числе танков и самоходных орудий, на палубах небольших, но остойчивых судов, разгрузка которых обходилась без сложных средств механизации.

В штаб Крымского фронта, размещавшийся в селении Ленинское, я отправился, убежденный, что для выполнения. заданий по морским перевозкам делается сейчас все возможное. Впрочем, доказывать это кому-либо не понадобилось.

За километр или полтора до Ленинского мне предложили остановить машину и следовать далее пешком. Начальник контрольно-пропускного пункта доложил, что таков порядок, установленный товарищем Мехлисом. С этого момента я то и дело слышал ссылки на его решения, приказы, указания.

Член Военного совета фронта дивизионный комиссар Ф. А. Шаманин, встретивший по-товарищески тепло, признался в откровенной беседе, что завидует Военному совету Черноморского флота, имеющему, насколько ему известно, большие возможности самостоятельно вырабатывать и принимать решения без постоянной опеки над собой. Тут, по его словам, дело обстояло иначе. Армейский комиссар 1 ранга Л. З. Мехлис, прибывший на Крымский фронт в качестве представителя Ставки, во многом помог командующему и Военному совету, однако постепенно стал подменять их, решая все сам.

Что это, кажется, действительно так, подтвердила последовавшая затем встреча с командующим фронтом генерал-

лейтенантом Д. Т. Козловым. Как-то незаинтересованно, будто мало его касающееся, выслушал он сообщение о положении СОР, о ходе морских перевозок, о том, какая помощь нужна Севастополю. А потом прямо сказал, что по вопросам, которые я ставил, следует обратиться к товарищу Мехлису.

Вечером армейский комиссар пригласил меня вместе с Шаманиным. Здороваясь, Мехлис спросил, как я доехал и где оставил машину. Последнему он придавал большое значение. Мне было объяснено, что его приказание оставлять машины за пределами населенного пункта дало много - противник не бомбит Ленинское и, следовательно, не знает, что тут штаб фронта (как показали дальнейшие события, немцы, к сожалению, это знали).

Мой доклад о севастопольских делах, об огневой поддержке фронта кораблями, о положении с перевозками Л. З. Мехлис слушал очень внимательно. Он детально интересовался работой командования Приморской армии и сообщил, что в нее направляется членом Военного совета опытный [251] кадровый политработник дивизионный комиссар И. Ф. Чухнов, а бригадный комиссар М. Г. Кузнецов останется в армии членом Военного совета, ведающим вопросами армейского тыла.

Ободренный вниманием к севастопольцам, я изложил нужды СОР (мы с Ф. С. Октябрьским тщательно продумали, какой конкретно помощи следует просить, чтобы получить самое необходимое). Почти все просьбы, касавшиеся войсковых подкреплений, вооружения, поставок боеприпасов, представитель Ставки обещал удовлетворить, тут же поручив дивизионному комиссару Шаманину взять под контроль исполнение.

Не был решен лишь вопрос о танках - мы просили выделить для СОР 25-30 машин, и я сказал, что они будут очень нужны, когда севастопольцы пойдут на соединение с войсками Крымского фронта. Мехлис спросил, как мы доставим танки в Севастополь, не скрыв опасения, что для этого пришлось бы отвлечь суда, перевозящие танки на Керченский полуостров. Я ответил: перевезем на боевых кораблях, может быть, на линкоре. Почему-то это Мехлису не понравилось. Подумав, он сказал:

- Севастопольцы уже достаточно навоевались. У Крымского фронта хватит сил разгромить врага, и от войск СОР большого боевого напряжения в наступлении не потребуется. А пока держите крепко оборону.

Отвечая на мой вопрос о планах освобождения Крыма, армейский комиссар познакомил с тем, как развернуты войска фронта. Попутно рассказал, как он отклонил предложение командующего и штаба иметь две армии на Ак-Монайских позициях, а третью - в резерве и приказал расположить ее

непосредственно за теми двумя. Он показал по карте направление намечаемого удара на Симферополь и на Бахчисарай, где планировалось соединение с частями СОР.

- До скорой встречи в Бахчисарае! - сказал Л. З. Мехлис на прощание.

Скоро я снова был в Новороссийске, где готовился к очередному походу в Севастополь лидер «Ташкент». На нем собрался, идти также контр-адмирал И. Д. Елисеев - командующий вызывал начальника штаба, чтобы обсудить положение на морских коммуникациях и накопившиеся вопросы по кавказским базам.

Командир корабля капитан 3 ранга В. Н. Ерошенко доложил, что на лидер просятся пассажирами два работника наркомпищепрома, имеющие командировки от своего наркомата. Заинтересовало, по какой надобности направляются [252] товарищи в осажденный город. Оказалось, что их командировка связана… с Инкерманским шампанским.

Когда враг подступал к Севастополю, завод, выпускавший шампанское, закрыли. Директор, отбывая на Кавказ, показал флотским хозяйственникам, где хранилось шампанское различных стадий готовности, - используйте, мол, по своему усмотрению, вывезти все равно невозможно. Работники тыла, как положено, оприходовали вино (его было около миллиона бутылок) и стали отпускать в госпитали - для раненых, а также и в части - вместо полагавшейся бойцам и командирам водки. Освобождавшиеся бутылки шли на заправку горючей смесью и становились оружием. В наркомате же, которому принадлежал завод, тем временем дознались, что шампанское, слава богу, фашистам не досталось и в море в критический момент не вылито. Ну а раз так, решили представить счет тому, кто его получил. Пришлось флоту перевести наркомпищепрому довольно крупную сумму. Тогда мы еще не знали, какой драгоценностью сделаются остатки Инкерманского шампанского в страдные дни третьего штурма, как будут утолять им жажду в частях, отрезанных от источников воды.

«Ташкент» был самым быстроходным кораблем Черноморского флота. Выйдя во второй половине дня из Новороссийска, он мог к исходу ночи быть в Севастополе.

Воздушная разведка противника не обнаружила лидера в море, уклоняться на переходе от атак ему в тот раз не пришлось. Но, когда уже приближались к Севастополю, начальник штаба СОР предупредил по радио: ночью фашистские самолеты сбрасывали мины. С тральщика, дежурившего у входа на основной фарватер, передали, что он временно закрыт.

Командир «Ташкента» застопорил машины. Мы втроем - Ерошенко, Елисеев и я - посовещались в рубке. Ждать, пока уточнят минную обстановку, означало входить потом в бухту при свете дня, то есть под неизбежным обстрелом неприятельской артиллерией. Было решено идти немедленно. На тральщик передали приказание - быть ведущим. Мы положились на то, что командир дежурного тральщика сейчас лучше, чем кто-либо, представляет, как идти по сомнительному фарватеру.

Оба корабля прошли по нему благополучно. В предутренних сумерках «Ташкент» ошвартовался в Южной бухте. На календаре было 1 апреля. [253]

Содержание

«Военная Литература»

Мемуары
Глава девятая.

Перед новыми испытаниями

Пока я находился на Кавказе и Керченском полуострове, особых перемен на севастопольских рубежах не произошло.

Оперативная сводка за 1 апреля констатировала: «На сухопутном фронте ничего существенного». Далее говорилось о будничных событиях: на отдельных участках шла перестрелка, неприятельская артиллерия обстреливала район Инкермана и дорогу между городом и хутором Дергачи под Сапун-горою, наши снайперы уничтожили 30 солдат и офицеров противника… Сводки за предшествующие дни отмечали локальные огневые налеты на позиции частей СОР, бомбежки Херсонесского аэродрома и бухт. Почти каждый день в пределах города падало несколько десятков вражеских снарядов. Наши «ястребки» старались, и часто это удавалось, не подпускать к городу фашистские бомбардировщики. Артиллерия СОР изо дня в день вела контрбатарейную борьбу.

Словом, затишье продолжалось. Севастополь, привыкший к методическому артобстрелу и воздушным тревогам, встречал весну чистыми, прибранными улицами, на которых стало заметно больше людей. Вернулись из убежищ на поверхность земли некоторые учреждения (но не школы - с ними спешить было нельзя). На Приморском бульваре посыпали свежим песком

дорожки и высадили рассаду цветов. Вновь появились, пристроившись в укромных уголках, чистильщики обуви и по-южному задорно зазывали клиентов: «Лучший в мире гуталин! Бойцам и командирам - бесплатно!»

Жители Севастополя, уверившиеся в прочности сухопутной обороны города, еще мало знали о том, насколько осложнилось положение на морских путях, связывающих его с Большой землей. Хотя последствия этого уже ощутили все: из-за затруднений с подвозом продовольствия пришлось сократить нормы выдачи хлеба и других продуктов по карточкам. Уменьшился и паек в войсках.

Конвои шли с Кавказа извилистыми маршрутами, держась ближе к турецкому берегу, чем к крымскому, и выходили [254] к Севастополю с совсем необычных направлений. Но это не всегда обеспечивало им скрытность: удлинение пути увеличивало продолжительность перехода, и противник, активно ведя разведку над морем, где-нибудь да засекал конвой. И тогда на него нацеливались бомбардировщики и торпедоносцы.

Два танкера, следовавшие в Севастополь из Поти в охранении крейсера «Красный Крым» и эсминца, были обнаружены самолетом-разведчиком еще у кавказского побережья. Опытнейший и инициативный командир крейсера и всего конвоя капитан 2 ранга А. И. Зубков сбил врага со своего следа двукратным резким изменением курса. Однако полсуток спустя неприятельская воздушная разведка снова обнаружила конвой, после чего его последовательно атаковали несколько сменявших одна другую групп бомбардировщиков, а затем и торпедоносцы. И если в тот раз танкеры все-таки дошли невредимыми, то так бывало далеко не всегда.

Число транспортов, обеспечивающих перевозки и в Керчь и в Севастополь, сократилось к началу апреля до 16 единиц. Между тем светлое время суток быстро увеличивалось - весна брала свое, и это означало, что прорывать блокаду, создаваемую врагом на море, в дальнейшем будет все труднее.

Практически мы уже исчерпали зависевшие от нас меры усиления охраны коммуникаций. Конвоированием судов были заняты все лидеры, эсминцы, тральщики и сторожевые катера. Для прикрытия конвоев на подходе к Севастополю, в радиусе, недоступном истребителям, теперь стали использоваться скоростные бомбардировщики Пе-2. Неприятельские аэродромы, где базировались самолеты, действующие над морем, сделались основными наземными целями для ударов флотской авиации. Однако всего этого оказывалось недостаточно, чтобы обеспечить безопасность перевозок.

Тревожное положение на морских коммуникациях обсуждалось 2 апреля Военным советом при участии прибывшего с Кавказа контр-адмирала И. Д. Елисеева. Докладывая оценку обстановки наркому ВМФ и командующему Крымским фронтом, мы просили ускорить поступление на флот новых истребителей, а также бомбардировщиков Пе-2, усилить зенитную артиллерию военно-морских баз, пополнить наш флот сторожевыми катерами, которые могли быть перевезены на Черное море по железной дороге. Ставился также вопрос о прокладке железнодорожной ветки к Тамани [255] - это позволило бы заменить морские рейсы из Новороссийска в Керчь короткой переправой через пролив.

Вскоре поступило указание наркома: перевозку людей и грузов в Севастополь производить на боевых кораблях и быстроходных транспортах, планируя каждый переход как самостоятельную операцию. Для перевозок в Керчь предлагалось использовать малые суда, в том числе сейнеры, для крупных грузов - боевые корабли.

Лидеры и эсминцы, которые и раньше доставляли в Севастополь маршевое пополнение, вывозили раненых, стали принимать на борт любые грузы, прежде всего - боеприпасы. Командование Крымского фронта согласилось временно освободить крейсера от огневой поддержки войск из Феодосийского залива, с тем чтобы и их переключить на обеспечение коммуникаций. Из мобилизованных гражданских судов продолжали ходить в Севастополь главным образом бывшие пассажирские теплоходы - они обладали наибольшей скоростью хода и хорошей маневренностью.

* * *

На подходах к Севастополю и непосредственно у входа в его бухты серьезную опасность для судов представляли вражеские неконтактные мины, секреты которых были раскрыты еще далеко не полностью. Весной, одновременно с повышением общей активности авиации противника на море, минные постановки с воздуха в этом районе весьма участились. Причем сбрасывались мины новейших, незнакомых нам образцов.

В начале апреля было сброшено много мин на внешнем севастопольском рейде. Наблюдательные посты запеленговали приводнение пяти мин в полосе фарватера Инкерманского створа. И все попытки уничтожить их освоенными к тому времени способами оставались безрезультатными. А этот фарватер не имел обходов. Упади поблизости еще две-три мины, и самое

искусное маневрирование не помогло бы обогнуть все опасные точки. Враг был ближе, чем когда-нибудь, к своей давней цели - осуществить минную блокаду Севастополя.

Стало насущной необходимостью раскрыть секрет новейших немецких мин. Одну из них, представлявшую собой большой черный цилиндр, водолазы обвязали на дне пеньковым тросом, и мину начали буксировать к берегу. Несмотря на все меры предосторожности, она взорвалась, как только ее дотащили до места с резким перепадом глубины. У наших минеров возникло предположение, что сработал гидростатический [256] предохранитель: мина взрывалась, когда уменьшалось до определенного значения давление воды. Оставалось попытаться хотя бы частично разоружить мину под водой. Сделать это вызвался помощник флагманского минера флота капитан-лейтенант Г. Н. Охрименко.

Задача усложнялась тем, что внешний рейд находился под обстрелом артиллерии противника, просматривался его наблюдателями с дальних высот, и остановившийся посреди рейда водолазный бот не мог не привлечь внимания. Для первого спуска водолаза-минера (точное место мины было уже установлено и обозначено) воспользовались туманным утром. Но туман так быстро стал рассеиваться, что Охрименко, еще ничего не успевшего сделать, поднимали с двадцатиметровой глубины уже под обстрелом, когда осколки могли в любую секунду перебить шланг.

Однако работа продолжалась. Сопряженная с большим риском, она потребовала и немалого времени. Несколько спусков под воду понадобилось лишь для общего осмотра мины и чтобы сделать оттиски, по которым изготовили специальные ключи из антимагнитного материала. Мы очень беспокоились за Охрименко - при разоружении немецких мин погиб уже не один черноморский минер, а теперь опасность была особенно велика. Но на сей раз все кончилось благополучно и с полным успехом. Смелый и осмотрительный капитан-лейтенант при помощи опытного водолазного старшины Л. П. Викулова сумел под водой освободить мину от подключенных к ней охранительных «ловушек». А окончательное ее разоружение Охрименко произвел на берегу.

Этот тип магнитноакустической мины с многоимпульсным прибором кратности, как впоследствии выяснилось, являлся предметом особой гордости немецких конструкторов. Изучение устройства мины очень много дало для совершенствования новых противоминных средств.

Когда наши специалисты поняли, что противник применяет

мины комбинированного действия, для обезвреживания которых нужно одновременно создавать и магнитное и акустическое поля, на первых порах делалось так: рядом с баржой, оснащенной электромагнитным тралом, маневрировали дизельные катера, создавая необходимый шум. А затем появились магнитоакустические тралы, становившиеся все более эффективными. Флот получил в конечном счете надежные средства уничтожения самых сложных и коварных вражеских мин. Ставка гитлеровцев на неотразимость этого оружия была бита. [257]

Кстати сказать, и в то время, когда новая противоминная техника еще только создавалась и неконтактные мины с их нераскрытыми секретами доставляли столько тревог, нам удавалось так или иначе выходить из трудных положений. И как ни реальна была опасность минной блокады наших портов, до этого нигде не дошло. Под Севастополем в самом начале войны подорвались на минах, тогда еще совсем неизвестных, эсминец и несколько вспомогательных судов. А потом не было ни одного такого случая за всю осаду города, хотя противник вводил тут в действие все свои минные новинки.

Григорий Николаевич Охрименко, раскрывший тайну одной из сложнейших немецких мин, отличился потом на Дунае, будучи флагманским минером нашей военной флотилии. Там ему пришлось иметь дело главным образом с английскими и американскими минами. За очистку от них дунайских фарватеров капитан 2 ранга Охрименко был удостоен звания Народного Героя Югославии.

Добиваясь безопасности плавания на севастопольских фарватерах, мы, конечно, старались не допускать здесь самой постановки мин фашистскими самолетами. В этом играла немаловажную роль довольно необычная плавучая артиллерийская батарея, о которой хочется рассказать особо. Создана она была по инициативе капитана 1 ранга Г. А. Бутакова, представителя известной династии русских моряков.

Война застала Григория Александровича в Севастополе в командировке - его службой была приемка от промышленности новых кораблей. В конце июня он должен был вернуться в Ленинград, но покидать Черноморский флот в такое время ему очень не хотелось. Его знаменитый дед Г. И. Бутаков, выдающийся флотоводец прошлого века, был активным участником первой Севастопольской обороны, имя адмирала Бутакова носила одна из улиц города. Сам Григорий Александрович дрался за освобождение Севастополя от врангелевцев и вложил потом много сил в возрождение

Черноморского флота, с которым чувствовал себя кровно связанным.

О стремлении Г. А. Бутакова воевать на Черном море стало известно Ф. С. Октябрьскому. Договорившись с кем следовало, командующий оставил его при Военном совете офицером для особых поручений. Первым таким поручением явилась проверка организации службы в бригаде охраны водного района. В ходе этой работы и возникла у Григория Александровича мысль о том, что было бы целесообразно [258] поставить в подходящем месте плавучий пост-батарею, который обнаруживал бы раньше других постов приближение неприятельских самолетов со стороны моря и давал бы им первый отпор.

Для плавбатареи Бутаков предложил использовать сохранившийся отсек старого, пошедшего в свое время на слом, линейного корабля. Эта стальная «коробка» служила раньше мишенью при торпедных стрельбах, а теперь стояла на отмели в Северной бухте. Идею Бутакова горячо поддержал начальник ПВО флота полковник И. С. Жилин, которого беспокоило, что Севастополь недостаточно прикрыт зенитными средствами в морском секторе. Они совместно представили Военному совету докладную записку, и предложение было принято, проект создания плавбатареи утвержден. Военный совет поручил переоборудование линкоровского отсека Морзаводу, оснащение батареи - артотделу, а общее руководство работами - Г. А. Бутакову. Уже в августе 1941 года плавбатарея была выведена из бухты и поставлена на якоря в назначенном месте. Многие из видевших, как ее буксировали, глядели на нее с изумлением и любопытством: что за чудище ведут в море?

Батарея действительно ни на что не была похожа: четырехугольный плавучий островок площадью 20х40 метров с высокими бортами, камуфляжно окрашенными под цвет волнующегося моря, а на площадке-палубе - орудия, боевая рубка, мачта с Военно-морским флагом… Батарея имела три 130-миллиметровых и три 76-миллиметровых орудия, да еще 37-миллиметровые автоматы, вместительные боевые погреба, собственную электростанцию, прожектор, средства связи. Под палубой располагались также кубрики личного состава, насчитывавшего полтораста человек. Командиром был назначен капитан-лейтенант С. Я. Мошепский, командовавший раньше орудийной башней на линкоре, комиссаром - старший политрук Н. С. Середа.

Восьмиметровая осадка обеспечивала батарее исключительную остойчивость, мощная броня и система внутренних переборок делали ее практически непотопляемой. В

то время, о котором я сейчас рассказываю, она продолжала нести боевую службу на той же позиции, куда была поставлена более полугода назад. Как ни бомбил ее противник, а вывести из строя не мог. Из записной книжки сбитого немецкого летчика стало известно, что фашисты называли позицию батареи «квадратом смерти». И немудрено: она уничтожила 22 вражеских самолета. А многим другим, что было еще более важно, не дала сбросить мины над фарватерами. [259]

Моряки, гораздые на меткое словцо, дали плавучей батарее № 3 (так она официально именовалась) прозвище, прочно за нею закрепившееся, - «Не тронь меня». Поводом к этому, вероятно, послужили и ее необычный вид, и меткость ее огня, и то, что в русском флоте существовала в свое время броненосная батарея под таким названием, входившая, кстати, в состав эскадры адмирала Г. И. Бутакова, когда он служил на Балтике.

* * *

В апреле севастопольцы продолжали надеяться на скорое снятие блокады и освобождение всего Крыма. Войска СОР сохраняли готовность присоединиться к наступательным действиям Крымского фронта. В то же время мы усилили внимание к укреплению обороны города. Из всей обстановки напрашивался вывод: если на Керченском полуострове еще промедлят с наступлением, то затишье в Крыму могут прервать гитлеровцы, явно не отказавшиеся от намерения овладеть Севастополем.

Планомерно, в основном в ночное время, велись инженерные работы. Расширялась сеть траншей и ходов сообщения (общая их протяженность достигла почти 350 километров). Все командные и наблюдательные пункты были обеспечены блиндажами с упрочненными перекрытиями. Для защиты бойцов от авиабомб и тяжелых снарядов в траншеях отрывались так называемые «лисьи норы», благодаря которым войска имели меньше потерь.

Несмотря на то что площадь севастопольского плацдарма по сравнению с началом обороны сократилась, была изыскана возможность базировать на нем больше авиации. К Херсонесскому аэродрому прибавились новые - на Куликовом поле, а затем и в Юхариной балке. Аэродромы были небольшими, но имели надежные укрытия для самолетов, подземные хранилища горючего. В целях рассредоточения приходящих с Кавказа кораблей Военный совет решил построить запасные причалы в бухтах Камышевой и Казачьей, вдали от обычных мест разгрузки

судов. В штольнях у Карантинной бухты оборудовались запасные командные пункты Приморской армии и береговой обороны, подземные помещения для их штабов.

Представлялось вполне возможным, что при новом натиске на Севастополь, если дело до него дойдет, противник попытается подкрепить атаки с фронта выброской на территории оборонительного района воздушного десанта - весной это было вероятнее, чем зимой. На такой случай разделили [260]плацдарм СОР на зоны противовоздушно-десантной обороны, передвинули некоторые части второго эшелона в районы, считавшиеся наиболее десантоопасными, провели ряд учений и тренировок.

Значительных изменений в численном составе гарнизона СОР больше не происходило - крупных людских подкреплений не поступало с января. Основные соединения Приморской армии имели изрядный некомплект. По войска были теперь лучше вооружены. Прибавилось автоматов и пулеметов, в марте поступила первая партия противотанковых ружей. Появились в частях тяжелые, 120-миллиметровые, минометы (а 82-миллиметровые в достатке производились на нашем спецкомбинате). И главное - больше стало полевой артиллерии. Вместе с прибывшими недавно двумя отдельными противотанковыми полками на севастопольских рубежах стояло к весне пять артполков армейского подчинения и восемь дивизионных.

Мы очень заботились о восстановлении боеспособности береговой артиллерии - главной огневой силы Севастополя. Как выручала она в ноябре и декабре, читатель помнит. Но многие орудия превысили в два - два с половиной раза свою норму выстрелов, и возникла необходимость заменять стволы или лейнеры практически на всех батареях, причем требовалось сделать это гораздо быстрее, чем делалось обычно. Сроки работ для каждой батареи устанавливались Военным советом.

С наибольшими трудностями были сопряжены работы на самых мощных батареях - 30-й и 35-й, где подлежали замене восемь громадных стволов весом по пятьдесят с лишним тонн. И если 35-я батарея стояла все-таки достаточно далеко от переднего края, то от орудийных башен: 30-й было до него всего полтора километра. Позиция «тридцатки» просматривалась из расположения противника и обстреливалась даже из минометов. Любые наружные работы здесь были возможны лишь в ночное время. И все равно исключалось использование подъемного крана - его никак не укроешь. А без крана такие стволы еще никогда не устанавливались. Нельзя было также снимать броневые крышки башен - вражеский обстрел мог повредить внутренние механизмы.

Выход из положения искали и инженеры артотдела, и старые мастера-пушкари. Возникавшие соображения обсуждались у генерала П. А. Моргунова. Очень ценные предложения внес мастер артремонтных мастерских С. И. Прокуда. В конечном счете Военному совету был представлен [261] детальный план, предусматривавший выполнение всех работ вручную с помощью домкратов и такелажной техники. Понадобилось, правда, проложить небольшую железнодорожную ветку, чтобы подвезти новые стволы прямо к башням на платформах. Для очистки стволов от арсенальной смазки выбрали довольно неожиданное, но оказавшееся вполне подходящим место - тупик у пассажирского перрона городского вокзала, над которым сохранился навес, скрывавший заводимую туда на день платформу.

Работами на 30-й батарее руководил военинженер 1 ранга А. А. Алексеев. Выделенные в его распоряжение рабочие мастерских и артиллеристы нередко имели на отдых всего четыре часа в сутки. Не раз ремонтники попадали под огневые налеты, и тогда было одинаково рискованно как прервать работу, оставив технику незащищенной, так и продолжать ее. То, что дело благополучно довели до конца, и даже раньше назначенного срока, явилось настоящим подвигом. А противник, хотя его подчас и настораживало ночное движение на позиции давно молчавшей «тридцатки» (кстати, немцы неизвестно почему именовали ее «Фортом Максима Горького»), явно еще не догадывался, что батарея, стоящая у него под носом, вновь обрела свою грозную силу. Вводить ее в действие без крайней необходимости командование СОР не спешило.

В честь завершения работ на батарее майора Г. А. Александера состоялся митинг. На нем выступили и мы с Филиппом Сергеевичем Октябрьским. Отличившимся рабочим и артиллеристам были вручены боевые награды.

За относительно спокойные месяцы преобразились батареи, оснащенные орудиями с «Червоной Украины» и попавших под вражеские бомбы эсминцев. Орудия, поставленные сперва на временные деревянные основания, перенесли на бетонные, что обеспечивало большую точность огня, оборудовали бетонированные дворики, укрытия для людей и боезапаса.

На участках, оде линия фронта проходила позади прежних рубежей, сооружались новые доты. Общее число артиллерийских дотов, сократившееся в ходе декабрьских боев, вновь возросло до шести с лишним десятков. Каждому имевшемуся в Севастополе морскому орудию, включая и те, которые потребовалось капитально отремонтировать, было найдено надлежащее место.

* * *

Во второй половине апреля мы узнали об организационных изменениях в управлении силами, действовавшими на [262] левом фланге советско-германского фронта. За этими мерами виделась озабоченность Ставки положением на Юге. Было образовано главнокомандование Северо-Кавказского направления, включавшего Крымский фронт, Черноморский флот, Севастопольский оборонительный район, а также Северо-Кавказский военный округ. Из подчинения Крымскому фронту флот и СОР вышли. Главкомом направления Ставка назначила Маршала Советского Союза С. М. Буденного, его заместителем по морской части - адмирала И. С. Исакова.

Эти перемены застали вице-адмирала Ф. С. Октябрьского на Керченском полуострове: командующий Крымским фронтом, еще в качестве нашего начальника, вызывал его для решения текущих оперативных вопросов. Затем в Краснодаре, где развертывался штаб Северо-Кавказского направления, командующий флотом представился С. М. Буденному и докладывал о черноморских делах прибывшему туда наркому ВМФ Н. Г. Кузнецову. Речь шла прежде всего о продолжавшей осложняться обстановке на морских коммуникациях, о том, как обеспечить снабжение Севастополя.

Николай Герасимович Кузнецов собирался после посещения кавказских баз побывать в Севастополе. Обсуждалось, каким путем - по морю или по воздуху надежнее к нам добраться. Но что-то помешало наркому осуществить это намерение, и он вскоре вернулся в Москву.

На Кавказе, где базировались наши бригады подводных лодок, Ф. С. Октябрьский отдал, пока в предварительном порядке, распоряжение о подготовке к транспортным рейсам в Севастополь также и подводных кораблей, сперва - наиболее крупных. Мы никогда раньше не думали, что придется ставить подводникам подобные задачи, но события развивались так, что для питания СОР могли понадобиться и подлодки.

Филипп Сергеевич вернулся в Севастополь очень озабоченным. И не только положением на море. Следует сказать, что к моменту его отбытия в Керчь и на Кавказ флотская разведка получила достоверные, как мы были убеждены (такими они и оказались), данные об интенсивной подготовке гитлеровцев к наступлению против войск Крымского фронта. При встрече с командующим фронтом Ф. С. Октябрьский изложил эти сведения

лично ему, однако генерал-лейтенант Д. Т. Козлов отнесся к ним недоверчиво, поскольку они, по-видимому, не совпадали с его оценкой обстановки. Он сказал Октябрьскому, что армии фронта перейдут в наступление в начале мая и Крым будет очищен [263] от фашистских захватчиков. Но сроков решительного наступления с Керченского полуострова называлось уже немало, и в реальность этого нового не очень верилось.

А я встречал Ф. С. Октябрьского подавленный понесенной нами утратой: 24 апреля в Севастополе погиб командующий черноморской авиацией Николай Алексеевич Остряков. Филипп Сергеевич уже знал об этом из моей телеграммы, оставалось лишь рассказать ему подробности.

…В тот злополучный день мы повстречались с Остряковым где-то около хутора Дергачи: я направлялся в бригаду Потапова, а Николай Алексеевич показывал авиационное «хозяйство» прибывшему из Москвы заместителю начальника управления морской авиации ВМФ генерал-майору Ф. Г. Коробкову, с которым он вместе сражался в Испании. Свернув с обстреливаемой противником дороги, мы поговорили несколько минут и разъехались, условившись встретиться на ФКП за ужином. В воздухе то и дело появлялись вражеские разведчики. А на обратном пути я увидел издали группу бомбардировщиков, летевших в сторону Стрелецкой бухты. Подумал: опять нацелились на базу сторожевых катеров… Но оказалось, удар был направлен на очень важные для нас (и, судя по всему, долго остававшиеся неизвестными противнику) авиаремонтные мастерские у маленькой Круглой бухты. На ФКП оперативный дежурный доложил: разрушен ангар, разбиты или повреждены ремонтировавшиеся самолеты, погибли генералы Остряков и Коробков…

Вот где настигла смерть 30-летнего командующего черноморскими ВВС. Не в воздухе, хотя молодой генерал совершил десятки боевых вылетов и лично сбил не один фашистский самолет, а на земле. И от этой нелепости было еще тяжелее. Не уберегли мы и генерала Коробкова, проведшего в Севастополе считанные часы.

Про Острякова мало сказать, что он погиб в расцвете сил. Его недюжинный талант авиационного командира, в сущности, еще только начал по-настоящему раскрываться. Мы потеряли человека самозабвенно отважного, способного до дерзости смело мыслить и действовать и в то же время очень чуткого к товарищам, мягкого, порой даже застенчивого в обыденной жизни. Очень быстро приобрел он среди флотских летчиков огромный авторитет, определявшийся отнюдь не только служебным

положением Николая Алексеевича. Его уважали и любили, ему стремились подражать.

Погибших генералов хоронили на Кладбище коммунаров. На траурном митинге, необычно многолюдном для осадного Севастополя, общая скорбь ощущалась так остро, [264] что я с трудом смог выступить - душил комок в горле. Салютом павшим прогремели залпы всей артиллерии оборонительного района по вражеским позициям. Самолеты, проносясь бреющим полетом над кладбищем, уходили на боевые задания.

После войны над могилами Н. А. Острякова, Ф. Г. Коробкова и похороненного рядом военкома черноморских ВВС М. Г. Степаненко (как он погиб, я рассказывал) поднялся общий памятник. Николаю Алексеевичу Острякову и Федору Григорьевичу Коробкову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. В Крыму есть сейчас станция Остряково, есть проспекты Острякова в Севастополе и Владивостоке, где он служил раньше, улица. Острякова и его родной Москве.

Командующим военно-воздушными силами Черноморского флота стал с конца апреля 1942 года генерал-майор авиации В. В. Ермаченков.

* * *

Истекало полгода с начала обороны Севастополя, и мы еще раз ощутили, как следит за нею вся страна. Итогам шести месяцев боев за город, его жизни в осаде посвящалось много материалов в печати. На усиление группы военных журналистов, постоянно работавших в Севастополе, центральные газеты командировали своих специальных корреспондентов.

От «Правды» прибыл Николай Михайловский, с которым мы впервые встретились несколько лет назад на Балтике, на «Марате». Он недавно был в блокадном Ленинграде и многое рассказал о виденном и пережитом там, о судьбе наших общих знакомых. Михайловский передал мне просьбу редакции написать для «Правды» статью о севастопольских боях, о героях обороны. 30 апреля она была опубликована.

В Севастополе полугодовой юбилей обороны отмечался на торжественном заседании, посвященном также и наступившему дню Первого мая. Проходило оно в подземном кинотеатре. С докладом выступил секретарь Крымского обкома ВКП(б) Ф. Д. Меньшиков.

Перед началом заседания ко мне подошел сотрудник «Красного черноморца» и по поручению редактора С. С.

Зенушкина (П. И. Мусьяков работал уже в Москве, редактировал газету «Красный флот») показал небольшую статью, которую по собственной инициативе прислал во флотскую газету Илья Эренбург. Редактор спрашивал, как быть: статья [265] только что поступила, а завтрашний номер уже сверстан.

Статья И. Эренбурга начиналась так:

«Недавно на Севастопольском бульваре в Париже были арестованы две девушки. Они ударили оскорбившего их немецкого офицера. Когда их судили, они сказали: «Мы хотим быть такими сильными, как герои Севастополя».

Во всем мире повторяют бессмертное имя - «Севастополь». Оно стало паролем непримиримости, крепости, человеческого достоинства, гордого мужества…»

Прочитав эти строки, я посоветовал редактору поставить статью в номер, даже если переверстка немного задержит его выход.

А севастопольцам часто служили примером стойкость и мужество ленинградцев. Мы получили от них волнующий ответ на наше первомайское приветствие.

«Ясно представляем и хорошо знаем те лишения и трудности, которые приходится переживать осажденному городу, - писали они. - Силы Ленинградского фронта при неослабевающей поддержке жителей Ленинграда отстаивают город Ленина с такой же самоотверженностью и упорством, с которыми защищаете и вы, севастопольцы, черноморскую твердыню… Товарищи севастопольцы! Будем еще искуснее, упорнее и отважнее разить фашистов…»

Этот призыв боевых друзей с берегов Невы и Балтики пришел как раз в такое время, когда для севастопольцев наступали новые испытания, более жестокие, чем все прежние.

С первых дней мая заметно усилился артиллерийский обстрел наших позиций и города. 6 мая над Севастополем появилось значительно больше, чем обычно, фашистских самолетов, сбросивших около 90 фугасных бомб и до тысячи зажигательных. Над рейдом сбрасывались мины. Но это, как вскоре стало ясно, были отвлекающие действия противника, готовившегося сперва нанести удар по войскам Крымского фронта на Керченском полуострове.

Враг перешел там в наступление 8 мая. Манштейну удалось найти слабое место в боевых порядках наших войск и еще раз упредить их наступление, теперь - с тягчайшими, непоправимыми последствиями. События на востоке Крыма стали развиваться стремительно и весьма неблагоприятно для нас.

14 мая гитлеровцы ворвались на окраины Керчи. Ночью меня

разбудил взволнованный Ф. С. Октябрьский и показал радиограмму Л. З. Мехлиса, требовавшего, чтобы флот [266] направил в Керчь и Камыш-Бурун все плавсредства, пригодные для эвакуации войск через пролив. Соответствующие приказания командирам кавказских баз были отданы немедленно, а контр-адмирал И. Д. Елисеев, находившийся в Туапсе, принял необходимые меры еще до этого. В тяжелых условиях, под ударами фашистской авиации, удалось эвакуировать около 120 тысяч человек, в том числе свыше 23 тысяч раненых{36}. Часть тех бойцов и командиров, которые, прикрывая эвакуацию главных сил, сами не успели переправиться через пролив, укрылась в подземельях Аджимушкайских каменоломен и продолжала борьбу.

19 мая враг полностью захватил Керченский полуостров. Решением Ставки Крымский фронт был расформирован, вместо Северо-Кавказского направления вновь образован Северо-Кавказский фронт под командованием С. М. Буденного с подчинением ему Черноморского флота.

Общая обстановка на Юге резко ухудшилась. Керченский пролив становился линией фронта. В порядок дня вставала оборона Таманского полуострова. В Крыму, где войска СОР опять остались одни, нам подтверждалась задача - прочно удерживать Севастополь. И мы понимали, что силы, высвободившиеся у гитлеровцев на востоке Крыма, будут двинуты к Севастополю.

Еще 10 мая гарнизон оборонительного района перешел на повышенную боевую готовность. Наряду с принятием ряда других мер Военный совет решил усилить противодесантную оборону плацдарма, проверив с этой точки зрения каждый километр береговой черты. Сколь ни маловероятными представлялись атаки с моря, надлежало учесть и такого рода неожиданность.

Пока враг занимался перегруппировкой войск, севастопольцы продолжали укреплять свои позиции и на переднем крае, и в глубине обороны. Чтобы сдержать натиск гитлеровцев, теперь уже неизбежный, сооружались новые препятствия, ставились добавочные взрывные заграждения. Были среди них и довольно необычные - люди проявляли много изобретательности.

Под Севастополем нетрудно набрать каких угодно камней. И вот у начальника инженерной службы Чапаевской дивизии подполковника М. П. Бочарова и ее начарта подполковника Ф. Ф. Гроссмана появилась мысль возродить «камнеметные фугасы», применявшиеся еще в стародавние [267] времена. Проведенные опыты показали, что достаточно 10 килограммов взрывчатки, чтобы примерно кубометр крупных камней, заложенных в яму, взлетел высоко в воздух и с большой силой обрушился на землю в

радиусе полусотни метров. Чапаевцы стали закладывать такие фугасы на вероятных участках основных атак противника, там, где он мог вклиниться в наши позиции. Устройства включались на взрыв с командных пунктов подразделений по проводам. И когда настало время вводить в действие все боевые средства, это нехитрое оружие сослужило свою службу.

Готовились к тяжелым боям и тыловики оборонительного района. Все склады, еще находившиеся в городе, были переведены в штольни и другие убежища, тщательно замаскированы. Это касалось абсолютно всего. Запасы продовольствия, например, рассредоточивались по двадцати девяти основным пунктам хранения, мука укрывалась в глубоких траншеях вблизи войсковых пекарен.

Продукты, предназначенные для гражданского населения, распределялись по хранилищам так, чтобы без них не осталось ни одно предприятие, ни одно жилое подземелье. Продумывались варианты обеспечения населения водой в случае повреждений водопровода. В то же время мы старались, пока для этого еще имелись возможности (теперь уже весьма ограниченные), эвакуировать как можно больше людей, не нужных для обороны, особенно - матерей с детьми. А в январе - марте эвакуация, хотя и не прекращалась, но, к сожалению, весьма замедлилась. Городские учреждения даже начали возвращать с Большой земли тех своих работников, без которых обходились в ноябре - декабре…

* * *

Стараясь не упустить ничего, что могло помочь в отражении приближавшегося третьего штурма, Военный совет придавал особое значение морально-политической подготовке к нему всего личного состава.

В донесениях в Москву или командованию фронта мы всегда отмечали высокий боевой дух защитников Севастополя. Их беззаветная преданность Советской Родине, верность великому делу партии Ленина воплощались в подлинно массовом героизме, который нередко ошеломлял врага и подчас, как бывало и на других участках фронта, перечеркивал его перевес в численности войск, технике, военной опытности. Оправдываясь в своих неудачах, гитлеровцы [268] приписывали Севастополю такие сухопутные укрепления, каких тут не существовало, намного преувеличивали состав сражавшегося в осаде гарнизона. Но когда фашисты называли непреклонный Севастополь крепостью

большевиков - это было правдой.

Коммунисты являлись силой, которая накрепко сплачивала, цементировала всю массу защитников города, позволяя эффективно направлять волю десятков тысяч людей к единой цели. Коммунисты служили для своих товарищей живым примером мужества, самоотверженности, презрения к смерти, воодушевляли своей непоколебимой верой в нашу конечную победу. Мы посылали коммунистов туда, где надо было поднять бойцов на подвиг. И это благодаря коммунистам, как результат их влияния и примера, поведение людей стало определяться героическим девизом: «Севастопольцы дерутся до последнего человека, а последний человек - до последней капли крови».

Отличившихся в боях было много. И это создавало благоприятные условия для отбора в партию действительно лучших, проверенных в огне сражений бойцов и командиров. Только за первые четыре месяца 1942 года партийные организации СОР приняли 449 человек в члены и 1001 - кандидатами в члены партии. На первых порах, однако, рассмотрение заявлений велось не так оперативно, как хотелось бы. Политуправлением флота были приняты соответствующие меры, и дело пошло гораздо лучше, быстрее. Партийные комиссии при политотделах теперь рассматривали заявления непосредственно в батальонах, а иногда и в ротах, батареях. Бывало и так, что заседания прерывались из-за осложнений в обстановке, и тогда члены партийных комиссий имели возможность воочию убедиться в высоких морально-боевых качествах тех, кто вступает в ленинскую партию.

Более гибко, в предельно сжатые сроки стали оформляться и партийные документы. Так, начальник политотдела 7-й бригады морской пехоты А. М. Ищенко посылал в роты фотографа, где тот делал съемки. И как только фотокарточки были готовы, Ищенко направлялся в батальоны и роты, беседовал с каждым из вновь принятых. Здесь же, в ротных окопах, производилось вручение партийных билетов и кандидатских карточек. И часто бывало так, что молодые коммунисты тут же шли в бой.

Партийные организации были надежной опорой командиров, а формы и методы их работы, проверенные за месяцы [269] осады, подсказывала сама обстановка. Нередко, например, она не позволяла собраться вместе коммунистам даже одной роты: не могли отлучиться бойцы из дотов, из групп истребителей танков или из стрелковых ячеек, выдвинутых за передний край. Поэтому практиковались делегатские собрания, решения которых доводились до коммунистов на их боевых постах.

О том, как много могло зависеть буквально от горстки

бойцов, напоминал подвиг политрука Фильченкова и четырех краснофлотцев, предотвративших ценой своих жизней прорыв фашистских танков в первые дни Севастопольской обороны. И Военный совет добивался, чтобы политорганы, политработники, парторганизации держали в поле зрения, охватывали своим влиянием даже самые малые звенья нашей оборонительной системы и каждого человека.

Похвалы заслуживает деятельность комсомольских организаций СОР, на деле являвшихся боевым помощником и резервом партийных организаций. Влияние комсомольцев на молодых воинов непрерывно возрастало. Я уже рассказывал о Иване Голубце, Сергее Раенко, Алексее Калюжном, Нине Ониловой, других воспитанниках Ленинского комсомола, чьи подвиги под Севастополем стали широко известны в стране. Юные патриоты становились разведчиками, снайперами, автоматчиками, минометчиками, пулеметчиками… Они совершенствовали боевое мастерство, учились действовать в бою смело и храбро. Политорганы и партийные организации воспитывали молодых воинов в духе советского патриотизма, боевых традиций армии и флота. Большое внимание обращалось на подбор комсомольских активистов (секретари, члены бюро), их инструктирование, на развитие инициативы в работе комсомольских организаций.

Весьма активно велась на севастопольских рубежах, тем более во время относительного затишья, и культпросветработа. При длительной стабильности фронта она сосредоточивалась прежде всего в агитземлянках, пользовавшихся большой популярностью. Их сооружали как можно ближе к передовым окопам, выбирая места, которые меньше простреливались противником, и как можно лучше маскируя. Были агитземлянки бревенчатые, были сложенные из дикого камня, потолок - в два-три наката плюс слой земли. Вмещали они по 30-40 человек. Бойцы смотрели тут кинофильмы - в течение дня проводилось несколько сеансов, слушали музыку, читали газеты и журналы или просто отдыхали в тепле и уюте, грелись горячим чаем. В агитземлянках бывали даже концерты столичных артистов - из фронтовой бригады [270] Мосэстрады под руководством Ю. М. Юровецкого дважды приезжавшей в Севастополь.

Постоянно работали в полевых частях и на береговых батареях две агитмашины Дома флота. Но были участки, куда им не добраться и откуда не так-то просто попасть в самую передовую агитземлянку. В такие точки посылался с оказией «агитчемодан» с патефоном и пластинками, с набором книг и журналов, свежими газетами. Или получал задание пробраться,

проползти туда лихой гармонист. Гармонь любили везде, а почти все гармонисты, по моим наблюдениям, оказывались отважными людьми, с которыми, как говорится, не пропадешь.

Мы очень ценили активное участие в политической работе большей части командного состава всех служебных категорий. А к кадровым комиссарам и политрукам постепенно прибавились десятки призванных из запаса опытных партийных работников. Они, как правило, быстро осваивались в воинской среде и уже мало чем отличались от армейских и флотских ветеранов. К ним в полной мере относилось то, что сказал потом о севастопольских комиссарах И. В. Рогов: «Они неразрывно, теснейшим образом были связаны с бойцами… Они не отсиживались в блиндажах и КП, а бульшую часть времени проводили в окопах… Они были в бою самыми стойкими, бесстрашными, презирающими смерть…»

Но политработников все-таки не хватало. Комиссары батальонов, политруки рот первыми, увлекая за собой бойцов, поднимались в контратаки и часто выбывали из строя убитыми или раненными. Тогда комиссара заменял один из политруков, а его обязанности переходили к авторитетному коммунисту из старшин и сержантов, которому без промедления присваивалось новое звание. Подбор людей, достойных выдвижения на политработу (а также и на командные должности), велся в частях постоянно, и этот внутренний резерв очень нас выручал, если не прибывало с Большой земли более подготовленное пополнение политсостава.

Опыт партийно-политической работы за полгода осады Севастополя и дальнейшие ее задачи обсуждались в апреле на собраниях партийного актива в частях, соединениях. Этому же было посвящено собрание партактива оборонительного района с докладом начальника политуправления флота дивизионного комиссара П. Т. Бондаренко. Проходило оно до драматических событий на Керченском полуострове. Севастопольцы еще не перестали рассчитывать на скорое снятие осады. Но мы ориентировали людей на то, что вполне возможен [271] и новый вражеский штурм и надо быть готовыми его отражать.

После вторичного захвата гитлеровцами Керчи вся воспитательная работа нацеливалась на обеспечение железной стойкости. Именно железной - иная нас не устраивала. Предстояла грозная схватка с противником, которому удалось лишь частью своих сил сломить сопротивление войск Крымского фронта. Севастопольцы должны были проникнуться сознанием, что они обязаны при любых обстоятельствах стоять насмерть.

Положение разъяснялось прежде всего командирам и комиссарам дивизий, бригад и полков. В войсках проводились

партийные и комсомольские собрания. Решено было провести, кроме того, делегатские собрания личного состава дивизий и бригад с участием двух-трех представителей от каждого взвода. С докладами на них выступали военачальники - командующий Приморской армией, члены военных советов флота и армии.

Отчетливо помню одно из первых таких собраний - в 7-й бригаде морской пехоты. Сотни две бойцов и командиров - делегаты от всех подразделений разместились под кронами старых дубов в районе Максимовой дачи, где были бригадные тылы. Рассказать им об обстановке в Крыму, об угрозе, вновь нависшей над Севастополем, выпало мне. Выступали также командарм И. Е. Петров, член Военного совета армии М. Г. Кузнецов. Разговор велся откровенный - как всегда, мы говорили всю правду о том, какие силы стягивает к Севастополю враг, стремящийся овладеть им любой ценой. И в то же время показывали, насколько прибавилось сил и боевого опыта у нас после того, как уже были отбиты два фашистских штурма. Напоминали, что на севастопольцев смотрит, гордится ими и надеется на них весь советский народ.

Потом брали слово бойцы, младшие командиры. Нельзя было без волнения слушать речи стрелков, пулеметчиков, артиллеристов - немногословные, горячие, звучавшие как клятвы выполнить до конца воинский долг. Многие излагали дельные предложения насчет того, как сделать оборону еще крепче, - об этом, чувствовалось, непрестанно думали все.

Так проходили делегатские собрания и в других частях.

Много лет спустя, уже во время работы над этими записками, мне прислал свои воспоминания полковник в отставке Л. Я. Конобрицкий, исполнявший весной 1942 года обязанности военкома ПВО СОР. Получив от Военного совета [272] задание - объехать все зенитные батареи и правдиво рассказать личному составу о сложившейся обстановке, комиссар не спал всю ночь, обдумывая свои завтрашние выступления, стараясь найти подходящие слова, потому что правда была страшна, и его заботило, как бы не напугать ею людей.

«На 80- й батарее, -вспоминает он, - когда я изложил обстановку и требования Военного совета и сказал, в частности, что надо быть готовыми к отражению налетов одновременно полка и более самолетов противника, краснофлотцы переглянулись и я заметил недоверчивые улыбки. Однако все хором заверили: «Честь зенитчиков не посрамим». Когда я уже направился к машине, ко мне обратился командир батареи старший лейтенант И. С. Пьянзин: «Неужели, - спросил он, - это правда, что предвидятся такие массированные воздушные

налеты?» Вопрос комбата меня насторожил, я возвратился на КП батареи, собрал всех командиров, секретарей партийной и комсомольской организаций и объяснил, почему надо готовиться даже к более трудному, чем отражение налета целого авиаполка».

«Указание рассказать личному составу всю правду, - заключает тов. Конобрицкий, - имело, на мой взгляд, неоценимое значение для стойкости зенитчиков во время третьего штурма. Никто не оказался захваченным врасплох».

Хочу добавить, что упомянутый здесь старший лейтенант Пьянзин был назначен вскоре командиром другой - 365-й зенитной батареи, стоявшей на памятной многим участникам Севастопольской обороны высотке с отметкой 60,0 вблизи станции Мекензиевы Горы. Эта батарея еще в декабре била не по воздушным целям, а по танкам и пехоте, сыграв важную роль в предотвращении прорыва гитлеровцев к Северной бухте в критические дни второго штурма. В июне сорок второго огневой позиции зенитной батареи суждено было стать полем еще более жестокого сухопутного боя, в котором расчеты зенитчиков самоотверженно дрались за каждый орудийный котлован. Когда умолкло последнее орудие батареи и пали смертью храбрых почти все ее бойцы, комбат по радио вызвал на свою позицию огонь береговых батарей. И. С. Пьянзину было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, и он навечно зачислен в списки одной из частей Краснознаменного Черноморского флота.

В преддверии июньского штурма мне довелось проверять наш передний край практически на всем обводе севастопольских рубежей. И могу засвидетельствовать: в многочисленных беседах, которые завязывались с красноармейцами, [273] краснофлотцами, командирами, нигде не прозвучало ни нотки уныния, сомнения или страха. Повсюду оставалось впечатление - и оно потом полностью оправдалось, - что мужество, стойкость, презрение к смерти, столь характерные для севастопольцев, готовы проявиться с особенной силой. А просьбы, высказываемые мне, сводились к тому, чтобы усилить такой-то участок фронта артиллерией или выделить побольше боезапаса, противотанковых ружей, автоматов.

И хотя время наставало грозное, часто слышались шутки, смех. Во 2-м Перекопском полку, который возник из батальона 7-й бригады морской пехоты, посланного к Перекопу еще прошлой осенью, мне захотелось выяснить, знают ли историю своей части люди из пополнения. Задал обступившим меня бойцам вопрос: почему полк называется Перекопским? Наступила небольшая пауза. Вперед протискался здоровяк в армейской гимнастерке и

бескозырке. Вокруг заулыбались - должно быть, это был общий любимец, ротный балагур. Представившись, краснофлотец заговорил, мешая русские слова с украинскими:

- А вы, товарищ дивизионный комиссар, хиба не знаете? То ж мы увесь Крым перекопали, тому нас и назвали Перекопским!

Все захохотали. Бесконечное окапывание здорово-таки надоело морякам, хотя насущную необходимость его, раз уж пришлось воевать на суше, они давно поняли.

Встречи с бойцами убеждали вновь и вновь: защитники Севастополя готовы встретить врага. А то, что они представляли, насколько силен этот враг, только прибавляло решимости, боевого упорства.

* * *

Вместе с войсками СОР готовились к надвигавшимся тяжелым боям все севастопольцы. Осажденный город еще теснее сливался в единое целое с фронтом. Никто не мог поручиться, что его окраины, да и любой его район не станут ареной боев.

Люди, вернувшиеся было в свои квартиры, снова переселялись в подземные убежища. В горе, огибаемой центральными улицами, прорубались новые штольни. Прерваны были занятия в шкодах (детей в городе убавилось, но вывезти на Большую землю всех не удалось). На возможных направлениях вторжения врага в пределы города оборудовались запасные позиции, укрепления, огневые точки. На ряде предприятий началось изготовление противотанковых «ежей», и [274] это считалось сверхударным заданием, подлежавшим выполнению круглосуточно.

26 мая городской комитет обороны принял постановление «О подготовке населения к вооруженной борьбе в городе». Еще до этого на предприятиях были созданы и вооружены боевые дружины с подчинением комендантам соответствующих секторов обороны. Половина личного состава этих дружин была переведена на казарменное положение. В резерв боевых дружин зачислялись все мужчины, способные по состоянию здоровья носить оружие, а в добровольном порядке - также и женщины. Формировались женские санитарные дружины.

На предприятиях создавался неприкосновенный трехдневный запас продовольствия - на случай выхода из строя хлебозавода и перебоев в работе торговой сети. Налаживалась система обеспечения важнейших объектов электроэнергией на случай, если окажется поврежденной или разрушенной основная

питающая город станция. Прокладывались дублирующие линии связи между штольней городского комитета обороны, районными КП и основными предприятиями.

Улицы Севастополя заливало майское, уже по-летнему теплое солнце. Нарядно зеленели Приморский и Исторический бульвары. За боновыми заграждениями рейда голубела и искрилась морская даль. Но весеннее торжество южной природы едва замечалось людьми - было не до того. Севастополь изготовился к смертельной схватке с врагом. [275]

Глава десятая.

Выполняя долг до конца

К концу мая группировка противника, сосредоточенная на подступах к Севастополю, состояла из восьми пехотных и двух горнострелковых дивизий, моторизованной бригады, отдельной танковой группы и ряда других частей общей численностью (точные цифры стали известны, конечно, гораздо позже) 204 тысячи человек. Это была все та же 11-я армия Манштейна, только пополненная, значительно усиленная. Если по личному составу враг превосходил войска Севастопольского оборонительного района, насчитывавшие 106 тысяч человек, примерно вдвое, то по ударным боевым средствам - многократно. У Манштейна было 450 танков, у нас - всего 38. 11-ю немецкую армию могли поддерживать 600 самолетов, а в некоторые дни - и больше, в то время как на маленьких аэродромах нашего плацдарма находились к началу июньского штурма 53 исправные боевые машины{37}.

Особо важную роль в планах этого штурма гитлеровцы отводили артиллерии. Перед рубежами СОР было сосредоточено более 2000 орудий и минометов (мы имели 600). В составе неприятельской осадной артиллерии находились сверхтяжелые 420-миллиметровые орудия и две 600-миллиметровые мортиры «Карл», о существовании которых до их появления под Севастополем вообще не было известно. (Когда мы донесли о них в Москву, нам не сразу поверили, но несколько снарядов этих мортир не разорвалось, и мы смогли послать в наркомат фотографии: человек среднего роста, поставленный рядом со снарядом, не доставал поднятой рукой до его головки.)

Из немецких оперативных документов теперь известно: гитлеровское командование, полагаясь на свой еще больший, чем при декабрьском штурме, перевес в силах, отводило на захват

Севастополя 4-5 дней, с тем чтобы двинуть 11-ю армию в наступление на Кавказ. [276]

Войска СОР после некоторых перегруппировок, произведенных весной с учетом опыта прошлых боев и применительно к изменившейся на ряде участков линии фронта, располагались на оборонительном обводе следующим образом:

На правом фланге, в первом секторе, который по-прежнему возглавляли генерал-майор П. Г, Новиков и бригадный комиссар А. Д. Хацкевич, кроме их 109-й стрелковой дивизии находилась как резерв сектора, а частично - армейский, нереформированная 388-я стрелковая (ею теперь командовал полковник Н. А. Шварев, а военкомом оставался полковой комиссар К. В. Штанов). Протяженность фронта сектора, прикрывавшего балаклавское направление и Кадыковку, составляла семь с половиной километров.

Силы второго сектора состояли из 386-й стрелковой дивизии полковника Н. Ф. Скутельника и старшего батальонного комиссара Р. И. Володченкова (они же - комендант и военком сектора), 7-й и 8-й бригад морской пехоты под командованием полковников Е. И. Жидилова и П. Ф. Горпищенко. Они оборонялись на 12-километровом фронте, пересекавшем долину Черной речки и Ялтинское шоссе.

За третий сектор, включавший район Мекензиевых гор, отвечали командир Чапаевской дивизии генерал-майор Т. К. Коломиец и ее новый военком полковой комиссар Н. И. Расников. Тут же мы держали 79-ю морскую бригаду полковника А. С. Потапова и два полка морской пехоты.

На рубежах левофлангового четвертого сектора стояли 95-я стрелковая дивизия полковника А. Г. Капитохина и 172-я стрелковая полковника И. А. Ласкина. Первый являлся комендантом сектора, а военкомом был теперь старший батальонный комиссар А. П. Гордеев.

Ширина фронта в этих двух секторах, вместе взятых, составляла к весне неполных 15 километров, но, как видно из приведенного перечня, здесь было сосредоточено больше войск, чем на правом крыле обороны: имелись основания ожидать главного удара с севера. Соответственно расставлялась и артиллерия.

Я назвал довольно много соединений, однако всем им было далеко до нормальной штатной численности. Не представляла в этом смысле исключения и 345-я стрелковая дивизия подполковника Н. О. Гузя, которая вместе с еще двумя полками, двумя танковыми батальонами, дивизионом гвардейских минометов и бронепоездом «Железняков» составляла наш резерв.

Как только закончились бои на Керченском полуострове, противник вновь усилил обстрел плацдарма СОР и бомбежки [277] с воздуха. Но это еще не было непосредственной артиллерийской и авиационной подготовкой нового штурма, Манштейн еще подтягивал предназначенные для него добавочные силы. И вражеские удары нацеливались пока не столько на позиции войск, сколько на город, портовые причалы, аэродромы, дороги. Очевидно, гитлеровцы стремились заранее дезорганизовать наши тылы, систему снабжения боевых частей, прием грузов и подкреплений с кораблей.

Наша малочисленная истребительная авиация и зенитчики делали все, чтобы защитить город и военные объекты, и сбили за последнюю декаду мая три десятка фашистских бомбардировщиков. Береговая и полевая артиллерия активно вела контрбатарейную борьбу, производила огневые налеты на разведанные сосредоточения неприятельских войск. Боевые корабли и быстроходные транспорты, прорывая уплотнявшуюся блокаду на море, продолжали приходить с боеприпасами, продовольствием, маршевым пополнением.

Только лидер «Ташкент» совершил между 17 и 25 мая три рейса, высадив на севастопольские причалы две с половиной тысячи бойцов и выгрузив сотни тонн грузов. Этими же рейсами он вывез до тысячи раненых.

Крейсер «Ворошилов» и два эсминца доставили из Батуми резервную 9-ю бригаду морской пехоты, возглавляемую полковником Н. В. Благовещенским и полковым комиссаром В. М. Покачаловым, - 2500 бойцов и 33 орудия. Ввиду особой ответственности задания эту группу кораблей возглавлял командир отряда легких сил эскадры контр-адмирал Н. Е. Басистый. Чтобы предельно сократить опасную для кораблей стоянку в Севастополе (ее удалось свести к полутора часам), были заготовлены деревянные лотки, по которым ящики со снарядами спускались на причал и в подведенные к другому борту баржи. Бригада высадилась без потерь, остались невредимыми и корабли. Но, вероятно, лишь находчивость командиров и отличная выучка экипажей позволили успешно отразить все атаки, которым они подверглись на переходе (в последний раз фашистские торпедоносцы атаковали их уже на севастопольских фарватерах, перед боковыми заграждениями базы). На обратном пути корабли отбивались от бомбардировщиков и торпедоносцев всеми своими огневыми средствами, включая башенные орудия главного калибра, и сбили два самолета.

Темное время суток быстро сокращалось, приближались самые короткие в году ночи, и Военный совет решил, что впредь

корабли, которые можно быстро разгрузить, должны [278] входить в бухты Севастополя между полуночью и часом ночи, а уходить не позже трех часов.

В это время для доставки с Большой земли снарядов, мин, патронов, а также пищевых концентратов и медикаментов уже использовались и подводные лодки. Самые крупные из них способны были принять на борт до 80 тонн компактных грузов, средние и малые лодки - значительно меньше. Но нельзя было пренебрегать и этим, каждая дошедшая до Севастополя тонна боеприпасов становилась драгоценностью. В тесных лодочных отсеках заполнялось грузом все свободное пространство и даже - трубы торпедных аппаратов (в транспортные рейсы подводники ходили без торпед).

В Новороссийске, откуда отправлялась большая часть подлодок, работала оперативная группа по подводным перевозкам во главе с начальником отдела подводного плавания флота капитаном 1 ранга А. В. Крестовским, которая вместе с командованием Новороссийской базы управляла этими необычными рейсами. Лодки уходили с Кавказа поодиночке, без всякого охранения. Пока позволяла обстановка на море, они шли в надводном положении, выигрывая время (надводная скорость хода намного превышает подводную), а при появлении вражеских самолетов погружались. На время стоянки в Севастополе подлодку было легче замаскировать, чем надводный корабль. Потом, когда активность противника в воздухе еще более возросла, лодки, не успевшие разгрузиться ночью, ложились на день на грунт, на дно бухт.

28 мая командующий Северо-Кавказским фронтом, сообщив нам, какие соединения перебрасываются противником к Севастополю с Керченского полуострова (эти данные совпадали с докладами флотской разведки), приказал: «Предупредить весь командный, начальствующий, красноармейский и краснофлотский состав, что Севастополь должен быть удержан любой ценой. Переправы на кавказский берег не будет»{38}.

Так во все вносилась предельная, окончательная ясность. 31 мая Военный совет решил, что пора опубликовать обращение к войскам и гражданам города, ко всем защитникам Севастополя, прямо сказав, перед какими тяжелыми испытаниями мы стоим.

Обращение предупреждало, с чем могут встретиться севастопольцы в ближайшие дни. Возможно, гитлеровцы, рассчитывая запугать нас, попытаются выбросить морской и [279] воздушный десанты в тылы первой линии обороны, и потому везде нужны спокойствие, выдержка, величайшая бдительность. А бойцы первой линии должны знать, что с парашютистами и

автоматчиками, если те окажутся у них в тылу, разделаются наши части и огневые точки, находящиеся в глубине обороны, с прорвавшимися танками справятся артиллеристы. Мы напоминали, что после декабря, когда врагу был дан сокрушительный отпор, наша оборона стала еще крепче, и призывали не давать спуску паникерам, трусам, если таковые где-нибудь обнаружатся. «Пусть каждый из нас, - говорилось в обращении Военного совета, - будет героем обороны Севастополя! Пусть наши потомки вспомнят о нас с такой же любовью и признательностью, как мы вспоминаем легендарных участников первой Севастопольской обороны»{39}.

2 июня артиллерия противника с 7 часов утра обрушила массированный артогонь почти на весь наш передний край, особенно в третьем и четвертом секторах - на левом крыле фронта обороны. («…Решено было начать артиллерийскую подготовку за 5 дней до начала наступления пехоты…»{40}, - напишет потом в своих мемуарах Манштейн, и тот день был первым из этих пяти.) Одновременно фашистская авиация бомбила войсковые тылы и город. Грохот стоял совершенно необычный, не сравнимый ни с чем прежним. В городе возникали пожары, для тушения которых не хватало воды. Нарушалась, но быстро восстанавливалась телефонная связь.

Вечером канонада стихла. На заседании Военного совета подводились итоги дня. Наши истребители и зенитчики сбили 15 самолетов. Огорчало, что пострадал город - в нем уничтожено или сгорело около ста зданий. А полевые укрепления были разрушены совсем незначительно, потери в людях на переднем крае исчислялись единицами: личный состав находился в укрытиях, и они не подвели. Сторицей окупались усилия, потраченные на то, чтобы за несколько дней перенести на новые места командные пункты соединений и частей - враг направлял сильнейший огонь туда, где они находились раньше. Уберечь полевую артиллерию помог одновременный перевод большинства батарей на запасные, еще не известные противнику позиции.

В последующие дни артобстрел и бомбежки возобновлялись с нарастающей силой. Разрушения в городе были велики, не прекращавшиеся пожары охватили целые кварталы. [280]

Стала серьезной проблемой расчистка проезжей части улиц - хотя бы тех, по которым следовал транспорт, доставляющий боеприпасы войскам и грузы с причалов на склады. На помощь аварийным командам МПВО, разгребавшим по ночам завалы, городской комитет обороны направлял все свои людские резервы. Из земли надо было извлекать и обезвреживать довольно много неразорвавшихся бомб.

Бомбежки вывели из строя хлебозавод. Часть печей удалось вернуть в рабочее состояние, однако через сутки они были разбиты окончательно. Ограниченное количество хлеба давала пекарня, оборудованная в Инкерманских штольнях. В убежищах пекли лепешки, получая паек мукой.

СевГРЭС пока действовала, но спецкомбинат № 1 перевели на питание от автономной подземной станции: в производстве вооружения нельзя было допускать ни малейших перебоев. Комбинат, как обычно, работал круглые сутки, и поступавшие к утру рапортички о количестве изготовленных гранат и мин (делалось и многое другое, но это было сейчас главным) подтверждали, что там, в штольне Ново-Троицкой балки, люди напрягают все силы, чтобы дать больше боевой продукции. Ремонтные бригады старались быстрее возвращать на передний край поступавшую оттуда поврежденную технику.

В сложившихся условиях, когда весь севастопольский плацдарм находился под небывало интенсивным огнем, стали еще более рискованными вход в бухты и пребывание там крупных, да и среднего тоннажа судов. Вдобавок сделалось уже обычным, что при спокойном море - а оно почти все время было таким в эту погожую июньскую пору - на подходах к Севастополю всю ночь сидели на воде, подкарауливая корабли, неразличимые в темноте фашистские торпедоносцы. Однако об отмене или отсрочке очередных рейсов речи быть не могло - войска СОР, как никогда, нуждались в регулярном снабжении, особенно боеприпасами.

Совсем немного не дойдя до порта, погиб атакованный с воздуха небольшой танкер «Громов», который вез бензин для нашей авиагруппы. А вслед за ним шла с маршевым пополнением и различными грузами «Абхазия». Но транспорт дошел благополучно и, простояв в бухте под прикрытием дымовых завес до следующей ночи (разгрузить его за два-три часа было невозможно), ушел невредимым, приняв на борт более полутора тысяч раненых.

Спустя сутки, успешно отразив комбинированные атаки бомбардировщиков и торпедоносцев, прорвались к нам крейсер «Красный Крым» и два эсминца. Для «Красного Крыма» [281] (в том же месяце он - вслед за «Красным Кавказом» - стал гвардейским кораблем) это был десятый прорыв в Севастополь с начала 1942 года. Корабли высадили почти две тысячи бойцов и доставили помимо снарядов, продовольствия, медикаментов еще и полевые орудия, несколько десятков противотанковых ружей, 225 автоматов. Все это было как нельзя более вовремя.

На этих трех кораблях мы смогли отправить на Большую

землю еще две тысячи раненых. Абсолютное большинство их составляли бойцы и командиры, раненные не в последние дни, а в разное время раньше - перед тяжелыми боями медико-санитарная служба старалась разгрузить севастопольские госпитали. А продолжавшаяся артиллерийская и авиационная подготовка нового штурма пока обходилась для наших войск без крупных потерь. В городе их стало больше, чем непосредственно на оборонительных рубежах, но и тут число убитых и раненых оказывалось во много раз меньше числа разрушенных зданий - людей спасали подземные убежища.

За пять дней, со 2 по 6 июня, на территории СОР разорвалось около 125 тысяч снарядов и до 45 тысяч авиабомб. Севастополь, который после семи месяцев осады в основном сохранял свой довоенный облик, за эти дни был варварски разрушен практически весь, кроме застроенных небольшими домиками окраин. Центральная часть города стала совершенно неузнаваемой. Из дыма догорающих пожаров выступали пустые коробки, бесформенные развалины…

Но оборонительные сооружения переднего края выстояли. Противнику не удалось нарушить нашу систему боевого управления - не был выведен из строя ни один КП от полкового и выше. Буквально единицами исчислялись поврежденные орудия. Гигантский снаряд сверхтяжелой мортиры «Карл» пробил броню одной из башен 30-й береговой батареи, однако башня продолжала вести огонь одним орудием.

В некоторые из этих дней фашистская авиация производила до тысячи нацеленных на Севастополь самолето-налетов. Наши истребители и зенитчики сбили десятки бомбардировщиков. Удары по неприятельским аэродромам в Крыму наносили флотские ВВС, базировавшиеся на Кавказе. Штурмовки ближайших аэродромов предпринимала - конечно, весьма ограниченными силами - и севастопольская авиагруппа. Но отразить нападение такой воздушной армады, какую представлял собой приданный армии Манштейна 8-й авиакорпус Рихтгофена, мы не могли, А гитлеровцам мало было разбомбить город, они хотели еще и сломить дух тех, [282] кто уцелеет среди развалин. Для чего другого могли вставляться в плоскости самолетов сирены, поднимавшие дикий вой, когда бомбардировщик начинал пикировать? Какие-то «воющие» устройства имели и некоторые бомбы.

Иногда вперемежку с бомбами сбрасывались железные бочки - и пустые и со смолой, металлолом и самые неожиданные предметы, вплоть до плугов и старых самоваров. Возможно, где-то не успевали подвозить бомбы и их заменяли чем попало, лишь бы

не прерывать налеты и произвести побольше грохота, запугать, вызвать смятение, панику.

Но ничего похожего на панику в разрушенном Севастополе не было. Население проявило огромную, поистине воинскую, организованность. Всюду, где оставалась для этого малейшая возможность, продолжалась работа на оборону. Боевые дружины были готовы вступить в бой с возможным воздушным десантом. Подземные предприятия и убежища обеспечивались продовольствием и водой. Находили своих подписчиков доставляемые кораблями московские газеты. Не перестала выходить и городская газета «Маяк коммуны», только перешла на малый формат, потому что типография ее была разрушена, и газету печатали на машине заводской многотиражки.

Оперсводка «На подступах к Севастополю», которая занимала теперь чуть не половину маленькой газетной полосы, изо дня в день заканчивалась словами: «Наши части прочно удерживают занимаемые позиции». Так было уже в течение ряда месяцев, но теперь это значило для севастопольцев особенно много.

Что же касается настроения в частях, то его, мне кажется, лучше, чем что-либо еще, выразил резко возросший приток заявлений о приеме в партию. Так, в партийные организации 8-й бригады морской пехоты 6-7 июня поступило тридцать заявлений, 8 июня - сорок пять, а 10 июня - двести двадцать четыре! Многие бойцы и командиры, понимая сложность предстоящих боев, писали: «Если меня убьют, прошу считать коммунистом…» Партийные бюро и парткомиссии соединений старались по возможности ускорять разбор заявлений и оформление партийных документов. Как никогда, был дорог каждый новый коммунист в строю защитников Севастополя!

Командованию СОР стало достоверно известно (это был немалый успех нашего разведотдела, возглавляемого полковником Д. Б. Намгаладзе), что противник собирается перейти в наступление утром 7 июня. Войска оборонительного района встречали этот день готовыми к отражению штурма. [283]

В ночь на 7-е на ФКП, на командных пунктах Приморской армии и береговой обороны никто не сомкнул глаз. Непрерывно поддерживалась связь с секторами и соединениями, уточнялась обстановка, анализировались последние данные о поведении противника, отдавались приказания. Все делалось внешне спокойно, выглядело будничным, но каждый сознавал: настает самое грозное.

Враг начал наступать в 5 часов утра. Этому предшествовала приблизительно часовая артподготовка. Однако первыми в тот день открыли огонь мы: в соответствии с принятым планом

действий артиллерия СОР в 3.00 начала контрподготовку, нанося удар по изготовившимся к наступлению частям противника, по позициям его батарей.

Мы не рассчитывали сорвать штурм и могли отпустить на артиллерийскую контрподготовку не очень много снарядов. Цель нашего 20-минутного огневого налета состояла в том, чтобы в какой-то мере ослабить первый натиск врага, нанести ему потери еще на исходных позициях. И мы имели основания считать, что эта цель достигнута.

Но и после этого сила начатых противником атак не шла в сравнение ни с чем прежним. Особенно на правом фланге нашего четвертого сектора и примыкавшем к нему левом фланге третьего - перед фронтом 172-й стрелковой дивизии полковника И. А. Ласкина и 79-й морской бригады полковника А. С. Потапова, где сосредоточились части четырех немецких пехотных дивизий и до ста танков. Вскоре определилось, что ось главного вражеского удара, нацеленного вновь, как и в декабре, на станцию Мекензиевы Горы, приходилась на стык третьего и четвертого секторов.

Кажется, гитлеровцы уверились, что за пять предшествующих дней их артиллерия и авиация подавили нашу оборону. Фашистские пехотинцы, двинувшиеся в атаку вслед за танками, шли густыми цепями в полный рост, кое-где без мундиров, раздетые до пояса. Шли, явно рассчитывая с ходу ворваться на наши позиции… Однако враг был встречен сосредоточенным огнем артиллерии, минометов, пулеметов. И первые атаки везде отбивались.

С ФКП я не мог видеть этого, о происходящем узнавал из телефонных докладов. И потому хочу предоставить тут слово капитану 1 ранга в отставке Ивану Андреевичу Слесареву, который был тогда военкомом 79-й морской бригады и передал мне свои воспоминания. Вот его рассказ о первых часах отражения июньского штурма на направлении главного удара: [284]

«Я находился в роте бронебойщиков… Отсюда можно было наблюдать подходы к первой линии обороны бригады. Хорошо было видно, как первая цепь наступающего противника была полностью уничтожена огнем наших стрелковых батальонов, артиллерии и минометов. Немцы пустили в ход танки, за которыми опять шла пехота. Наши бойцы не дрогнули. И радостно стало на душе, когда бронебойщики и истребители из третьего батальона смело вступили в бой с танками. Вот огнем из противотанковых ружей подбит один, затем второй… Работа по преодолению танкобоязни дала свои плоды. Истребители танков -

флотские комендоры Тараще нко, Крылов, Исаков, подпустив вражеские танки на близкое расстояние, подбили и подожгли гранатами и бутылками с горючей смесью еще четыре. Остальные повернули назад. Смелость и мужество истребителей танков вселяли уверенность в наши ряды».

Тут будет справедливо добавить, что самим бронебойщикам конечно же придавало уверенности, ободряло присутствие в их роте смелого военкома бригады. Он пошел туда, где надо было во что бы то ни стало остановить танки.

По нашим приблизительным подсчетам, атакующий враг оставил в тот день на поле боя около трех тысяч трупов своих солдат, потерял до 40 танков. Однако с потерями он не считался. И к исходу дня, в результате многократного повторения атак с вводом в них резервов, гитлеровцы на направлении главного удара вклинились в расположение бригады Потапова и дивизии Ласкина на 1200 метров. Нигде больше они продвинуться не смогли.

Положение наших войск очень осложнялось превосходством врага в воздухе. За день было сбито и подбито до двух десятков фашистских самолетов, но число самолето-налетов дошло до двух тысяч, а число бомб, сброшенных на наши позиции и город за 15-16 светлых часов, - до девяти тысяч. Телеграмма командующему Северо-Кавказским фронтом, которую Ф. С. Октябрьский и я подписали в середине дня, в разгар боев, донося о положении на рубежах СОР, заканчивалась единственной нашей просьбой: облегчить положение в воздухе, нанести удары по аэродромам противника.

В первый день отражения вражеских атак выбыл из строя, хотя и остался в живых, военком 7-й бригады морской пехоты Николай Евдокимович Ехлаков. Морские пехотинцы держались стойко и дважды за несколько часов отбрасывали противника на исходные позиции. Бригадный комиссар, как обычно, был там, где бойцам всего тяжелее. [285]

Он оставался на решающем участке, помогая управлять боем, и после того, как ему раздробило осколком снаряда ногу. Его эвакуировали с переднего края только ночью. После операции Ехлаков лежал некоторое время у нас на ФКП, ожидая, пока к причалу в Южной бухте подойдет подводная лодка, которая должна была принять его на борт. Страдая от неутихающей боли, Николай Евдокимович жил новостями с передовой, все ждал донесений из 7-й бригады.

А я- то думал, что проводим его из Севастополя совсем иначе. Ведь несколькими днями раньше И. В. Рогов, высоко ценивший храбрых комиссаров, телеграфировал мне, что намерен

рекомендовать Ехлакова на должность члена Военного совета одной из формировавшихся ударных армий, и поручил выяснить, как отнесся бы тот к такому назначению, Ехлаков, подумав, дал согласие, и мы ждали приказа…

8 июня поступила радиограмма от командования фронта:

«Октябрьскому, Кулакову, Петрову, Чухнову.

Поздравляем с первым успехом в отражении штурма.

Буденный. Исаков»{41}.

У нас продолжались тяжелые бои. С раннего утра возобновились вражеские атаки, поддерживаемые сильнейшим артогнем и массированными ударами с воздуха. Особенно силен был натиск на смежных флангах третьего и четвертого секторов, где противник накануне вклинился в нашу оборону. Восстановить положение не удавалось, для этого просто не хватало сил.

На второй день наступления гитлеровцы вели себя уже не так самонадеянно: в атаки шли рассредоточенно, короткими перебежками - оценили, видно, что такое наш огонь. Несмотря на мощную поддержку пехоты артиллерией и авиацией, противник оказывался не в состоянии достичь того, на что рассчитывал, введя в наступление столько сил. И все же на направлении главного удара он вновь немного продвинулся.

Батальоны 79-й бригады оборонялись активно, предпринимали контратаки. Но в итоге дня бригада, уже очень поредевшая, оставила несколько тактически важных высот. Состояние дивизии Ласкина, понесшей еще большие потери, было столь тяжелым, что командующий Приморской армией И. Е. Петров признал необходимым - и Военный совет флота с этим согласился - отвести ее с переднего края, заменив [286] находившейся в резерве 345-й стрелковой дивизией подполковника Н. О. Гузя.

«Если бы не эта их чертова авиация!…» Такие или подобные слова вырывались у многих. В течение суток было лишь несколько часов - от наступления темноты до раннего июньского рассвета, когда фашистские самолеты не висели у севастопольцев над головой, когда люди могли немного отдохнуть от неистовой бомбежки и становилось возможным доставить войскам снабжение, произвести необходимые перегруппировки.

Помню, добрался в то время до Севастополя один писатель. Сойдя ночью с корабля, явился на ФКП. Я знакомлю его с обстановкой, но он, вижу, все-таки не представляет ее реально - просит, чтобы я помог ему немедленно, хотя стало уже светло, попасть на позиции. Чтобы убедить писателя, что это невозможно, пригласил его выйти на площадку перед штольней ФКП. Над Южной бухтой барражировали два «мессершмитта», и стоило нам

сделать по открытой площадке шагов 15-20, как они уже развернулись для атаки и открыли огонь. Пока мы уходили в укрытие, появилась еще одна пара. И так было не только у ФКП, но и над всей территорией оборонительного района.

Приходилось менять кое-что в сложившихся методах боевого управления. Если в течение всей обороны, вплоть до начала июня, обстановка позволяла встречаться с командующими родами войск, с командирами и комиссарами соединений практически в любой час - и на ФКП, и на их командных пунктах, то теперь возможности для этого резко сократились. «Мессершмитты», шнырявшие в воздухе в течение всего светлого времени, преследовали не только каждую выехавшую из укрытия машину, но часто и появившегося на открытом месте одиночного пешехода. Привычное в севастопольских условиях, где все относительно близко, живое общение вынужденно заменялось контактами по проводной и непроводной связи. По проводам передавались письменные боевые распоряжения командующего СОР. Но главные, принципиальные решения, как и прежде, вырабатывались на вечерних, а точнее - ночных, заседаниях Военного совета после докладов командарма, коменданта береговой обороны, командующего ВВС и других начальников об итогах боевого дня.

* * *

В воздухе господствовала неприятельская авиация, однако не могу не сказать здесь же о том, как доблестно сражались наши летчики. По пять - семь раз за день взлетали [287] они с обстреливаемых вражеской артиллерией аэродромов, смело вступали в неравные воздушные бои, штурмовали передний край противника, его батареи, тылы. Само появление краснозвездных самолетов в севастопольском небе воодушевляло бойцов в окопах. А какой восторг вызывала каждая их победа (как падал на берег или в море сбитый «юнкерс» или «хейнкель», обычно было видно многим), трудно передать.

Вскоре, в середине июня, наиболее отличившимся летчикам севастопольской авиагруппы было присвоено звание Героя Советского Союза. В их числе были гвардии капитаны М. В. Авдеев и К. С. Алексеев, старшие лейтенанты Ф. Ф. Герасимов, М. Е. Ефимов, Е. И. Лобанов, Г. В. Москаленко, подполковник Н. А. Наумов.

Бои становились все более ожесточенными. И все отчетливее вырисовывался замысел, который пытался осуществить

противник: через станцию Мекензиевы Горы прорваться к Северной бухте, отрезать войска нашего левофлангового четвертого сектора и взять под контроль порт.

Но как ни малы были расстояния, которые требовалось преодолеть, чтобы реализовать этот план, как ни велик перевес сил на стороне врага, развитие событий явно не соответствовало расчетам гитлеровского командования. Вклинивание в нашу оборону на направлении главного удара не переросло в прорыв. Наш отпор атакующему противнику отнюдь не ослабевал. И если он в итоге дня упорных боев, неся тяжелые потери, на каком-либо участке все же продвигался, то самое большее - на сотни метров.

В те дни на севастопольских рубежах совершалось много подвигов. Один из них связан в памяти с именем крейсера «Червона Украина», погибшего в ноябре.

Моряки этого корабля продолжали сражаться за Севастополь на батареях, вооруженных снятыми с крейсера орудиями. 705-я береговая батарея, установленная в районе станции Мекензиевы Горы, к 10 июня не только оказалась на переднем крае, но и была обойдена с тыла фашистскими автоматчиками. Держа круговую оборону, подвергаясь ударам с воздуха и обстрелу неприятельских батарей, комендоры «Червоны Украины» били по атакующему врагу прямой наводкой. Павшего комбата В. Г. Павлова заменил старший лейтенант И. К. Ханин, раненого комиссара В. Е. Праслова - секретарь парторганизации старшина Н. П. Алейников. За день герои-комендоры уничтожили семь танков, истребили до роты фашистской пехоты. Все попытки врага овладеть позицией батареи были отбиты. [288]

Батарея потеряла большую часть личного состава, но продержалась и весь следующий день, доведя число разбитых ею танков до одиннадцати, а количество выведенной из строя неприятельской силы - до батальона. К исходу дня могло стрелять лишь одно орудие и на окруженной огневой позиции были способны сражаться семь человек: младший лейтенант Н. В. Кустов, старшина Алейников, краснофлотцы Яшин, Федоров, Горбунов, Шахтеров, Белецкий. Враг продолжал атаки, и настал час, когда комендоры с «Червоной Украины» поняли, что сдерживать его они уже не могут. На всю жизнь запомнилось, как взволнованный оперативный дежурный доложил: с КП береговой обороны сообщают, что батарея № 705 требует открыть огонь по ее позиции…

А вот пример самоотверженности, сделавшейся нормой поведения наших людей.

Противник нащупал расположение командного пункта 7-й бригады морской пехоты, открыл по нему ураганный огонь.

Полковник Е. И. Жидилов приказал всем немедленно перейти на запасный КП. В этот момент радист комсомолец Иванов услышал свои позывные и попросил разрешения задержаться, чтобы принять радиограмму. Через минуту вражеский снаряд разбил блиндаж КП. Иванов погиб. Но уцелел и был вручен командиру, бригады бланк с принятой им радиограммой, которая сообщала, что в соседней лощине, как только что установила флотская разведка, накапливается противник. Предупреждение позволило вовремя принять необходимые меры.

Стремясь воздействовать на наших бойцов, гитлеровцы прибегали и к листовкам. Они во множестве разбрасывались с самолетов и прежде, в относительно спокойное время, а в дни штурма - еще больше. Наши люди находили им достойное применение: бумаги для туалетных нужд на переднем крае не хватало. К содержанию же листовок отношение было насмешливо-равнодушным. Но одно изделие фашистской пропаганды вызвало бурную реакцию.

В разгар июньских боев вражеские самолеты сбросили десятки тысяч листовок, в которых сообщалось, что неприступный Севастополь взят победоносной немецкой армией и она движется дальше - на Кавказ. Не знаю уж, хватил ли какой-то фашист лишнюю долю шнапса, после чего зарядил кассеты листовками, заготовленными впрок и предназначенными для другого места, или, может быть, кто-то во вражеском лагере возлагал на такой прием особые надежды. Сие не суть важно. Но вот «резолюции», которые [289] накладывали на эту брехню наши бойцы, были довольно любопытны. Воспроизвести их тут, правда, совершенно невозможно. Могу, однако, заверить, что по остроте и выразительности они вряд ли уступали изречениям из знаменитого письма запорожцев турецкому султану. И это тоже говорило о том, как настроены наши люди в тяжкую боевую страду.

…10 июня станция Мекензиевы Горы трижды переходила из рук в руки. К ночи она находилась в руках врага. Горестные события произошли в севастопольских бухтах. Утром мы потеряли «Абхазию» - один из самых быстроходных транспортов, бывший пассажирский теплоход. Транспорт (командовал им прежний капитан М. И. Белуха, ставший старшим лейтенантом) пришел с Кавказа на рассвете с маршевым пополнением и боеприпасами. Разгрузка, производившаяся у причала Сухарной балки, была еще не совсем закончена, когда поднявшийся внезапно ветер отнес маскировочную дымзавесу, и «мессершмитты», проносившиеся над бухтами, обнаружили транспорт. Последовала атака пикировщиков, и несколько бомб

попали в судно… Раненых, которых только начали размещать на транспорте, успели спасти.

Несколькими часами позже погиб эскадренный миноносец «Свободный». Он эскортировал «Абхазию» на переходе в Севастополь и должен был охранять ее и в обратном рейсе. Во время стоянки эсминец вел огонь по целям в Бельбекской долине и на Мекензиевых горах. Армейские корректировщики передавали на корабль вместе с новыми целеуказаниями благодарности сухопутных командиров за точную стрельбу. С площадки перед ФКП было видно, как эсминец, помогая главным калибром фронту, одновременно отбивается от атак фашистских самолетов. Прикрывали его и зенитчики с берега. Оставалось не так уж много времени до вечерних сумерек, когда в корабль все-таки попали бомбы. Он резко накренился, на борту вспыхнул пожар.

На катере, дежурившем у ближайшего причала, я вышел в бухту. На моих глазах зенитчики «Свободного» сбили «юнкерс», пикировавший на тонущий уже корабль. Эсминец погружался, объятый пламенем, с развевающимся флагом… Катера сняли большую часть экипажа, в том числе и раненого капитана 3 ранга П. И. Шевченко. 56 моряков погибло.

Обелиск, воздвигнутый после войны экипажами черноморских эсминцев на Павловском мыске, что разделяет [290] Южную и Северную бухты, напоминает о героях «Свободного», о тяжелом июньском дне сорок второго года.

То, что произошло в тот день в бухтах, показывало, как трудно было рассчитывать на усиление перевозок с Большой земли, если не изменится к лучшему общая обстановка.

Но чтобы задержать врага, приходилось расходовать довольно много боеприпасов. Старая отчетная ведомость свидетельствует: за первые три дня отражения июньского штурма артиллеристы СОР выпустили около 62 тысяч снарядов всех калибров (без корабельной артиллерии), а минометчики - 73 тысячи мин. Величины для того времени немалые!

Стойкость и мужество защитников Севастополя в сочетании с таким вот огнем и срывали расчеты противника. Такого отпора, таких потерь, какие несли гитлеровские войска, их командование явно не ожидало. И 11 июня, на пятый день наступления, когда враг планировал быть уже в городе, он не проявил вдруг обычной активности даже на направлении главного удара, не предпринял с утра сколько-нибудь крупных атак. Ему понадобилось перегруппировывать свои войска, подтягивать резервы.

В этот день наступательные действия - пусть и ограниченного масштаба - вели войска СОР. По предложению генерал-майора И.

Е. Петрова было решено контратаковать противника в направлении станции Мекензиевы Горы, ударить по его нацеленному к Северной бухте клину с двух сторон - из третьего и четвертого секторов. В четвертый сектор, где для контратаки не хватало собственных сил, переправились ночью через бухту два батальона из 7-й бригады морской пехоты со своей легкой артиллерией. Тысяча морских пехотинцев, возглавляемых командиром бригады полковником Е. И. Жидиловым, явилась ядром ударной группы, врезавшейся во вражеский клин слева. Группу, контратаковавшую справа, со стороны третьего сектора, возглавляли командир и военком одного из полков Чапаевской дивизии майор Н. М. Матусевич и батальонный комиссар Е. А. Мальцев.

Враг, успевший закрепиться, сопротивлялся яростно, и потеснить его было очень трудно - огромных усилий стоили каждые сто метров. Тем не менее группа Жидилова, продолжавшая наступать и на следующий день, свою задачу выполнила. Группе Матусевича удалось продвинуться незначительно. А затем пришлось вернуть один из батальонов бригады Жидилова и самого комбрига во второй сектор - осложнилось положение там. [291]

Срезать вражеский клин мы не смогли. Однако контратака не была напрасной. Сковав в какой-то мере противника на решающем участке, она помогла 345-й дивизии подполковника Гузя отбить у врага станцию Мекензиевы Горы. Правда ненадолго - сутки спустя гитлеровцы овладели ею еще раз. Но задержать противника даже на сутки, заставить его опять штурмовать те нее самые позиции, неся новые потери, значило не так уж мало.

Впрочем, только потом осозналось в полной мере, что значил в июне сорок второго каждый лишний день, в течение которого 200-тысячная армия Манштейна сковывалась и изматывалась под Севастополем.

* * *

Вечером 12 июня руководители обороны, как обычно, собрались на флагманском командном пункте. Были уже заслушаны все сообщения об итогах дня, вице-адмирал Ф. С. Октябрьский излагал свои решения на завтра. В это время вошел старшина-связист с листком депеши в руках. Увидев, что командующий выступает, он в нерешительности остановился. Я взял у него телеграмму, быстро прочел и на вопросительный взгляд Октябрьского ответил:

- От товарища Сталина.

Филипп Сергеевич стал читать текст вслух:

«Вице- адмиралу Октябрьскому, генералу Петрову.

Горячо приветствую доблестных защитников Севастополя - красноармейцев, краснофлотцев, командиров и комиссаров, мужественно отстаивающих каждую пядь советской земли и наносящих удары немецким захватчикам и их румынским прихвостням.

Самоотверженная борьба севастопольцев служит примером героизма для всей Красной Армии и советского народа. Уверен, что славные защитники Севастополя с достоинством и честью выполнят свой долг перед Родиной.

И. Сталин»{42}.

Естественно, радиограмма произвела на всех нас очень сильное впечатление. Насколько мы знали, Верховный Главнокомандующий впервые обращался с подобным приветствием к защитникам какого-либо советского города. Это говорило о том, как следят в Ставке за боевыми действиями под Севастополем, какое придают им значение.

В радиограмме содержалось указание: «Опубликовать в местной печати». Газета «Красный черноморец» выходила [292] уже на Кавказе (рассылать ее по флоту из Севастополя стало слишком трудно), но я распорядился, чтобы радиограмму напечатала и она. В Севастополе приветствие И. В, Сталина опубликовали 13 июня городская газета «Маяк коммуны», армейская «За Родину», газеты соединений. Еще до выхода газет, в ночные часы, приветствие передавалось всеми средствами связи на командные пункты и в политотделы соединений, а оттуда - на позиции, в войска.

Командиры, участвовавшие в заседании Военного совета, еще не отбыли с ФКП, когда оперативный дежурный доложил, что в бухту входят крейсер «Молотов» и эсминец «Бдительный».

За три дня до того нам сообщили из Генерального штаба о передаче Севастопольскому оборонительному району 138-й отдельной стрелковой бригады под командованием майора П. П. Зелинского (военкомом бригады был старший батальонный комиссар Зайченко). Доставить в Севастополь такое подкрепление быстро и с максимальной надежностью можно было только на крупном боевом корабле. Военный совет решил использовать для переброски бригады крейсер, а руководство его прорывом возложить, как и при перевозке 9-й бригады морпехоты, на контр-адмирала Н. Е. Басистого.

Приняв на борт 3300 бойцов, 28 орудий и другое вооружение, а также 800 тонн боеприпасов, крейсер и сопровождавший его

эсминец шли из Новороссийска кружным маршрутом. Но неприятельская авиация их все же обнаружила, и как раз тогда, когда крейсер и эсминец нагнали транспорт «Грузия», шедший в Севастополь с боеприпасами в охранении малых кораблей. Общими силами был отбит комбинированный налет фашистских бомбардировщиков и торпедоносцев.

Высадка прибывшей бригады, выгрузка боеприпасов и оружия (в числе прочего были доставлены 1000 автоматов и 162 противотанковых ружья) производились стремительно - требовалось предельно сократить стоянку кораблей в Севастополе. Но, разгружаясь у Угольной пристани, крейсер, как делалось всегда, вел огонь по разведанным для него целям. Партизанская разведка сообщила потом, что на станции Бахчисарай под залпы дальнобойных корабельных орудий попал немецкий эшелон со снарядами.

Приняв полторы тысячи раненых, сотни эвакуируемых женщин и детей, «Молотов» и «Бдительный» еще затемно покинули бухту. С выходных фарватеров они дали последние залпы по вражеским позициям. Радисты передали на [293] корабли благодарность Военного совета всему личному составу за отличное выполнение боевого задания.

А на подходе была «Грузия», с трудом преодолевавшая последние перед Севастополем мили. Совсем недалеко, у мыса Айя, транспорт подвергся необычно раннему налету бомбардировщиков, и хотя огонь кораблей охранения уберег судно от прямых попаданий, близкие разрывы бомб нанесли ему серьезные повреждения. «Грузия» вошла в бухту, буксируемая тральщиками, сильно осев на корму. Командир транспорта капитан-лейтенант М. И. Фокин готовился начать швартовку…

Повреждения помешали «Грузии» прийти затемно. Было уже 4 часа 55 минут утра. В этот момент к бухтам прорвалась первая после ночной паузы группа немецких самолетов. Зенитчики открыли огонь, один «юнкерс», еще не сбросивший бомб, у нас на глазах взорвался и развалился на куски. Но другие атаковали «Грузию», и две бомбы попали в транспорт. После этого он продержался на воде лишь несколько минут. Большая часть находившихся на борту людей спаслась вплавь.

А боеприпасы, которые везла «Грузия», все-таки дошли до севастопольских батарей. В течение шести дней в бухте, где падали и снаряды, и бомбы, группа водолазов под руководством инженер-капитана 3 ранга В. И. Шашукова и мичмана Я. Е. Болтова производила разгрузку транспорта под водой. Это была поистине героическая работа, однако тогда она воспринималась как нечто совершенно естественное. Ведь снаряды нам были

нужны позарез.

Возрастающие трудности с боеприпасами заставили Военный совет принять рискованное решение о новом прорыве в Севастополь крейсера «Молотов». Мы сознавали, что в прошлый раз он пришел и ушел так благополучно, по существу избежав вражеских ударов, в какой-то мере благодаря счастливым случайностям. Но только крейсер мог доставить сразу несколько сот тонн снарядов, одновременно взяв на борт также и остававшиеся еще на Кавказе подразделения 138-й бригады.

И снова боевая удача сопутствовала командиру крейсера капитану 1 ранга М. Ф. Романову и его экипажу. Крейсер пришел в ночь на 16 июня в сопровождении эсминца «Безупречный». Разгрузка кораблей и высадка бойцов были закончены в один час. Еще около часа заняла погрузка раненых. Все это время корабли вели огонь по разведанным скоплениям немецких войск. Они ушли и вернулись в Новороссийск невредимыми. Это был последний прорыв в Севастополь [294] крейсера до конца обороны. А из транспортов после гибели «Грузии» еще дважды прорывался к нам «Белосток».

Все это время шли тяжелые, кровопролитные бои на Северной стороне. Осложнялось положение и на правом крыле фронта обороны - враг усиливал натиск в первом и во втором секторах, пытаясь вклиниться также и там.

Возникла необходимость обсудить обстановку и тактику наших действий с командирами и комиссарами соединений, собрать которых на ФКП или на КП Приморской армии стало невозможно. Решили устроить встречу ночью в госпитале, развернутом в Инкерманских штольнях, вблизи центрального участка фронта. Вместе с командармом Приморской Иваном Ефимовичем Петровым поехал туда я.

Путь лежал через Корабельную сторону, дальше - по Лабораторному шоссе. Даже в темноте бросалось в глаза, как изменилось все вокруг - всюду руины, груды камня, следы пожаров, множество воронок. И чем ближе передний край, тем сильнее приторный трупный запах: не всех убитых успевали убрать за ночь, а стояла июньская жара…

Заметили у дороги машину - грузовик, приспособленный под санитарный фургон. Машина разбита, искорежена. Очевидно, та самая, о которой докладывали утром. Она везла раненых, подлежавших эвакуации морем, и застряла в воронке. Санитары передали лежачих на попутные машины, ходячих вернули в Инкерман. Вытащить машину из воронки не смогли, но водитель остался ее караулить. И стал свидетелем того, как полтора десятка самолетов штурмовали автофургон, расписанный

красными крестами. Фашистские летчики, должно быть, думали, что машина не пустая, рвались убивать раненых.

Инкерманский подземный госпиталь был переполнен - поступление раненых все увеличивалось. Медицинский персонал, особенно хирурги, сутками работал без сна и отдыха. В небольшом помещении собрались коменданты секторов, они же командиры основных соединений, комиссары, другие вызванные товарищи. С большинством присутствующих я не виделся всего несколько дней. Но каких дней!… Люди сильно изменились, осунулись, от бессонных ночей воспалены глаза. Некоторые - в повязках: легкораненые командиры и политработники, способные держаться на ногах, оставались на своих постах, это как бы само собой разумелось.

Командиры докладывали обстановку на своих участках. Слушая их, узнал немало важного - в донесения, оперсводки попадает не все. Каждый подчеркивал как самое главное: [295] бойцы держатся стойко, дерутся геройски. Однако неравенство сил дает себя знать, потери не восполняются. Но самая острая нужда - боеприпасы. Только ручных гранат и мин к минометам отпускалось пока столько же, как и в самые первые дни отражения штурма. А снарядов всех калибров войска могли теперь расходовать по 14-15 тысяч штук в день вместо недавних 20 тысяч. На треть сократился лимит патронов. Из-за того что надо экономить боеприпасы, иногда приходится, говорили участники совещания, отказываться от преследования противника, возможного по обстановке, после того как отбита его атака.

Мы с И. Е. Петровым объяснили общее положение и наши возможности. Взяли на учет конкретные нужды, но нереальных обещаний не давали. Разговор получился хороший - понимали друг друга с полуслова. Желая товарищам на прощание боевых успехов, твердо знали, что все мыслимое они сделают.

После совещания решили проехать на правый фланг обороны, в первый сектор, комендант и военком которого не могли прибыть в инкерманский госпиталь из-за осложнившейся к вечеру обстановки.

Генерал Петров, колесивший вдоль линии фронта каждую ночь, взялся показать водителю кратчайший путь. Но в темноте мы проскочили нужный поворот. Как назло, никто не останавливал машину для проверки документов. Проехав еще метров 100-150, констатировали, что находимся неизвестно где. Вдобавок начали шлепаться невдалеке мины - очевидно, мы слишком приблизились к переднему краю и немцы открыли огонь на звук мотора. Наконец встретили патруль - оказалось, что

приехали все-таки туда, куда надо. Тут поджидал нас и Петр Георгиевич Новиков (комиссар сектора был на переднем крае), которому уже сообщили, что мы едем.

Комендант сектора доложил, что противник пока притих - видно, до утра. Отойдя немного от машины, обсудили положение на правом фланге, существенно ухудшившееся после того, как гитлеровцы овладели высотой, контролирующей Балаклавскую долину. Командарм дал указания на наступающий новый боевой день.

Небо уже светлело. Пока доберешься до города, над дорогами появятся «мессеры» и уж не отвяжутся от машины. Иван Ефимович предложил ехать с ним на его передовой пункт управления. Но в пути попали под прицельный артобстрел - машину углядел какой-то фашистский наблюдатель. В предрассветных сумерках разрывы снарядов похожи [296] на безобидные деревца, внезапно возникающие у дороги. По счастью, они все время опережали нас - снаряды ложились с перелетом.

* * *

16 июня стал уже не угрозой, а реальностью вражеский клин в стыке частей первого и второго секторов. Противник захватил усадьбу совхоза «Благодать», но прорваться оттуда на Ялтинское шоссе ему не дали. На следующий день самый сильный натиск вновь испытывал четвертый сектор, где Манштейн ввел в бои резервы, прибывшие с Керченского полуострова. Вечером, потеснив ослабленные подразделения нашей 95-й дивизии, враг вышел южнее Любимовки к морю. 30-я батарея оказалась в окружении.

Я уже говорил о том, какую роль играла «тридцатка» в Севастопольской обороне. С началом июньского штурма немцы прилагали особые усилия, чтобы вывести ее из строя. На нее налетали бомбардировщики группами по 50-60 самолетов. По ней били самые тяжелые осадные орудия. Но артиллеристам, возглавляемым майором Георгием Александровичем Александером и старшим политруком Ермилом Кирилловичем Соловьевым, удавалось устранять серьезные повреждения материальной части. Не раз и не два, а целых пять раз с начала июньских боев умолкшая было батарея вновь оживала.

18 июня окруженная «тридцатка» выпустила по врагу последние имевшиеся в башнях снаряды. Ее личный состав, как уже было в декабре, занял круговую оборону. Два дня на подступах к батарее шел бой, доходивший до рукопашной. Потом

батарейцы - их было около 200 человек - и сражавшиеся вместе с ними бойцы армейских подразделений укрылись в подземельях.

С батареей прервалась всякая связь. Мы не раз обсуждали, как помочь «тридцатке», как деблокировать ее. Но попытки сделать это теми силами, которые имелись на приморском участке фронта, остались безрезультатными. А организовать здесь контратаку силами более крупными не позволяло тяжелое положение на соседних участках, где враг рвался к Северной бухте.

О последних днях боевого коллектива 30-й батареи, продержавшегося под умолкшими башнями до 26 июня, удалось узнать лишь много времени спустя. Из немецких оперативных документов стало известно, что для штурма батареи и овладения ею были назначены два батальона 213-го пехотного полка, 132-й саперный полк и батальон 173-го [297] саперного. А потом понадобились и другие части. Что только не пускалось в ход - и подожженный бензин, и специальные гранаты, образующие удушающий дым, и заряды взрывчатки. Тол, который гитлеровцы закладывали у башен, амбразур и выходных дверей, не мог сокрушить броню, но пламя и взрывная волна, проникавшие внутрь, обжигали и калечили людей. Последним убежищем нескольких десятков батарейцев стал подземный коридор между командным пунктом и башнями. Забаррикадировавшись, артиллеристы расширяли водосток, ведущий в Бельбекскую долину: была надежда, что по нему удастся вырваться из вражеского кольца небольшими группами.

Но гитлеровцы уже знали про этот путь из подземных казематов и блокировали водосток. Артиллеристы, выбиравшиеся на поверхность, были убиты или схвачены. Майор Г. А. Александер, гневно отвергнувший гнусное предложение перейти к немцам на службу, погиб в фашистском застенке. Комиссар Е. К. Соловьев, тяжело, раненный, не способный двигаться, находил в себе силы поддерживать дух товарищей, а потом покончил с собой, чтобы избежать плена. Лишь очень немногие из батарейцев остались в живых. Стойкость и мужество комендоров «тридцатки» навсегда вошли в героическую историю Севастопольской обороны.

Перевес в численности войск и огневой силе, господство в воздухе обеспечивали врагу постепенное приближение к Северной бухте. 18 июня он овладел районом Братского кладбища. Если говорить отвлеченно, продвижение немцев было ничтожным, а давалось оно им недешево. Сам Манштейн потом вынужден был признать: «…Несмотря на эти с трудом завоеванные успехи, судьба наступления в эти дни, казалось, висела на волоске. Еще

не было никаких признаков ослабления воли противника к сопротивлению, а силы наших войск заметно уменьшились»{43}.

Но в севастопольских условиях от перемещения линии фронта даже на несколько сот метров зависело слишком многое. Захват гитлеровцами Братского кладбища означал, что весь город, давно обстреливаемый немецкой артиллерией, теперь досягаем и для минометного огня. И мы не могли больше пользоваться ни Северной, ни Южной бухтами.

О создавшемся положении говорилось в радиограмме Военного совета флота, адресованной И. В. Сталину, Н. Г. Кузнецову, С. М. Буденному, И. С. Исакову. [298]

«Из всей обстановки видно, - докладывали мы, - что на кромке северной части Северной бухты остатки прижатых наших войск долго не продержатся… Наш следующий рубеж борьбы - южное побережье Северной бухты, гора Суздальская, Сапун-гора, высоты Карагач, где еще есть наши войска»{44}.

Боевой дух, стойкость севастопольцев оставались исключительно высокими. Не могу не рассказать об одном боевом эпизоде, пусть частном, не влиявшем на общий ход событий, но очень уж ярко отразившем столь характерное для тех дней бесстрашие наших людей.

Две шлюпки с моряками-разведчиками, вышедшими из Севастополя на боевое задание, держали курс к берегу, занятому противником. На шлюпках - шестерке и четверке - находилось 18 человек во главе со старшим лейтенантом Николаем Федоровым. Когда обнаружилось, что интересовавший их участок берега сильно освещается ракетами и скрытно приблизиться к нему не удастся, лейтенант принял решение отойти мористее до следующего вечера - погода стояла тихая, над морем сгущался предутренний туман.

Через некоторое время послышался шум моторов, и из тумана вынырнули два немецких сторожевых катера. С них крикнули на шлюпки: «Хальт!»

На катерах были пулеметы и автоматические пушки, у разведчиков - ручные пулеметы и личное оружие. Однако на гребных шлюпках от катеров не уйти, и разведчики приняли бой. Это было естественно, быть иначе просто не могло. Но вот что произошло дальше.

Пулеметная очередь со шлюпки сразила на немецком катере рулевого и, может быть, повредила рулевое управление - катер завилял. Меткость огня черноморцев заставила и другой катер держаться поодаль. А дальнейшая перестрелка привела к тому, что оба катера покинули место боя.

Дело, однако, этим не кончилось. Вскоре шлюпки были

обстреляны двумя другими катерами, на сей раз - торпедными. Они вели огонь из крупнокалиберных пулеметов и 20-миллиметровых пушек. Еще в первой стычке командир шлюпки-четверки младший лейтенант Сергей Мельников и несколько краснофлотцев были тяжело ранены. Но моряки, не дрогнув, вступили в новый бой. И опять использовали ручные пулеметы и автоматы так умело, что враг не смог их одолеть. Восемь раз за полчаса проносились торпедные катера мимо шлюпок, поливая их огнем. На шестерке был [299] пробит борт, убит краснофлотец Владимир Горбищенко, увеличилось число раненых. А исход боя оказался тем же - катера скрылись…

Шлюпки взяли курс на Севастополь. Двигались они медленно - осталось мало гребцов. Поврежденная шестерка отстала. И вот с четверки заметили идущую навстречу подводную лодку, на которой вскоре разглядели итальянский флаг. На палубе подлодки появились пулеметчики. Но старшина шлюпки Василий Квашонкин первым дал длинную очередь. И фашисты скрылись с палубы, лодка погрузилась.

Шлюпки, с которыми ничего не могли сделать пять неприятельских кораблей, вернулись в Севастополь. Назову всех участников этих схваток с врагом, кого не упомянул раньше (их имена сообщила в те дни газета «Красный Черноморец»): Георгий Колесниченко, Иван Панкратов, Владимир Краснодед, Юсун Исмаилов, Анатолий Кулинич, Петр Гаев, Алексей Ежов, Юрий Куликов, Петр Гуров, Степан Герняк, Александр Иванов, Виктор Новицкий, Григория Ковальчук, Всеволод Пашков.

Через три дня гитлеровцы объявили по радио, что на Черном море «потоплены два небольших советских военных корабля». Так трансформировала фашистская пропаганда этот эпизод…

* * *

С утра 19 июня в наступление на северном участке была введена еще одна немецкая дивизия - 125-я пехотная, переброшенная с Украины. То, что Манштейну потребовались такие подкрепления, говорило о многом. Но командованию Приморской армии уже нечем было усилить поредевшие подразделения 95-й стрелковой дивизии, командир которой полковник А. Г. Капитохин уже поставил в строй и тыловиков и штабистов.

Вся Северная сторона, все пространство, охватываемое глазом за бухтой, сверкало огнем, и оттуда доносились непрерывные гром, свист, грохот. К исходу дня фронт обороны в четвертом

секторе был разобщен. Основными очагами сопротивления на том берегу бухты стали заранее оборудованные опорные пункты в старинных Константиновском и Михайловском равелинах, в Северном укреплении, оставшемся от Крымской войны, у Инженерной пристани.

Одновременно шли ожесточенные бои на правом крыле обороны, где противник стремился прорваться через Кадыковку к Сапун-горе. Пока его удавалось сдерживать. Части первого и второго секторов понесли относительно меньше [300] потерь, чем войска на северном направлении, но враг и тут имел большой численный перевес. Путь ему преграждала прежде всего стойкость наших людей. За каждым боем открывались новые подвиги.

Многие из них связаны с именами отважных политработников. Четыре дня, не отходя ни на шаг, отбивала атаки гитлеровцев рота 386-й дивизии, которую возглавлял, заменив выбывшего из строя командира, политрук Михаил Гахокидзе. Перед окопами роты полегло несколько сот фашистских солдат. Последняя за те четыре дня атака была отбита, когда в роте кроме политрука оставалось три бойца. И они, умело используя огневые средства, все еще удерживали свою позицию. В армейской газете «За Родину» были названы фамилии этих бойцов: Петров, Джимбаев, Шолин.

А в 109- й стрелковой дивизии одним из батальонов командовал политрук Георгий Главацкий, который до войны был рабочим, на военную службу не призывался по состоянию здоровья, но в дни обороны Одессы вступил в ополчение, влившееся потом в Приморскую армию. Этот батальон также проявил изумительную стойкость.

В разгар июньских боев Президиум Верховного Совета СССР присвоил политрукам М. Л. Гахокидзе и Г. К. Главацкому звание Героя Советского Союза. Тогда же были удостоены этого звания еще пять бойцов и командиров Приморской армии: командир роты старший лейтенант Н. И. Спирин, младший лейтенант из гаубичного артполка Абдулхак Умеркин, черноморский пограничник ефрейтор Иван Богатырь, ефрейтор Павел Линник, подорвавший три фашистских танка, и разведчица старший сержант Мария Байда.

В ночь на 20 июня все-таки удалось - в последний раз - принять прибывшие с Кавказа корабли в Южной бухте. Эсминцы «Бдительный» и «Безупречный» прорвались туда сквозь огонь артиллерии и тяжелых минометов, доставив маршевое пополнение, боеприпасы, бензин, продовольствие. Спешно разгрузившись и приняв на борт две тысячи раненых, а также

эвакуируемых граждан, корабли покинули опасную бухту.

В ту ночь Ф. С. Октябрьский радировал на Кавказ начальнику штаба флота И. Д. Елисееву: «Надводным кораблям заходить в Северную бухту нельзя (из этого следовало, что нельзя и в Южную. - *Н. К.)*. Заканчиваем организацию приема кораблей в бухты Камышевая, Казачья и открытое побережье в районе 35-й батареи. Принимать можем с [301] обязательным уходом в ту же ночь обратно лидеры, эсминцы и базовые тральщики. Подлодки любое время. Крейсера сейчас принять невозможно… Сегодня самолетом высылаю вам кальку с легендой подхода лидеров и эсминцев. Заходить кораблям в бухты придется задним ходом, разворачиваясь перед бухтой. В районе 35-к батареи подход носом к берегу, маленькая пристань…» {45}

Эта радиограмма дает представление о том, насколько осложнялось снабжение Севастополя. Маленькие, тесные Казачья и Камышевая бухты находились, правда, дальше от линии фронта, чем какое-либо другое место сократившегося за последние дни севастопольского плацдарма, но были очень неудобны для приема кораблей по навигационным условиям. Никогда раньше эсминцы туда не заходили.

А в районе Северной бухты линией фронта, передним краем становился ее южный берег - окраина Корабельной стороны города, где заняли оборону перегруппированные части четвертого сектора. Полковник А. Г. Капитохин переправился с Северной стороны с последними подразделениями своей 95-й дивизии.

Но за бухтой, продолжая сковывать силы врага, еще держались маленькие гарнизоны опорных пунктов. Сражались они геройски.

Около 150 бойцов, собранных из остатков различных частей, насчитывал гарнизон старинного Северного укрепления. Оборону здесь возглавляли командир автороты инженерного батальона старший лейтенант А. М. Пехтин в политрук той же роты К. М. Бурец. Гитлеровцы, подступившие к укреплению 19 июня и попытавшиеся взять его с ходу, получили такой отпор, что возобновили атаки лишь спустя двое суток. Старый форт бомбила авиация противника, часами обстреливали его тяжелые осадные орудия. К форту были подтянуты саперные батальоны. В немецком штабном донесении, попавшем впоследствии в наши руки, констатируется: «Из тяжелого вооружения в форту были лишь минометы. Устарелость устройства форта (построенного в 1831 году) возмещалась упорным сопротивлением…» Красноречивое признание!

Смертью храбрых пали весь командно-политический состав и большая часть бойцов. Смертельно раненный старший лейтенант

Пехтин руководил боем до последнего дыхания. До нас дошла его прощальная записка: «Я отдаю свою жизнь за Страну Советов. Товарищи бойцы, командиры и [302]политработники! Друзья, отобьем врага от нашего города-героя Севастополя! Пусть каждый из нас станет героем Севастопольской обороны. Прощайте, друзья. Отомстите за мою смерть. Смерть, и только смерть немецким оккупантам! Помните Сашку Пехтина».

Другой опорный пункт - Михайловский равелин - стойко оборонял сводный гарнизон из зенитчиков, береговых артиллеристов, технического состава базы гидросамолетов. После трехдневных боев, связавших значительные силы гитлеровцев, защитники равелина были переправлены на южный берег бухты, как и бойцы, которые в течение тех же трех дней, с 21 по 24 июня, удерживали район Инженерной пристани. На подступах к ней враг потерял пять танков и много пехоты. Там руководил обороной смелый подполковник Н. А. Баранов, командир местного стрелкового полка.

Особое место занимал в боях на Северной стороне Константиновский равелин, сооруженный у входа в севастопольские бухты за сто лет до тех дней. Здесь находился командный пункт ОХР - охраны рейдов главной базы. Эта флотская служба, возглавляемая капитаном 3 ранга М. Б. Евсеньевым, продолжала контролировать фарватеры и прикрывала постепенную переправу на южный берег личного состава других опорных пунктов. Константиновский равелин важно было удерживать как можно дольше.

Вместе с моряками охраны рейдов равелин защищала группа отошедших сюда бойцов 161-го стрелкового полка 95-й дивизии под началом его командира майора И. П. Дацко. Бои под стенами укрепления шли днем и ночью. Не имея артиллерии, гарнизон равелина останавливал танки гранатами, совершал дерзкие вылазки. Находчивые моряки приспособились уничтожать фашистских солдат, накапливавшихся у стен укрепления, подрывными патронами.

«Мы связывали патроны пачками, - вспоминает Михаил Евгеньевич Евсеньев, - вставляли капсюли и на длинном шнуре, соединенном с индуктором, с заранее подготовленного на крыше места бросали на скопление гитлеровцев вместе с небольшим количеством гранат. Большинство вражеских солдат оказывалось убитыми. Снаряжали патроны пачками и готовили их к сбрасыванию командир отделения Алексей Зинский, краснофлотцы Иван Брянцев и Николай Беляев»{46}. [303]

До 24 июня над Константиновским равелином развевался советский Военно-морской флаг. Выполнив свою боевую задачу,

личный состав и этого опорного пункта по приказу командования переправился на южный берег. Ни катера, ни шлюпки уже не могли выйти в бухту, не попав под губительный огонь. Поэтому переправлялись вплавь, небольшими группами. Легкое волнение на рейде маскировало пловцов, а держаться на воде помогали, особенно раненым, связанные попарно поплавки от противолодочных сетей.

В числе геройски погибших на Константиновском равелине были два политработника: военком ОХР батальонный комиссар Н. С. Баранов и заменивший его на этом посту батальонный комиссар И. П. Кулинич.

После захвата врагом всей остальной территории за Северной бухтой мы еще удерживали Сухарную балку. Боезапас, хранившийся в ее штольнях, был в основном рассредоточен по другим складам. Тут оставались снаряды старых типов и взрывчатые вещества, вывоз которых продолжался. При приближении противника начальник арсенала майор Н. К. Федосеев и военком политрук А. М. Вилор организовали его оборону. В их распоряжение был направлен отряд краснофлотцев с Константиновского равелина.

Штольни обороняли примерно 150 бойцов. Отбиваться от прорывавшихся к балке фашистских танков и автоматчиков становилось все труднее. Настало время решать судьбу флотского арсенала. За этим и пришли на ФКП исполнявший обязанности начальника тыла СОР капитан 2 ранга И. Н. Иванов и военком тыла полковой комиссар Г. И. Рябогин.

Командующий, занятый другими делами, попросил меня оценить обстановку в районе Сухарной балки и принять окончательное решение. Я пришел к выводу, что склады со всем в них остававшимся пора взрывать, эвакуировав людей. Такого же мнения были и руководители тыла.

Решили взрывать штольни в ночь на 26 июня. Обеспечить это должен был заместитель начальника артотдела полковник Е. П. Донец. Между тем гитлеровцы, штурмовавшие Сухарную балку весь день 25-го двумя батальонами и подтянувшие к складам саперов, вечером прорвались в штольню № 1. Овладев ею, они могли быстро захватить все склады. Но этого не произошло. Краснофлотец Александр Чикаренко, заведовавший хранилищем первой штольни, жертвуя собой, по собственной инициативе включил рубильник взрывного устройства. Подпуская врагов поближе, он [304] успел крикнуть в соседнюю вторую штольню: «Братцы, уходите, я им, гадам, сейчас покажу!…»

Взрывом, который произвел Чикаренко, завалило всех проникших в штольню гитлеровцев. Противник приостановил

атаки, и появилась возможность закончить подготовку к уничтожение всего арсенала. Когда установили автоматику на последовательные взрывы штолен через каждые полчаса, защитникам Сухарной балки было приказано плыть через бухту. С группой рабочих, не умевших плавать (надеялись, что за ними придет катер, но сильный обстрел не дал ему пересечь бухту), остались несколько командиров и политработников. Полковник Е. П. Донец, майор Н. К. Федосеев и другие товарищи пали в бою, разгоревшемся у пустых, не подлежащих разрушению штолен, когда туда подошли немецкие танки.

Наравне с бойцами и командирами проявляли огромное мужество и героизм рабочие и служащие флотских предприятий, другие жители города. Вот характерный пример поведения одной севастопольской девушки, относящийся тоже к боям на Северной стороне.

На ФКП позвонила, сумев соединиться со мною, телефонистка, работавшая на коммутаторе одной из флотских частей. Кратко и четко, спокойным голосом она сообщила: на территорию части ворвались немцы (о чем мы в тот момент еще не знали) - она видит их из окна, а из убежища медсанбата, где лежат раненые, ей дали знать, что немцы ломятся и туда. Я спросил, есть ли еще поблизости моряки, и, получив утвердительный ответ, велел передать, чтобы они держались, пока не эвакуируем раненых, а телефонистку попросил оставаться на проводе и докладывать обстановку.

Был послан катер за ранеными и с подмогой защищавшим территорию части бойцам. А телефонистка продолжала сообщать, все так же спокойно и обстоятельно, как отстояли убежище медсанбата, как идет бой во дворе. В трубке слышны были автоматные очереди.

И раненых, и всех, кто оставался с ними, удалось вывезти. Как мне доложили, эвакуирована была и телефонистка, не покидавшая своего поста до конца. Но как сложилась дальше ее судьба, я не знал. Не знал и ее фамилии.

А в октябре 1966 года, когда я приехал в Севастополь в связи с отмечавшимся там 25-летием его обороны, ко мне подошла и назвала себя средних лет женщина Мария Ивановна Максименко. Оказалось, это та самая телефонистка. Радостно было узнать, что она жива, прошла после Севастополя через всю войну, имеет боевые награды. [305]

Нехватка боеприпасов сказывалась все острее. Уже 21 июня Военный совет констатировал: на орудия калибра 122-152 миллиметра осталось по 10-20 снарядов, на 76-миллиметровые по 60-70. Часто получалось так: артиллеристы поддержат стрелковую часть при отражении вражеской атаки, а на то, чтобы помочь пехотинцам отбросить гитлеровцев подальше, снарядов уже нет.

Но подвоз боеприпасов продолжался. Для Севастополя выделялись и свежие войсковые подкрепления. Вслед за 138-й бригадой майора Зелинского (она была в те дни нашим резервом) в войска СОР вливалась 142-я отдельная стрелковая бригада под командованием полковника Ковалева.

23, 24 и 25 июня приходили из Новороссийска с подразделениями этой бригады и грузом снарядов лидер «Ташкент», эсминцы «Безупречный» и «Бдительный». Разгрузившись в Камышевой бухте, они через два-три часа уходили обратно с ранеными, успевая также и поддержать своей артиллерией войска ближайшего к этой бухте первого сектора обороны.

В ночь на 27 июня вновь ожидались два корабля. Первым вышел из Новороссийска «Безупречный». Как и в прошлых рейсах, он шел кратчайшим маршрутом, держась близко к берегам Крыма. Этот эсминец славился сплоченным, закаленным в боях экипажем. Командовал им капитан 3 ранга Петр Максимович Буряк, военкомом был недавно переведенный с Балтики батальонный комиссар Василий Ксенофонтович Усачев, прекрасный организатор и пламенный оратор. За год войны «Безупречный» наплавал 12 тысяч миль, много раз посылался в Одессу и Севастополь, при отражении атак фашистской авиации

сбил несколько самолетов.

Но тот поход стал для него последним. В седьмом часу вечера, недалеко от крымского мыса Ай-Тодор, когда уже не так много миль оставалось до Севастополя, эсминец атаковала большая группа бомбардировщиков. Две бомбы попали в корабль. Он потерял ход и продержался на плаву недолго. Приказав экипажу покинуть корабль, капитан 3 ранга Буряк ушел под воду вместе со своим эсминцем, стоя на мостике. Разделил судьбу корабля и военком батальонный комиссар Усачев. А фашистские летчики, кружа над местом гибели корабля, расстреливали из пулеметов державшихся на воде моряков и солдат.

Эту картину застал здесь шедший вслед за «Безупречным» [306] лидер «Ташкент». Его командир В. Н. Ерошенко потом вспоминал:

«Артиллеристы «Ташкента» уже открыли по стервятникам огонь. Люди с «Безупречного» видят нас. Вот целая группа издали машет взлетающими над водой руками. И машут они так, будто не зовут на помощь, а хотят сказать: «Проходите мимо!»{47}.

Моряки с «Безупречного», спасенные подводными лодками, подтвердили: те, кто держался на воде, уцепившись за разные плавучие обломки, действительно не хотели, чтобы лидер останавливался. Они понимали - застопорив машины, сделавшись неподвижной целью, «Ташкент» только обречет на гибель и себя.

Законы войны суровы. Зная из радиограмм Ерошенко обо всем происходящем, командующий флотом не мог разрешить командиру лидера задержаться в том районе моря. На борту «Ташкента» находилась тысяча бойцов 142-й бригады, он вез сотни тонн драгоценных снарядов, и надо было думать, как уберечь все это. А в Севастополе ждали эвакуации раненые.

«Ташкент» дошел до Камышевой бухты, разгрузился, принял на борт превышавшее все нормы количество пассажиров - около 2300 раненых, женщин, детей - и до рассвета ушел обратно. Но на пути в Новороссийск его ждали самые тяжелые испытания из всех выпадавших этому кораблю.

Едва рассвело, Ерошенко радировал, что лидер обнаружен воздушным разведчиком. А в шестом часу ко мне буквально ворвался крайне возбужденный капитан 3 ранга А. И. Ильичев, ведавший планированием морских перевозок, эвакуацией раненых и жителей города. Я едва узнал этого обычно сдержанного офицера.

- Васю, Васю бомбят, мерзавцы! Они хотят утопить тысячи людей и моего друга Васю! - закричал он прямо с порога.

Мне было известно, что Ильичев дружит с командиром «Ташкента». И что именно он убедил в ту ночь Василия

Николаевича Ерошенко принять на борт лидера, хотя это представлялось почти невозможным, всех раненых и эвакуируемых женщин с детьми, доставленных в Камышевую бухту в расчете на прибытие двух кораблей. Обостренное чувство ответственности за судьбу этих людей, душевная боль за оказавшегося в смертельной опасности старого друга[307] вызвали у переутомленного человека нервный срыв. Он был почти не в состоянии связно изложить полученное сообщение.

Через несколько часов, когда представилась такая возможность, Ильичева отпустили отдохнуть. Раздобыв противотанковое ружье, он устроился в какой-то щели и стал стрелять по низко пролетавшим над городом самолетам. Вечером, уже успокоившись, Ильичев уверял, что один самолет он подбил.

А «Ташкент» более трех часов отбивался от атак бомбардировщиков. Отбомбившиеся самолеты улетали на близко расположенные аэродромы и возвращались с новым запасом бомб. Потом казалось почти чудом, что они, сбросив свыше 360 крупных и средних бомб, не добились ни одного прямого попадания в корабль, - так велики были судоводительское искусство и самообладание командира, уклонявшегося от бомб точнейшим маневрированием.

Но лидер получал повреждения от близких разрывов в воде. Был затоплен ряд внутренних помещений, вышел из строя один из котлов, потом - рулевое управление, одна турбина. Корабль терял скорость и все глубже оседал в воду - фактически медленно тонул. А палуба была забита пассажирами, не поместившимися в кубриках, и непроизвольное движение этой массы людей при падении у борта очередной бомбы могло вызвать критический крен. Словом, от командира и экипажа требовалось невероятное напряжение духовных и физических сил. Могу подтвердить, что Василий Николаевич Ерошенко, живший после войны в Ленинграде, до конца своих дней переживал страшные часы, когда висело на волоске существование корабля с тысячами вверенных командиру жизней.

«Ташкент» дотянул до кавказского берега. Для прикрытия его вылетели навстречу - как только он вошел в досягаемую для них зону - наши истребители. Еще в море, на подходах к Новороссийску, с него приняли большую часть пассажиров корабли, посланные на помощь. Весь личный состав лидера был удостоен боевых наград. А Ерошенко сошел на причал капитаном 2 ранга. За боем «Ташкента» следили по донесениям с флота и в Москве, и нарком ВМФ, отдавая должное доблести и мастерству командира, присвоил ему - приказом, переданным на корабль по радио, - новое воинское звание.

В этом походе «Ташкента» в Севастополь и обратно участвовал известный писатель Евгений Петров. Во время короткой стоянки в Камышевой бухте он стремился попасть [308] к нам на ФКП, но я передал через Ильичева, что не разрешаю этого - риск был слишком велик.

Евгений Петров погиб в авиационной катастрофе, возвращаясь в Москву. В последнем своем произведении - неоконченном очерке «Прорыв блокады» - он писал:

«Лидер «Ташкент» совершил операцию, которая войдет в учебники военно-морского дела как образец дерзкого прорыва блокады. И не только в учебники войдет эта операция. Она навеки войдет в народную память о славных защитниках Севастополя как один из удивительных примеров воинской доблести, величия и красоты человеческого духа…»

Доблесть ташкентцев, их беспредельная самоотверженность, отменная стойкость явились как бы высшим итогом большой, целеустремленной политико-воспитательной работы, которая повседневно велась в экипаже корабля. Командир лидера В. Н. Ерошенко и военком батальонный комиссар Г. А. Коновалов умели действовать слаженно, понимая друг друга с полуслова, и оба были очень близки к личному составу. Экипаж сплачивала сильная, активная партийная организация, возглавляемая политруком В. И. Смирновым.

Своего боевого парторга Ерошенко часто вспоминал и при наших ленинградских встречах, много лет спустя. Хочется привести здесь теплые слова, которые он посвятил ему в своих мемуарах:

«Открытая душа, всегда спокойно-приветливый, скромница, не любитель выдвигаться на первый план. Но все, за что взялся, доведет до конца. Надежный человек - лучше о нем, пожалуй, не скажешь. В любом деле можно на него положиться. И нет на корабле моряка, который бы его не уважал.

Смирнова можно целыми днями не видеть - он и в море, и в базе редко выглядывает на верхнюю палубу, постоянно находя себе дело в «низах»… Но и не видя его, все время чувствуешь его неустанную работу с людьми»{48}.

* * *

Во второй половине июня для доставки в Севастополь снарядов, мин, патронов, медикаментов, консервов, а затем и авиационного бензина использовались все находившиеся в строю подводные лодки. Ими было перевезено с Кавказа около четырех

тысяч тонн различных грузов и вывезено из [309]Севастополя более 1300 человек. Это немного, если сравнивать с тем, что перевозили транспортные суда и надводные боевые корабли. Но настало время, когда они больше уже не могли прорывать вражескую морскую блокаду. И эта задача теперь решалась подводниками.

Особенно опасно было перевозить на подлодках бензин - их цистерны для этого не приспособлены. Тяжелый случай произошел на подводной лодке «М-32» капитан-лейтенанта Н. А. Колтыпина. Выгрузив доставленные снаряды и откачав бензин, но не закончив до рассвета всех работ, она должна была погрузиться и пролежать до наступления темноты на дне бухты. В трюмах лодки скопилось некоторое количество бензина, который начал испаряться и постепенно так насытил парами воздух в отсеках, что люди стали терять сознание. К середине дня его сохраняли двое - командир и главстаршина Н. К. Пустовойтенко. Потом и командир впал в забытье. Судьба лодки, жизнь всех членов экипажа стали зависеть от одного человека. И у старшины Пустовойтенко хватило сил продержаться до того часа, когда наступление темноты позволяло всплыть, что он и обеспечил. После того как был открыт люк, свежий воздух вернул морякам сознание. За спасение корабля и всего экипажа Николай Пустовойтенко был награжден орденом Красного Знамени.

В третьей декаде июня в снабжение Севастополя включилась «авиагруппа особого назначения» - 20 самолетов Ли-2, выделенных Ставкой и прилетевших в Краснодар из Москвы (флот и фронт таких транспортных машин не имели). Группой командовал майор В. М. Коротков.

Садились эти самолеты на Херсонесском аэродроме, обстреливаемом вражеской артиллерией. В первую ночь действий группы прилетело пять машин. Потом доходило до пятнадцати посадок за ночь, и в такие ночи мы получали по воздуху 25-28 тонн боеприпасов и пищевых концентратов, а обратными рейсами самолеты увозили до 330 раненых и других эвакуируемых.

Концентраты делились между войсками и городом. Еще раньше, в связи с тем, что городские склады опустели, Военный совет решил поставить всех севастопольцев на флотское довольствие. Боеприпасы немедленно, в ту же ночь, поступали в войска. Масштабы воздушных перевозок были, конечно, не такими, чтобы значительно повлиять на ход боевых действий, но мужество и мастерство летчиков особой авиагруппы вызывали восхищение. Под жестоким артогнем [310] они приземлялись на маленькой площадке, изрытой воронками, обходясь, как правило, без поломок, и так же искусно взлетали. Это были пилоты

высокого класса.

* * *

Трудно передать, насколько тяжелым становилось положение на севастопольских рубежах. Еще 23 июня Военный совет флота, стараясь не сгущать краски, докладывал в Генеральный штаб, наркому ВМФ и командованию Северо-Кавказского фронта о тех потерях в людях и боевой технике, которые мы имели в те дни. В радиограмме указывалось: «При отсутствии резервов части СОР не в состоянии удерживать прежние рубежи обороны линии фронта 40 километров»{49}.

После этого к нам прибыла стрелковая бригада полковника Ковалева. Но и такие подкрепления теперь не восполняли потерь. Стала необходимой новая нарезка секторов обороны, а также перегруппировка наличных сил. Это позволяло предотвратить назревавшее рассечение врагом нашего фронта, окружение Чапаевской дивизии и других частей на центральном участке. В результате сокращения линии фронта боевые порядки уплотнились. Но противник, расчищая путь своей пехоте сильнейшим артогнем, бомбежками и танковыми атаками, пытался вклиниться в боевые порядки севастопольцев на других направлениях. Он штурмовал наши позиции у Сахарной Головки, рвался в Инкерманскую долину.

По- прежнему основные потери наносила нам авиация. А средств борьбы с нею не прибавлялось. Зенитчикам отпускалось значительно меньше боеприпасов, чем две недели назад, меньше стало и самих зенитных батарей. Нередко массированные удары с воздуха нацеливались специально на них, и прикрывавший Севастополь 61-й (затем 1-й гвардейский) зенитно-артиллерийский полк полковника В. П. Горского и батальонного комиссара С. Л. Шиарберга нес никак не меньше потерь, чем пехота на самых трудных участках переднего края.

Потом стало известно из документов немецкого командования, что гитлеровская ставка требовала от Манштейна скорее высвободить приданный ему авиационный корпус Рихтгофена, предназначавшийся обеспечивать наступление на Украине. А Манштейн доказывал, что не может - даже в конце июня, на исходе третьей недели штурма Севастополя [311] - обойтись без поддержки сотнями бомбардировщиков. И наступление на Украине откладывалось. Стойкость севастопольцев срывала вражеские планы на летнюю кампанию.

День 27 июня прошел в упорной борьбе за высоту Сахарная

Головка, поднимавшуюся над долиной Черной речки примерно в семи километрах от восточной окраины Севастополя. Огонь, обрушенный противником на оборонявшиеся здесь части, был даже по севастопольским меркам просто бешеным. В первой половине дня два полка чапаевцев и 8-я бригада морской пехоты отбили все атаки. Но численный и огневой перевес врага был слишком велик, и к вечеру он овладел высотой, что означало непосредственную угрозу Инкерману.

В тот день интенсивнее, чем когда-либо раньше, обстреливался берег Южной бухты в районе флагманского командного пункта. ФКП стал слишком близок к переднему краю. Через Северную бухту немцы могли бить по подходам к нашей штольне артиллерией любых калибров. Подъехать к командному пункту на машине сделалось невозможным. Относительно безопасным оставался лишь спуск со стороны улицы Ленина, через двор дома, где помещалась раньше редакция «Красного черноморца». Саперы пробили на склоне горы траншею в полный рост, и спускаться или подниматься по ней приходилось - из-за крутизны, - держась за канат, протянутый наподобие корабельного леера. Товарищи, приходившие на ФКП, сетовали, что добираться сюда стало сложнее, чем на иной полковой НП.

Вот так, по крутой траншее, рядом с которой рвались снаряды, пришли генералы И. Е. Петров и П. А. Моргунов, дивизионный комиссар И. Ф. Чухнов, генерал-майор авиации В. В. Ермаченков, контр-адмирал В. Г. Фадеев на заседание Военного совета в ночь на 28 июня. Как обычно, были заслушаны краткие доклады о событиях дня и обсуждена обстановка. Все говорили о нехватке боеприпасов - доставка их составляла в среднем около ста тонн в сутки, а требовалось раз в пять больше. Все отмечали также, что люди по-прежнему держатся геройски, дерутся самоотверженно. (Обидно и горько, что мы не успевали тогда должным образом фиксировать, надлежаще документировать все подвиги, которыми мог бы гордиться наш народ.)

На заседании было решено еще раз проверить сокращенные, казалось, уже до предела хозяйственные службы и взять оттуда всех, кого можно, на передовые позиции. Обсудили также, как ускорить доставку на батареи снарядов, поступающих по воздуху и на подлодках, - имел значение [312] каждый выигранный час. Мы с членом Военного совета Приморской армии И. Ф. Чухновым условились, что группа флотских и армейских политработников немедленно отправится в подразделения третьего сектора, в район Инкермана, где и ночью продолжались тяжелые бои, - надо было ободрить, морально поддержать людей на наиболее трудных в тот момент участках переднего края.

28 июня разгорелись бои за станцию Инкерман. В Троицком туннеле - обычном своем укрытии - был завален при разрывах тяжелых авиабомб бронепоезд «Железняков». Его команда, сняв с поезда пулеметы и минометы, выбралась из туннеля и влилась в части, оборонявшие Корабельную сторону.

А следующей ночью, под утро, гитлеровцы начали форсировать Северную бухту. Наша артиллерия уничтожила часть катеров до подхода к берегу, но сорвать переправу не удавалось. Враг прикрывал ее сильнейшим артиллерийско-минометным огнем и ударами с воздуха. Дым и пыль, поднятые разрывами бомб и снарядов, и дымзавеса, относимая ветром к южному берегу, помогли немцам за него зацепиться. Бой перенесся в Троицкую и Георгиевскую балки, а затем и дальше, на окраины города. На Корабельной стороне вышли на поддержку оборонявшихся здесь войск рабочие боевые дружины.

Настало время выводить из строя СевГРЭС-1 - главную электростанцию города, взрывать оборудование спецкомбината № 1, и командование СОР дало на это санкцию городскому комитету обороны. Мы не проявили поспешности, уничтожая то, что берегли как зеницу ока. А со взрывом турбины СевГРЭС, которая за сутки до того перестала давать ток, даже чуть не опоздали: перед тем как сделали свое дело подрывники, потребовалось истребить фашистских автоматчиков, уже проникших в здание станции.

Через несколько часов после форсирования Северной бухты фашистские танки и пехота, продвигавшиеся с противоположного направления, с юго-востока, прорвались на Сапун-гору. 29 июня на позиции войск и город было сброшено около 10 тысяч авиабомб. Бои на всем фронте от Северной бухты до высот Карагач не стихли с наступлением темноты. Но наши орудия и минометы постепенно умолкали - кончался отпущенный на день боезапас.

Уже не было никакой гарантии от прорыва гитлеровцев в Южную бухту и на ее берега, где они могли попытаться окружить и захватить наш ФКП. На 35-й береговой батарее - в районе Казачьей бухты и мыса Херсонес - был [313] оборудован запасный командный пункт с необходимыми средствами связи, куда мы не собирались переходить без крайней необходимости. Однако теперь промедление с этим могло привести к потере управления остававшимися у нас силами.

Во второй половине дня, после того как мы с командующим обсудили положение, резко ухудшившееся за последние часы, я предложил к ночи перейти на запасный командный пункт. Ф. С. Октябрьский, который нес персональную ответственность за

Севастополь перед Верховным Главнокомандованием и очень тяжело переживал трагическое развитие событий, не мог, конечно, не сознавать, к чему оно ведет. И все же он спросил:

- Ты считаешь, что дело идет к развязке?

- Получается так, Филипп Сергеевич, и мы уже не можем этого изменить, - ответил я.

Октябрьский сел и обхватил руками опущенную голову. Бывают обстоятельства, когда становится вдвойне тяжелее оттого, что о неизбежности чего-то, казалось бы, уже осознанной, впервые заговорят вслух.

Против перехода на запасный КП Филипп Сергеевич не возражал. Мы составили телеграмму в Москву, где излагалось это наше решение. На старом ФКП временно оставлялась небольшая группа работников штаба во главе с капитаном 1 ранга А. Г. Васильевым.

С наступлением темноты (сделать это раньше не дала бы вражеская авиация) на 35-ю батарею отбыл основной состав штаба СОР. После этого и мы с Ф. С, Октябрьским поднялись по траншее наверх. Под уцелевшей аркой разбитого здания редакции «Красного черноморца» ждала эмка. Город был настолько разрушен, что терялось представление о том, где мы находимся. Опытному водителю потребовалось чуть не час, чтобы, объезжая завалы, выбраться через проломы и дворы на дорогу, ведущую к Херсонесу.

В течение ночи на 35-ю батарею перешли со своих КП командование Приморской армии и командование береговой обороны, а затем и городские руководители. Здесь сосредоточилось управление всеми боевыми силами Севастопольского оборонительного района, продолжавшими сражаться на все сокращавшемся плацдарме.

В Казачью и Камышевую бухты подходили из Новороссийска подводные лодки. Херсонесский аэродром принимал прибывавшие из Краснодара самолеты Ли-2. В ночь на 30 июня они доставили еще 25 тонн боеприпасов, которые немедленно пошли в дело. [314]

С рассветом противник возобновил атаки по всему - теперь примерно 15-километровому - фронту от Корабельной стороны до бывшего Георгиевского монастыря близ мыса Феолент. В этой полосе наступали части семи фашистских дивизий. Численное превосходство врага было многократным. К тому времени наши возможности еще более сократились: многие батареи, не имея снарядов, молчали. Израсходовав остатки боезапаса, комендоры становились в ряды стрелковых частей и подразделений.

Но и в этих тяжелейших условиях советские воины дрались

исключительно упорно, их боевой дух по-прежнему был неиссякаемым. Какого накала достигала стойкость защитников Севастополя, свидетельствуют события у Малахова кургана. В течение дня эта возвышенность несколько раз переходила из рук в руки.

Сводный батальон морской пехоты под командованием майора К. С. Сонина некоторое время удерживал курган и после того, как выпустила последний снаряд стоявшая там батарея капитан-лейтенанта А. П. Матюхина - одна из тех, которые были вооружены орудиями с «Червовой Украины».

Продолжали доблестно сражаться малочисленные подразделения 79-й морской бригады, 2-го Переконского полка, Чапаевской дивизии, да и всех остальных частей. На склонах Сапун-горы вели свой последний бой морские пехотинцы бригады Е. И. Жидилова, только что получившего звание генерал-майора. К исходу дня в дивизиях оставалось в среднем по 400-600 бойцов, в бригадах - по 200-300. Кроме стрелкового оружия и гранат войска имели в действии небольшое число минометов и легких орудий.

Еще утром я подписал вместе с Ф. С. Октябрьским составленную им радиограмму наркому ВМФ и командующему Северо-Кавказским фронтом. В радиограмме кратко излагалась обстановка и делался вывод, что мы способны продержаться максимум два-три дня.

Вечером, на начавшемся около 19.30 заседании Военного совета флота с участием командования Приморской армии и других руководителей Севастопольской обороны, вице-адмирал Ф. С. Октябрьский объявил: Ставка приняла решение об оставлении Севастополя, разрешена эвакуация.

Только теперь это слово - «эвакуация» - было впервые произнесено. Об эвакуации в Севастополе не только не говорили, но и не думали о ней, ее не планировали, считали невозможной. [315]

И потому, когда я где-то в двадцатых числах июня стал понимать, что нам, севастопольцам, очевидно, не устоять, это сознавалось и как конец собственной жизни. Я собрал документы, которые должны были понадобиться семье, и имевшиеся у меня деньги, вложил все это в пакет и переправил с оказией в Туапсе секретарю Военного совета с просьбой переслать потом жене. А военфельдшера, направлявшегося в командировку в Военно-морскую медицинскую академию, попросил помочь моей семье, эвакуированной из Москвы в Киров, переехать на Кавказ. Я считал, что в случае моей гибели - а это было вероятным на девяносто процентов - семье лучше быть ближе к флоту.

Сделав все это, выполнив свой долг перед семьей, я был совершенно спокоен. И когда в тот день, еще не на заседании Военного совета, а наедине со мною, командующий заговорил о возможной эвакуации и, в частности, о том, что надо постараться сохранить нужные армии и флоту кадры, меня охватило - поскольку это касалось и меня - двойственное чувство. Конечно, война продолжалась, и воины, особенно командные кадры, прошедшие через огонь Одессы и пекло Севастополя, еще как пригодились бы на других участках фронта. Но применить эти доводы к самому себе оказывалось не просто.

Потом убедился: так воспринимали это и другие - сама мысль о том, что ты можешь или даже должен эвакуироваться из Севастополя, укладывалась в наших головах не сразу.

И вот эвакуация, оставление Севастопольского оборонительного района, для удержания которого было сделано все мыслимое и немыслимое, стала приказом, практической задачей, подлежащей выполнению немедленно, с наступающей ночи{50}. Для эвакуации должны были использоваться прилетавшие из Краснодара самолеты, находившиеся в ближайших бухтах подводные лодки и различные мелкие суда. А затем - все плавсредства, которые смогут прийти с Кавказа.

Территория СОР, еще не захваченная врагом, - это был Гераклийский полуостров, лежащий к югу от севастопольских [316] бухт и заканчивающийся Херсонесским мысом, - относилась к первому сектору обороны. Костяком удерживающих ее сил стали остатки оборонявшейся тут с самого начала 109-й стрелковой дивизии. Командиром этой дивизии и комендантом сектора являлся генерал-майор П. Г. Новиков. По предложению командарма Приморской он и был назначен старшим начальником в Севастополе - руководителем войсковой группы, которая предназначалась прикрывать эвакуацию, то есть оборонять рубеж: хутор Фирсова - хутор Пятницкого - истоки бухты Стрелецкой. Комиссаром группы стал военком 109-й дивизии бригадный комиссар А. Д. Хацкевич, Помощником генерала Новикова по морской части был назначен капитан 3 ранга А. И. Ильичев.

Посадка раненых, бойцов и командиров на тральщики, катера и подводные лодки велась в сложных условиях, под непрерывным огнем противника. К пристани 35-й батареи корабли могли подходить лишь с большим риском. Поэтому перевозка людей с пристани на корабли производилась на шлюпках, часть людей добиралась вплавь.

А на суше тем временем продолжались бои с наступающим врагом. Руководители группы прикрытия самоотверженно

выполняли свою нелегкую миссию. И только после того, как враг разобщил остатки наших частей и централизованно управлять ими стало невозможно, генерал Новиков, будучи тяжело ранен, перешел со своим штабом на один из прорвавшихся к берегу катеров-охотников. Но дойти до Кавказа этому катеру не удалось. Перехваченный невдалеке от Ялты группой торпедных катеров противника, он принял неравный бой, был поврежден и лишился хода. Петр Георгиевич Новиков, еще раз раненный, оказался в руках гитлеровцев и, как стало впоследствии известно, погиб в фашистском концлагере.

Мы храним память о генерал-майоре П. Г. Новикове, верном сыне Советской Родины, как об одном из главных организаторов Севастопольской обороны.

* * *

Переполненный «Дуглас» (Ли-2) - последний транспортный самолет, взлетевший с Херсонесского аэродрома (нетранспортные, боевые улетели еще раньше), - вел старший лейтенант М. С. Скрыльников. Машина, стоявшая до вылета в капонире, прокатилась по земле среди разрывов снарядов и мин, в воздухе круто отвернула от возникшего впереди сплетения огненных трасс и нырнула в протянувшуюся над берегом полосу облаков. [317]

За нами не гнались, не преследовали нас вражеские истребители. Может быть, потому, что самолет улетел со значительным интервалом после остальных. Мы с Ф. С. Октябрьским сидели на откидной скамье в хвосте машины. Рядом - член Военного совета Приморской армии М. Г. Кузнецов, начальник тыла армии А. П. Ермилов. За весь полет никто не проронил ни слова.

Сели на небольшом аэродроме вблизи Краснодара. Когда были выключены моторы, ошеломила царившая здесь тишина. Ни выстрелов, ни разрывов… Оглушенные этой непривычной тишиной, опьяненные свежестью раннего летнего утра, мы в первые минуты едва воспринимали то, что говорили встретившие нас товарищи.

Но расслабляться было не время. Нас ждали на КП фронта - предстоял доклад маршалу С. М. Буденному и адмиралу И. С. Исакову. А затем надо было поскорее в Новороссийск, откуда посылались к Севастополю катера-охотники, тральщики, подлодки и другие корабли, имевшие шансы прорваться к тем участкам крымского берега, где ждали эвакуации продолжавшие

сражаться группы севастопольцев.

3 и 4 июля в Новороссийск прибыли подводные лодки «Л-23» и «Щ-209» под командованием капитана 3 ранга Н, Ф. Фартушного и капитана 3 ранга В. И. Иванова, на которых находились Военным совет Приморской армии, командиры ряда соединений и частей, руководители партийных и советских органов Севастополя - всего почти двести человек помимо экипажей.

Переход лодок к кавказским берегам был трудным. Их преследовали и бомбили вражеские катера, долго не давая всплыть и проветрить отсеки, где люди задыхались от недостатка кислорода. Особенно в тяжелых обстоятельствах оказалась «Щ-209», на которой шли командарм Приморской И. Е. Петров, член Военного совета армии И. Ф. Чухнов, начальник штаба Н. И. Крылов, еще не вполне оправившийся после ранения, а также комендант береговой обороны П. А. Моргунов. С этой лодкой не было связи трое суток, и в штабе флота беспокоились за ее судьбу. Помню, Петр Алексеевич Моргунов, сойдя на причал, сказал, что чувствует себя родившимся вторично. Наверное, то же самое испытывали и остальные.

Малые корабли и катера со спасенными защитниками Севастополя приходили в различные порты Кавказа еще в течение нескольких дней. Но не все корабли, посланные за ними, смогли прорваться через вражескую блокаду. Борьба [318] на самых последних севастопольских рубежах, на которых насмерть стояли герои, отрезанные уже и от моря, шла до 9 июля. Есть сведения о том, что отдельные очаги сопротивления сохранялись и дольше. Некоторой части севастопольцев удалось прорваться в Крымские горы и соединиться с партизанами.

* * *

В те дни было опубликовано специальное сообщение Совинформбюро «250 дней героической обороны Севастополя», В нем отдавалось должное защитникам черноморской твердыни, подводился итог тому, что сделали они для победы над врагом, восемь месяцев сковывая и уничтожая его силы.

«…Оборона Севастополя, - говорилось в сообщении, - войдет в историю Отечественной войны Советского Союза как одна из самых ярких ее страниц. Севастопольцы обогатили славные боевые традиции народов СССР. Беззаветное мужество, ярость в борьбе с врагом и самоотверженность защитников Севастополя вдохновляют советских патриотов на дальнейшие героические

подвиги в борьбе против ненавистных оккупантов»{51}.

Общие потери гитлеровцев в борьбе за Севастополь составили до 300 тысяч человек убитыми и ранеными.

Задержанный под Севастополем, враг проигрывал во времени и не мог уже достигнуть тем летом того, на что замахнулся. Но он был еще очень силен. Гитлеровцы угрожали глубинным районам нашей Родины, рвались к Волге. На юге надвигалась битва за Кавказ, означавшая новые суровые испытания также и для флота.

Черноморцы встречали их, имея за плечами бои за Одессу и Севастополь, явившиеся великой школой мужества, обогатившие флот огромным боевым опытом, в том числе многогранным, поистине неоценимым опытом теснейшего взаимодействия с сухопутными войсками. Одессу и Севастополь пришлось временно оставить, но под стенами этих черноморских городов еще более окрепла наша уверенность в конечной победе.

Каким ни тяжелым было лето сорок второго года, уже неотвратимо назревал коренной передом в ходе войны. Исторически обусловленный превосходством нашего передового государственного и общественного строя, он подготавливался титаническими усилиями нашей партии и всего советского народа, поднявшегося на защиту социалистического [319] Отечества. Осенью разгорелась грандиозная Сталинградская битва, и ее победоносный исход возвестил всем, что пришло время широким фронтом очищать от захватчиков советскую землю.

Памятными вехами совместных наступательных действий армии и флота стали на южном фланге фронта Малая земля, знаменитый Новороссийский десант в сентябре сорок третьего, овладение Таманским полуостровом, огненный Эльтигенский плацдарм на востоке Крыма… В марте сорок четвертого мы вернулись в Николаев, в апреле - в героическую Одессу. 9 мая, ровно за год до полной победы над гитлеровской Германией, советский флаг взвился над освобожденным Севастополем. Фашисты отчаянно пытались его удержать, но смогли устоять считанные дни на тех рубежах, где мы сковывали армию Манштейна восемь месяцев.

В августе 1944 года советские моряки высадились в Констанце, Варне, Бургасе. Последние уцелевшие к тому времени корабли врага стали нашими трофеями. Боевые действия на Черном море закончились. А Дунайская военная флотилия - больше уже не входившая в состав Черноморского флота, но им возрожденная и снаряженная - продвигалась все дальше в глубь Европы, поддерживая сухопутные войска, освобождавшие от фашистского ига Югославию, Венгрию, Чехословакию, Австрию…

Обо всем этом можно прочесть в других книгах. В моих записках рассказано о том, что выпало Черноморскому флоту, что было доверено ему и сделано им в первый год войны. Он был безмерно тяжким, принес нашему народу ни с чем не сравнимые страдания и жертвы. И все же памятен он не только тем, что под бешеным вражеским натиском нам приходилось отступать. Уже тот первый год показал всему миру: победить Страну Советов нельзя, невозможно. В борьбе за правое дело наши силы не убывали, а росли. Вместе с мощью материальной нарастал моральный потенциал нашей грядущей победы. Героями, достойными легенд, становились не только отдельные люди, но и полки, корабли, целые города.

Тем и бессмертен подвиг Одессы и Севастополя, что в годину грозных испытаний они вместе с другими городами-героями стали для всего народа символом нашей непобедимости. И вот уже десятки лет, в самые знаменательные для нас дни, вновь и вновь славят их торжественные залпы праздничных салютов.

Примечания

{1} В дальнейшем кораблестроительная программа претерпела изменения. В 1939 г. Комитет обороны при СНК СССР вынес решение о резком сокращении числа строящихся линкоров и тяжелых крейсеров, а с начала июля 1941 г. их строительство было прекращено. Основные усилия были перенесены на строительство легких сил флота. За 1939-1940 гг. мощность судостроения увеличилась в 3 раза. В течение 1938-1940 гг. промышленность передала Военно-Морскому Флоту 265 новых боевых кораблей различных классов (см.: История КПСС. М., 1970, т. 5, кн. 1, с. 126; История второй мировой войны 1939-1945. М» 1974, т. 3, с. 386). - *Прим. ред.*

{2} ЦВМА, ф. 1087, оп. 17405.

{3} *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1974, т. 1, с. 266.

{4} *Гальдер Ф.* Военный дневник: Пер. с нем. М., 1971, т. 3, кн. 1, с. 44.

{5} Цит. по: Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. М… 1974, с. 328.

{6} *Корзунов И.* На боевом курсе. М., 1945, с. 13-14.

{7} На этот счет в воспоминаниях Маршала Советского Союза Н. И. Крылова (тогда еще полковника, начальника штаба Дунайского укрепрайона, а затем Приморской армии) сказано, что бойцы, переправленные моряками через Дунай, «словно напомнили агрессору от имени всей Красной Армии: рано или

поздно мы придем туда, откуда на нас напали, и кончать войну будем там!» (Цит. по: *Крылов Н. И.* Не померкнет никогда. М., 1969, с. 18). - *Прим. ред.*

{8} ЦВМА, ф. 172, д. 746, л. 74-75.

{9} ЦВМА, ф. 10, д. 242, л. 77.

{10} *Ерошенко В. Н.* Лидер «Ташкент». М., 1966, с. 90.

{11} *Батов П. И.* В походах и боях. М., 1966, с. 66.

{12} Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Документы и материалы отдела Великой Отечественной войны. Инв. № 9480, л. 377.

{13} Правда, 1941, 19 окт.

{14} *Кузнецов Н. Г.* Курсом к Победе. М., 1975, с. 130.

{15} *Манштейн Э.* Утерянные победы. М., 1957, с. 209.

{16} ЦАМО, ф. 407, оп. 9852, д. 1, л. 228-229.

{17} *Манштейн Э.* Утерянные победы, с. 210.

{18} Объединенное заседание ученых советов музеев Севастополя 26 октября 1966 г.: Стенограмма. Т. 1, с. 33-34.

{19} *Гальдер Ф.* Военный дневник, т. 3, кн. 2, с. 76, 105.

{20} Отд. ЦВМА, ф. 72, д. 829, л. 80.

{21} Отд. ЦВМА, ф. 72, д. 837, л. 12.

{22} В это число включены и те раненые, которые не подлежали эвакуации на Большую землю, а направлялись в севастопольские госпитали и могли относительно быстро вернуться в строй. - *Прим. авт.*

{23} Отд. ЦВМА, ф. 72, д. 800, л. 50.

{24} Отд. ЦВМА, ф. 72, д. 801, л. 20.

{25} Отд. ЦВМА, ф. 72, д. 801, л. 67.

{26} Отд. ЦВМА, ф. 72, д. 839, л. 71.

{27} Отд. ЦВМА, ф. 72, д. 840, л. 42.

{28} *Манштейн Э.* Утерянные победы, с. 217.

{29} Отд. ЦВМА, ф. 702, д. 802, л. 113.

{30} Красный черноморец, 1942, 8 янв.

{31} За смелые действия при высадке и поддержке десанта крейсер «Красный Кавказ» был одним из первых кораблей советского Военно-Морского Флота, удостоенных в апреле 1942 года гвардейского звания. - *Прим. авт.*

{32} *Крылов Н. И.* Огненный бастион. М., 1973, с. 235.

{33} *Манштейн Э.* Утерянные победы, с. 225.

{34} У черноморских твердынь: Отдельная Приморская армия в обороне Одессы и Севастополя. М., 1967, с. 233.

{35} Правда, 1942, 15 июня.

{36} См.: История второй мировой войны 1939-1945. М., 1975, т. 5, с. 124.

{37} См.: История второй мировой войны 1939-1945, т. 5, с.

133-134.

{38} Отд. ЦВМА, ф. 72, д. 1209, л. 57.

{39} Красный черноморец, 1942, 1 июня.

{40} *Манштейн Э.* Утерянные победы, с. 241.

{41} Отд. ЦВМА, ф, 72, д. 1210, л. 60.

{42} Отд. ЦВМА. ф. 10, д. 20, л. 279.

{43} *Манштейн Э.* Утерянные победы, с. 247.

{44} Отд. ЦВМА, ф. 72, д. 1235, л. 21.

{45} Отд. ЦВМА, ф. 72, д, 1235, л. 29.

{46} Воспоминания М. Е. Евсевьева хранятся в фондах Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя… - *Прим. ред.*

{47} *Ерошенко В. Н.* Лидер «Ташкент», с. 183.

{48} *Ерошенко В. Н.* Лидер «Ташкент», с. 81-82.

{49} Отд. ЦВМА, ф. 72, д. 1235, л. 49.

{50} Поздно вечером 30 июня командующим Северо-Кавказским фронтом маршалом С. М. Буденным была дана директива, в которой, в частности, говорилось: «1. По приказанию Ставки Октябрьскому, Кулакову срочно отбыть в Новороссийск для организации вывоза из Севастополя раненых, войск, ценностей». Цит. по: Моргунов П. А. Героический Севастополь. М., 1979, с. 451. - *Прим. ред.*

{51} Правда, 1942, 4 июля.

Иллюстрации:

Н. Г. Кузнецов

И. В. Рогов

На линкоре «Марат», 1939 год

И. С. Исаков

Ф. С. Октябрьский

При защите Одессы и Севастополя много раз отличался экипаж крейсера «Красный Кавказ», ставший затем гвардейским. На ходовом мостике - командир корабля А. М. Гущин (слева) и военком Г. И. Щербак

Г. И. Левченко (фото послевоенных лет)

И. Е. Петров

На НП командира 79-й морской стрелковой бригады. Слева направо: Н. В. Богданов, А. С. Потапов, И. А. Слесарев

И. Д. Елисеев

С. Г. Горшков

Остановить врага!

Г. В. Жуков

А. Б. Тухов

Партийное собрание на 10-й береговой батарее

Идет подкрепление защитникам Севастополя

На заседании Военного совета флота. Слева направо: Н. М. Кулаков, И. Е. Петров, П. А. Моргунов, Ф. С. Октябрьский, Н. А. Остряков

Б. А. Борисов

В. Л. Вильшанский (фото послевоенных лет)

Поступило важное донесение… Слева направо: П. А. Моргунов, И. Ф. Чухнов, И. Е. Петров, М. Г. Кузнецов

В. И. Семин

В. Н. Ерошенко

На матросском митинге. Выступает вице-адмирал Ф. С. Октябрьский

Л. Н. Ефименко

Н. Д, Фильченков

Лидер «Харьков» ведет огонь из Южной бухты

А. В. Калюжный

С. С. Раенко

С левого фланга на правый: бойцы пограничного полка майора Г. А. Рубцова пишут письмо защитникам Рыбачьего

Нина Онилова

Н. К. Пустовойтенко

Огневая поддержка с моря

Ю. К. Зиновьев

А. Г. Васильев

Высадка разведчиков в тылу врага

Артиллеристы 30-й береговой батареи. В первом ряду второй слева - командир батареи Г. А. Александер

В. Ф. Воробьев и Я. Г. Мельников

На НП командира 8-й бригады. П. Ф. Горпищенко (справа) и П. И. Силантьев

Бронепоезд «Железняков» выходит на боевую позицию

Командующий Черноморским флотом Ф. С. Октябрьский вручает боевые награды морякам и летчикам

Летчики севастопольской авиагруппы. Слева направо: Герои Советского Союза М. В. Авдеев, К. С. Алексеев, М. И. Гриб

Лидер «Ташкент» прорывается в осажденный Севастополь

П. Г. Новиков

А. К. Чикаренко

В ноябре 1966 года в Севастополь съехались ветераны, чтобы отметить 25-летие начала его обороны. Справа - бывший командир 7-й бригады морской пехоты Е. И. Жидилов, второй слева - бывший начальник политотдела бригады А. М. Ищенко

Севастополь сегодня